

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**Карл Маркс и освободительная борьба
китайского народа**

Самая неотложная проблема Азии

**Политика Индии — важный фактор
борьбы за мир и безопасность**

**«Тихоокеанское сообщество»:
экономическая интеграция или
военно-политический блок?**

**Эскалация агрессивности США
в Восточной Азии**

**Роль Коминтерна в разработке политики
КПК в рабочем движении**

2

1983

СОДЕРЖАНИЕ

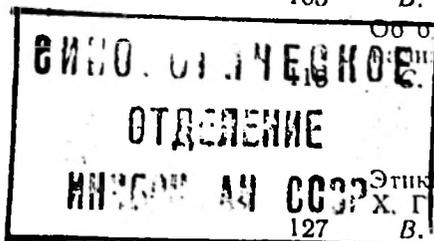
- 3 Обращение ко всем ученым мира
Идеи Карла Маркса об освободительной борьбе китайского народа и их развитие в трудах В. И. Ленина
5 *Н. Г. Сенин*

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- 20 Самая неотложная проблема Азии
Мангалын Дугэрсурэн (МНР)
Политика Индии — важный фактор борьбы за мир и безопасность в Азии
29 *В. Н. Георгиев*
Шестая пятилетка КНР: проблемы и перспективы
43 *А. П. Морозов,
И. Н. Наумов*
Проблемы народонаселения и занятости в КНР
52 *Е. А. Коновалов,
Е. Ф. Селиванова*
«Тихоокеанское сообщество»: экономическая интеграция или военно-политический блок?
64 *Ю. С. Столяров,
А. А. Шмырев*
Эскалация агрессивности США в Восточной Азии
77 *В. И. Петухов,
Г. И. Рагулин*
Внешняя политика СССР в кривом зеркале японской советологии
90 *К. Е. Черевко*

ИДЕОЛОГИЯ

- 103 Ли Да и распространение марксистских идей в Китае
В. Г. Буров
Об одной разновидности китайского буржуазного национализма
Р. Белоусов
КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ СИНОЛОГИИ
Этно-политические взгляды Конфуция и их оценка
127 *Х. Г. Крилом,
В. Ф. Феоктистов*

ИСТОРИЯ

- 137 Роль Коминтерна в разработке политики КПК в рабочем движении
Т. Н. Акатова

КУЛЬТУРА

- 151 Конституция и национальный язык в Китае
М. В. Софронов
- 163 Русская литература в Сингапуре и Малайзии
Д. Н. Воскресенский

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 174 Движение за дружбу — важный фактор советско-японских отношений
*И. И. Коваленко,
Ю. И. Смирнов*
- 183 Об XI съезде КСМК
*Т. И. Илларионова,
В. Н. Усов*
- 186 Культура чжурчженей по археологическим источникам
*В. В. Евсюков,
С. А. Комиссаров*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 190 Внешняя экспансия капитала
М. С. Капица
- 195 Социально-экономические проблемы строительства социализма во Вьетнаме
К. М. Лигай
- 198 Внутриполитические корни китайской политики США
*В. С. Мясников,
Д. Т. Капустин*
- 200 АСЕАН: политика и экономика
А. Б. Хохлов
- 203 Опасная тенденция в политике Японии
В. Н. Бунин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 205 О создании Ассоциации советских китайцеведов
- 206 XIV конференция молодых ученых ИДВ АН СССР

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ, (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора),
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО,
В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
И. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН.

© «Проблемы
Дальнего Востока», 1983

ОБРАЩЕНИЕ

КО ВСЕМ УЧЕНЫМ МИРА

Мы обращаемся с этим письмом ко всем людям доброй воли и прежде всего к ученым, поскольку никогда еще так остро не стояла задача сохранения жизни и мира на земле. Все, кто ясно представляет себе реальности нашего времени, понимают, что означает безостановочное накопление смертоносного оружия и создание все новых, все более чудовищных средств массового уничтожения людей. Обеспечение безопасности народов лежит лишь на пути ядерного разоружения посредством серии целенаправленных соглашений, основанных на само собою разумеющемся принципе равенства и одинаковой безопасности.

Однако в своей речи 23 марта 1983 г. президент США предложил американскому народу другой выбор — создание нового гигантского комплекса противоракетного оружия, якобы сугубо оборонительного назначения, размещаемого на земле и в космическом пространстве и обеспечивающего-де полную безопасность для Соединенных Штатов в случае глобального ядерного конфликта.

Основываясь на знаниях, которыми мы, как ученые, располагаем, и исходя из понимания самой природы ядерного оружия, мы со всей ответственностью заявляем, что в ядерной войне эффективных оборонительных средств нет и создание их практически невозможно.

Это наше мнение полностью согласуется с авторитетным и ответственным заявлением президентов и представителей 36 академий наук различных стран мира, подписанным, в частности, представителями Национальной академии наук США, Королевского общества Великобритании, Академии наук Франции, Академии наук СССР.

В реальности попытка создания так называемого «оборонительного оружия» против стратегических ядерных сил другой стороны, о чем заявляет президент США, неизбежно выльется в появление еще одного элемента, усиливающего американский потенциал «первого удара». Не случайно практические действия администрации США сосредоточены сейчас на форсированном развитии именно этого потенциала. Такое «оборонительное оружие» почти ничего не может дать стране, подвергшейся внезапному массированному нападению, поскольку оно явно неспособно защитить подавляющее большинство населения. Использование противоракетного оружия больше всего подходит именно для нападающей стороны, стремящейся уменьшить мощность ответного удара. Однако полностью предотвратить этот ответный удар оно тоже не может.

Таким образом, инициатива президента США, обещающего создать новое противоракетное оружие, ориентирована на явную дестабилизацию существующего стратегического баланса. Своим заявлением президент создает опаснейшую иллюзию, которая может обернуться еще более угрожающим витком гонки вооружений. Мы твердо убеждены, что этот акт приведет к резкому ослаблению международной безопасности, в том числе безопасности и самих Соединенных Штатов. Администрация США

демонстрирует крайнюю безответственность в вопросе самого существования человечества.

Сегодня, когда на чаше весов истории лежит будущее наше и наших потомков, каждый ученый, руководствуясь своими знаниями и своей совестью, должен честно и четко заявить, куда должен идти мир — в направлении создания новых типов стратегического оружия, увеличивающих опасность взаимоуничтожающего конфликта, или по пути ограничения гонки вооружений и последующего разоружения. Это исторический нравственный долг ученых перед человечеством.

Мы со своей стороны на основе строго научного анализа всех аспектов этой проблемы твердо убеждены, что ядерное разоружение является единственным путем, на котором государства и народы могут обрести подлинную безопасность.

Авдуевский В. С., Аганбегян А. Г., Агеев Н. В., Агошков М. И., Александров А. Д., Александров А. П., Алимарин И. П., Алферов Ж. И., Антонов О. К., Амбарцумян В. А., Арбатов Г. А., Арбузов Б. А., Афанасьев В. Г., Багдасарьян Х. С., Баев А. А., Балдин А. М., Бармин В. П., Басов Н. Г., Белов А. Ф., Белоцерковский О. М., Беляев Д. К., Беляев С. Т., Беляков Р. А., Бехтерева Н. П., Блохин Н. Н., Боголюбов Н. Н., Богомолов О. Т., Боресков Г. К., Борнсевиц Н. А., Боровик-Романов А. С., Бочвар А. А., Браунштейн А. Е., Бреховских Л. М., Бромлей Ю. В., Бруевич Н. Г., Бункин Б. В., Бюшгенс Г. С., Вайнштейн Б. К., Ватолин Н. А., Велихов Е. П., Владимиров В. С., Вонсовский С. В., Воронов А. А., Вул Б. М., Газенко О. Г., Гапонов-Грехов А. В., Гвишиани Д. М., Гиляров М. С., Гинзбург В. Л., Глебов И. А., Глушко В. П., Гольдманский В. И., Грушин П. Д., Девятков Н. Д., Девярых Г. Г., Долгоплоск Б. А., Доллежалъ Н. А., Дородницын А. А., Дружинин Н. М., Дубинин М. М., Дубинин Н. П., Егоров А. Г., Ениколопов Н. С., Ефимов А. Н., Жаворонков Н. М., Жуков Б. П., Журков С. Н., Заславская Т. И., Зацепин Г. Т., Зельдович Я. Б., Зуев В. Е., Иванов А. В., Ильичев Л. Ф., Имшенецкий А. А., Исанин Н. Н., Ишлинский А. Ю., Кабачник М. И., Кадомцев Б. Б., Канторович Л. В., Капица П. Л., Кедров Б. М., Келдыш Л. В., Кикоин И. К., Ким М. П., Кириллин В. А., Кишкин С. Т., Кнунянц И. Л., Кобзаренко Ю. Б., Ковалев С. Н., Колмогоров А. Н., Колосов М. Н., Колотыркин Я. М., Кононов А. Н., Константинов Ф. В., Коптюг В. А., Коржинский Д. С., Коршак В. В., Костюк П. Г., Косыгин Ю. А., Котельников В. А., Кочетков Н. К., Кочина П. Я., Красовский Н. Н., Красновский А. А., Крепс Е. М., Кузнецов В. А., Кузнецов В. И., Кузнецов Н. Д., Кунаев А. М., Курдюмов Г. В., Кутателадзе С. С., Лавренко Е. М., Лаврентьев М. М., Ласкорин Б. Н., Легасов В. А., Леонов Л. М., Ливанов М. Н., Линник В. П., Лифшиц Е. М., Лихачев Д. С., Логунов А. А., Льюлька А. М., Магницкий В. А., Макеев В. П., Марков М. А., Марчук Г. И., Мелентьев Л. А., Мельников В. А., Мельников П. И., Меннер В. В., Мигдал А. Б., Миклулин А. А., Милековский А. Г., Миначев Х. М., Минц И. И., Митин М. Б., Михайлов А. А., Мишин В. П., Мишустин Е. Н., Молин Ю. Н., Надирадзе А. Д., Нарочницкий А. Л., Неглин Е. А., Некрасов Н. Н., Нестерихин Ю. Е., Нечкина М. В., Николаев Г. А., Никольский Б. П., Никольский С. М., Новиков С. П., Новожилов В. В., Новоселова А. В., Образцов И. Ф., Обухов А. М., Овчинников Ю. А., Ойзерман Т. И., Осипьян Ю. А., Патон Б. Е., Пейве А. В., Петров Г. И., Петровский Б. В., Петрянов-Соколов И. В., Пиотровский Б. Б., Погорелов А. В., Пономарев Б. М., Понтекорво Б. М., Понтрягин Л. С., Попков В. И., Примаков Е. М., Прохоров А. М., Прохоров Ю. В., Пугачев В. С., Работнов Ю. Н., Разуваев Г. А., Ремесло В. Н., Реутов О. А., Ржевский В. В., Румянцев А. М., Рыбаков Б. А., Рыкалин Н. Н., Сагдеев Р. З., Садовский В. Д., Садовский М. А., Садыков А. С., Самарский А. А., Самсонов А. М., Свищев Г. П., Северин С. Е., Северный А. Б., Седов Л. И., Семенихин В. С., Семенов Н. Н., Сергеев Е. М., Скобельцын Д. В., Скрипский А. Н., Скрябин Г. К., Смирнов В. И., Соболев В. В., Соболев С. Л., Соколов Б. С., Соколов В. Е., Спицын В. И., Степанов Г. В., Струминский В. В., Стырикович М. А., Танаинов И. В., Татаринов Л. П., Таусон Л. В., Тахтаджян А. Л., Тихвинский С. Л., Тихонов А. Н., Трапезников В. А., Трешников А. Ф., Трофимук А. А., Тучкевич В. М., Фадеев Л. Д., Федоренко Н. П., Федосеев П. Н., Флеров Г. Н., Фокин А. В., Франк И. М., Харитон Ю. Б., Хачатуров Т. С., Храпченко М. Б., Христианович С. А., Целиков А. И., Чазов Е. И., Чайлахян М. Х., Челомей В. Н., Черенков П. А., Черный Г. Г., Черский Н. В., Чухров Ф. В., Шальников А. И., Шейндлин А. Е., Шило Н. А., Шпак В. С., Шульц М. М., Щукин А. Н., Эмануэль Н. М., Энгельгардт В. А., Яковлев А. С., Яненко Н. Н., Яншин А. Л.

Идеи Карла Маркса об освободительной борьбе китайского народа и их развитие в трудах В. И. Ленина

*Н. Г. Сенин,
доктор философских наук*

В 1983 г. все прогрессивное человечество отмечает 165-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти Карла Маркса. За последние столетия положение в мире коренным образом изменилось. Но одно несомненно — изменения в мире протекали в соответствии с основными линиями, намеченными в гениальном учении Маркса. Учение Маркса формировалось в период, когда мировой капитализм развивался еще по восходящей линии. Ближайший соратник Маркса — Фридрих Энгельс — умер на пороге нового этапа развития капитализма, этапа превращения его в империализм.

На новом этапе учение Маркса продолжил и развил В. И. Ленин. Учение Ленина — ленинизм — это «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, крушения колониальной системы, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму»¹.

Хотя высказывания Маркса и Энгельса удалены от нас на многие десятилетия, классические труды основоположников научного коммунизма, их оценки современных им событий, их прогнозы относительно дальнейшего мирового развития, не говоря уже о их научной методологии, не утратили своей силы по сей день. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» (Ленин).

В своей почти полувековой многогранной деятельности Маркс и Энгельс много внимания уделяли проблемам Востока, в частности положению в Китае. Ими написано немало специальных статей по Китаю, в которых они непосредственно откликались на важнейшие события, происходившие в стране в 40—60 годах. Отдельные указания и замечания о Китае содержатся в важнейших трудах Маркса и Энгельса: «Капитале», «Теории прибавочной стоимости», «Анти-Дюринге», «К критике политической экономии» и др. Немало ценнейших высказываний о Китае содержится в переписке Маркса и Энгельса между собой и со многими деятелями различных стран.

Круг вопросов, поставленных Марксом и Энгельсом в связи с Китаем, чрезвычайно широк и разнообразен. Но все они группируются вокруг общей оси — освободительной борьбы китайского народа.

1

С первой так называемой «опиумной» войны 1840 г., развязанной Англией против Китая, и первого неравноправного договора колониального характера, навязанного Англией Китаю в связи с поражением последнего в войне, началось «открытие» Китая для Европы, то есть его колониальное закабаление капиталистическими странами Запада.

¹ Ю. В. Андропов. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — «Коммунист», № 3, 1983, с. 11.

Маркс и Энгельс, внимательно следившие за развитием капитализма в Англии, к середине XIX в. ставшей наиболее промышленно развитой и самой крупной в мире колониальной державой, дали глубокий анализ экономических причин проникновения иностранного капитала в Китай и его влияния на изменение традиционных устоев Китая. Вместе с тем они показали, что проникновение иностранного капитала, ускорившего разложение феодальных основ китайского общества со всеми его последствиями, не создавало условий и необходимого простора для капиталистического развития страны. Более того, в безудержной погоне за прибылью иностранные и особенно английские торговцы ставили всяческие препятствия на пути свободного развития большой страны. Контрабандная торговля опиумом, из-за которой возникла первая «опиумная» война, не только не прекратилась Англией, а с установлением колониального режима в главных портовых городах Китая приобрела еще больший размах, истощая китайскую казну, разоряя и разлагая население.

Указывая на препятствия свободному развитию китайской экономики по пути капитализма, Маркс отмечал: «В рамках нынешнего экономического строя китайского общества, основным стержнем которого являются мельчайшее сельское хозяйство и кустарная промышленность, не может быть и речи о сколько-нибудь значительном импорте иностранной продукции. Все же Китай мог бы постепенно поглотить большее против нынешнего количества английских и американских товаров... но лишь при условии уничтожения торговли опиумом»². А так как опиум был главным предметом торговли и наживы англичан в Китае и его пиратский ввоз из года в год возрастал, то бедственное положение китайского населения усугублялось. Английское правительство это не волновало и вполне устраивало. Более того, оно искало повод, чтобы еще более укрепить свои колониальные позиции в Китае. «Я ясно вижу, — инструктировал своего уполномоченного по китайским делам в 1850 г. воинственный министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон, — что быстро приближается время, когда мы должны будем нанести Китаю еще один удар, и что этим ударом должен стать захват позиций на Янцзыцзяне с тем, чтобы перерезать сообщение по Великому каналу. Однако было бы нежелательно давать китайцам какой-либо намек, что таковыми будут наши действия... Они должны не только увидеть палку, но и по-настоящему почувствовать ее на своей спине до того, как они склонятся перед тем единственным аргументом, который убедит их, — аргументом палки»³.

Чтобы пустить в ход «аргумент палки», то есть британскую дубинку колониального господства, лорд Пальмерстон, ставший премьер-министром, и его правительство спровоцировали инцидент в районе Гуанчжоу (Кантон), клеветнически обвинив гуандунские власти в ряде «преступлений», в том числе якобы в нарушении ими договорных обязательств и оскорблении английского флага. Вслед за этим последовала жесточайшая бомбардировка Гуанчжоу и беспощадная расправа над его населением. Сфабрикованные обвинения понадобились интервентам, чтобы начать новую войну против Китая, получившую название второй «опиумной» войны.

Маркс и Энгельс гневно осудили эту «в высшей степени несправедливую войну». Говоря с крайним возмущением как о фальшивом предлоге, так и о варварских методах ведения этой «пиратской войны», Маркс в статье «Английские жестокости в Китае», опубликованной 10 апреля 1857 г. американской газетой «Нью-Йорк дэйли трибюн», корреспондентом которой он был, как и Энгельс, писал: «Ни в чем не повинные горо-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 583.

³ «Новая история Китая». М., 1972, с. 124.

жане и мирные торговцы Кантона перебиты, их жилища разрушены до основания бомбардировкой, законы человечности попораны, и все это под нелепым предлогом, будто «жизнь и собственность англичан находятся в опасности вследствие агрессивных действий китайцев!». «Британское правительство и британский народ, — добавлял Маркс, — по крайней мере, те лица, которые захотели разобраться в этом вопросе, — знают, как фальшивы и ложны эти обвинения»⁴.

Английские «цивилизаторы» изображали свое поведение и свои действия в странах Азии как подвижничество, как великодушный акт распространения среди восточных «варваров» передовой европейской культуры, хотя к носителям передовой культуры их никак нельзя относить. Срывая маску с этих самозванных культуртрегеров, Маркс и Энгельс показывали перед всем миром отвратительное лицо колониализма и его проводников и отмечали героизм борцов против него.

Энгельс в статье «Новая экспедиция англичан в Китай» (1857) подчеркивал, что развязанная Англией новая война в Китае сопровождалась «ужасающими зверствами», что она «с начала до конца велась англичанами в духе лютой жестокости, полностью соответствующей духу контрабандистской алчности, из-за которой она и была начата», но, несмотря ни на какие жестокости, ни на какие устрашения, у китайских защитников-патриотов, как бы они «несовершенны ни были в военном искусстве», в сопротивлении захватчикам «не было недостатка в храбрости и отваге»⁵.

Развивая свои взгляды о характере войны, которую вели китайцы против английских и вскоре присоединившихся к ним французских и американских колонизаторов, Энгельс разоблачал аргументы буржуазной пропаганды Запада, будто их жестокости в Китае являются лишь ответом на «подлости», «варварство», «жестокости» и т. п. самих китайцев. В статье «Персия и Китай» (1857), написанной с одобрения и в полном согласии с Марксом, Энгельс, кроме того, поставил ряд очень важных теоретических и практических вопросов освободительной войны.

«...Вместо того чтобы морализировать по поводу ужасных жестокостей китайцев, как это делает рыцарственная английская пресса, — говорил Энгельс, — было бы лучше признать, что это — война *pro aris et focis* (за алтари и очаги. — Ред.), народная война за сохранение китайской национальности, война со всеми ее, если хотите, несовершенными пред-рассудками, глупостью, ученым невежеством и педантичным варварством, но все же народная война. А в народной войне средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярной войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достигла эта восставшая нация»⁶.

Оценка характера войны с китайской стороны как войны национальной, войны народной, войны справедливой, в которой в целях защиты своей территории, своих домов, своей жизни нация вправе прибегать к тем методам, которые соответствуют уровню достигнутой ей культуры, имеет важное значение для марксистской теории национально-освободительных войн.

Маркс и Энгельс верили в конечную победу китайского народа. «...Пройдет немного лет, — говорилось в заключение в статье, — и мы будем свидетелями предсмертной агонии самой древней империи в мире и вместе с тем зари новой эры для всей Азии»⁷.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 169.

⁵ Там же, с. 182.

⁶ Там же, с. 222.

⁷ Там же, с. 224.

* * *

Если вооруженная интервенция англичан в Китае, к которой со второй «опиумной» войны активно примкнули Франция и США, освещалась мировой буржуазной прессой весьма подробно и Маркс и Энгельс смогли с пролетарских классовых позиций проанализировать материалы буржуазной прессы, вылуштив из них зерно исторической истины, то внутренние революционные события, разыгравшиеся в это время в Китае, — мощную Тайпинскую революцию, охватившую широкую полосу внутренних районов Китая, — буржуазная пресса всячески стремилась замолчать. Тем не менее, опираясь на имевшийся очень скудный материал, Маркс и Энгельс сумели увидеть социальные причины этих событий и дать им научно достоверную оценку.

Тайпинской революции Маркс посвятил две специальные статьи: «Революция в Китае и в Европе» (1853) и «Китайские дела» (1862). Кроме того, различные аспекты этого вопроса затронуты Марксом и Энгельсом в ряде других статей периода самой Тайпинской революции. Еще перед началом Тайпинской революции Маркс и Энгельс в «Первом международном обзоре» (1850) дали яркую характеристику положения, сложившегося к тому времени в «Небесной империи». «Медленно, но постоянно увеличивающееся перенаселение страны давно уже сделало тамошние общественные условия очень тяжелыми для огромного большинства нации, — говорилось в обзоре. — Затем явились англичане и силой добились установления для себя свободы торговли в пяти гаванях. Тысячи английских и американских судов направились в Китай, и в скором времени страна была переполнена дешевыми британскими и американскими фабричными изделиями. Китайская промышленность, покоящаяся на ручном труде, не выдержала конкуренции с машиной. Непокколебимая Срединная империя пережила социальный кризис. Налоги перестали поступать, государство оказалось на грани банкротства, население массаами пауперизировалось, начало возмущаться, отказывалось подчиняться, избивало и убивало мандаринов императора и буддийских монахов»⁸.

Оценивая оптимистически перспективы развития событий в Китае, Маркс и Энгельс предсказывали их важное значение для судеб всего человечества. «...Отрадно, — говорилось в упомянутом обзоре, — что самая древняя и самая прочная империя в мире под воздействием тюков ситца английских буржуа за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который, во всяком случае, должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации»⁹.

Предсказывая грядущий «общественный переворот» в Китае, Маркс связывал его не только с широким проникновением иностранных товаров, подрывавшим основы традиционной китайской экономики, но и с «внезапным потрясением» существующего политического режима в стране. «Каковы бы ни были социальные причины, которые вызвали хронические восстания, продолжающиеся уже около десяти лет в Китае и вылившиеся теперь в единую могучую революцию, и в какой бы форме — религиозной, династической или национальной — эти причины ни проявлялись, — отмечал Маркс в статье «Революция в Китае и в Европе», — толчок к этому взрыву был несомненно дан английскими пушками, при помощи которых Англия принудила Китай ввозить наркотическое сырье, именуемое опиумом. Перед британским оружием авторитет маньчжурской династии рассыпался в прах; суеверному представлению о вечности Небесной империи был нанесен смертельный удар; варварская

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 7, с. 233—234.

⁹ Там же, т. 7, с. 234.

герметическая изоляция от цивилизованного мира была нарушена и было положено начало тем связям, которые с тех пор так быстро развивались...»¹⁰.

Маркс обращал внимание на «религиозную форму», в которую облеклись лозунги и программы руководителей Тайпинской революции, но «религиозная окраска», подчеркивал он в статье «Китайские дела», — не специфическая черта Тайпинской революции, а общая черта всех освободительных движений на Востоке¹¹.

Социальные причины «могучей революции» тайпинов, о которых говорил Маркс, нашли выражение в их своеобразной «социалистической» идеологии. По свидетельству немецкого миссионера Гуцлаффа, вернувшегося из Китая, в стране «среди мятежного плебса выступили люди, которые указывали на бедность одних, на богатство других и которые требовали иного распределения имущества, требовали и теперь еще требуют полного уничтожения частной собственности»¹².

«Социалистические» идеи, о которых шла речь, это идеи Хун Сюцюаня — вождя Тайпинской революции, которые он начал пропагандировать еще за несколько лет до начала Тайпинской революции и которые затем стали ее идейной основой. Маркс подверг критике «социалистический идеал» тайпинов, в котором отражались антифеодальные устремления крестьян. И хотя «социализм» тайпинов имел, по словам Маркса, «столько же общего с европейским, сколько китайская философия с гегелевской»¹³, «социалистические» идеи тайпинов воодушевляли широкие народные массы и звали их на борьбу за свое социальное освобождение.

* * *

Внимательно следя за положением в Азии, особенно в ее крупнейших странах — Индии и Китае, и изучая борьбу угнетенных народов против колониального гнета, основоположники научного коммунизма в острой борьбе с буржуазными и оппортунистическими концепциями формировали свое учение о национально-колониальном движении. Среди важных аспектов этого учения в выступлениях Маркса и Энгельса в 50-е годы — вопрос о связи и взаимозависимости между революционным движением в Европе и на Востоке.

В статье «Революция в Китае и в Европе» Маркс поставил вопрос: «...Теперь, когда Англия вызвала революцию в Китае... какое влияние окажет со временем эта революция на Англию и — через Англию — на Европу?»¹⁴. Ответ на этот вопрос Маркс ставил в строгую связь с экономической обстановкой в Европе, и в частности с глубиной и остротой циклического экономического кризиса в передовых европейских странах. «Ни войны, ни революции, — подчеркивал Маркс, — не в силах глубоко потрясти Европу, если они не произойдут в результате всеобщего торгового и промышленного кризиса, сигнал к которому, как всегда, должна подать Англия, представительница европейской промышленности на мировом рынке»¹⁵.

«Открытие» Китая не привело к расширению рынка сбыта своих товаров для Англии. Усилившийся ввоз в Китай опиума потеснил экспорт промышленных товаров, что другим концом ударило по английской экономике. «При таких обстоятельствах, — отмечал Маркс в 1853 г., — принимая во внимание, что британская промышленность и торговля уже проделали большую часть обычного экономического цикла, можно сме-

¹⁰ Там же, т. 9, с. 99.

¹¹ См. там же, т. 15, с. 529.

¹² Там же, т. 7, с. 234.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, т. 9, с. 100—101.

¹⁵ Там же, с. 105.

ло предсказать, что китайская революция бросит искру в готовую взорваться мину современной промышленной системы и заставит разразиться давно назревающий всеобщий кризис, за которым, когда он распространится за границу, непосредственно последуют политические революции на континенте»¹⁶.

Подчеркивая огромный удельный вес государства с населением, составляющим почти треть человечества, в развитии мировых событий, Маркс писал: «Может показаться очень странным и парадоксальным утверждение, что ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления будут, вероятно, в большей мере зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи — прямой противоположности Европы, — чем от какой-либо иной существующей ныне политической причины...»¹⁷.

Маркс и Энгельс жили в эпоху восходящего развития капитализма, когда колониальная система еще полностью не сформировалась и капитализм мог еще объективно содействовать развитию производительных сил в колониальных владениях. Но принести свободу народным массам и существенно улучшить их положение он в силу своей природы был не в состоянии. «...Ибо, — писал Маркс в статье «Будущие результаты британского владычества в Индии», — и то и другое зависит не только от развития производительных сил, но и от того, владеет ли ими народ»¹⁸. Возрождение угнетенной страны, пояснил свою мысль Маркс, может произойти либо в результате пролетарской революции в метрополии, либо если угнетенный народ найдет в себе силы, чтобы сбросить с себя колониальное иго. В приведенных рассуждениях речь шла об Индии, но они в полной мере применимы и к тогдашнему Китаю.

Основоположники научного коммунизма отдавали себе отчет в трудности практического решения в то время вопроса о соединении пролетарской революции на Западе с национально-освободительным движением на Востоке. «Трудный вопрос, — подчеркивал Маркс в письме Энгельсу от 8 октября 1858 г., — заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продельвает еще восходящее движение?»¹⁹.

История ответила на этот «трудный вопрос»: Парижская коммуна — первая пролетарская революция в Европе — была задавлена, Великая Октябрьская социалистическая революция в России победила.

Глубокие идеи, высказанные Марксом и Энгельсом на примере Китая по национально-освободительному движению в эпоху развивающегося капитализма, послужили отправным пунктом для творческой разработки национально-колониального вопроса В. И. Лениным в эпоху империализма.

2

В. И. Ленин с самого начала своей революционной деятельности проявлял глубокий интерес к Китаю, к борьбе китайского народа за свое национальное и социальное освобождение. Труды основоположников марксизма, их анализ перспектив развития единого мирового революционного движения и места в нем освободительной борьбы народов Востока глубоко изучались Лениным под углом зрения новых условий, сло-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 103.

¹⁷ Там же, с. 98.

¹⁸ Там же, с. 228.

¹⁹ Там же, т. 29, с. 295.

жившихся в мире в конце XIX — начале XX в., и новых задач, вставших перед международным рабочим движением в новых условиях, когда «мирный» период (1872—1904) общественного развития, по выражению В. И. Ленина, «отошел бесповоротно в вечность»²⁰.

В. И. Ленин раньше всех русских марксистов начал писать о Китае и китайском освободительном движении. В своей статье «Китайская война» (опубликована в первом номере «Искры»), написанной по случаю участия русских войск совместно с войсками империалистических держав Запада в подавлении ихэтуаньского восстания в Китае, Ленин решительно осудил политику держав в Китае, ее колониальный характер. Разоблачая лживые измышления буржуазной пропаганды о том, что действия держав вызваны якобы «враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации» и т. п., Ленин говорил: «Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа, — заключал Ленин, — давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство»²¹.

Отмежевываясь от политики царского правительства, В. И. Ленин выразил свои симпатии борьбе китайского народа. «Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Среднее царство»²².

Революция 1905 г. в России оказала огромное влияние на всю Азию. Она явилась мощным толчком, встряхнувшим угнетенные народы Востока и пробудившим их от векового сна. «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения, — отмечал Ленин в статье «Пробуждение Азии», — проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»²³.

В. И. Ленин, живя за границей, особенно внимательно следил за революционными событиями в Китае, развернувшимися в начале XX в. «В Китае, — отмечал он в статье «Горючий материал в мировой политике» (1908), — революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения, — так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая, — но сильный рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение»²⁴.

Предсказания В. И. Ленина о неизбежности развития сознательного революционного демократического движения в Китае подтвердила ре-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 4.

²¹ Там же, т. 4, с. 379.

²² Там же, с. 382—383.

²³ Там же, т. 23, с. 146.

²⁴ Там же, т. 17, с. 179.

волюция 1911 г., свергнувшая монархический строй и провозгласившая республику. Это была первая буржуазно-демократическая революция в Китае и самая крупная революция в начале XX в. в Азии.

VI Всероссийская конференция большевистской партии, проходившая в начале 1912 г. в Праге, по предложению В. И. Ленина приняла специальную резолюцию «О китайской революции», в которой заявлялось, что конференция «констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма...»²⁵.

Обращение русских большевиков к китайским революционерам и солидарность с ними были выражением пролетарского интернационализма, поддержкой освободительной борьбы китайского народа на поворотном этапе его истории. В. И. Ленин отозвался на революционные события в Китае рядом специальных статей. В самой обширной статье — «Демократия и народничество в Китае», опубликованной в большевистской газете «Невская звезда» (июль 1912 г.), — В. И. Ленин дал глубокий анализ экономической и идейно-политической платформы Сунь Ятсена — вождя китайской демократии, с которой он шел к революции 1911 г. Статья Ленина была написана под впечатлением первых успехов китайской революции и являлась своего рода ответом на статью Сунь Ятсена «Социальное значение китайской революции», опубликованную в брюссельской социалистической газете «Le Peuple». «Боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ятсена, — писал В. И. Ленин. — Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»²⁶.

И подводя итог своей характеристике платформы Сунь Ятсена, В. И. Ленин подчеркивал: «Перед нами действительно великая идеология, действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая»²⁷.

Давая высокую оценку «прогрессивной, боевой, революционной программе» Сунь Ятсена, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что она «окрашена в народнический цвет». «Идеология боевого демократизма, — говорил он, — сочетается у китайского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы»²⁸.

Горячая ненависть китайских демократов к угнетателям и эксплуататорам, их искреннее сочувствие социализму, идеи которого они почерпнули на Западе, неизбежно порождали у них мечты о скорейшем торжестве социализма в Китае, их «субъективный социализм». Однако объективные условия Китая того времени ставили на повестку дня экономическую программу «уничтожения одной только феодальной экс-

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 155.

²⁶ Там же, с. 401.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 403.

плуатации». Аграрная программа Сунь Ятсена, сведенная «к передаче ренты государству, т. е. к национализации земли посредством некоего единого налога в духе Генри Джорджа», имела «чисто капиталистический, максимально капиталистический» характер и не содержала в себе ни грана социализма. Теорию Сунь Ятсена о возможности «предупреждения» в Китае капитализма посредством предлагавшейся им аграрной программы и о якобы сравнительной «легкости» социальной революции в Китае в силу его отсталости В. И. Ленин квалифицировал как «реакционную народническую теорию».

Отмечая противоречивость взглядов Сунь Ятсена, В. И. Ленин подчеркивал, что Сунь Ятсен, проповедуя идеи социализма, на деле предлагал капиталистическую аграрную реформу и в то же время признавал, что Китай стоит накануне «гигантского промышленного» (то есть капиталистического) развития.

Характеристика на примере Китая революционного демократизма, его достоинств и слабых сторон имела большое значение не только для Китая, но также имела и продолжает иметь значение для освободившихся и освобождающихся стран Азии, Африки и Америки, проходящих те же этапы политического и экономического развития, что и Китай.

В статьях «Обновленный Китай», «Крупный успех Китайской Республики», «Пробуждение Азии», «Борьба партий в Китае», «Отсталая Европа и передовая Азия», опубликованных между ноябрем 1912 г. и маем 1913 г. в газете «Правда», В. И. Ленин с присущей ему глубиной разъяснял позицию русских большевиков в отношении китайских событий, давал классовую оценку этим событиям, показывал их место и роль в международном революционном движении, предсказывал возможную ближайшую перспективу их развития. Вместе с тем Ленин разоблачал линию поведения по отношению к Китаю империалистической буржуазии различных стран и их правительств.

«...Революция в Китае,— подчеркивал Ленин в статье «Крупный успех Китайской Республики», — вызвала среди европейской буржуазии не энтузиазм к делу свободы и демократии, — на такие чувства способен пролетариат, но не способны рыцари наживы, — а стремление *разграбить* Китай, начать раздел Китая, оттягать земли у Китая»²⁹.

«В цивилизованной и передовой Европе, — говорилось в статье «Отсталая Европа и передовая Азия», — с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство...

Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия в союзе со всеми силами реакции и средневековья в Китае.

Зато вся молодая Азия, то есть сотни миллионов трудящихся в Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран»³⁰.

Прошло семьдесят лет со времени публикации этих статей, а как созвучны с современностью оценки политики правящих классов империалистических держав: тот же страх перед рабочим движением, перед революцией, та же линия на поддержку всего отжившего, отмирающего ради сохранения своего господствующего положения, такой же курс на союз со всеми силами реакции против сил демократии, прогресса, социализма.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 28.

³⁰ Там же, с. 166, 167.

Анализ экономической и идейно-политической программы Сунь Ятсена, а также характера освободительной борьбы китайского народа в первое десятилетие XX в. привел В. И. Ленина к выводу, что Китай «встал на дорожку Запада» и борется за те же европейские идеалы, до которых «доработался Запад». А это создавало основу для объединения революционных сил Китая с силами международного революционного движения в общей борьбе за национальное и социальное освобождение.

* * *

Поражение китайской революции 1911—1913 гг. в силу внутренних и международных условий Китая того времени не было фатальным для судеб освободительной борьбы китайского народа. Но оно показало, что изолированная борьба отдельных стран против империализма и внутренней реакции не приведет к успеху.

Первая мировая война и победа Великой Октябрьской социалистической революции открыли новый этап в освободительной борьбе угнетенных народов. В. И. Ленин, характеризуя этот этап, писал: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»³¹.

Для руководства этим движением, для выработки правильной стратегии и тактики очень важно было правильно определить его характер. Владимир Ильич дал исчерпывающий ответ на этот вопрос. На Востоке, говорил он, «...надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 год, — с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущие в Индии и Китае революции уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию»³².

Если, таким образом, до Октябрьской революции национальное освобождение народов являлось составной частью мировой демократической революции, то после ее победы оно превратилось в органическую составную часть мировой социалистической революции со всеми вытекающими из этого последствиями. «...Социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, — отмечал Ленин, — никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией... социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»³³.

В силу исторических условий Россия оказалась первой в мире страной, которая нанесла империализму сокрушительный удар. Это поставило ее в авангард мирового освободительного движения, «в чем, — отмечал Владимир Ильич, — мы видим великую честь»³⁴. Отношения между Советской Россией — страной победившей социалистической революции — и империализмом, продолжающим угнетать трудящихся в капиталистических странах и народные массы в колониальных и зависимых странах, стали главным противоречием послеоктябрьского перио-

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 328.

³² Там же, т. 45, с. 174.

³³ Там же, т. 39, с. 327.

³⁴ Там же, с. 318.

да. «...Все события мировой политики, — отмечал он, — сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей...»³⁵. Если упустить из виду это обстоятельство, подчеркивал В. И. Ленин, то нельзя «...поставить правильно ни одного национального и колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира»³⁶.

Ленинские руководящие принципы и установки по национально-колониальному вопросу оказали неоценимую помощь китайскому народу в его освободительной борьбе. С образованием Советского социалистического государства помощь освободительной борьбе китайского народа получила реальную государственную основу. Прогрессивные силы Китая горячо приветствовали победоносную Октябрьскую революцию. Сунь Ятсен увидел в ней «великую надежду человечества». В 1918 г. он из Шанхая направил В. И. Ленину приветственную телеграмму, в которой отметил, что китайская и русская революции «имеют общие цели». Ли Дачжао также высоко отозвался о победе русского народа. «Мы должны с гордостью приветствовать русскую революцию как свет новой мировой цивилизации, — писал он. — Нам надо внимательно прислушиваться к вестям из новой России, которая строится на принципах свободы и гуманизма. Только тогда мы будем идти в ногу с мировым прогрессом»³⁷.

В условиях тяжелой и разрушительной гражданской войны, навязанной революционной России мировым империализмом, правительство Советского Союза не забывало о своем интернациональном долге по отношению к освободительной борьбе китайского народа. В июле 1919 г. оно обратилось к китайскому народу и к правительствам Южного и Северного Китая с чрезвычайно важным заявлением, в котором четко разъяснялась политика Советской России по отношению к народам Востока, и в первую очередь к китайскому народу. «Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, — подчеркивалось в обращении, — но и китайскому народу, и мы еще раз напоминаем то, о чем говорили ему со времени Великой Октябрьской революции 1917 года, но что, может быть, было скрыто от него продажной американско-европейской печатью»³⁸.

В обращении подтверждалось заявление Советского правительства об отказе от всех тайных договоров, заключенных царским правительством с Японией и своими западными союзниками и предоставлявших им особые привилегии на китайской земле, и предлагалось вступить в переговоры о законодательном закреплении новых, справедливых отношений путем заключения между Советской Россией и Китаем соответствующего договора. «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, — пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»³⁹.

Как ни старались империалистические державы и находившееся под их влиянием Северное правительство Китая утаить от китайского народа обращение к нему правительства Советской России, все же оно попало на страницы китайской печати, хотя для этого потребовался

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

³⁶ Там же, т. 41, с. 242.

³⁷ Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 66.

³⁸ Советско-китайские отношения — 1917—1957. Сб. документов. М., 1959, с. 43.

³⁹ Там же, с. 45.

почти год. На послание Советского правительства положительно отозвался Сунь Ятсен, который в то время возглавлял Южное правительство. В письме на имя наркома иностранных дел Г. В. Чичерина от 28 августа 1921 г. Сунь Ятсен, обрисовав сложную внутреннюю обстановку в Китае, просил ознакомить его с организацией Советов, армии и образования и вообще со строительством социализма в Советской России. «Подобно Москве, — говорил он, — я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня»⁴⁰.

В сложных условиях политико-дипломатической борьбы, преодолевая бешеное сопротивление империалистических держав и сил милитаристско-феодальной реакции в Китае, Советскому правительству, наконец, удалось добиться подписания 31 мая 1924 г. «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». Подписание совместного соглашения, устанавливавшего нормальные дипломатические отношения между двумя великими соседними странами, было крупным историческим событием. «Оно явилось первым за последнее столетие договором Китая с великой державой, построенным на основе равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Оно положило начало применению новых принципов в отношениях держав с Китаем. Советско-китайское соглашение было первым ударом по всей системе неравноправных договоров, навязанных Китаю западными державами»⁴¹.

Сунь Ятсен и в его лице весь трудовой народ Китая, продолжавший испытывать на себе национальный и социальный гнет, горячо приветствовал установление отношений своей страны с Союзом Советских Социалистических Республик. «Истинные интересы наших стран, — писал Сунь Ятсен, — требуют создания общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного нам международной системой, опирающейся на силу и работающей методами экономического империализма... Россия установила в своих отношениях к Китаю принцип полного и абсолютного равенства»⁴².

После смерти В. И. Ленина, явившейся невосполнимой потерей и для революционного движения в Китае, правительство Советского Союза продолжало оказывать всестороннюю помощь китайскому народу в его трудной и длительной освободительной борьбе против объединенных сил империализма и внутренней реакции в стране, которая в конечном счете увенчалась победой и провозглашением в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики.

Оценивая помощь Советского Союза в этой борьбе как один из главных факторов в победе китайского народа, Мао Цзэдун в 1949 г. говорил: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы... японский империализм не был разгромлен... Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет. Точно также невозможно было бы закрепить победу после ее достижения»⁴³.

Советский Союз продолжал оказывать разностороннюю помощь Китаю и после вступления его на социалистический путь развития. Значимость этой братской помощи многократно признавалась и подтверждалась китайскими руководителями.

⁴⁰ Советско-китайские отношения — 1917—1957, с. 58—59.

⁴¹ Там же, с. 15.

⁴² «Новый Восток», 1924, № 6, с. XXX.

⁴³ Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии. М., 1949, с. 9.

Как бы ни старались защитники отжившего свой век капиталистического мира «опровергнуть», «отбросить», выхолостить или тем или иным образом оклеветать и опорочить учение Маркса, оно уже больше века с четвертью продолжает жить, развиваться и распространяться по все более глубоким уголкам нашей планеты и завоевывать умы людей.

Китай до XX в. не слышал о Марксе. Самое раннее упоминание о Марксе и его учении появилось в китайской эмигрантской печати в 1902 г. Журнал реформаторов «Синьминь цунбао», издававшийся в Японии, в одном из своих выпусков писал: «Маркс является непревзойденным образцом немецкого социализма»⁴⁴. В том же году издательство, принадлежавшее реформаторам, издало на китайском языке перевод книги японского автора Фукуи Дзюндо «Современный социализм», одна из глав которой была посвящена немецкому социализму с главным акцентом на учении Карла Маркса. В этой главе утверждалось, что учение Маркса, «опираясь на тщательно изученные экономические принципы, доказало подлинную истину», поэтому, говорил автор, «для большинства трудящихся не представляет трудности осуществление этого учения и оно получило общее одобрение и поддержку»⁴⁵.

В революционной демократической печати Китая имена основателей научного коммунизма — Маркса и Энгельса — впервые появились в 1903 г. Журнал революционного китайского студенчества «Чжэнзянчао» («Прибой Чжэцзяна») назвал учение Маркса одним из тех, которые «потрясают ныне Европу и Америку»⁴⁶. В журнале «Миньбао» (№ 2 и № 3), издававшемся в Японии, в 1906 г. была напечатана статья Чжу Чжисиня — соратника Сунь Ятсена и видного деятеля «Союзной лиги» — «Краткие биографии немецких революционеров-социалистов». В статье излагались биографические данные о Марксе, Энгельсе и Лассале и приводился ряд положений «Коммунистического манифеста», на которые автор давал свои комментарии, пытаясь при этом с мелкобуржуазных позиций критиковать некоторые стороны учения Маркса.

До революции 1911 г. были также переведены и опубликованы первая глава «Коммунистического манифеста» с предисловием к «Манифесту», написанным Энгельсом, а также часть книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эти материалы были опубликованы в 1908 г. в прогрессивном журнале «Тяньибао» («Небесная справедливость»). В 1912 г. в шанхайском журнале «Синь шицзе» («Новый мир»), пропагандировавшем европейские идеи социализма, был опубликован неполный перевод труда Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». После поражения революции, вызвавшего у многих революционеров колебания и разочарования, пропаганда социалистических идей в Китае значительно ослабла.

Таким образом, до Великой Октябрьской социалистической революции в Китае состоялось лишь первое знакомство с марксизмом. Переводы трудов Маркса и Энгельса издавались за границей (главным образом в Японии) при помощи китайских эмигрантов и учащихся и распространялись в Китае нелегальным путем. Они были доступны лишь узкому кругу китайской мелкобуржуазной интеллигенции, представления у которой о марксизме были смутными и поверхностными.

Широкое распространение марксистских идей в Китае началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда на политическую арену страны в качестве самостоятельной силы стал выходить китайский рабочий класс. Первым и выдающимся пропагандистом

⁴⁴ Цит. по: «Синь цзяньшэ», 1953, № 3, с. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Чжэцзянчао», 1903, № 3.

марксизма в Китае был Ли Дачжао — профессор Пекинского университета, один из основателей Коммунистической партии в Китае. С 1917 по 1927 г. он написал и опубликовал многие десятки статей, специально посвященных Марксу и его учению. Метод и теорию Маркса он использовал в качестве методологической основы в своих исследованиях этого периода, то есть последних десяти лет своей короткой жизни.

«Движение 4 мая» 1919 г. и затем создание Коммунистической партии Китая явились вехами в распространении идей марксизма-ленинизма. Кроме Ли Дачжао, наиболее видными пропагандистами марксизма-ленинизма в Китае были Цюй Цюбо, Чэнь Дусю, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь, Чжан Тайлэй, Пэн Бай и другие активные участники «движения 4 мая». В период 1919—1921 гг. были опубликованы в переводе на китайский язык полный текст «Коммунистического манифеста», «Наемный труд и капитал», «Критика Готской программы» Маркса, а также «Развитие социализма от утопии к науке» (ч. II) Энгельса. Из ленинских работ были переведены и изданы: «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Великий почин», «От разрушения векового уклада к творчеству нового», «Доклад о партийной программе», «Государство и революция» (частично), «Условия приема в Коммунистический интернационал» и др. Определяя значимость опубликованных материалов этого периода, Цзян Чуньфан, заместитель директора «Бюро переводов трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина при ЦК КПК», отмечал: «Переводы произведений Маркса, Энгельса и Ленина, а также материалы о жизни и деятельности классиков марксизма-ленинизма, которые печатались прессой в разных местах страны, без сомнения, сыграли очень большую роль при создании китайской Компартии. Распространение марксизма-ленинизма заложило теоретический фундамент Коммунистической партии Китая»⁴⁷.

После создания КПК вплоть до провозглашения КНР переводы трудов классиков марксизма-ленинизма издавались в Китае неравномерно в соответствии с ходом развития освободительного движения в стране. Ленинские статьи по Китаю — «Китайская война», «Обновленный Китай», «Пробуждение Азии», «Отсталая Европа и пробуждение Азии» — стали известны в Китае в 1924 г. через публикации их переводов органом ЦК КПК журналом «Синьциннянь». В 1940 г. вышел сборник материалов В. И. Ленина «О Китае».

С 1930 г. советское издательство «Иностранский рабочий» приступило при помощи китайских коммунистов в Советском Союзе к изданию собрания сочинений В. И. Ленина (с 3-го издания), которое размножалось в Яньнани. До войны было выпущено больше половины томов. В период 1955—1959 гг. издательство «Женьминь чубаньшэ» выпустило все 38 томов четвертого издания сочинений В. И. Ленина.

Переводы и издания трудов Маркса и Энгельса шли менее интенсивно. Тем не менее до образования КНР из крупных произведений были изданы: «Нищета философии», «К критике политической экономии», 1-й том «Капитала» (в различных переводах), «Гражданская война во Франции» К. Маркса; «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», «Анти-Дюринг», «Крестьянская война в Германии», «Избранные статьи по военным вопросам», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Из совместных произведений Маркса и Энгельса были изданы «Немецкая идеология» и «Переписка». Вышли несколько сборников произведений Маркса и Энгельса по различным вопросам, в том числе «О Китае» (1938), «О литературе и искусстве» (1940).

⁴⁷ Издание и распространение произведений В. И. Ленина, М., 1960, с. 281.

Тиражи изданных работ, конечно, были весьма ограниченными и круг их читателей оставался сравнительно узким, главным образом это была интеллигенция. Лишь после победы народной революции в Китае появились реальные возможности для овладения широкими народными массами бессмертным учением марксизма-ленинизма.

100-летие со дня смерти Карла Маркса в этом году в Китае отмечается очень широко. Завершается издание 50 томов произведений Маркса и Энгельса (в переводе с соответствующего советского издания). Готовятся к изданию массовым тиражом отдельные произведения Маркса и Энгельса, сверенные с последними изданиями в оригиналах. В план изданий текущего года включены переводы книг о Марксе и Энгельсе зарубежных авторов, в том числе советских (Б. М. Кедрова — «О „Диалектике природы“ Ф. Энгельса», Н. И. Лапина — «Молодой Маркс», Д. И. Розенберга — «Комментарии» к трем томам «Капитала»); группы авторов из ГДР во главе с Г. Гемковым («К. Маркс. Биография», «Ф. Энгельс. Биография»). Готовится перевод 1-го тома «Капитала» Маркса с французского издания, в котором содержится по сравнению с немецким изданием ряд поправок и дополнений, имеющих важное теоретическое значение, и который в структурном отношении отличается от немецкого оригинала. Проводится ряд других мероприятий.

* * *

Оправдывается гениальный прогноз В. И. Ленина, высказанный им еще 70 лет тому назад в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», что грядущая историческая эпоха принесет марксизму еще больший триумф. Этот триумф мы видим сегодня в наличии могущественной социалистической системы, в победе национально-освободительного движения в большинстве стран мира, в усилении борьбы рабочего класса на всех континентах за свои законные права. Поэтому 165-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти Карла Маркса отмечает все прогрессивное человечество, ведущее борьбу за мир, свободу, демократию и социальный прогресс, всемирную борьбу, на знамени которой золотыми буквами написаны имена Маркса и Ленина.

Самая неотложная проблема Азии

Мангалын Дугэрсурэн (МНР)

Сохранение мира на Земле стало самой неотложной задачей современности. Можно сказать, что под вопрос ставится изначальное и священное право каждого жителя нашей планеты — право на жизнь и социальное благо. Глубоко обеспокоенная мировая общественность начала говорить о проблеме выживания человечества. Почему такая тревога?

Наиболее реакционные круги империализма задалась крайне авантюристической целью повернуть вспять развитие человечества по пути национальной независимости, демократии и социального прогресса. Ведущая сила мировой реакции — администрация США — возводит антикоммунизм в ранг государственной политики. Это означает прежде всего «крестовый поход» против реального социализма как главного оплота мира, демократии и социального прогресса. Это, далее, означает всестороннее наступление на силы национального и социального освобождения, жестокие гонения на все прогрессивное, справедливое и разумное.

Рейган и его ястребиное окружение слепо и безрассудно уповают на силу в международных отношениях: лихорадочно предпринимают шаги, направленные на достижение военно-стратегического превосходства над социалистическим миром, на практическую подготовку к различным вариантам ядерной войны. Действия Вашингтона настолько авантюристичны, что увеличивают реальную угрозу ядерной катастрофы. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов охарактеризовал это как занятие «не просто безответственное, но безумное».

Главный курс военной конфронтации подкрепляется разнузданной психологической войной, экономическими санкциями, политико-идеологическими диверсиями против стран социалистического содружества и других прогрессивных сил. Империалистические силы усиленно распространяют избитую ложь о так называемой «советской военной угрозе», пытаясь прикрыть и оправдать свои реакционные акции, направленные на подрыв устоев мирного сосуществования и международной разрядки.

Социалистические страны единодушно исходят из того, что будущее принадлежит политике разрядки и мирного сосуществования, предлагают реалистические альтернативы линии конфронтации и балансирования на грани ядерной катастрофы.

Новый мощный импульс мирным инициативам братских стран придало Пражское совещание Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора. Принятая на нем Политическая декларация указывает конкретные пути преодоления нынешнего опасного обострения международных отношений. Целый комплекс конструктивных предложений, содержащийся в этом историческом документе, отвечает жизненным интересам народов Европы и всего мира. Особенно большое практическое значение имеет предложение заключить

договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — участниками Варшавского Договора и НАТО.

В Пражской декларации уделено большое внимание проблемам ликвидации очагов напряженности и конфликтов в Азии, оздоровления политической обстановки на этом обширном континенте. Это естественно. Ибо за весь период после окончания второй мировой войны в Азии ни на один день не прекращались войны и вооруженные конфликты, затеянные реакционными силами. Именно на этом континенте, во Вьетнаме и Корее, трижды предпринимались попытки вооруженным путем осуществить империалистическую политику «обуздания коммунизма» или «отбрасывания назад» социализма. И сегодня в Азии нередко возникают опасные конфликтные ситуации, и она является ареной происков империалистов и других реакционных сил.

Многие районы континента империалистические державы самочинно объявляют сферами своих «жизненных интересов». На Ближнем Востоке и в других «стратегических» регионах создаются ударные группы и опорные пункты интервенционистских «сил быстрого развертывания» США. Создание так называемого центрального командования США знаменует собой новый этап военных приготовлений — организуется целостный плацдарм агрессии против десятков государств Азии и прилегающих регионов.

С другой стороны, все новые страны и регионы Азии втягиваются в военно-политическую стратегию США, в гонку вооружений. Пресловутая политика «параллельных интересов» империалистических и гегемонистских сил служит основной причиной резкого осложнения обстановки в Азии.

Отрицательные последствия сотрудничества этих сил на антисоветской и антисоциалистической основе наиболее остро ощущаются в Юго-Восточной и Юго-Западной Азии и на Дальнем Востоке.

Фарс с созданием так называемого коалиционного правительства «Демократической Кампучии» является плодом совместных действий Вашингтона и Пекина. Запугивая страны АСЕАН мнимой «коммунистической угрозой», эти же силы толкают их на конфронтацию с государствами Индокитая.

Все более усиливаются попытки превратить АСЕАН в военный блок. В этих целях используются двусторонние договоры США с некоторыми ее членами, а также антикампучийские, то есть антикоммунистические предрассудки правящих кругов в этих странах.

Продолжается «необъявленная война» против Афганистана. США при помощи своих азиатских пособников пытаются усугубить обстановку вокруг ДРА. Более того, рейгановская администрация уже открыто и усиленно стала поддерживать афганские контрреволюционные банды, щедро снабжать их деньгами и вооружениями.

Правящие круги Японии углубляют военно-стратегическое сотрудничество с США и НАТО, превращают свою страну в плацдарм агрессивных акций США в Азии и на Дальнем Востоке. Милитаристская суть американско-японского «договора безопасности» проявляется в зловещих практических мерах. Становится все более явной тенденция его обрастания «ядерной щетиной».

В этой стране все увереннее действует милитаризм, выдвигая опасные реваншистские притязания. У народов Азии большую тревогу вызывает японская стратегическая концепция так называемой «всеобъемлющей безопасности», преследующая цель обеспечить господствующее положение Токио прежде всего в Азии в политической, экономической и военной областях. Правящие круги Японии стремятся использовать в этих целях проектируемое ими военно-политическое формирование под названием «Тихоокеанское сообщество».

Юг Корейского полуострова превращается в американский ядерный плацдарм. Тайвань остается опорным пунктом США. Более того, Вашингтон наращивает снабжение Тайбэя современными вооружениями, игнорируя свои обещания Пекину на этот счет.

Страны Азии опутываются сетью военных баз. Многие из них втягиваются в гонку вооружений. Ныне в Азии размещено свыше 90 крупных военных баз США, в том числе 40 — в Южной Корее, 32 — в Японии. Военные расходы АСЕАН увеличились за последние 5 лет в три раза, а приток американских вооружений в эти страны к 1985 г. удвоится по сравнению с поступившими туда в предыдущие 5 лет. Хорошо известно, что больше всего американских вооружений получают Израиль, Южная Корея и Пакистан.

Опасность миру и безопасности в Азии особенно серьезно усугубляется форсированным превращением этого континента Соединенными Штатами, особенно Дальнего Востока и бассейна Индийского океана, в плацдарм ядерной войны.

Правительство МНР исходит из того, что мир и безопасность в Азии, как и во всем мире, могут быть сохранены и упрочены. Сторонники дела мира, национальной независимости и социального прогресса достаточно сильны, чтобы обуздать любителей конфронтации и военных авантюр.

Решающую роль играет мировое социалистическое содружество, прежде всего Великий Советский Союз. Все позитивные перемены, происшедшие на Азиатском континенте, неразрывно связаны с последовательной миролюбивой внешней политикой и конструктивными усилиями стран социалистического содружества. Инициативы, выдвинутые в Программе мира на 80-е годы, последующие крупные акции Советского Союза отвечают жизненным интересам не только народов социалистических стран, но и всех, кому дороги мир и мирное развитие.

Реализация советского предложения о созыве международной конференции по ближневосточному урегулированию привела бы к устранению самого опасного кризиса, который на всем протяжении послевоенного периода все более углубляется. Это предложение направлено на справедливое и всеобъемлющее урегулирование проблемы в интересах всех народов региона, прежде всего арабского народа Палестины. Оно преследует цель пресечь пагубные последствия американо-израильского «стратегического сотрудничества», то есть прекратить поддержку Израиля в качестве жандарма на Ближнем Востоке, дальнейшее расширение военного присутствия США в этом районе.

Декларация арабского совещания в верхах в городе Фесе (Марокко) вновь подтвердила, что советское предложение полностью отвечает коренным интересам народов арабских стран.

Особого внимания заслуживает советское предложение о разработке и применении мер доверия на Дальнем Востоке. Во время традиционной встречи в августе 1982 г. в Крыму между руководителями МНР и СССР вновь была подтверждена наша полная поддержка этого предложения и других новых советских инициатив, адресованных Японии и Китаю. Обе стороны, как они заявили, исходят из того, что «государства дальневосточного региона в состоянии строить свои отношения исключительно на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. При наличии искренней заинтересованности сторон, отказа от предубеждений и недоверия нет таких проблем, которые нельзя было бы разрешить за столом переговоров». Несомненно, что применение мер доверия на коллективных началах или на двусторонней основе с учетом законных интересов каждой из сторон могло бы быть весьма полезным для рядки в этом районе.

В этой связи правительство МНР придает важное значение начатым консультациям между Советским Союзом и Китаем по вопросам нормализации их отношений. Начало такого диалога мы рассматриваем как

победу линии на создание доверия и восстановление отношений добрососедства, как результат конструктивных инициатив и терпеливых усилий Советского Союза в этом направлении. Исход диалога зависит от того, насколько в Пекине будут считаться с реальностями, которые отвечают жизненным интересам китайского народа, а также более широким интересам мира, независимости и прогресса народов Азии, да и не только Азии.

Империалистические силы, которые в своей военно-политической стратегии делают большую ставку на антисоветскую, антисоциалистическую направленность внешнеполитического курса Пекина, следят с некоторым беспокойством за советско-китайским диалогом. Они боятся нормализации советско-китайских отношений, их представители твердят как заклинание, что настоящая нормализация в отношениях между СССР и КНР как социалистическими государствами не наступит.

Реалистическая и конструктивная позиция правящих кругов Японии в отношении инициатив, направленных на укрепление доверия и взаимопонимания, отвечала бы интересам безопасности народов континента, в том числе и японского народа, который стал первой в истории жертвой атомной бомбардировки.

Естественно, что каждый благоразумный японец не хочет, чтобы такая трагедия повторилась, не хочет, чтобы его страна была превращена в американский «непотопляемый авианосец».

Монгольский народ, как и вся миролюбивая общественность, хочет, чтобы экономический и научно-технический потенциал Японии служил целям мира и созидания, а не использовался в целях разрушения и уничтожения.

Говоря о положении на Дальнем Востоке, нельзя не подчеркнуть большую актуальность усиления борьбы за вывод американских войск и ядерных средств из Южной Кореи и за объединение этой страны на демократической и мирной основе. Как подчеркнуто выше, американское военное присутствие в Южной Корее имеет прямое отношение к усилению ядерной опасности в Азии.

МНР рассматривает новые инициативы, выдвинутые в феврале с. г. на Вьентьянском совещании СРВ, ЛНДР и НРК в верхах, как весьма своевременный и позитивный шаг, направленный на уменьшение напряженности в ЮВА, восстановление взаимного доверия и дружественного сотрудничества между двумя группами государств этого района. Реализация предложений высших руководителей трех братских стран Индокитая открыла бы широкие возможности для мирного развития стран ЮВА. Характер дальнейшего развития ситуации в ЮВА во многом будет зависеть в первую очередь от того, возобладает ли здравый смысл в политике стран — членов АСЕАН, смогут ли они в дальнейшем руководствоваться тем же чувством реализма, что и их партнеры — страны Индокитая.

Парадокс в политике стран — членов АСЕАН в отношении социалистических государств Индокитая заключается в том, что они стремятся содействовать ослаблению своих же надежных союзников по борьбе против экспансии империалистических и гегемонистских сил в Юго-Восточной Азии.

Оздоровлению обстановки в Азии содействовало бы скорейшее урегулирование ситуации, сложившейся вокруг Афганистана. Все миролюбивые силы справедливо считают, что оно может и должно быть достигнуто с учетом известных конструктивных предложений правительства ДРА от 14 мая 1980 г. и 24 августа 1981 г. У нас с интересом воспринят диалог между министрами иностранных дел ДРА и Пакистана при посредничестве представителя Генерального секретаря ООН.

МНР поддерживает усилия движения неприсоединившихся государств добиться прекращения ирано-иракской войны. Это самая бессмысленная

братоубийственная война, которая играет только на руку империалистическим силам.

МНР полностью поддерживает стремление прибрежных государств Индийского океана превратить это жизненно важное для них обширное пространство в зону мира, где были бы ликвидированы все иностранные военные базы и никто не угрожал бы безопасности, независимости и суверенитету этих государств. Широкие военные приготовления США в Индийском океане вызывают глубокую обеспокоенность у всех, кто действительно заинтересован в обеспечении мира и безопасности, и прежде всего у народов прибрежных стран.

МНР вместе со всеми миролюбивыми государствами выступает за скорейшую реализацию Декларации ООН 1971 г. об объявлении Индийского океана зоной мира и за безотлагательный созыв международной конференции по данному вопросу.

США вместе с реакционными исламскими режимами стремятся воспрепятствовать изменению соотношения сил в районе Индийского океана и Персидского залива в пользу мира и социального прогресса, установить свое доминирующее положение в этом исключительно важном военно-стратегическом районе, прилегающем к богатым нефтью Ближнему и Среднему Востоку, к границам Советского Союза.

Предельно ясны и конкретные предложения Советского Союза, касающиеся Персидского залива: не создавать иностранных военных баз в этом районе, не размещать там ядерного или какого-либо другого оружия массового уничтожения, не применять и не угрожать применением силы против стран района Персидского залива, не вмешиваться в их внутренние дела, уважать статус неприсоединения, избранный государствами района, не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав и т. д. Эти предложения, полностью отвечающие жизненным интересам народов стран региона, должны быть реализованы без всякого промедления. Они перекликаются со многими инициативами, с которыми выступают прибрежные государства. Претворение в жизнь всех этих инициатив и предложений несомненно могло бы существенно оздоровить обстановку в районе. Поэтому необходимо прежде всего обеспечить то, чтобы территория ни одной страны в районе Персидского залива и Индийского океана не была использована в качестве плацдарма для подрывных действий против территориальной неприкосновенности и политической независимости любого другого государства данного региона.

Итоги Делийской конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран вновь продемонстрировали, что в борьбе за всеобщий мир, против экспансионистской политики империалистических сил социалистические страны располагают крупным союзником в лице этого влиятельного движения. В Политической декларации конференции подчеркивается, что в наши дни нет альтернативы политике мирного сосуществования, разрядке и сотрудничеству государств, что квинтэссенция политики неприсоединения всегда заключалась в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма.

Позиция декларации по актуальным проблемам Азии в целом совпадает с линией социалистических стран.

В связи с растущим влиянием движения неприсоединения мы хотим подчеркнуть большую позитивную роль, которую играет реалистическая внешняя политика Республики Индии в азиатских и мировых делах. Эта политика, основанная на принципах доброй воли, добрососедства и неприсоединения, является важным фактором в международной жизни.

Всемерное содействие делу мира, безопасности и сотрудничества в Азии и во всем мире — одна из важнейших задач внешнеполитической

деятельности МНР. Наша партия и правительство МНР постоянно уделяют особое внимание проблемам укрепления мира и безопасности в Азии, развитию нормальных и добрососедских отношений между народами и странами этого континента.

Наша страна поддерживает ныне дружественные отношения почти со всеми азиатскими странами. Особенно плодотворны и масштабны наши отношения с великим Советским Союзом, который является одновременно и европейской, и азиатской державой. Боевой союз между МНР и СССР, рожденный более 60 лет назад в совместной борьбе за независимость монгольского народа, против врагов молодой Советской Республики, братская дружба и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом являются надежной гарантией успешного развития МНР по пути мира и социализма. Монголо-советское содружество всегда служило и служит важным фактором мира и стабильности на Дальнем Востоке и в Азии.

Успешно развиваются братские отношения и с другими социалистическими государствами континента — Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Народной Республикой Кампучия и Корейской Народно-Демократической Республикой. Неуклонно крепнет наше сотрудничество и солидарность с Демократической Республикой Афганистан, народ которой строит новую жизнь. Все более крепкими становятся узы, связывающие нас с крупнейшей миролюбивой державой Азии — Республикой Индия. МНР поддерживает политические контакты и развивает культурные связи со многими другими странами Азиатского континента.

Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал в отчетном докладе XVIII съезду партии подчеркнул, что «Монгольская Народная Республика неизменно выступает за расширение дружественных отношений с азиатскими государствами. При этом мы исходим из настоятельной необходимости содействовать поиску путей укрепления взаимопонимания и сотрудничества между странами континента».

МНР вместе со многими другими миролюбивыми странами постоянно прилагает усилия в целях сохранения мира и безопасности в Азии, укрепления взаимопонимания, доверия и сотрудничества между государствами континента. Конкретным проявлением этих усилий является выдвинутое нашей страной в мае 1981 г. предложение о заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

Главная цель нашей инициативы заключается в том, чтобы исключить агрессию и применение силы в межгосударственных отношениях, в данном случае в Азиатско-тихоокеанском регионе, содействовать упрочению мира и безопасности в Азии. Мы исходим из убеждения, что догворное оформление принципа отказа от применения силы в отношениях между государствами региона создало бы одну из важнейших предпосылок упрочения основ безопасности в Азии.

Соображения, которыми мы руководствовались при выдвижении данной инициативы, были разъяснены в Обращении Великого Народного Хурала МНР к парламентам стран Азии и Тихого океана, а также в посланиях главы нашего государства главам государств и правительств 50 стран, включая все государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН.

Общая реакция показывает, что наше предложение рассматривается народами Азии как важный шаг, продиктованный сегодняшними реалиями в Азии. Первым требованием является ликвидация кризисных и конфликтных ситуаций на континенте путем применения политических средств урегулирования на основе отказа от применения силы в межгосударственных отношениях. Предупреждение появления новых очагов

напряженности требует строгого соблюдения этого же принципа. Наконец, одной из предпосылок демократизации международных отношений является недопущение насилия в общении между государствами.

Высоко оценив значение монгольского предложения для укрепления мира в Азии, Советское правительство отметило, что если бы удалось перестроить межгосударственные отношения в таком огромном районе на основе идей, заложенных в этом предложении, то «это стало бы крупнейшим, можно сказать, историческим сдвигом в развитии событий на Азиатском континенте». Премьер-министр Индии, выразив удовлетворение в связи с выдвижением данной инициативы, подчеркивает, что она является важным шагом в мобилизации общественного мнения и отражает преданность монгольского народа делу мира и безопасности.

Тревога за положение дел в Азии и создание необходимости его оздоровления являются общими для позиций политических кругов различных государств, выразивших свое отношение к предложению МНР. Это главное, что, естественно, вызывает у нас глубокое удовлетворение.

МНР исходит из того, что отказ от применения силы или угрозы силой во взаимоотношениях государств является как бы исходным пунктом, краеугольным камнем всех усилий по укреплению мира и безопасности народов. Это подкрепляет такие основополагающие принципы межгосударственных отношений, как уважение суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности государственных границ, невмешательство во внутренние дела, равенство и равноправное сотрудничество. Они в свою очередь составляют плоть концепции неприменения силы, основу политики мирного сосуществования, а также неприсоединения. Только на основе четкого обязательства, взятого государствами в договорной форме, строго соблюдать эти принципы может быть укреплено взаимное доверие как необходимое условие развития равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между государствами.

Мир не может строиться на каких-то полюсах сил или на сбалансировании конъюнктурных обстоятельств. Он должен строиться на прочном фундаменте разумного и конструктивного учета реальностей, на уважении прав и законных интересов всех стран, больших и малых.

По нашему глубокому убеждению, чтобы предпринять практические шаги по оздоровлению политического климата в Азии и районе Тихого океана, необходимо признать исключительную важность политического диалога в наши дни. Широкий равноправный диалог, основанный на доброй воле к сотрудничеству, несомненно будет содействовать созданию атмосферы доверия и взаимопонимания между государствами, конструктивному обсуждению назревших проблем в целях решения их мирными средствами — путем переговоров. Диалог и переговоры — это средство, которое способно подготовить путь к достижению конкретных целей упрочения мира и безопасности.

Исходя из этого, МНР предлагает созвать конференцию государств Азии и района Тихого океана, с тем чтобы положения предлагаемой нами конвенции и другие относящиеся к этому вопросы были совместно разработаны всеми заинтересованными государствами. Конструктивное участие всех государств Азии и Тихого океана, а также всех государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН в работе такой конференции явится залогом успеха в деле разработки и подписания конвенции о ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами вышеупомянутых районов.

У азиатских государств есть опыт такой совместной работы в пользу дела мира, безопасности и добрососедских отношений. Бандунгская конференция, созванная более четверти века назад по инициативе ряда азиатских стран, выработала принципы добрососедства и сотрудничества, основы для совместного решения назревших международных проблем.

Что касается существа и основных элементов вышеупомянутой конвенции, то мы предлагаем, чтобы государства-участники вновь торжественно подтвердили, что закрепленный в Уставе ООН принцип неприменения силы и угрозы силой является фундаментальным принципом взаимоотношений между государствами. Каждое государство — участник будущей конвенции могло бы принять на себя обязательство воздерживаться от вооруженного нападения и применения силы или угрозы силой против территориальной неприкосновенности и политической независимости любого другого участника конвенции. А действием, противоречащим основному обязательству по конвенции, должно быть признано применение силы с использованием любых видов оружия, включая ядерное и другие виды оружия массового уничтожения, а также всякое другое применение силы, несовместимое с положениями Устава ООН.

Государства — участники предлагаемой конвенции могут взять на себя обязательство принимать все необходимые меры по укреплению взаимопонимания и доверия между государствами, уменьшению военного противостояния, ограничению гонки вооружений и осуществлению реальных мер разоружения, что является самой насущной и неотложной проблемой современной международной жизни.

Необходимо отметить, что наше предложение заключить такую конвенцию, которая бы договорно закрепила обязательство не прибегать к применению силы во взаимоотношениях азиатских государств, ни в коем случае не является, как пытаются утверждать кое-где, простым повторением обязательства, уже содержащегося в Уставе ООН. Мы исходим из того, что общие установки Устава ООН о запрещении агрессии и неприменении силы могут и должны быть конкретизированы и развиты с учетом практики и специфики ситуации отдельных регионов. Большинство государств — членов ООН выступает именно за развитие общих установок в конкретных условиях международной обстановки.

Об этом свидетельствуют резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1972 г. «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия», декларация этой же Ассамблеи от 9 декабря 1981 г. «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств». Принцип неприменения силы, был подвергнут углубленной разработке на Хельсинкском совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Можно сказать, что он лег в основу Заключительного акта совещания.

Устав ООН в статье 52 специально предусматривает возможность заключения региональных соглашений по вопросам поддержания международного мира и безопасности. Международная практика знает много примеров развития и оформления тех или иных общих принципов устава в виде отдельных международных соглашений.

Критики нашего предложения, ссылаясь на известные «горячие точки» в Азии, говорят, что оно будто бы нереально, пока существует столько нерешенных проблем. Подобные отговорки исходят из стремления противодействовать всем акциям, преследующим цель устранить империалистическое вмешательство в дела миролюбивых государств, то есть из стремления оправдать такое вмешательство. Каждому ясно, что если бы не существовало никакой спорной проблемы, то не было бы и надобности в подобной конвенции. К тому же понятно, что усилия по мирному решению споров и конфликтных ситуаций именно предполагают принятие мер по пресечению насилия. Стало быть, предложение МНР по своей сути преследует, в числе прочих, цель устранения ситуаций, появившихся в результате применения силы в международных отношениях. Сама идея заключения международного инструмента, запрещающего применение силы или угрозу силой, способна активизировать коллективные усилия для устранения кризисных ситуаций.

Естественно, что наше предложение идет в одном русле с инициати-

вами и мерами, направленными на укрепление доверия и сотрудничества в различных регионах и субрегионах континента. Имеются в виду инициативы, выдвинутые Советским Союзом, Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, Корейской Народно-Демократической Республикой, Афганистаном, Индией, Народно-Демократической Республикой Йемен, Сирией, Шри-Ланкой, Бангладеш и рядом других миролюбивых государств Азии и района Тихого океана. Мы решительно выступаем в поддержку инициатив и предложений этих стран, так как мотивы и цели, которые побудили МНР и эти государства, одинаковы или схожи. Ведь в основе всех этих инициатив и предложений, выдвигаемых в национальном, региональном и более широком, международном масштабе, лежит общее искреннее стремление стран Азии узаконить принцип отказа от применения силы в международных отношениях на Азиатском континенте, да и за его пределами.

Нужно подчеркнуть, что договоры о мире и сотрудничестве между социалистическими странами, а также между странами и другими государствами Азии уже создали солидные стабильные районы мира и безопасности в различных ее частях.

Практическое осуществление таких предложений, как превращение Юго-Восточной Азии, Индийского океана, Персидского залива и других субрегионов в зоны мира, стабильности и сотрудничества, создало бы новые важные компоненты общеазиатской системы коллективной безопасности, которая составляет квинтэссенцию нашего предложения.

Конкретные положения конвенции можно было бы обсудить и согласовать, как указано выше, на конференции всех стран района Азии и Тихого океана с участием государств — постоянных членом Совета Безопасности ООН. В силу особой ответственности за сохранение и поддержание международного мира, возложенной на них Уставом ООН, постоянные члены Совета Безопасности могли бы принять соответствующие гарантии тех обязательств, которые будут приняты участниками соглашения. В этом смысле важен тот факт, что СССР и КНР расположены в Азии, а США непосредственно прилегают к Тихому океану.

Монгольское предложение основывается на трезвом учете политических реальностей сегодняшней Азии, соответствует жизненным интересам народов и стран континента. Подавляющее их большинство нуждается в мире и добрососедских отношениях, чтобы полнее использовать свои ресурсы для быстрого преодоления унаследованной от колониализма социально-экономической отсталости.

Для реализации нашей инициативы, естественно, потребуется время, нужны настойчивые усилия и добрая воля всех азиатских государств, основанные на глубоком осознании их высокой ответственности за судьбы своих народов.

МНР убеждена в том, что в связи с нынешним опасным развитием событий на континенте недостаточно одной только озабоченности, а нужны самые решительные действия, с тем чтобы совместными усилиями утвердить взаимопонимание и дружественное сотрудничество народов, укрепить мир в Азии как важнейшее звено всеобщей безопасности.

Нужно отметить, что дальнейшее осложнение обстановки в Азии из-за имперских и гегемонистских акций еще больше подчеркивает актуальность предложения МНР.

Политика Индии — важный фактор борьбы за мир и безопасность в Азии

В. Н. Георгиев

Характерной особенностью нашего времени является возрастание значения в мировых делах неприсоединившихся стран, превратившихся в активного субъекта международных отношений. Это в полной мере относится к одной из ведущих стран — участниц Движения неприсоединения, его председателю — Индии, независимая, миролюбивая политика которой снискала высокий авторитет на мировой арене.

Важную, можно сказать ключевую, роль во внешнеполитическом курсе независимой Индии играет «азиатское» направление. Вопросам обеспечения разрядки напряженности, мира и стабильности в Азии Дели придает первостепенное значение. Определяющим фактором, конечно, является само положение Индии как азиатской державы с семисотмиллионным населением. Понятно, что азиатские проблемы как составная часть глобальных проблем в большой степени затрагивают национальную безопасность, интересы этой страны. Безусловно, сказывается и понимание руководителями Индии значения Азии в современном мире. От того, как будет складываться положение на континенте, на который приходится более половины населения земного шара, во многом будет зависеть состояние дел на нашей планете вообще.

Индия традиционно уделяла особое внимание развитию отношений с другими азиатскими государствами. Со многими из них у нее давно установились разносторонние связи. Общеизвестно то глубокое воздействие, которое индийская цивилизация оказала на становление и развитие национальных культур целого ряда стран Азии, в свою очередь обогащаясь за счет культурных веяний оттуда.

В период национально-освободительного движения широкое распространение в передовых кругах индийского общества получили идеи солидарности с борьбой других азиатских народов против колониального угнетения, за национальную независимость. Не случайно именно в Индии, где был сокрушен крупнейший бастион английского колониализма, состоялась первая конференция по отношениям между странами Азии (23 марта — 2 апреля 1947 г.). В этом форуме, организованном в Дели по инициативе выдающегося деятеля национально-освободительного движения, первого премьер-министра страны Дж. Неру еще до официального провозглашения независимости Индии, приняли участие делегации общественности из 28 стран. В конференции участвовали и представители советских республик Средней Азии и Закавказья. С особой силой на конференции прозвучали осуждение всех форм колониализма, идеи возрождения стран Азии к новой жизни в качестве полноправных членов мирового сообщества. «Слишком долго Азия была просительницей в западных судах и канцеляриях. Теперь это должно отойти в прошлое, — подчеркивал в своем выступлении на конференции Дж. Неру. — Страны Азии перестали быть пешками в чужой игре. Они будут проводить свою собственную политику в международных делах»¹. Конфе-

¹ Дж. Неру. Внешняя политика Индии. М., 1965, с. 52—53.

решения в Дели отразила стремление к укреплению солидарности азиатских стран на антиимпериалистической, антиколониалистской основе и убедительно продемонстрировала важную роль Индии в этом процессе.

По мере упрочения Республики Индии возрастал ее вклад в решение актуальных азиатских проблем. Индия активно участвовала в урегулировании кризисных ситуаций. Во многих странах, в том числе в Советском Союзе, позитивный отклик и поддержку получили предложения индийского правительства по прекращению корейской войны, развязанной американским империализмом. Является общепризнанным тот весомый вклад, который Индия внесла в мирное урегулирование почти восьмилетней войны в Индокитае. Сопричастность Индии к работе конференции в Женеве в 1954 г., хотя официально она и не участвовала в ней, бесспорно способствовала выработке и заключению Женевских соглашений. Представитель Индии был выдвинут на пост председателя международных комиссий для контроля за осуществлением соглашений о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Мирное урегулирование индокитайской проблемы, ставшее возможным благодаря совместным упорным усилиям социалистических стран и молодых независимых государств, сорвало планы империалистов, рассчитывавших на сохранение своего господства над народами Индокитая.

Широкое международное признание получила ключевая роль Индии в подготовке и организации Бандунгской конференции, явившейся важной вехой в борьбе народов афро-азиатских стран против империализма, за упрочение своей независимости и суверенитета. Во многом благодаря усилиям Индии во главу угла конференции были поставлены задачи ликвидации колониализма, борьбы за социальный прогресс, преодоление экономической отсталости афро-азиатских стран. Значение Бандунгской конференции определялось и тем, что она способствовала утверждению среди развивающихся стран идей политики неприсоединения как средства активного противодействия империалистическим силам. Характерно, что в основу известных «десяти принципов Бандунга», представляющих собой политико-правовую систему взаимоотношений государств с различным социальным строем, были положены «пять принципов» мирного сосуществования, одним из инициаторов которых была Индия.

В современных условиях роль внешней политики Индии как важного фактора международных отношений, особенно в Азии, еще более возросла. В значительной степени это связано с внушительными успехами, достигнутыми страной на пути независимости. Индия — одна из наиболее развитых аграрно-промышленных стран в зоне национального освобождения, по объему промышленного производства она входит в первую десятку государств мира. «Вес» Индии в мировых делах существенно повысился благодаря ее активной роли в становлении и развитии Движения неприсоединения, ее вкладу в борьбу за мир и разрядку, против политики неоколониализма и расизма, благодаря конструктивным шагам, направленным на реализацию принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Принципиальную роль в этом играет понимание наиболее дальновидными политическими и государственными деятелями страны того обстоятельства, что коренные проблемы азиатских государств, в том числе и Индии, связаны с актуальными вопросами современности. «В современном мире, — заявила премьер-министр И. Ганди в интервью японской газете «Ёмиури симбун», — каждая страна неизбежно испытывает влияние того, что происходит за ее пределами... Мы подняли голос в защиту разоружения, ибо если случится война, пусть даже в другом регионе, она затронет нас»². Эти слова созвучны известному высказыва-

² Цит. по: "Times of India". 18.XI.1982.

нию Дж. Неру: «Мир в нашем представлении — это не просто воздержание от войны, а активный и положительный подход к международным отношениям»³.

Следует особо подчеркнуть, что возрастание роли Индии на мировой арене и ее воздействия на развитие обстановки в Азии происходит в условиях прогрессирующего изменения соотношения сил между мировой капиталистической системой и мировым социализмом, укрепления позиций социалистического содружества. Это открывает широкие возможности для активизации роли неприсоединившихся стран, Движения неприсоединения в целом.

Индия и некоторые региональные проблемы

У Индии серьезную озабоченность вызывает рост напряженности в Азии, в котором виновны империалистические круги, преследующие цели гегемонизма и мирового господства, стремящиеся добиться превосходства на пути гонки вооружений, сорвать разрядку, втянуть Азиатский континент в орбиту «холодной войны». Борьба за господство в Азии, на Тихом океане остается одной из важнейших стратегических задач Соединенных Штатов. Примечательно в этой связи, что в отчете МИД Индии за 1981/82 финансовый год в числе главных причин усиления напряженности в Азии названы «поиски новых баз, создание сил быстрого развертывания, формирование так называемого стратегического согласия в Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке»⁴. Все это, как известно, составляет неотъемлемую часть внешней политики американского империализма.

В условиях заметного осложнения общей обстановки на Азиатском континенте задачи обеспечения национальной безопасности Индии тесно увязываются с необходимостью разрядки напряженности, обеспечения мира и стабильности не только непосредственно у границ Индии, но и в Азии в целом. Тезис о взаимосвязанности проблем безопасности Южной, Юго-Западной и Юго-Восточной Азии звучит в выступлениях государственных и политических деятелей страны, находит отражение в официальных документах. Противодействие нагнетанию напряженности в Южноазиатском регионе, милитаризации бассейна Индийского океана, активное содействие достижению политического урегулирования в Юго-Восточной, Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке выдвигаются индийскими руководителями в качестве важнейших задач внешней политики страны.

Вполне естественна и оправданна та тревога, которую в политических и общественных кругах Индии вызывают попытки Вашингтона нарушить сложившееся соотношение сил на Индостанском субконтиненте, навязать его странам новый виток гонки вооружений. Именно эти цели преследуют массированные поставки американского вооружения Пакистану. Во время визита президента Пакистана Зия-уль-Хака в Вашингтон в декабре 1982 г. администрация Рейгана подтвердила обязательства США в отношении предоставления Исламабаду в течение шести лет военно-экономической помощи на сумму 3,2 млрд. долл. Она включает поставки сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков F-16, противотанковых ракетных установок, вертолетов, оборудования для ведения ночного боя, танков, современных средств связи. Американское оружие уже поступает в Пакистан. «Меры Пакистана по приобретению современных вооружений,— заявил в этой связи министр обороны Индии

³ Дж. Неру. Внешняя политика Индии, с. 20.

⁴ Ministry of External Affairs, Government of India. Annual Report 1981—1982. New Delhi, 1982, p. IV.

Р. Венкатараман, — далеко выходят за рамки его законных нужд в области обеспечения безопасности. Это вызывает необходимость для Индии в свою очередь заниматься укреплением собственной обороноспособности».

Курс Вашингтона на перевооружение Пакистана и расширение с ним военных связей составляет неотъемлемую часть общих усилий США по созданию и укреплению своих опорных пунктов на Ближнем Востоке и в Юго-Западной Азии, нагнетанию там и в других регионах напряженности.

В условиях, когда империалисты хотели бы дестабилизировать обстановку в Южноазиатском регионе, особую значимость приобретает линия Индии на создание атмосферы мира и доверия, развитие отношений подлинного добрососедства, дружбы и сотрудничества, на содействие делу независимости и безопасности стран Южной Азии. Руководствуясь именно этими целями, Дели предпринимает шаги по нормализации отношений с Исламабадом, дальнейшему развитию процесса, начатого Симлским соглашением между обеими странами в 1972 г. При этом Индия последовательно придерживается заложенных в этом соглашении принципов, согласно которым спорные вопросы между двумя странами должны решаться на двусторонней основе.

С конца 1981 г. между Дели и Исламабадом проводятся политические консультации. Индия выдвинула на них предложение заключить договор о мире, дружбе и сотрудничестве. По сообщениям индийской печати, проект договора предусматривает, в частности, обязательства обеих сторон не предоставлять свою территорию под иностранные базы и строго придерживаться принципа двусторонности при урегулировании спорных вопросов, то есть не выносить их на международные форумы. Хотя в данном вопросе сторонам не удалось пока достичь согласия, «одним из конкретных результатов усилий по улучшению отношений с Пакистаном», как отмечается в отчете МИД Индии за 1982/83 финансовый год, стало создание совместной индийско-пакистанской комиссии по сотрудничеству в экономике, торговле, здравоохранении и ряде других областей.

Следует, однако, подчеркнуть, что глубокие различия в подходе обеих стран к актуальным проблемам положения на Индостанском субконтиненте и за его пределами, несовпадение их внешнеполитических приоритетов по-прежнему сказываются на состоянии индийско-пакистанских отношений.

В последнее время заметно активизировались индийско-бангладешские отношения. Расширяются масштабы экономического сотрудничества между обеими странами. Крупным событием в их жизни стал визит в Дели в октябре 1982 г. главы военной администрации Бангладеш Х. М. Эршада и его переговоры с индийскими руководителями. Визит продемонстрировал обоюдную заинтересованность сторон в развитии дружественных отношений, их готовность решать неурегулированные проблемы в духе взаимной уступчивости, сдержанности, путем переговоров. Об этом наглядно свидетельствует подход двух стран к проблеме распределения вод Ганга в районе плотины Фаракка. Вопрос этот поручено рассмотреть совместной комиссии по рекам, которая должна выработать взаимоприемлемые предложения. Поскольку срок действовавшего к тому времени соглашения о разделе вод истек в ноябре 1982 г., было принято решение продлить его еще на определенный период.

Показательно, что в отчете МИД Индии за 1982/83 финансовый год говорится о «заметном прогрессе в решении наиболее важных двусторонних проблем благодаря добрососедству и дружескому сотрудничеству, характеризовавшему отношения между Индией и Бангладеш в отчетный период».

Укрепление атмосферы доверия и согласия между Индией и Бангладеш потенциально сужает возможности для маневров империалистиче-

ских и реакционных сил, спекулирующих на разногласиях между двумя странами. Напомним, что еще в 1978 г. Вашингтон, выдвинув идею совместного использования Индией, Непалом и Бангладеш вод Ганга и Брахмапутры при участии международных финансовых центров, уготовил в этом проекте для себя роль арбитра. По сути, преследовалась цель обеспечить так или иначе «американское участие» в расчете на то, что разногласия между южноазиатскими государствами приобретут необратимый характер. Понятно, что развитие добрососедских дружественных отношений между Индией, Бангладеш, Непалом, призванное содействовать укреплению их независимости, усилению их противодействия неоколониалистским силам, «не вписывается» в планы империалистов.

В последнее время в странах Южной Азии получают распространение настроения в пользу налаживания регионального сотрудничества в сфере экономики, науки, техники и других областях. С 1981 г. состоялся ряд конференций секретарей министерств иностранных дел семи стран региона, на которых шла речь об определении конкретных сфер и направлений сотрудничества. И участие в работе этих конференций, и отклики в политических кругах Индии говорят о позитивном отношении этой страны к идее регионального сотрудничества как таковой. «Наши соседи на Южноазиатском субконтиненте, — заявил в этой связи в своем выступлении на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел Индии Нарасимха Рао, — предпринимают усилия к налаживанию регионального сотрудничества на основе взаимной выгоды. Индия удовлетворена этими желательными событиями, которые созвучны нашим собственным многолетним усилиям с целью укрепления взаимопонимания со странами этого региона».

Как явствует из выступлений политических деятелей Индии, развитие сотрудничества между странами Южноазиатского субконтинента должно создавать условия для обеспечения экономической самостоятельности, укрепления мира и стабильности в регионе. Глава внешнеполитического ведомства Индии в уже цитированном выступлении особо подчеркнул, сколь несовместима с идеей регионального сотрудничества и вредна по существу концепция так называемого «стратегического согласия», продвигаемая империалистическими кругами.

В Индии подчеркивают необходимость учитывать при претворении в жизнь идеи регионального сотрудничества особенности исторической эволюции данного региона, объективные реалии южноазиатской действительности.

Показательно для настроений в Индии мнение, выраженное на страницах авторитетной газеты «Таймс оф Индия». В опубликованной газетной статье по проблемам регионального сотрудничества обозреватель С. Мунни высказался против перенесения модели АСЕАН на южноазиатскую почву, указав, в частности, на непримлемость пути «зависимого развития» и устойчивое влияние фактора двусторонних отношений в деле сотрудничества между южноазиатскими странами⁵.

Успешно развиваются отношения Индии с Демократической Республикой Афганистан. Знаменательной вехой в этом процессе стало возобновление в 1982 г. после многолетнего перерыва деятельности совместной индийско-афганской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Индия занимает реалистическую, взвешенную позицию по вопросу о положении вокруг Афганистана. Правительство И. Ганди выступает за всеобъемлющее политическое регулирование этого вопроса и исходит из необходимости прекращения вмешательства извне во внутренние дела ДРА как одного из важнейших условий урегулирования.

⁵ Там же: «Times of India», 17.XI.1982.

Индия с пониманием относится к мерам, принятым правительством ДРА для обеспечения суверенитета, независимости и национальной безопасности республики, включая обращение к СССР за оказанием помощи в этом. «Если какая-либо страна, — заявила премьер-министр Индира Ганди на пресс-конференции в Дели в марте 1983 г., — чувствует себя в опасности и обращается за военной помощью к другому государству, это исключительно ее внутреннее дело. Я считаю, что шумиха, поднятая вокруг Афганистана, не способствует решению проблемы».

На международных форумах Индия выступает против попыток империалистических стран инспирировать кампанию вокруг так называемого «афганского вопроса». Так, на XXXVII сессии ГА ООН представитель Индии заявил, что индийская делегация не намерена поддерживать антиафганскую резолюцию, внесенную на рассмотрение сессии, расценив ее как попытку использовать трибуну ООН для пропаганды идей «холодной войны».

Благодаря усилиям Индии, а также ДРА, СРВ, ЛНДР, НДРГ, Кубы, Эфиопии и ряда других стран были сорваны попытки правых, империалистических сил поставить обсуждение пресловутого «афганского вопроса» в центр работы VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели.

Позитивное воздействие политики Индии на положение в Юго-Восточной Азии

Конструктивную роль играет политика Индии в Юго-Восточной Азии. Шаги, предпринимаемые ею вместе с другими миролюбивыми силами для обеспечения мира и стабильности в этом регионе, особенно актуальны в нынешних условиях, когда американские империалисты делают ставку на превращение Юго-Восточной Азии в связующее звено между системами своих военных баз и соглашений на Ближнем Востоке и в западной части Тихого океана.

В Индии справедливо расценивают нагнетание напряженности в Юго-Восточной Азии как угрозу безопасности и Южноазиатского субконтинента, в том числе и самой Индии. Влиятельная индийская газета «Нэшнл геральд», выражая тревогу в связи с развитием событий в ЮВА, подчеркивала «важность мирного решения проблем этого региона, что отвечает интересам национальной безопасности Индии»⁶.

Индия последовательно выступает за налаживание диалога между странами АСЕАН и Индокитая, за нормализацию отношений между ними и прекращение вмешательства внешних сил в дела региона.

Среди конструктивных мер Индии, направленных на обеспечение мира и стабильности в Азии, важное место занимает развитие ее дружественных отношений с государствами Индокитая — СРВ, НРК, ЛНДР.

Плодотворно развиваются индийско-вьетнамские отношения. В феврале 1982 г. состоялся визит министра иностранных дел Индии Нарасимха Рао в СРВ, в ходе которого обе стороны выразили уверенность в том, что расширение вьетнамо-индийских связей отвечает интересам обеих стран, задачам укрепления мира в Азии.

Индийская сторона подчеркнула, что сотрудничество и дружественные отношения с социалистическим Вьетнамом являются постоянным фактором внешней политики Индии и должны развиваться на долговременной основе. В ходе переговоров выявилась идентичность или близость позиций СРВ и Индии по ключевым международным вопросам —

⁶ «National Herald», 8.X.1981.

таким, как необходимость ослабления напряженности, разоружения, обеспечения мира и стабильности на Азиатском континенте. Было особо отмечено, что проблемы Юго-Восточной Азии должны решаться на основе принципов мирного сосуществования, исключающих агрессию или вмешательство во внутренние дела стран региона.

Важным событием в сфере индийско-вьетнамских отношений стал визит министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя в Индию в декабре 1982 г. В результате переговоров, состоявшихся в Дели, было решено создать совместную индийско-вьетнамскую комиссию по экономическому и техническому сотрудничеству во главе с министрами иностранных дел двух стран. Комиссия призвана содействовать тому, чтобы поставить на постоянную и долговременную основу сотрудничество двух стран в развитии целого ряда отраслей их экономики. В соответствии с достигнутой договоренностью Индия окажет Вьетнаму содействие в подготовке национальных кадров.

Во время декабрьского визита Нгуен Ко Тхатя в Индию был подписан торговый протокол между двумя странами. Индия обязалась поставлять в СРВ химикаты, запчасти для ткацких станков, сырье для химической промышленности и т. д. В свою очередь СРВ взяла на себя обязательство экспортировать в Индию цемент, каучук, апатиты и другие товары. Индия и Вьетнам плодотворно сотрудничали в подготовке и в ходе работы Делийской конференции движения неприсоединения в верхах в марте 1983 г., что сыграло немаловажную роль в успехе этого форума. Устойчивое развитие дружественных отношений между Индией и СРВ получает высокую оценку руководителей социалистического Вьетнама. «После наших отношений с другими странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи, — заявил министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя, — наше многогранное сотрудничество с Индией имеет для нас особое значение. Сотрудничество между Вьетнамом и Индией — это важный фактор мира в Азии и в Юго-Восточной Азии, и оно имеет также важное значение для развития Движения неприсоединения».

Большое значение Индия придает развитию отношений с НРК. Еще до своего прихода к власти в 1980 г., в период предвыборной борьбы, партия ИНК (И), возглавляемая И. Ганди, выдвинула в своем предвыборном манифесте обещание признать Народную Республику Кампучию. Враждебные силы прилагали немало усилий, чтобы не допустить установления дипломатических отношений между Индией и НРК. Однако все их старания оказались безуспешными. В 1980 г. Индия признала Народную Республику Кампучию. Установление дипломатических отношений между Индией и НРК соответствовало реально сложившейся обстановке в ЮВА.

Индия выступает в поддержку независимости, суверенитета и территориальной целостности НРК, отмечая важность этого для нормализации положения в Юго-Восточной Азии.

Существенным вкладом в укрепление дружественных отношений между народами Индии и Кампучии стал визит в Индию в августе 1981 г. заместителя председателя Совета министров, министра иностранных дел НРК Хун Сена. Это был первый визит в Индию делегации НРК после установления дипломатических отношений между двумя странами. В совместном индийско-кампучийском коммюнике, опубликованном по завершении визита, указывалось, что «индийская сторона высоко оценила достижения народа Кампучии за годы, прошедшие после освобождения, особенно в нормализации и стабилизации повседневной жизни в стране». В ходе визита было проведено детальное обсуждение вопросов, связанных с сотрудничеством в сфере экономики и других областях, намечены конкретные направления оказания Индией содействия правительству и народу НРК в восстановлении разрушенного полпотовским режимом народного хозяйства страны.

Поддержка Индией правого дела кампучийского народа имеет особое значение в условиях, когда империалисты и их союзники стремятся изолировать Народную Республику Кампучию на международной арене, в Движении неприсоединения, добиться легализации марионеточной «коалиции» во главе с Сиануком. Индия отвергла навязчивые предложения доброжелателей полпотовцев принять участие в так называемой Международной конференции по Кампучии в 1981 г. Как указывалось в отчете МИД Индии за 1981/82 финансовый год, «конференция, которая признает антигуманный дискредитировавший себя режим Пол Пота, вряд ли способна улучшить перспективы нормализации обстановки в этой стране»⁷.

Совместно со всеми антиимпериалистическими силами в Движении неприсоединения Индия воспрепятствовала попыткам определенных кругов проташить любыми способами на Делийскую конференцию глав государств и правительств неприсоединившихся стран руководителя так называемого коалиционного правительства Демократической Кампучии Н. Сианука. Характерно для позиции Индии заявление И. Ганди на одной из пресс-конференций накануне Делийского форума в верхах о том, что «нынешнее правительство НРК прочно контролирует обстановку в стране».

На других международных форумах в выступлениях представителей Индии проводится мысль о необратимости перемен в Кампучии, выражается солидарность с кампучийским народом, строящим новую жизнь. Выступая с трибуны ООН, член индийской делегации К. Рамалингам прямо заявил: «Любые попытки повернуть вспять процесс нормализации в Кампучии бесперспективны. Беспольными представляются призывы к тому, чтобы народ Кампучии позволил бывшим тиранам вернуться под любой личиной к власти, чтобы вновь обрушить на население волну террора и насилия».

Можно с уверенностью сказать, что добрые отношения Индии с государствами Индокитая способствуют консолидации позиций тех сил в Юго-Восточной Азии, которые выступают за нормализацию обстановки в регионе, за создание климата доверия между всеми странами ЮВА.

Важное значение индийское руководство придает развитию отношений со странами АСЕАН. В 1981 г. состоялись визиты премьер-министра Индии И. Ганди в Индонезию и на Филиппины, вице-президента страны М. Хадаятуллы в Сингапур. В 1982 г. поездку по ряду стран АСЕАН совершил министр иностранных дел Индии Нарасимха Рао.

Большой удельный вес во взаимоотношениях Индии со странами асеановской пятерки, особенно с Малайзией и Индонезией, имеют экономические связи. Их развитие приобрело повышенную значимость в обстановке серьезных трудностей, с которыми развивающиеся страны сталкиваются на западных рынках в результате дискриминационной торговой политики империалистических держав. Индия рассчитывает на увеличение своего экспорта в страны Юго-Восточной Азии и сохраняет заинтересованность в импорте оттуда нефти, олова, меди, каучука, которыми богаты страны АСЕАН. Расширение экономического сотрудничества с этими государствами представляет одно из направлений курса Индии на мобилизацию коллективных усилий развивающихся стран в защиту своих интересов перед лицом неоколониалистской политики Запада.

Следует особо подчеркнуть, что связи Индии со странами АСЕАН во многом опираются на устойчивые традиции и подкрепляются определенной исторической, культурно-религиозной и этнической общностью между ними. В странах АСЕАН широкое развитие получило сотрудничество индийских деловых кругов с местным бизнесом. Там создано около 80

⁷ Ministry of External Affairs. Government of India. Annual Report, 1981—1982, p. VII.

смешанных предприятий с участием индийских промышленников и индийского торгового капитала. Среди них — текстильные фабрики, заводы по сборке двигателей, производству электробытовой аппаратуры. Наибольшее число смешанных предприятий действует в Малайзии и Индонезии. В 1981 г. индийские фирмы получили контракт на расширение крупного цементного завода в Педанге (Индонезия). Посетившая в том же году страны АСЕАН представительная делегация индийских промышленников сделала вывод о том, что «в этих странах чувствуется большая тяга к индустриальному сотрудничеству с Индией».

Между Индией и асеановской пятеркой существуют заметные различия в подходе к целому ряду вопросов положения на Азиатском континенте и за его пределами, но это не меняет общей направленности курса правительства И. Ганди на развитие дружественных отношений со всеми странами Юго-Восточной Азии на основе принципов мирного сосуществования.

В целом политика Индии в ЮВА идет вразрез с линией США и их союзников на сохранение напряженности, на втягивание ими стран АСЕАН в свою глобальную стратегию. Индия, бесспорно, оказывает стабилизирующее воздействие на положение в этом беспокойном регионе.

Индия — за ликвидацию конфликтов и расширение зоны мира и стабильности в Азии

Активная роль Индии в деле урегулирования конфликтных ситуаций на Азиатском континенте.

Обоснованную тревогу политических и общественных кругов Индии вызывает взрывоопасная обстановка в близком к ней районе Ближнего Востока. Откровенный разбой и геноцид в отношении ливанцев и палестинцев, которых правящие круги Израиля при поддержке Вашингтона возвели в ранг государственной политики, резко осуждают самые широкие слои индийского общества. Выражая эти настроения, премьер-министр Индии И. Ганди назвала действия израильских агрессоров в Ливане «чудовищным нарушением всех норм международного права, грубым пренебрежением к другим странам и народам».

Ключ к решению ближневосточной проблемы Индия видит в безоговорочном освобождении Израилем оккупированных им арабских территорий, в проведении переговоров, направленных на справедливое и всеобъемлющее решение проблемы, с участием всех заинтересованных сторон. Правительство И. Ганди со всей определенностью заявляет, что это решение должно предусматривать гарантии суверенитета, независимости и территориальной целостности Ливана и прав народа Палестины, включая право на создание собственного государства.

Значительные усилия Индия прилагает для мобилизации неприсоединившихся стран в поддержку ливанского и палестинского народов, активно выступает за единство и взаимодействие арабских стран в борьбе с израильскими агрессорами. Большую работу в этом направлении провела индийская делегация во главе с премьер-министром И. Ганди на VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели. Принципиально важное значение имеет то обстоятельство, что Индия решительно выступает против попыток определенных кругов на Западе подменить урегулирование ближневосточной проблемы маневрами вокруг ливанских событий.

Широкое признание снискала последовательная поддержка Индией Организации освобождения Палестины (ООП) как единственного законного представителя палестинского народа. Убедительным подтверждением этой поддержки стало предоставление статуса дипломатической миссии представительству ООП в Дели, что, безусловно, способст-

вовало укреплению позиций этой организации на международной арене, особенно среди неприсоединившихся стран.

Конструктивную позицию Индия занимает в вопросе об ирано-иракском конфликте. Руководители Индии неоднократно подчеркивали, что продолжение кровопролития между Ираном и Ираком наносит огромный ущерб коренным интересам этих стран, увеличивает число бессмысленных жертв, осложняет решение актуальных социально-экономических проблем, стоящих перед ними. Индия прилагает настойчивые усилия к прекращению этого конфликта. Показательно, что в речи на закрытии Делийской конференции движения неприсоединения в верхах И. Ганди вновь обратилась к Ираку и Ирану с призывом «прекратить трагическую войну».

Особое место в усилиях Индии по обеспечению мира и стабильности в Азии отводится мерам, направленным на разрядку опасной обстановки в Индийском океане. Индия глубоко заинтересована в превращении Индийского океана в зону мира прежде всего в силу необходимости защиты своей безопасности. Индия является самой крупной по численности населения страной в бассейне Индийского океана. Протяженность ее морских границ составляет свыше 6 тыс. км. Мирная обстановка в регионе означает безопасность и этих границ, и крупнейших промышленных, торговых и культурных центров, расположенных на побережье, и принадлежащих Индии островов в океане, и ее разветвленных морских коммуникаций. Следует также иметь в виду и то, что океан «кормит» миллионы индийцев, и то, что с разработками запасов нефти и природного газа, имеющихся на шельфе, в Индии связывают планы если не решения, то смягчения энергетической проблемы. Понятно, что мирные океанские воды — это вопрос жизненной необходимости для Индии.

Однако западные державы, прежде всего США, интенсивно проводят курс на наращивание здесь своего военного присутствия, ставя целью превратить весь бассейн Индийского океана в сферу своего военно-политического господства, создавая реальную угрозу безопасности прибрежных государств.

Американский план «освоения» этого региона на 1980—1985 гг. предусматривает военные расходы в сумме 25 млрд. долл. На сегодняшний день в районе Индийского океана находится 25 военных объектов США, на которых дислоцировано 140 тыс. американских военнослужащих. В числе этих объектов важная стратегическая база Диего-Гарсия, где размещено ядерное оружие Пентагона и создаются запасы химического оружия. Новым этапом эскалации американского военного присутствия в Индийском океане стало создание центрального военного командования США (Сентком) по осуществлению операций в Юго-Западной Азии, в районе Персидского залива и сопредельных регионах. Американский военный кулак занесен над огромной территорией, охватывающей 19 стран — от Египта на западе до Пакистана на востоке, от Кении и Сомали на юге до Ирана и Афганистана на севере. Сосединенные Штаты создают новые плацдармы для вмешательства в дела развивающихся государств.

В Индии осознают, чем чреваты такие действия. Именно поэтому Дели активно выступает за превращение Индийского океана в зону мира. Это предусматривает ликвидацию там иностранных военных баз, отказ от размещения ядерного оружия и оружия массового уничтожения, обязательство не применять ядерное оружие против прибрежных и материковых государств, отказ от размещения вооруженных сил и вооружений, которые угрожали бы суверенитету, территориальной целостности и независимости стран региона. «Мы единодушны в осуждении интенсивной милитаризации Индийского океана и ядерного оснащения базы на Диего-Гарсия, — заявила на VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран И. Ганди. — Мы должны удвоить

наши усилия, чтобы обеспечить созыв Международной конференции по Индийскому океану». Премьер-министр Индии подчеркнула, что Индийский океан должен стать зоной мира.

Выдвинутая Индией и другими развивающимися странами идея превращения Индийского океана в зону мира нашла воплощение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН еще в 1971 г. и вновь получила полную и безоговорочную поддержку на Деллийской конференции движения неприсоединения в верхах, однако империалистические силы чинят всевозможные препятствия на пути ее претворения в жизнь. Об этом красноречиво говорит откровенно обструкционистская линия, занятая США и их союзниками в вопросе созыва Международной конференции по выработке соглашения о превращении Индийского океана в зону мира. Вопреки воле народов Вашингтон ведет дело к тому, чтобы не допустить проведения конференции, во всяком случае до тех пор, пока не будет выполнена пятилетняя программа военного строительства США в этом районе.

В такой обстановке как никогда ранее важны совместные скоординированные действия неприсоединившихся государств, дальнейшее повышение их активности в деле коллективного отпора саботажу империалистов.

Индия и СССР: общая приверженность делу упрочения мира и разрядки напряженности

Важным фактором укрепления мира и стабильности в Азии являются успешно развивающиеся отношения дружбы и сотрудничества между СССР и Индией. Итоги состоявшегося в сентябре 1982 г. визита в нашу страну премьер-министра Индии, а также встречи в Москве в ноябре того же года между Ю. В. Андроповым и И. Ганди убедительно подтвердили, что по наиболее актуальным проблемам современности Советский Союз и Индия занимают общие или близкие позиции. Наши страны исходят из того, что первоочередной задачей является противодействие гонке вооружений, прежде всего ядерных, осуществление эффективных мер по всеобщему и полному разоружению, предотвращению термоядерной войны.

СССР и Индия твердо убеждены в том, что нерешенные проблемы в Азии, как и в мире в целом, могут и должны быть урегулированы только мирными средствами, и безоговорочно выступают в поддержку принципов мирного сосуществования. В совместной советско-индийской декларации, подписанной в ходе визита И. Ганди в СССР в сентябре 1982 г., отмечается: «Советский Союз и Индия вновь подтверждают свою твердую приверженность тому, что международные отношения должны развиваться на основе строгого соблюдения таких общепризнанных основополагающих принципов, как отказ от угрозы силой и ее применения, равенство, уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности государств, нерушимость границ и невмешательство в любой форме во внутренние дела друг друга».

В индийских политических и общественных кругах с глубоким удовлетворением встречено подтверждение на ноябрьской (1982 г.) встрече на высшем уровне в Москве взаимной заинтересованности Советского Союза и Индии в упрочении отношений дружбы и многостороннего сотрудничества, в их поступательном развитии на благо наших народов и дела всеобщего мира. «Индия, — писала в этой связи влиятельная индийская газета «Нэшнл геральд», — приветствует тот факт, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов и премьер-министр Индии Ганди высказались за дальнейшее укрепление и углубление советско-индийского сотрудничества во всех областях. В основе этой выраба-

тивавшейся шаг за шагом политики в двусторонних отношениях лежит прочный фундамент принципов равенства и взаимной выгоды. Связи между двумя странами чрезвычайно важны как для них самих, так и для дела мира в целом».

Позитивный резонанс в Индии вызвал ряд мирных инициатив, с которыми выступил в последнее время СССР как в одностороннем порядке, так и совместно с другими социалистическими странами. Как подтверждение неодолимости сил мира и разрядки были встречены в широких кругах индийской общественности крупномасштабные предложения по упорочению мира в Азии и на других континентах, выдвинутые на XXVI съезде КПСС и в последующий период. Существенным вкладом в ликвидацию и предотвращение кризисных ситуаций в мире, в том числе и на Азиатском континенте, явилась бы реализация предложений СССР о распространении мер доверия на акватории морей и океанов, а также на Дальнем Востоке. Они созвучны усилиям Индии и других неприсоединившихся стран, направленным на превращение Индийского океана в зону мира. Это полностью относится и к предложению Советского Союза о том, чтобы в целях создания благоприятной обстановки для проведения Международной конференции по Индийскому океану все государства, которые пользуются его водами, воздержались бы до созыва конференции от шагов, могущих осложнить положение в этом районе.

Индийские руководители приветствовали взятое на себя Советским Союзом обязательство о неприменении первым ядерного оружия, рассматривая его как важный шаг на пути к полному и окончательному запрещению применения или угрозы применения ядерного оружия.

Положительный отклик в Индии встретило «мирное наступление стран — участниц Варшавского Договора», как охарактеризовала индийская газета «Стейтсмен» инициативы, выдвинутые Советским Союзом и другими социалистическими странами на совещании ПКС государств — участников организации Варшавского Договора в Праге (январь 1983 г.)⁸. Эти инициативы были расценены индийской общественностью как имеющие принципиальное значение для оздоровления обстановки в мире, для устранения существующих и предотвращения появления новых очагов военных конфликтов в Азии, Африке и других регионах. Особое внимание привлекли заверение государств — участников Варшавского Договора, что у них нет намерений расширять сферу действий своего союза, и их призыв к членам НАТО отказаться от распространения зоны действия своего блока на какие бы то ни было районы мира, в частности на Персидский залив. Как исключительно важная предпосылка возвращения к политике разрядки и ликвидации угрозы войны рассматривается в Индии предложение стран — участниц Варшавского Договора странам НАТО о заключении Договора о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира. «Новые предложения, — констатировала газета «Индиан экспресс», — могут служить основой для конструктивных переговоров. Совершенно очевидно, что Советский Союз готов к ним»⁹.

В Индии с признательностью встречена высокая оценка роли движения неприсоединения в международной жизни и подтверждение неизменной поддержки и солидарности Советского Союза с борьбой молодых государств за упорочение независимости, мир и прогресс, которые содержатся в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на торжественном заседании в Москве, посвященном 60-летию образования СССР, и в приветствии Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР председателю VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран И. Ганди.

⁸ In: "Statesman", 16.I.1983.

⁹ "Indian Express", 13.I.1983.

Ответственная роль Индии — председателя Движения неприсоединения

Проведение Конференции Движения неприсоединения в верхах в Дели явилось признанием высокого авторитета Индии среди неприсоединившихся государств, на международной арене в целом, ее значительной роли в решении актуальных проблем, стоящих перед странами, сбросившими колониальное иго. В ходе конференции Индия в лице ее премьер-министра И. Ганди была избрана председателем Движения неприсоединения на ближайшие три года.

Делийский форум проходил в осложнившейся международной обстановке, в условиях нагнетания напряженности империалистическими кругами, развертывания ими нового витка гонки вооружений. Одновременно активизировались усилия империалистов по расколу Движения неприсоединения и ослаблению его антиимпериалистической и антивоенной направленности. Примечательно, что накануне конференции в политических кругах США выражались прозрачные намеки на некую необходимость «возвращения» движения на позицию «подлинного» неприсоединения, «равноудаленности от великих держав». Задолго до делийской встречи в верхах империалистические силы и их союзники предпринимали настойчивые попытки навязать участникам предстоящего форума обсуждение вопросов, не имеющих отношения к действительно злободневным проблемам современности. Расчет делался на то, чтобы в конечном счете увести Движение неприсоединения с магистрального направления, добиться его «нейтралитета» в отношении войны и мира, равно как и других актуальных вопросов нашей эпохи.

В том, что эти расчеты потерпели провал и Делийская конференция приняла важные, конструктивные решения в интересах упрочения мира и безопасности, защиты свободы стран и народов, немалая заслуга Индии как страны — организатора конференции. Совместно с другими участниками Движения неприсоединения, отстаивающими его верность принципам антиимпериализма и антиколониализма, Индия много сделала для того, чтобы поставить в центр всей работы конференции вопросы борьбы против угрозы ядерной войны, за прекращение гонки вооружений и разоружение, против колониализма и расизма, за экономический прогресс неприсоединившихся стран. В Делийском обращении, принятом участниками конференции по предложению И. Ганди, говорится: «Центральными проблемами нашего времени являются мир и мирное сосуществование, разоружение и развитие. Однако мир должен базироваться на справедливости и равенстве, потому что установленные колониализмом и империализмом невыносимые неравенство и эксплуатация остаются главными источниками напряженности, конфликтов и насилия в мире».

Участники конференции в Дели потребовали «остановить гонку вооружений, которая поглощает во все возрастающих масштабах ограниченные материальные ресурсы нашей планеты», «немедленно приостановить сползание к ядерному конфликту». Главы государств и правительств неприсоединившихся стран обратились к ядерным державам с призывом заключить Международную конвенцию о запрещении применения ядерного оружия и угрозы его применения.

Работа и итоги Делийской конференции продемонстрировали крепкую убежденность участников Движения неприсоединения в том, что борьба за обеспечение мира в современных условиях — это вопрос выживания человечества, сохранения жизни на Земле, что лишь в условиях мира и безопасности молодые государства могут решать свои неотложные проблемы развития, противостоять неоколониалистскому давлению.

Для успеха Делийского форума важное значение имели активные усилия Индии и других стран, отстаивающих приверженность движения его основополагающим принципам, направленные на противодействие разного рода центробежным тенденциям, на укрепление единства Движения неприсоединения, дальнейшее повышение его роли на мировой арене.

Видное место в работе конференции заняли вопросы устранения напряженности в Азии и в бассейне Индийского океана. В политической декларации Делийского форума выражена серьезная озабоченность в связи с сохраняющейся сложностью обстановки в Юго-Восточной Азии и содержится призыв ко всем государствам этого региона начать диалог в целях установления прочного мира и стабильности.

Участники конференции подтвердили необходимость восстановления неотъемлемого права народа Палестины на создание собственного национального суверенного государства. Была осуждена агрессия Израиля в Ливане, оккупация им арабских земель. Характерно и другое: обсуждение положения на Ближнем Востоке, как и в ряде других регионов, сопровождалось решительной критикой политики США. Объективно антиимпериалистическую направленность имеет и отражение в материалах конференции требования о превращении Индийского океана в зону мира и возвращении архипелага Чагос, включая остров Диего-Гарсия, арендованный США у Англии, его законному владельцу Маврикию.

Последовательное выполнение решений Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели, несомненно, будет способствовать консолидации усилий участников движения в борьбе за дело мира, безопасности и национальной независимости, против империализма и неоколониализма. Индии как стране, возглавившей Движение неприсоединения, предстоит выполнить высокую и ответственную миссию.

Шестая пятилетка КНР: проблемы и перспективы

А. П. Морозов,
кандидат экономических наук
И. Н. Наумов,
кандидат экономических наук

10 декабря 1982 г. 5-й сессией Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва был утвержден «Шестой пятилетний план экономического и социального развития Китайской Народной Республики (1981—1985)»¹. Хотя, как видим, это произошло с задержкой в два года, тем не менее сам факт принятия этого плана является позитивным для развития народного хозяйства страны. Дело в том, что, по существу, после завершения первого пятилетнего плана в 1957 г. в последующие 25 лет, как признается в Китае, не было разработано ни одного научно обоснованного плана, а «производство и строительство велись полуплано-полуанархически»: без учета экономических законов и реальных возможностей китайской экономики, в «слепой погоне» за сверхвысокими темпами развития, с непомерной для КНР нормой накопления и односторонним развитием тяжелой промышленности, особенно металлургии. До минимума были сокращены вложения в сельское хозяйство, легкую промышленность, непродовольственную сферу, жилищное строительство. В результате в народном хозяйстве КНР к началу 80-х годов создалась критическая ситуация: углубились старые диспропорции, возникли новые. Вследствие острой нехватки энергии и топлива не использовалось 30 % мощностей промышленности. Распыление капитальных вложений обусловило растянутость фронта капитального строительства, удлинение сроков введения в строй новых объектов.

Особенно острый характер приобрело отставание сельского хозяйства, легкой промышленности, топливно-энергетического и сырьевого комплексов, транспорта. Из-за высоких темпов прироста населения и низких темпов прироста сельскохозяйственного производства в стране ухудшилось обеспечение населения продовольствием, тканями. В 1977 г. по сравнению с 1957 г. потребление зерновых на душу населения в деревне уменьшилось на 5,9 %, растительного масла — на 43,2, хлопчатобумажных тканей — на 5,7 %.

Производство промышленности и сельского хозяйства за прошедшие 25 лет носило крайне неустойчивый характер: несколько раз в народном хозяйстве имели место резкие спады. В 1961 и 1962 гг. объем производства в промышленности и сельском хозяйстве сокращался соответственно на 30,9 и 10,1 %, в 1967 и 1968 гг. — на 9,6 и 4,2 %². Резко упала эффективность общественного производства, ухудшилось качество продукции, возросли расходы энергии и материалов на единицу продукции. Если в первую пятилетку на 100 юаней накопленный прирост национального дохода составлял 35 юаней в год, то в 1981 г. — всего 20 юаней, на одну тонну условного топлива производилось национального дохода соответственно 1167 и 576 юаней и т. д.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 13.XII.1982.

² Там же, 10.I.1983.

Тяжелое экономическое положение в стране явилось предметом обсуждения на III пленуме ЦК КПК, который состоялся в декабре 1978 г. В постановлении пленума говорилось о необходимости «поворота к социалистической модернизации начиная с 1979 г.», «переноса центра работы партии и народа в сферу экономики», а также о том, что следует «вести дела на основе объективных экономических законов», в частности закона стоимости, и провести ряд хозяйственных и административных реформ. В апреле того же года на рабочем совещании в ЦК КПК был выдвинут «курс на урегулирование, преобразование, упорядочение и повышение уровня народного хозяйства», рассчитанный первоначально на три года (1979—1981).

В соответствии с этим курсом в 1979—1980 гг. был принят ряд важных экономических мер: повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, сняты ограничения, наложенные на подсобные хозяйства и промыслы, освобождены от сельскохозяйственного налога беднейшие бригады, открыты сельские рынки; разрешено введение во всех сферах деятельности материального стимулирования, повышена денежная заработная плата значительному контингенту рабочих и служащих; в опытном порядке части крупных и средних предприятий были предоставлены права на закупки и сбыт собственной продукции, на этих предприятиях создавались за счет отчислений от прибыли фонды развития производства, социальных мероприятий, материального стимулирования.

Несмотря на важность принятых мер, они не оказали ожидавшегося воздействия на экономику. Более того, некоторые из них имели обратный эффект. С ослаблением централизованного управления материальным снабжением, ценами, оптовой и розничной торговлей, финансами, заработной платой и заготовками сельскохозяйственных продуктов в стране сразу же поднялась небывалая волна инфляции, множились случаи спекуляции, экономических преступлений. Необоснованными оказались надежды на стихийное действие закона стоимости. Ухудшилось материально-техническое обеспечение крупных промышленных предприятий, участились остановки и перебои в их работе из-за нехватки энергии, сырья. Рос бюджетный дефицит: если в 1977 г. он составил 1,7 млрд. юаней, в 1978 г. — 10,5, то в 1979 г. подскочил до 17,07. В 1980 г. он оставался на уровне 12,7 млрд. юаней. Не произошло сколь-нибудь заметных сдвигов и в деле стабилизации материального производства, ослабления межотраслевых диспропорций.

В конце 1980 и в 1981 гг. был принят ряд экстренных мер для сбалансирования государственного бюджета, в частности изданы постановления «О строгом контроле и упорядочении цен», «Об управлении балансом доходов и расходов», «О решительном пресечении злоупотреблений в использовании премиального фонда». Было приостановлено осуществление хозяйственной реформы. Стало очевидным, что за три года «отрегулировать» народное хозяйство и ликвидировать в нем диспропорции, навести порядок невозможно. Поэтому период урегулирования был продлен на шестую, а затем фактически и на седьмую пятилетки. Отсюда понятно, сколь важное значение для китайской экономики может иметь научно обоснованный план.

Китайские экономисты и плановики указывают на специфику подхода к современному планированию в КНР. Суть ее, по их мнению, состоит в том, что планирование в КНР должно вестись в соответствии с тремя видами управления народным хозяйством: директивным планированием, направляющим планированием и свободным рыночным регулированием на основе стихийного действия закона стоимости. Этот подход получил одобрение на XII съезде КПК, состоявшемся в сентябре 1982 г. Поскольку это нововведение находится еще в стадии разработки, то даются самые общие разъяснения относительно того, что и как должно планироваться. Так, директивные планы разрабатываются для про-

изводства и распределения важнейших средств производства и предметов потребления на ключевых предприятиях, имеющих решающее значение для экономики в целом. Для сельского хозяйства директивный характер имеют планы закупок важнейших продуктов: зерна, хлопка, масличных и некоторых других культур.

Направляющее планирование применяется к некоторым категориям средних и мелких государственных предприятий, производящих товары массового спроса. Производство и сбыт на таких предприятиях должны регулироваться главным образом с помощью экономических рычагов (цены, налога, кредита). И, наконец, производство и сбыт мелкого ширпотреба, товаров местного производства, сезонной продукции должны осуществляться на основе стихийного действия закона спроса и предложения. Шестой пятилетний план разрабатывался в рамках курса урегулирования народного хозяйства КНР. Поэтому главная задача его заключается в том, чтобы постепенно разрешить оставшиеся от прошлого проблемы, препятствующие хозяйственному развитию, добиться коренного улучшения финансово-экономического положения и создать основу для экономического и социального развития в седьмой пятилетке. В связи с этим планом предусматривается решение ряда острых народнохозяйственных проблем, в том числе преодоление «волнообразного» развития экономики и обеспечение устойчивых темпов роста промышленности и сельского хозяйства; переориентация тяжелой промышленности с работы «на себя» на обеспечение средствами производства транспорта, легкой промышленности, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства; сближение темпов развития производства средств производства и предметов потребления, значительное увеличение производства продукции легкой промышленности и сельского хозяйства; стремление к сбалансированию покупательского спроса и предложения товаров, стабилизации цен, укреплению государственного бюджета.

Наряду с этим в шестой пятилетке намечается провести большие мероприятия в военной области. В частности, планируется продолжить разработку и развитие как обычных, так и стратегических видов оружия, а также повысить уровень оснащения войск современным оружием и снаряжением.

В шестом пятилетнем плане предпринята попытка охватить все аспекты развития народного хозяйства, включая благосостояние трудящихся. В нем учтены тяжелые уроки «слепой погони» за сверхвысокими темпами развития. Намеченные показатели прироста валового продукта промышленности и сельского хозяйства, национального дохода сравнительно невысоки — 21,7 %, причем прирост производства легкой промышленности (5 % в год) должен опережать прирост тяжелой промышленности (3 %) (см. таблицу).

Следует, однако иметь в виду, что в последние два года обстановка в народном хозяйстве складывалась иначе, чем намечено в плане. Так, в 1981 г. — первом году шестой пятилетки — объем тяжелой промышленности сократился по сравнению с 1980 г. на 4,7 %, объем легкой промышленности увеличился на 14,1 %. В 1982 г., наоборот, в тяжелой промышленности он возрос на 9 %, а в легкой снизился до 5,1 %. Естественно, это создает большие трудности для развития народного хозяйства.

Предполагается, что главной предпосылкой роста общественного производства в шестой пятилетке должно стать повышение эффективности общественного производства путем улучшения качества продукции, экономии энергии, металла, роста производительности труда, снижения себестоимости продукции и издержек обращения. Так, на государственных предприятиях расход энергии за пятилетку намечается снизить с 81,5 тыс. т условного топлива в 1980 г. на каждые 100 млн. юаней валовой продукции до 71,5—68,2 тыс. т условного топлива в

Таблица 1

Основные показатели экономического развития КНР в 1981—1985 гг.

	Едини. измер.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1985 г. (план)	1985 г. в % к 1980 г.	Среднегодовой прирост в 1981—1985 гг. (%)
Валовой общественный продукт	млрд. ю.	850,0	889,0	989,4	1030,0	121,7	4,0
Национальный доход	»	366,7	388,0	424,7	445,0	121,7	4,0
Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства	»	715,9	749,0	829,1	871,0	121,7	4,0
Валовая продукция промышленности	»	497,2	517,8	550,6	605,0	121,7	4,0
В том числе:							
валовая продукция тяжелой промышленности	»	263,9	251,5	274,0	305,0	115,9	3,0
валовая продукция легкой промышленности	»	233,4	266,3	276,6	300,0	127,6	5,0
уголь	млн. т	620,0	620,0	666,0	700,0	112,9	2,5
нефть	»	105,9	101,2	102,1	100,0	94,4	—
электроэнергия	млрд. кВт. ч	300,6	309,3	327,7	362,0	120,5	3,8
сталь	млн. т	37,10	35,60	37,2	39,0	105,1	1,0
прокат стальной	»	27,20	26,70	29,0	29,3	107,9	1,6
цемент	»	79,86	84,00	95,2	98,0	123,0	4,2
Валовая продукция сельского хозяйства	млрд. ю.	218,70	231,20	278,5	266,0	121,7	4,0
зерно	млн. т	320,00	325,00	353,4	360,0	112,3	2,35
хлопок — волокно	»	2,70	2,97	3,6	3,6	133,0	5,9
масличные культуры	»	7,70	10,20	11,8	10,5	136,5	6,4
Химические удобрения (в пересчете на 100 % действующего вещества)	»	12,32	12,39	12,8	13,4	108,8	1,7
Хлопчатобумажные ткани	млрд. м	13,47	14,27	15,35	15,3	113,6	2,6
Химические волокна	тыс. т	450,00	527,00	517,0	780,0	173,3	11,6
Транспорт							
протяженность железнодорожной сети	тыс. км	50,00	50,00	—	52,0	104,0	0,8
суммарная пропускная способность морских портов	млн. т	217,00	—	—	317,0	146,1	7,9
Внешнеторговый оборот	млрд. ю.	57,00	73,50	77,2	85,5	150,0	8,7
экспорт	»	27,10	36,70	41,4	40,2	148,3	8,1
импорт	»	29,90	36,80	35,8	45,3	151,5	9,2

Источники: «Жэньминь жибао», 13.XII.1982; 30.IV.1983.

1985 г., или в среднем на 2,6—3,5 % в год; производительность труда ежегодно должна возрастать на 2 %, себестоимость — снижаться на 1—2 %, издержки обращения в государственной торговле — на 1—2 %. Оборачиваемость оборотных фондов в промышленности предполагается сократить за 5 лет со 114 до 105 дней, а в государственной торговле — со 165 до 163 дней.

Считается, что одним из важнейших условий выполнения выдвинутых шестым пятилетним планом задач будет надежное финансовое обеспечение намечаемых мероприятий. Дело в том, что в ходе преобразования материально-технического снабжения, торговли, кредитования, о чем говорилось выше, было ослаблено централизованное управление финансовыми ресурсами. В результате наблюдался рост бюджетного дефицита и наметился подъем инфляции. Тяжелое бремя для бюджета представляют также дотации на покрытие убытков предприятий, разницы между уровнем закупочных и розничных цен на сельскохозяйственную продукцию. Если в 1978 г. на это затрачивалось 14,3 % расходной части бюджета, то в 1979 г. — 25,9, в 1980 г. — 32,7, в 1981 г. — 42,7 %. В 1978—1981 гг. отмечен небывалый для КНР рост инфляции. Розничные цены на продукты животноводства, овощи, рыбу только в ноябре 1979 г. были официально повышены более чем на 30—40 %³.

В шестой пятилетке намечаются меры по укреплению финансовой системы и повышению ее роли в управлении общественным производством и социальной жизнью общества и усилению централизованного планирования денежных ресурсов. Финансовый план рассматривается как важный инструмент проведения экономической политики, а также укрепления государственной и хозяйственной дисциплины. Государство пытается охватить единым планом все сферы финансовой деятельности: бюджет, кредит, денежные ресурсы предприятий, ведомств, кооперативов, организаций. С 1981 г. принимается ряд жестких мер для сбалансирования доходов и расходов государственного бюджета, в результате чего удалось значительно сократить бюджетный дефицит.

Финансовый план направлен прежде всего на решение проблем регулирования народного хозяйства. В нем более трезво учитываются трудности расширения источников финансовых ресурсов, а также крайне непростые нужды некоторых наиболее слабых звеньев народного хозяйства. Например, прирост доходов в государственный бюджет предусматривается в размере 17,6 %, то есть ниже темпов прироста валового продукта и национального дохода. За пятилетку поступления в доходную часть бюджета должны составить 595,3 млрд. юаней. Основным источником доходов явятся отчисления от прибылей предприятий и различные налоги с предприятий, кооперативов и организаций. Решено с 1 июля 1983 г. заменить отчисления от прибылей предприятий прогрессивным подоходным налогом, который станет главным источником доходов государственного бюджета.

Относительно умеренные темпы прироста доходов государственного бюджета будут существенно ограничивать возможности государства в финансировании народного хозяйства и социально-культурного строительства. Расходы государственного бюджета запланированы в размере 609,8 млрд. юаней, что на 14,5 млрд. юаней больше доходов. Самой крупной статьей расходов будут затраты на капитальное строительство — 170 млрд. юаней. Но их доля в расходах госбюджета по сравнению с пятой пятилеткой сократится с 38,1 до 27,9 %. Второй крупной статьей расходов являются расходы на образование, науку, культуру и здравоохранение. Всего по этой статье предполагается затратить 96,7 млрд. юаней, или 16,8 % бюджета (против 11 % в пятой пятилетке).

³ См.: «Жэньминь жибао», 1.XI.1979.

Третьей по величине статьей расходов будут военные расходы — 88,3 млрд. юаней (против 87,3 млрд. юаней в пятой пятилетке). Эта сумма всего на 9 % меньше бюджетных средств, направляемых на развитие образования, науки, культуры и здравоохранения.

Увеличиваются управленческие расходы — с 4,9 до 6,7 %. Помощь сельскому хозяйству планируется на уровне предшествующей пятилетки,

Важным источником финансирования экономического строительства являются также средства предприятий, ведомств, организаций, местных органов, кооперативов и кредитные ресурсы банков. С учетом этого источника на капитальное строительство, например, планируется в целом израсходовать 360 млрд. юаней, из них на новое строительство — 230 млрд. юаней, остальную сумму — на реконструкцию действующих предприятий.

Из 890 строящихся в шестой пятилетке крупных и средних объектов планируется завершить 400. Считается, что выполнение заданий по капитальному строительству должно стать стержнем всего плана. Ограничение объема капитальных вложений и жесткий контроль за их использованием рассматривается в качестве «основного условия стабилизации народного хозяйства в целом». По сравнению с предыдущей пятилеткой вложения в новое строительство возрастут незначительно — менее чем на 6 млрд. юаней.

План предусматривает концентрацию финансовых и материальных ресурсов для укрепления наиболее слабых звеньев экономики: строительства важнейших топливно-энергетических и транспортных объектов и технической реконструкции предприятий. Считается, что от подъема этих участков зависит «коренное улучшение состояния всего народного хозяйства». За 5 лет в топливно-энергетический комплекс будет вложено на 20,5 % средств больше, чем в пятой пятилетке, в том числе: в угольную промышленность — на 31,8 %, в нефтедобывающую — на 17,7 %. На развитие транспорта и связи выделяется 29,83 млрд. юаней.

В стране создается специальный государственный фонд строительства важнейших объектов энергетики и транспорта, который формирует за счет изъятия 10 % внебюджетных средств районов, ведомств, предприятий и организаций, а также прибыли крупных городских и поселковых кооперативов. Предполагается, что в 1983 г. в этот фонд поступит 12 млрд. юаней.

Несмотря на некоторые сокращения вложений в металлургическую промышленность — 17,51 против 19 млрд. юаней в 1976—1980 гг., — она продолжает оставаться приоритетной отраслью народного хозяйства. Значительно урезаются капиталовложения в химическую промышленность (с 16,79 в 1976—1980 гг. до 11,43 млрд. юаней в 1981—1985 г.) и особенно в машиностроение (соответственно с 17,85 до 2,89 млрд. юаней).

Особенностью шестой пятилетки является повышение внимания к реконструкции действующих предприятий. Сколь злободневна эта задача, видно из следующих данных. Из 2830 тыс. действующих в настоящее время в КНР станков лишь $\frac{1}{3}$ оценивается как «сравнительно хорошая». Еще $\frac{1}{3}$ требует серьезного ремонта, остальная часть нуждается в замене. По сравнению с предшествующей пятилеткой в 1981—1985 гг. долю средств, направляемых на реконструкцию, предполагается увеличить с 20—25 до 36 %. Главными источниками финансирования этих работ должны стать собственные средства местных органов, министерств, предприятий, иностранные займы (всего на сумму 78,4 млрд. юаней) и банковский кредит (38,5 млрд. юаней). Из государственного бюджета на эти нужды планируется выделить 13,1 млрд. юаней.

Разумеется, нельзя отрицать исключительную важность концентрации материальных и финансовых средств на развитие энергетики и

транспорта. Но это не единственные слабые звенья в китайской экономике. Одной из важнейших задач является ликвидация диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью и преодоление разрыва между производством и потреблением.

О необходимости подъема этих жизненно важных отраслей народного хозяйства в КНР говорится много и с давних пор. Еще в конце 50-х годов была выдвинута установка: «сельское хозяйство — основа экономики». С новой силой призывы к ускоренному развитию сельского хозяйства стали раздаваться после 1978 г. До XII съезда КПК в курсе «четырёх модернизаций» на первое место ставилась модернизация сельского хозяйства.

Как же предполагается решать эту задачу в шестой пятилетке? Что касается распределения капиталовложений, то из 230 млрд. юаней, направляемых в новое строительство, в сельское и лесное хозяйство, на ирригацию и метеорологию выделяется всего 14,13 млрд. юаней, то есть 6% капиталовложений. Если принять во внимание средства, идущие на реконструкцию, то эта доля сократится до 3,9%. Еще меньше средств планируется вложить в легкую промышленность — 13,98 млрд. юаней. Фактически отрасли, производящие средства потребления или сырье для производства средств потребления, несмотря на некоторое улучшение структуры капиталовложений, не получают настоящей материальной поддержки со стороны государства.

Важной особенностью финансовой политики в этой пятилетке является намерение государства осуществить комплексное сбалансирование капитальных вложений, финансируемых как из госбюджета, так и за счет собственных средств предприятий, местных органов, а также банковских ссуд. Все капиталовложения включаются в единый государственный план и подлежат контролю со стороны госплана КНР, плановых комитетов провинций, городов центрального подчинения и автономных районов. Все внеплановые вложения квалифицируются как нарушения финансово-плановой дисциплины. Ужесточается порядок внесения в план строительства новых объектов: все крупные и средние объекты капитального строительства должны рассматриваться и утверждаться Госпланом КНР, а все малые строительные объекты — плановыми комитетами провинций, городов центрального подчинения и автономных районов.

При острой нехватке жизненных средств и сырья для промышленности важнейшее значение приобретает всеобщий подъем сельскохозяйственного производства. Тем не менее эта отрасль не находится в числе приоритетных по размерам выделяемых капиталовложений, хотя темпы прироста намечаются высокие — в среднем 4% в год. Предполагается увеличить производство хлопка на 33%: маслосемян — на 36,5, сахарной свеклы и сахарного тростника — на 60,4, табака — на 81%. В обстановке низкой и все более падающей землеобеспеченности столь высокий рост технических культур намечается достигнуть исключительно за счет интенсификации производства. Большие надежды возлагаются на развитие мелкой сельской промышленности и подсобного промыслов, которые наряду с продукцией растениеводства, животноводства, лесоводства и водного промысла включаются китайской статистикой в валовую стоимость сельского хозяйства и доля которых в структуре сельского хозяйства неуклонно растет (с 9,1% в 1976 г. — до 17,3% в 1981 г.)⁴. Наиболее низкие темпы развития планируются в решающей отрасли сельского хозяйства — в производстве зерна — 12,3%.

В промышленности наиболее высокие темпы прироста предусматриваются в производстве предметов длительного пользования. Например,

⁴ Статистический ежегодник Китая. 1981. Пекин, 1982, с. 5.

выпуск велосипедов должен возрасти в 2,5 раза, стиральных машин — в 13, телевизоров — в 2,8, магнитофонов — в 6 раз, швейных машин — на 82 %, часов — на 98,5 %. Выпуск этих изделий, видимо, несколько ослабит напряженность в балансе между быстро возрастающим покупательским спросом населения и более медленно увеличивающимся предложением предметов первой необходимости. Правда, в последние годы в связи с насыщением спроса цены на эти предметы потребления стали понижаться, а темпы их производства замедляются. Из сельскохозяйственного сырья высокий прирост предполагается получить только в производстве сахара (на 67,3 %) и табачных изделий (на 32 %).

Темпы прироста самых необходимых предметов потребления, оказывающих наибольшее воздействие на улучшение материальных и культурных условий жизни народа, также будут низкими. За пятилетку выпуск тканей, например, намечено увеличить лишь на 13,3 %, а бумаги — на 12 %.

В решающих отраслях тяжелой промышленности намечаются невысокие темпы прироста. К концу 1985 г. планируется сдать в эксплуатацию новые мощности по добыче 80 млн. т угля, 35 млн. т нефти, 2,5 млрд. м³ природного газа. Это позволит увеличить годовую добычу угля до 700 млн. т. Что же касается нефти и газа, то ввод новых мощностей лишь компенсирует падение добычи на действующих скважинах и даст возможность сохранить добычу на уровне 100 млн. т нефти и обеспечит добычу 10 млрд. м³ газа. При минимальных среднегодовых темпах прироста промышленности в 4 % на каждый процент прироста валовой промышленной продукции придется лишь 0,35 % прироста энергии. Очевидно, что этого будет недостаточно не только для решения топливно-энергетической проблемы, но и для сколько-нибудь значительного ослабления острейшей диспропорции между производством энергии и потребностями народного хозяйства. В плане основная ставка в этом отношении делается на экономию и уменьшение расхода энергии. В течение пяти лет предполагается сэкономить 70—90 млн. т условного топлива. Однако повышение коэффициента использования энергии требует значительных капитальных затрат и времени.

План предусматривает низкие темпы развития черной металлургии: выплавка стали должна возрасти всего на 5 %, выплавка чугуна из-за необходимости экономить энергию сократится на 9,3—7,7 %, производство проката возрастет на 7,9 %. В машиностроении делается упор на повышение качества продукции. В целом стоимость продукции этой отрасли должна возрасти на 25,6 %.

Трехлетняя программа (1983—1985) развития транспорта является весьма напряженной. Она предусматривает строительство 1700 км однопутных железных дорог и 1500 км двухпутных путей, электрификацию 2000 км существующих линий. В 1985 г. пропускная способность железных дорог должна возрасти до 1,2 млрд. т, то есть на 10,5 % по сравнению с 1980 г., а грузооборот составит 660 млрд. т/км — увеличится на 15,6 %. Среднегодовые темпы роста грузовых перевозок и грузооборота (соответственно 2 и 2,9 %) будут почти в два раза отставать от темпов роста как промышленности, так и сельского хозяйства.

Для реализации задач социально-экономического развития Китая по-прежнему предполагается активно использовать различные формы внешнеэкономических связей. Планом предусматривается увеличение объема внешней торговли в 1985 г. по сравнению с 1980 г. на 52 %. При этом рост импорта будет опережать экспорт. Предусматривается также более широкое привлечение капитальных вложений капиталистических стран в экономику КНР, в том числе путем создания различного рода смешанных предприятий и чисто иностранных — в так называемых особых экономических зонах.

В последние годы в КНР наука рассматривается как важный фак-

тор научно-технического прогресса и экономического роста. С внедрением в народное хозяйство ее достижений непосредственно связывается и выполнение шестой пятилетки. В руководящих документах делается упор на развитие прикладных исследований. Одновременно рекомендуется уделять внимание и фундаментальным исследованиям, обеспечивающим надежный резерв для развития науки и техники в целом. В шестом пятилетнем плане перед учеными ставится задача сократить разрыв, отделяющий КНР от мирового уровня. В плане указывается также на необходимость развития общественных наук.

В плане обращается внимание на необходимость повышения общеобразовательного и профессионально-технического уровня народа. Проблем здесь все еще очень много. Как показала проведенная летом 1982 г. перепись населения, в КНР насчитывается 236 млн. человек старше 12 лет, не умеющих читать и писать. К концу 1985 г. намечается полностью или в основном ввести всеобщее начальное образование в большинстве уездов страны, а в городах — всеобщее неполное среднее образование. Прием в высшие учебные заведения с полным учебным днем возрастет с 280 тыс. человек в 1980 г. до 400 тыс. человек в 1985 г. За пятилетку вузы выпустят 1,5 млн. специалистов.

В шестой пятилетке впервые после 25-летнего перерыва сделана попытка вернуться к планированию социального развития. На пятилетие выдвигаются важные задачи по сдерживанию роста населения, обеспечению занятости, охране труда, увеличению доходов и личного потребления трудящихся, жилищному и коммунальному строительству. Так, в области народонаселения необходимо добиться, чтобы его численность к концу 1983 г. не превысила 1060 млн. человек (прирост за 5 лет составит 67 млн.), а среднегодовой темп прироста не поднимался выше 1,3 %. Планом рекомендуется активно переходить на однодетную семью.

Текущая пятилетка характеризуется громадным приростом новых трудовых ресурсов — в 1981—1985 гг. он составит приблизительно 100 млн. человек. Предполагается трудоустроить в городах и поселках 29 млн. человек и обеспечить работой в 1985 г. все трудоспособное городское население. В области доходов трудящихся планом намечается рост фонда заработной платы на 27,2 %, средней заработной платы — на один разряд (примерно на 15 %). Несколько более высокими темпами предполагается повышение доходов крестьян. Потребление рабочих, служащих и крестьян должно расти ежегодно на 4,1 %. В городах в 1985 г. оно увеличится в среднем на человека на 16 %, в деревне — на 22,5 %. Противоречие между спросом и предложением по-прежнему будет значительным.

Значительные средства направляются на строительство жилья. В городах предполагается возвести 310 млн. м² жилья, в деревне — 2500 млн. м². Намечены меры по улучшению обеспечения пресной водой остро нуждающихся в ней крупнейших городов. В плане предусматривается развитие культуры, искусства, здравоохранения, усиление мер по охране окружающей среды, обеспечению общественного порядка.

Поскольку главной задачей шестого пятилетнего плана является поворот народного хозяйства на путь стабильного и сбалансированного развития, повышение эффективности производства, то наибольшие трудности его реализации заключаются не в достижении отдельных обобщающих количественных показателей (рост валового производства, национального дохода и т. п.), хотя и это весьма важно, а в выполнении всех разделов плана, включая и социальные. Принимая во внимание многолетнее насаивание одних проблем на другие, глубину и многообразие диспропорций, расстроенность управления, пять лет для урегулирования экономики страны с миллиардным населением, конечно, срок недостаточный.

Проблемы народонаселения и занятости в КНР

Е. А. Коновалов,
профессор

Е. Ф. Селиванова,
кандидат экономических наук

Проблемы народонаселения охватывают очень широкий круг вопросов, включая социальные, экономические, биологические и прочие аспекты. Решение любых задач развития человеческого общества не представляется возможным без учета демографического фактора, на каком бы историческом этапе ни находилось данное общество. Как ни для какой другой страны мира, для Китая демографический фактор играл и продолжает играть огромную роль. В данной статье анализируются прежде всего экономические аспекты проблемы народонаселения в КНР.

Население Китая постоянно имеет огромный удельный вес в населении мира. В 1800 г. из 1 млрд. населения земного шара на Китай приходилось 300 млн. человек, или 30 %; в 1930 г. из 2 млрд. — 475 млн. человек, или 23,7 %; в 1960 г. в Китае проживало 660 млн., или 22 % трехмиллиардного населения мира. К 1975 г., когда общая численность населения земного шара возросла до 4 млрд. человек, КНР насчитывала 920 млн. человек, или 23%. В оставшуюся четверть века доля Китая снижается ввиду более быстрых темпов роста в большинстве развивающихся стран. Так, по разработанным ООН прогнозам, в 1987 г. из 5 млрд. человек в мире в КНР будут проживать 1080 млн. человек, или немногим более 20 %, а в 1997 г. из 6 млрд. — около 1200 млн. человек, или $\frac{1}{5}$ общего населения земли.

Не удивительно, что проблемам народонаселения в Китае издавна уделялось преобладающее внимание не только в экономической политике, но и в научных исследованиях. После образования КНР в стране велась, хотя и неравномерно по периодам, широкая и содержательная разработка демографических проблем. В 50-е годы проводилась дискуссия о роли народонаселения в социально-экономическом развитии. Большинство ученых, прежде всего Ма Иньчу, отстаивали мнение о том, что в условиях Китая огромное население и высокие темпы его роста препятствуют развитию экономики, подъему жизненного уровня, развитию образования и технического прогресса. В связи с этим Ма Иньчу предлагал неотложные меры по ограничению деторождения. Эта позиция вначале получила не только поддержку в научных кругах, но и на официальном уровне.

Однако в связи с кампанией критики «правых элементов» в 1957 г. появилось противоположное мнение, а именно: «чем больше народу, тем лучше», «у человека есть не только один рот, но и две руки», человек «всегда может себя прокормить». Это была точка зрения не только участников дискуссии, но и высокопоставленных руководителей. Результатом кампании было отстранение Ма Иньчу от всех должностей и от научной деятельности, ошельмование его как «мальтузианца», «антимарксиста», «предателя китайской нации» и пр. Как пишут об этом ныне, «к глубокому сожалению, эта правильная позиция не только не была принята, но, наоборот, была дискредитирована как

крайне вредоносная, подвергнута блокаде и критике. С этого времени теоретические вопросы народонаселения стали «запретной зоной» для исследования, возобладала концепция «чем больше людей, тем лучше», которая нанесла огромный вред¹. Дискуссия была прекращена, а все научные организации, занимавшиеся проблемами народонаселения, практически разогнаны.

Лишь с конца 70-х годов, то есть через 20 лет, в КНР стали возрождаться центры и организации, а также периодические издания и исследования по вопросам народонаселения. В настоящее время в КНР работает свыше 20 научно-исследовательских центров по народонаселению, Всекитайское научное общество по народонаселению с 20 отделениями и филиалами. Появились такие периодические издания, как «Исследования в области народонаселения», «Население и экономика». Этим проблемам стало придаваться огромное значение, а тенденции роста населения явились не только предметом научного изучения, но и отправным пунктом для разработки всей стратегии социально-экономического развития.

Из высказываний по вопросам народонаселения на нынешнем этапе следует выделить те, которые отражают чрезвычайную важность проблемы в стратегии развития. Например, «Работа в области планового деторождения является стратегической задачей», «Следует одновременно контролировать не только производство материальных средств, но и рост населения», «Мы должны иметь не только народнохозяйственный план, но и план народонаселения, и тогда лишь можно будет представить себе рост производства и рост населения и соотношение между ними»². Важнейшей частью составляемых в Китае долгосрочных планов экономического и социального развития становится план по народонаселению. От успеха или провала работы по контролю над ростом населения в огромной мере будут зависеть перспективы осуществления «четырёх модернизаций»³.

Наконец, в проекте VI пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР (1981—1985), принятом 5-й сессией ВСНП пятого созыва, в разделе «Основные задачи и комплексные показатели» специальным пунктом записано: «9. Строго контролировать рост населения, надлежащим образом трудоустраивать рабочую силу в городах»⁴.

В разделе «План социального развития» целая глава посвящена населению, один параграф в ней назван «Строго ограничивать рост населения», а другой — «Меры по контролю над ростом населения».

Впервые в практике планирования социалистических стран в VI пятилетке КНР в качестве директивного показателя плана записано: к 1985 г. добиться того, чтобы численность населения континентального Китая не превысила 1060 млн. человек, рождаемость — 19 %, а естественный прирост — 13 %.

К числу мер по ограничению рождаемости, предусмотренных планом, относится пропаганда однодетной семьи: «стремиться к тому, чтобы в семье был один ребенок, строго контролировать семьи с двумя детьми, решительно пресекать рождение последующих детей»⁵. Наряду с пропагандой «надо принимать необходимые экономические санкции и организационные меры для осуществления поставленных задач. Доводить планы по деторождению до каждой народной коммуны, бригады и каждого гражданина»⁶.

Подобные выступления и меры отражают серьезную озабоченность

¹ Исследование структуры народного хозяйства Китая. Пекин, 1981, с. 485.

² «Жэнькоу яньцзю», 1981, № 3, с. 1—2.

³ См. там же, 1982, № 6, с. 21.

⁴ «Жэньминь жибао», 13.XII.1982.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

демографической ситуацией и возможными последствиями роста населения, его давлением на жизненные средства и средства занятости.

Итак, население КНР за 1950—1982 гг. выросло на 470 млн. человек (с 542 млн. в 1949 г. до 1015 млн. в 1982 г.), то есть в среднем на 1,9 % в год. Из этого прироста на 50-е годы приходится 113 млн., на 60-е годы — 169 млн., на 70-е годы — 157 млн. человек.

При высоких средних темпах прироста обращает на себя внимание неравномерность роста на отдельных этапах: в 1950—1957 гг. темп прироста нарастал с 1,9 до 2,3 %, в 1959—1961 гг. произошло резкое снижение прироста и даже абсолютное падение численности как результат катастрофических спадов производства продовольственных культур и вызванного этим массового голода. С 1962 по 1970 г. темпы роста населения вновь поднялись до 2,9 %, но в последующие годы снизились до 1,2 % под влиянием мер по ограничению рождаемости.

Как видно из анализа демографических тенденций, в КНР за истекшие годы рост населения был крайне неравномерен: он отражал пики высоких рождений, спадов, нового длительного подъема высокой рождаемости и постепенного погашения ее в ходе контроля над ростом народонаселения. Несмотря на заметные успехи в снижении деторождения (с 26 млн. рождений в 1971 г. до 18 млн. — в 1980 г.), приходится признать, что закрепить эти успехи на длительный период, добиться однодетных семей во всех вновь образованных семейных парах не удавалось. Более того, политика последних лет (прежде всего повсеместное внедрение дворцового подряда в китайской деревне) привели к новой «вспышке» высоких рождений, так как возродили мелкокрестьянские традиции, согласно которым большое число детей в семье, особенно мужчин, означало большую возможность их использования в производстве, а следовательно, и большие доходы.

Миллиардное население Китая сдерживает рост потребления важнейших жизненных средств. За истекшие 30 с лишним лет только на растущее население ежегодно расходовалось более 30 % национального дохода.

Возможность удовлетворения жизненных потребностей в этих условиях определяется уже не самим ростом национального дохода, а важнейшим фактором его формирования — повышением производительности труда. В свою очередь рост производительности труда, как известно, зависит от фондовооруженности рабочих мест и качества рабочей силы. Между тем в Китае решение этих проблем отодвигается на многие десятилетия ввиду необходимости удовлетворять насущные потребности — в питании, одежде, жилье и др., в необходимости решать задачи расширения «поля труда», то есть увеличения числа новых сравнительно дешевых рабочих мест. Более тесная связь между демографической ситуацией и экономическим развитием Китая проявляется в соотношении роста населения с ростом производства продовольственных культур. Однако и здесь простое сопоставление темпов недостаточно: по мере роста населения изменяется и его возрастная структура, а следовательно, меняется соотношение между возрастными категориями населения, между трудоспособными и иждивенцами, между городскими и сельскими жителями. Например в 1953 г. на лиц в возрасте до 14 лет приходилось 36,3 %, от 15 до 64 лет — 59,3, в 1963 г. — соответственно 40,4 и 56,1, в 1978 г. — 35,8 и 59,4 %, в 1985 г. это соотношение, видимо, изменится весьма значительно: до 14 лет — 28,6 %, 15—64 лет — 65,7, а в 2000 г. — 23 и 70 %. Потребление зерновых в каждой группе возрастов неодинаково: дети до 3 лет потребляют в месяц до 2 кг, 3—6 лет — до 3,5, 6—10 лет — 5,5 и свыше 10 лет — до 7 кг. Взрослое население потребляет (в зависимости от тяжести труда) 11—14 кг зерновых в месяц. Поэтому под влиянием изменений в возрастной структуре меняется и объем потребления продовольствия: на этапе увеличения доли молодых

возрастов средняя потребность в продуктах питания увеличивается сравнительно медленно, но с переходом к такой структуре, где доля трудоспособного населения повышается (с 56 % в 1963 г. до 66 % в 1985 г.), растут и среднее потребление на одного человека.

В еще большей мере меняется структура потребностей при распределении населения на экономически активное и иждивенцев. В случае когда соотношение между занятыми и иждивенцами характеризуется значительным преобладанием иждивенцев (в 1952 г. — 2,6:1), потребление семьи складывается из наиболее простых и основных жизненных средств, но с изменением этого соотношения, то есть с уменьшением семейной нагрузки (в 1980 г. — 0,8:1)⁷, структура жизненных потребностей существенно меняется: растут потребности в качественных продуктах питания и в одежде, возникают новые потребности в транспорте, услугах, досуге и пр.

По мере роста городского населения Китая увеличивается нагрузка на общество в целом. Содержание городского жителя обходится в условиях Китая в два-три раза дороже, чем сельского. Поэтому удвоение числа городских жителей (99 млн. человек в 1957 г. и 206 млн. по переписи 1982 г.) значительно увеличило бремя расходов государства на удовлетворение потребностей населения. Например, содержание детей в сельских районах обходится в 1,6 тыс. юаней за 16 лет, в средних городах — 4,8 тыс., в крупных — 6,9 тыс. юаней⁸.

Рост производства в условиях социализма неуклонно повышает и расширяет потребности трудящихся. Этот процесс происходит и в КНР. Наряду с удовлетворением насущных, самых необходимых потребностей все большие контингенты городского и сельского населения предъявляют спрос на товары длительного пользования, жилье, образование и культурный досуг. Этот спрос, усиливаемый ростом денежных доходов населения, формирует и иную структуру производства, то есть порождает необходимость развития отраслей легкой промышленности, промышленности строительных материалов, требует дополнительного финансирования системы образования, культуры, градостроительства.

Огромные масштабы населения предполагают и значительные объемы производства. Например, производство велосипедов в 1957 г. составляло всего 80 тыс. штук, а с 1978 г. увеличилось с 8,5 млн. до 17,5 млн. в 1981 г.; выпуск швейных машинок в 1957 г. определялся в 66 тыс., а с 1978 по 1981 г. возрос с 13,5 до 28,7 млн.⁹

За истекшие годы в городах и сельских районах Китая резко ускорило жилищное строительство. Расходы на жилищное строительство в городах возросли с 3,8 млрд. юаней в 1978 г. до 10,9 млрд. юаней в 1981 г. При этом городское население возрастало на 6250 тыс. человек в год. Из расчета 4 м² жилой площади, предоставляемой на одного человека, это потребовало 136 млн. м², то есть 61 % всей вновь введенной площади. Фактически же на улучшение жилищных условий коренного городского населения пошло всего 65 млн. м², или всего 1/3 м² на человека (средняя площадь на одного городского жителя остается на уровне 3,6 м²)¹⁰. Несмотря на рост городского общественного транспорта, в 1981 г. на 10 тыс. жителей приходилось всего 4 единицы транспорта, или на 13 % меньше, чем в 1957 г.¹¹

Для решения проблемы народонаселения в конкретных условиях

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 23.XI.1981.

⁸ См. там же, 22.VII.1980.

⁹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1982. Пекин, 1982, разд. VIII, с. 4.

¹⁰ См.: Исследование структуры народного хозяйства Китая, с. 534. 19.

¹¹ См.: «Тунцзи», 1982, № 4, с. 18.

Китай необходима не только научно разработанная стратегия экономического развития, но и демографическая политика, сдерживающая быстрый рост населения. Осуществление политики контроля над ростом населения в Китае усугубляется глубоко укоренившимися традициями феодального общества, традициями мелкокрестьянской идеологии. В течение многих веков в Китае господствовало мнение, что «многодетная семья — это богатство», «много сыновей — это процветание семьи в будущем». В КНР проведение жесткой демографической политики постоянно наталкивалось на препятствия со стороны широких масс крестьянства. Заметные успехи в контроле над рождаемостью в течение 70-х годов достигались не благодаря пропаганде «поздних браков», «больших интервалов между первым и вторым рождением», призывам к «одной семье», а главным образом в результате целой системы экономических санкций в отношении многодетных семей и стимулов в отношении однодетных семей. Так, в 70-е годы широко практиковались такие меры, как отказ многодетным семьям в новом жилье, в устройстве детей в дошкольные учреждения. И наоборот, для молодых супружеских пар, обязующихся иметь лишь одного ребенка, создавались привилегии: бесплатное устройство детей в ясли и сады, распределение на работу вне очереди, в сельской местности — предоставление дополнительных приусадебных участков и пр. Эти меры дали определенный эффект: примерно половина всех рождений за последние годы приходилась на рождение первого ребенка, а общее число рождений в стране сократилось за 10 лет на 7 млн. Однако пришлось изменить систему организации труда в деревне и перевести абсолютное большинство крестьянских семей на дворцовый подряд, как результаты производства вновь оказались в прямой зависимости от затрат ручного труда и числа рабочих рук в семье, сразу возродились традиции мелкокрестьянского хозяйства, а экономические привилегии однодетным семьям утратили свое значение. Теперь в китайской деревне говорят: «Вырастить ребенка легче, чем вырастить овощи» или: «Если теперь я выращиваю на своем участке то, что хочу, то и в семье могу иметь детей столько, сколько желаю». Общее число рождений в 1981 г. увеличилось на 2,7 млн., в 1982 г. — еще на 0,5 млн. Предполагаемое снижение естественного прироста в 1980 г. до 1% оказалось нереальным (оно было на уровне 1,16%, в 1981 г. — 1,45 и в 1982 г. — 1,47%). Это потребовало корректировки плановых наметок роста населения на ближайшую перспективу. К 1985 г. в Китае предполагается удержать естественный прирост в пределах 1,3% в год. Но и удержание плановых показателей на этом уровне, учитывая рост населения в первые два года VI пятилетки (1981—1985), представляется проблематичным.

Характерны высказывания официальной прессы о нынешних трудностях в сдерживании роста населения, особенно связанных с нежеланием крестьян иметь одного ребенка, если этот единственный ребенок — девочка. В газете «Жэньминь жибао» была опубликована заметка о члене КПК, заявившем: «Я готов положить на стол свой партбилет и уплатить штраф в несколько тысяч юаней за рождение «внепланового» сына, лишь бы был уверен, что у меня сохранится потомство по мужской линии»¹². Женщину — депутата провинциального собрания народных представителей лишили мандата депутата за то, что она, имея семь дочерей, родила еще одного ребенка в надежде иметь мальчика¹³.

И все же новая волна рождений за последние годы связывается с

¹² «Жэньминь жибао», 28.I.1983.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 23.I.1983.

изменившимися экономическими условиями в китайской деревне. «С переходом на систему производственной ответственности, когда работа ведется на участках семьей, двором, чтобы увеличить и оздоровить рабочую силу, крестьяне мечтают о рождении мальчиков в семье». Одновременно признается, что «важнейшими причинами рождений вторых и последующих детей являются не только экономические причины, но и причины социального и психологического свойства»¹⁴. По материалам выборочного обследования крестьянских семей в провинции Хубэй (июль 1981 г.), желают иметь лишь одного ребенка 5 % семей, двух детей — 51 %, трех и более — 44 %. В однодетных семьях у крестьян есть настойчивое желание иметь мальчиков: 61 % обследованных семей с одной девочкой выражают желание иметь второго ребенка. При опросе родителей о желаемой структуре семьи за одну девочку в семье высказалось 2,2 %, за одного мальчика — 36,7 %, за одну девочку и мальчика — 61,1 %. В ходе опроса женщин лишь 14 % желает иметь одного ребенка, 83 % высказались за двух детей, а 3 % — за трех и более детей.

Таким образом, для достижения поставленной цели — иметь к 2000 г. не более 1200 млн. человек — стране потребуется прилагать постоянные и огромные усилия, связанные с целым комплексом мер по налаживанию пропаганды, повышению культурного и общеобразовательного уровня крестьян, улучшению системы здравоохранения и других аспектов социальной политики.

Как показывает опыт КНР за истекшие годы, огромное население оказывает нарастающее давление на решение многих экономических проблем, в том числе на решение проблем занятости. С годами заботы семей и государства постепенно перемещались — с содержания детей на трудоустройство подрастающего поколения. Иными словами, проблемы народонаселения становились прежде всего проблемами занятости. По этому поводу демографы заявляют, что «проблема избыточного населения КНР возникла из-за несоответствия между численностью населения и возможностями общества трудоустроить людей»¹⁵.

В этом суть проблемы занятости в Китае — огромные масштабы трудовых ресурсов и ограниченные возможности создания рабочих мест, повышения производительности труда. «В настоящее время, — пишет «Жэньминь жибао», — в нашей стране число людей, достигавших трудоспособного возраста, не соответствует росту средств производства»¹⁶. Значительная часть трудоспособного населения используется в малопродуктивных отраслях, прежде всего в сельском хозяйстве с преобладанием простого ручного труда, где занято 75 % экономически активного населения Китая. Перераспределение рабочей силы между высокопроизводительными и малопродуктивными отраслями осуществляется крайне медленно: на протяжении десятилетий доля занятых в крупном современном производстве остается невысокой — 2,5—3 %.

За 30 с лишним лет в КНР удалось значительно расширить сферу занятости. Общая численность занятых в народном хозяйстве страны удвоилась и превышает 400 млн. человек, при этом в сельском хозяйстве она почти удвоилась, а в городах увеличилась более чем в 5 раз. Если в 1949 г. в городах было занято 20 % всего городского и несельскохозяйственного населения, то в начале 80-х годов эта доля возросла до 50 %, а в отдельных городах уровень занятости достиг 60—70 %¹⁷.

В начальный период после освобождения осуществление индустриа-

¹⁴ «Гуанмин жибао», 7.1.1983.

¹⁵ «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 11, с. 43.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 7.11.1980.

¹⁷ См.: «Жэнькоу яньцзю», 1982, № 5, с. 9.

лизации, создание очагов крупной современной промышленности, проведение аграрной реформы, а также налаживание единой общегосударственной системы трудоустройства в государственном и других секторах экономики способствовали решению проблем занятости. В городах страны удалось не только ликвидировать доставшуюся в наследство от старого Китая безработицу, трудоустроить 4 млн. безработных, но и сбалансированно вовлечь в производство трудовые ресурсы и повысить производительность труда, а также снизить аграрное перенаселение в сельских районах. Годы первой пятилетки оцениваются сегодня в Китае как период, когда «был накоплен опыт успешного решения проблем занятости»¹⁸.

Решение проблем трудоустройства затрудняет нерациональная отраслевая структура занятости. Сложившееся в течение трех десятилетий отношение к приоритетам в распределении капиталовложений привело к тому, что при общем увеличении капиталовложений в промышленность в 15 раз они возросли в тяжелую в 17 раз, в легкую — в 7,7 раза¹⁹. «В результате длительного господства концепций «сталь во имя стали», «производство ради производства» в стране сложилась нерациональная отраслевая структура с высоким удельным весом занятых в тяжелой индустрии, резким сокращением их доли в легкой промышленности, торговле и сфере обслуживания»²⁰.

Из общего прироста рабочей силы в промышленности $\frac{2}{3}$ направлялось в отрасли тяжелой индустрии, прежде всего в машиностроение, металлургию. С 1952 по 1978 г. число занятых в промышленности увеличилось с 12,4 млн. до 50,1 млн., то есть более чем в 4 раза, причем численность занятых в отраслях группы «А» увеличилась в 8 раз, а в группе «Б» — в 2,3 раза²¹. Сложилась структура занятости, при которой 50 % всех рабочих и служащих было занято в промышленности, а из промышленного персонала 70 % — в отраслях тяжелой промышленности²². В то же время сократилась доля занятых в торговле, сфере обслуживания, науке, образовании, здравоохранении. Например, с 1952 по 1978 г. в государственной торговле удельный вес занятых сократился с 18,5 до 11,9 %²³.

На отдельных этапах эти диспропорции были еще более резкими. В годы «большого скачка» ориентация на развитие «малой металлургии» привела к резкому оттоку крестьян в города. Только за один 1958 г. из сельского хозяйства в города было направлено в промышленность 15 млн. человек, причем в отрасли тяжелой промышленности 12,5 млн., что составило 83 % общего прироста занятых в промышленности²⁴. Подобное перераспределение рабочей силы между городом и сельскими районами отрицательно отразилось на сельскохозяйственном производстве, вызвало нехватку рабочих рук в сельских районах. За 1958 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве снизился с 81,2 до 58,2 %²⁵. При этом игнорировались возможность и степень обеспеченности дополнительных рабочих рук важнейшими средствами производства: «Мы не могли обеспечить соотношение размеров рабочей силы со средствами занятости»²⁶. Однако именно в этот период навязывалась «теория полной занятости» в условиях социализма, согласно которой фактор живого труда является не только решающим, но и благоприят-

¹⁸ «Хунци», 1981, № 11, с. 28.

¹⁹ См.: Чжунго цзинци няньцзянь 1981, разд. VI, с. 20.

²⁰ «Жэньминь жибао», 19.VIII.1980.

²¹ См.: Исследование структуры народного хозяйства Китая, с. 527.

²² См.: «Цзинци яньцзю», 1980, № 8, с. 23; «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1980, № 3, с. 28.

²³ См.: Исследование структуры народного хозяйства Китая, с. 528.

²⁴ См.: «Цзинци яньцзю», 1980, № 8, с. 22.

²⁵ См.: Исследование структуры народного хозяйства Китая, с. 527.

²⁶ «Цзинци яньцзю», 1980, № 8, с. 22.

ным элементом экономического развития, а дешевая рабочая сила с лихвой компенсирует дефицит современных средств производства.

Существенно были нарушены отраслевые пропорции занятости и на этапе «культурной революции». Концентрация капитальных вложений в капиталоемких отраслях тяжелой индустрии, связанное прежде всего с военным производством, в большой степени ограничивало средства, идущие на создание дополнительных рабочих мест, на расширение занятости в сфере гражданского производства. По признанию китайской прессы, «в тяжелой индустрии особое внимание уделялось развитию военных отраслей, что неизбежно создало диспропорцию в экономике и усугубило проблему занятости»²⁷. В результате из 3 млн. ежегодного прироста рабочей силы в городах могли найти работу лишь 800 тыс. человек²⁸.

В начале 70-х годов политика занятости резко меняется: повсеместно в стране осуществляется строительство множества мелких предприятий, в которых при небольших капиталовложениях можно было занять большое количество рабочих рук. В течение 1966—1978 гг. число промышленных предприятий увеличилось со 160 тыс. до 350 тыс., из которых 340 тыс. относилось к мелким и средним²⁹. Увеличилась доля занятых в мелком производстве: если в 1962 г. на мелких предприятиях было занято 57 %, то в 1975 г. уже 70, а в 1978 г. — 80 % всего промышленного персонала³⁰. Это приводило к росту числа дешевых, плохо обустроенных рабочих мест, снижению средней фондовооруженности на одного работника.

Развитие сети мелких предприятий с замкнутым циклом производства нередко в отраслях, требующих современной технологии (производство стали, тяжелое машиностроение, автомобилестроение), дублирование предприятий по выпуску однородной продукции не только делало малоэффективным применение огромных масс живого и овеществленного труда, но и исключало специализацию производства — один из факторов роста производительности труда.

Решение проблемы занятости за счет развития мелкого производства входило в прямое противоречие с проблемой эффективности общественного производства. Ныне в Китае признают, что низкий уровень развития производительных сил, разрушение материально-технической базы на отдельных этапах препятствовали одновременному решению проблемы увеличения занятости и повышения производительности труда. «В течение длительного времени, — писала газета «Жэньминь жибао», — между расширением занятости и повышением производительности труда возникали очевидные противоречия»³¹. За исключением периода первой пятилетки, когда планомерное развитие производства способствовало увеличению занятости, и повышение производительности труда являлось основным фактором роста производства (60 % прироста промышленной продукции достигалось за счет повышения производительности труда), при резком увеличении числа занятых производительность труда заметно падала. Так, в годы «большого скачка» увеличение численности рабочих и служащих в промышленности в три раза привело к падению производительности труда на 5,4 % в среднем за год, и наоборот, в период «урегулирования» с резким сокращением занятых в городах, и прежде всего промышленного персонала, производительность труда без каких-либо дополнительных капиталовложений повышалась очень высокими темпами (23 % в среднем за год)³². В пе-

²⁷ Там же.

²⁸ См. там же, 1980, № 5, с. 11.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао» 7.XII.1979; «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 1, с. 41.

³⁰ См.: «Хунци», 1980, № 11, с. 22.

³¹ «Жэньминь жибао», 23.XI.1981.

³² См.: «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1980, № 3, с. 29.

риод третьей пятилетки, когда прирост занятых в промышленности был сравнительно невысок — всего 9 млн. человек за 5 лет, среднегодовые темпы роста производительности труда составляли 2,5 %, однако в начале четвертой пятилетки экстенсивное развитие промышленного производства и увеличение промышленного персонала на 15 млн. в течение пяти лет вызвали падение среднегодовых темпов прироста до 1,3 %³³. А в решающих отраслях тяжелой промышленности (в том числе металлургии, угольной) производительность оставалась практически на неизменном уровне. Весь прирост промышленного производства в этот период достигался только за счет увеличения числа занятых³⁴.

Важнейшей причиной стагнации низкого уровня производительности труда было направление капиталовложений не на увеличение фондовооруженности, а на создание миллионов дополнительных технически слабо оснащенных, дешевых рабочих мест.

С 1978 г. условия для полной и эффективной занятости ухудшаются ввиду вступления в трудоспособный возраст значительно возросших контингентов населения. Если в 1953 г. вступило в трудоспособный возраст 10 млн. человек, в 1964 г. — 13 млн., то в 1978 г. — 24 млн. человек³⁵. Резко возрастают и среднегодовые темпы прироста трудовых ресурсов: в 50-е годы они определялись в 1,5 %, в 60-е и 70-е — в 2,1 и 2,2, в 80-е годы они составят 3,2 %.

В изменившейся демографической ситуации и в условиях необходимости «урегулирования» экономики потребовалось изменить стратегию занятости, а следовательно, и произвести ломку структуры производства. Важное значение при этом имело соотношение между капиталоемкими и трудоемкими отраслями. Сегодня китайские исследователи подчеркивают, что, «учитывая специфику нашей страны, заключающуюся в огромном населении, острой проблеме занятости и в низком уровне производительных сил, нам следует в процессе осуществления четырех модернизаций уделять внимание развитию некапиталоемких, быстрокупаемых отраслей, вбирающих большое число рабочих рук»³⁶.

Применительно к Китаю такими отраслями являются прежде всего сельскохозяйственное производство, где средняя фондовооруженность одного работника составляет 150 юаней, сфера обслуживания — от 0,8 тыс. до 3,6 тыс. юаней, предприятия общественного питания — 625 юаней³⁷. В промышленном производстве наименее капиталоемкими являются некоторые отрасли группы «Б», в которых стоимость рабочего места равна примерно 4—6 тыс. юаней (в производстве по изготовлению кустарно-художественных изделий — примерно 80 юаней), в то же время в отраслях группы «А» — 10—12 тыс. юаней³⁸.

Однако фондовооруженность, стоимость рабочего места — не единственный фактор, который определяет возможности расширения сферы занятости в трудоемких отраслях. В сельскохозяйственном производстве увеличение числа занятых ограничено дефицитом пахотных земель, неразвитостью многоотраслевого хозяйства, слабым использованием в отдельных районах страны природных ресурсов. Задачи модернизации сельского хозяйства затрудняют полное использование трудовых ресурсов, так как внедрение механизации приводит к высвобождению десятков миллионов рабочих рук. Переход на «систему производственной ответственности» ведет к тому же — повышая интенсивность крестьянского труда, разом делает, по данным китайской печати, «излишними» от 1/3 до половины всей рабочей силы. А если принять во внимание нара-

³³ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 12, с. 17.

³⁴ См.: Исследование структуры народного хозяйства Китая, с. 728.

³⁵ См.: «Жэнькоу яньцзю», 1981, № 4, с. 9.

³⁶ «Жэньминь жибао», 2.VI.1980.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 2.V.1980.

³⁸ См. там же, 2.VI.1980.

стане масштабов трудовых ресурсов в 80-е годы, то становится очевидным, что решение проблемы трудоустройства в сельском хозяйстве представляет собой сложную задачу. Ее решение в перспективе, как утверждают китайские экономисты, зависит от степени развития многоотраслевого хозяйства, подсобных промыслов и развития сельской промышленности. «В будущем избыток рабочей силы в деревне будет увеличиваться, поэтому необходимо в короткие сроки создать дополнительные рабочие места путем развития сельской промышленности»³⁹.

Преимущественное развитие трудоемких отраслей промышленности — сложный и противоречивый процесс, связанный с трудностями расширения сырьевой базы, рынками сбыта, отсутствием подготовленных кадров. Отдельные виды трудоемких производств основаны на выполнении сложных ручных операций, требующих высокого уровня мастерства, знания технологии. К тому же расширение трудоемких производств нередко требует дефицитного оборудования, высококачественных материалов. В силу этих обстоятельств не удавалось значительно расширить занятость в этих отраслях: за три года «урегулирования» (1979—1981) из 8 млн. человек, составляющих общий прирост занятых в промышленности, лишь 2,5 млн. приходилось на отрасли группы «Б»⁴⁰. Однако по итогам 1981 г. можно судить о существенных изменениях в распределении прироста числа рабочих и служащих между трудоемкими и капиталоемкими отраслями промышленности: в течение года общий прирост занятых в промышленности составил 2,3 млн., в том числе 1,7 млн. человек в отраслях группы «Б» и 0,5 млн. в отраслях группы «А»⁴¹. Оценив ограниченные возможности расширения производства группы «Б» и все последствия, связанные с недогрузкой мощностей крупных предприятий тяжелой индустрии, сегодня в Китае признают, что «невозможно длительное время консервировать развитие отраслей группы «А» и обеспечивать подъем производства за счет группы «Б». Если принимать в расчет только соображения трудоустройства, то это приведет к новым диспропорциям, отразится на стабильности и в конечном счете на решении проблемы занятости»⁴².

Некоторые перспективы решения проблемы трудоустройства в Китае усматривают в расширении сферы услуг. За сравнительно короткий период удалось значительно расширить занятость в этой сфере: удельный вес занятых поднялся с 9,5 % общего числа рабочих и служащих в 1978 г. до 14 % в 1981 г., почти достигнув уровня 1957 г.; абсолютное число занятых в сфере обслуживания составило 15 млн. человек⁴³.

Развитие сферы услуг в Китае происходит на принципиально иной основе по сравнению с экономически развитыми странами, где объем прибавочного продукта достаточен для содержания обслуживающего непромышленного персонала, для развития и совершенствования индустрии услуг. Низкий уровень производительности труда в КНР является объективным ограничителем прежде всего в государственном секторе экономики для значительного расширения сферы услуг, увеличения числа занятых в ней: «При нашей низкой производительности труда и низком жизненном уровне народа мы не сможем содержать огромное число работников сферы обслуживания»⁴⁴.

В условиях возрастающего давления трудовых ресурсов на экономические возможности государства в создании необходимых средств производства ныне в Китае пересматривается государственная централизованная система распределения и найма рабочей силы как «уста-

³⁹ «Жэньминь жибао», 8.V.1981.

⁴⁰ См. там же, 26.I.1982.

⁴¹ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1981, с. 108.

⁴² «Жэнькоу яньцзю», 1982, № 5, с. 8.

⁴³ См.: «Жэньминь жибао», 13.VIII.1980; Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 108.

⁴⁴ «Жэнькоу яньцзю», 1982, № 5, с. 9.

ревшая, не соответствующая в настоящее время объективным условиям использования рабочей силы»⁴⁵. Происходит диверсификация каналов занятости путем развития коллективного и частного секторов экономики.

В течение десятилетий вопросы трудоустройства в рамках централизованной системы решались в директивном порядке на уровне министерства труда, и предприятия лишались права самостоятельно набирать и увольнять не соответствующий нуждам производства персонал. В этих условиях стремление добиться «повсеместной и безусловной занятости» достигалось дорогой ценой перенасыщенности производства живым трудом, излишками штатов на предприятиях: «Для того чтобы занять несколько миллионов человек ежегодно, в различных районах и отраслях не принимают во внимание фактический спрос на рабочую силу, а трудоустраивают ради трудоустройства, работу троих делят на пятерых»⁴⁶. К тому же эта система «гарантировала сохранение рабочего места работнику независимо от качества его работы»⁴⁷, санкционировала «наследование рабочих мест» родителями их детьми. По признанию китайской печати, все это породило новые проблемы: снижение производительности труда, ухудшение качества рабочей силы, нарушение традиционно сложившегося в определенных производствах состава рабочей силы по полу (в металлургии, текстильной промышленности).

Переход от строго централизованной системы найма на работу в рамках государственного сектора к расширению сферы занятости за счет развития коллективного сектора экономики и возрождения частного предпринимательства предусматривает снижение стоимости вновь создаваемых рабочих мест, поскольку стоимость рабочего места на предприятиях коллективного сектора в несколько раз меньше, чем в государственном секторе экономики. В промышленности, например, фондоемкость одного работника на коллективных предприятиях составляет менее 2 тыс. юаней, то есть в 5—6 раз меньше, чем на государственных, а в сфере услуг — в 20—22 раза меньше⁴⁸.

В соответствии с решением III пленума ЦК КПК, в городах получает известное развитие частное предпринимательство. Первоначально возникнув на базе семейных, так называемых «лавок трех поколений», частные предприятия получили в последние два года право увеличивать свой персонал до семи человек за счет «помощников и учеников».

В начальный период «урегулирования» на коллективных и частных предприятиях создавалось около половины новых рабочих мест, а в отдельных городах, в том числе и в таких крупных, как Пекин, Тяньцзинь, Сянь, Харбин, Шицзячжуан, 70—80 % вновь устраиваемых получали работу на этих предприятиях. Несмотря на то, что в последние годы наметилось сокращение доли трудоустраиваемых в этих секторах (в 1980 и в 1981 гг. на коллективных предприятиях было трудоустроено 31 и 33 % соответственно, на частных — 5,5 и 3,9 %⁴⁹), эта политика, по мнению китайских экономистов, рассчитана на длительный срок и призвана служить стратегией социально-экономического развития: «В условиях господства общенародной собственности наличие многоукладной экономики и длительное ее существование — это стратегия, а не дань времени»⁵⁰. В соответствии с этим по плану шестой пятилетки на фоне снижения темпов прироста числа рабочих и служащих в государственном секторе, в котором предполагается занять 11 млн. человек за пять лет (в 1980 г. трудоустроено 5,7 млн., в 1981 г. — 5,2 млн. человек),

⁴⁵ «Жэньминь жибао», 20.VII.1979, 19.VIII.1980.

⁴⁶ «Жэнькоу яньцзю», 1982, № 5, с. 9.

⁴⁷ «Жэньминь жибао», 19.VIII.1980.

⁴⁸ См.: «Жэньминь жибао», 2.V.1980; «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 8.

⁴⁹ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 129.

⁵⁰ «Жэньминь жибао», 19.VIII.1980.

в коллективном и частном секторах число трудоустроенных составит 11 и 1,5 млн. человек соответственно, то есть темпы прироста сохраняются примерно на уровне предыдущих лет — 2,2—2,5 млн. и 0,3 млн. человек соответственно⁵¹.

Заметные достижения в области трудоустройства за предыдущие пять лет, в течение которых в городах удалось занять 37 млн. человек, а также предусмотренное шестым пятилетним планом вовлечение в народное хозяйство дополнительно 29 млн. человек⁵² дают основание предположить, что острота проблемы трудоустройства преодолевается, однако для решения всего комплекса проблем занятости потребуются упорядочение важнейших народнохозяйственных пропорций в течение длительного времени.

⁵¹ См. там же, 13.XII.1982.

⁵² См. там же.

«Тихоокеанское сообщество!» экономическая интеграция или военно-политический блок?

Ю. С. Столяров,
кандидат экономических наук
А. А. Шмырев

Интеграционные процессы, происходящие в различных регионах мирового капиталистического хозяйства, во второй половине 70-х годов активизировались прежде всего в странах бассейна Тихого океана. Объективные процессы интернационализации хозяйственной жизни и интенсификации экономических связей в регионе были подкреплены выдвигавшимся концепцией интеграции стран Тихоокеанского бассейна. На эти концепции сильный отпечаток наложили политические амбиции прежде всего правящих кругов Японии, выдвинувших идею создания так называемого «Тихоокеанского сообщества». Активную роль в процессах, происходящих в регионе, играют США.

Экономические предпосылки тихоокеанской интеграции

Японские и американские планы создания новой группировки в Тихом океане опираются на крупные сдвиги в экономике стран региона, на повышение его удельного веса в мировом капиталистическом хозяйстве. В настоящее время объем промышленного производства стран региона составляет около 50 % всего производства в капиталистическом мире и продолжает увеличиваться. Особенно заметный вклад в это увеличение вносят Япония, Австралия и так называемые «новые индустриальные государства» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань), на которые сейчас приходится примерно половина прироста промышленной продукции капиталистического мира¹.

Происходят крупные территориальные сдвиги в экономическом развитии внутри региона. Ускоренно развивается экономический потенциал тихоокеанских штатов США, где находятся крупные города, концентрируются самые современные наукоемкие отрасли производства, высококвалифицированная рабочая сила. Аналогичные процессы происходят в Японии, Австралии, Южной Корее. Другими словами, наиболее современные виды производств все более тяготеют к районам, непосредственно выходящим к Тихому океану.

Страны региона располагают крупными ресурсами минерального и энергетического сырья, сельскохозяйственных, лесных и рыбных ресурсов. Наличие мощной сырьевой базы существенно усиливает объективную основу интеграционных процессов. В регионе находится около половины разведанных запасов каменного угля в капиталистическом мире, до трети запасов нефти и природного газа, более половины запасов урана, почти 90 % запасов олова и значительная доля других цветных металлов. Регион дает 85 % мирового производства натурального каучука, значительную долю меди, никеля и других цветных металлов.

¹ Подсчитано по: Main Economic Indicators, OECD, December 1981; Economic Outlook, OECD, December 1981; «МЭиМО», 1982, № 3, с. 60—61.

По имеющимся оценкам, недра Тихого океана содержат 30—40 % всех потенциальных запасов нефти и газа Мирового океана². В последнее время в прибрежных водах Тихого океана развернуты интенсивные поисковые работы, в результате чего удалось сделать ряд существенных открытий. Уже сейчас можно говорить о значительном увеличении в перспективе морской добычи олова, рутила, циркония, ильменита и других ценных металлов, по которым прибрежные государства обеспечивают основную часть мирового потребления. Научно-технический прогресс в настоящее время вплотную подвел человечество к включению в процесс хозяйственного освоения минеральных ресурсов глубоководных районов морского дна Тихого океана, где имеются железомарганцевые конкреции, никель, марганец, медь, кобальт, а также редкоземельные металлы.

В регионе функционирует развитая транспортная инфраструктура, в результате чего Тихий океан превратился в интенсивную магистраль практически неограниченной пропускной способности. Япония и США обладают крупнейшими в мире торговыми флотами, значительными флотами располагают другие страны региона. В бассейне океана много крупных портов международного значения, такие перевалочные и транспортные пункты международной торговли, как Сингапур и Гонконг. Интенсивно развиваются и воздушные перевозки над Тихим океаном. В регионе имеются международные валютно-финансовые центры в Сингапуре и Токио, есть свои развитые национальные рынки капиталов: американский, японский, австралийский и др. В целом наличие развитой транспортной, а в более широком смысле и внешнеэкономической инфраструктуры способствует интенсификации региональных хозяйственных связей, служит благоприятной предпосылкой для экономического сближения стран Тихоокеанского бассейна.

Прежде всего чрезвычайно интенсифицировалась внешняя торговля между странами региона. У Японии на их долю в экспорте страны приходилось в 1981 г. более 55 %, а в импорте — около 50 %³. Для Соединенных Штатов эти показатели составляли соответственно около 40 и 33 %. Расчеты показывают, что доля внутрирегиональной торговли в общей торговле стран Тихоокеанского бассейна колеблется от 35 до 40 %, что свидетельствует о высокой степени взаимодополняемости структуры не только внешней торговли, но и экономики стран региона⁴.

В торговле между тихоокеанскими странами большой удельный вес имеет не только промышленное сырье (каменный уголь, железная руда, бокситы, нефть, полиметаллические руды) и сельскохозяйственная продукция, но и готовые промышленные товары, производимые на основе специализации и кооперации производства. В региональную торговлю поступают товары как высокого научно-технического уровня, производимые прежде всего в США и Японии (самолеты, ЭВМ, автомобили, атомные реакторы), так и более низкого уровня, производимые в Японии и ряде развивающихся государств (черные и цветные металлы, продукция машиностроения, химическая и текстильная продукция). Высокий удельный вес (более 20 %) имеют комплектующие детали и узлы, запасные части, особенно в торговле между высокоразвитыми странами Тихоокеанского бассейна. В результате во внешнеторговый обмен включается практически полная номенклатура товаров, что делает внешнеторговые связи внутри региона устойчивыми, взаимозависимыми и в значительной мере автономными.

Важную роль в интернационализации хозяйственной жизни в районе Тихого океана играет интенсивный обмен прямыми производственными

² См.: Е. Примаков. Основные тенденции развития международной обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе. — «МЭиМО», 1979, № 11.

³ Подсчитано по: Цусэ хакусэ, какурон, 1981, Токио, 1982.

⁴ Подсчитано по: Yearbook of International Trade Statistics. New York, 1981.

инвестициями между его странами. На долю стран региона в 1981 г. приходилось 53 % заграничных капиталовложений Японии, причем США, страны АСЕАН и Австралия занимали соответственно 1-е, 2-е и 5-е места в японском вывозе капитала⁵. У США на Тихоокеанский бассейн (без Канады) тогда же приходилось около 11 % соответствующих капиталовложений⁶. Расширяется обмен инвестициями между странами Юго-Восточной Азии, между Австралией и Новой Зеландией.

Отраслевой и географический анализ этих инвестиций позволяет выделить некоторые черты уже сложившейся и развивающейся структуры международного разделения труда в Тихоокеанском регионе. Так, прямые инвестиции американских транснациональных корпораций и в меньшей мере японских монополий направляются в горнодобывающую промышленность Австралии, ставшей одной из крупнейших «сырьевых кладовых» капиталистического мира. Добываемые в Австралии уголь, железная руда, бокситы и другие виды сырья, а также продовольствие при помощи современных транспортных средств в значительных количествах доставляются прежде всего в Японию. Здесь на основе передовой технологии, предназначенной для выпуска стандартной и крупносерийной продукции, в самых больших количествах в капиталистическом мире производится продукция автомобилестроения, судостроения, электронной и некоторых других отраслей промышленности. Затем готовая японская продукция экспортируется в другие страны бассейна Тихого океана, прежде всего в США, Австралию, Канаду и государства Юго-Восточной Азии. Разделение труда между странами и между отраслями, как видно из приведенных примеров, получило в Тихоокеанском регионе значительное развитие.

Следующий поток американских и японских инвестиций обслуживает перемещение в государства Тихоокеанского региона трудоемких и экологически вредных производств. На основе этого, прежде всего в странах Юго-Восточной Азии, уже сформировались развитая текстильная и швейная промышленность, производство бытовой электротехники и радиоаппаратуры, химическая промышленность среднего технологического уровня (нефтеочистка, производство полиэтилена и др.). Развивается черная и цветная металлургия, заметен прогресс в некоторых отраслях машиностроения, производящих технически несложную продукцию.

В регионе развивается и международное разделение труда более высокого уровня — внутриотраслевое, с выходом на поузловую и подетальную специализацию в технически сложных, научно-технологически емких отраслях промышленности. Это относится прежде всего к сотрудничеству американских и японских корпораций в электронной промышленности, в производстве продукции «тонкой» химии и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хозяйственное сближение стран и территорий бассейна Тихого океана имеет много общего с теми процессами, которые происходили или происходят в других интеграционных группировках, прежде всего в ЕЭС, особенно в период, предшествовавший его созданию. Вместе с тем следует отметить, что рассматриваемые процессы в регионе имеют ярко выраженные специфические особенности, не имеющие аналогов в мировом капиталистическом хозяйстве.

Прежде всего страны Тихоокеанского бассейна занимают огромную территорию. Здесь нет компактной группы государств, граничащих одно с другим и способных поэтому образовать территориальное ядро интеграционной группировки. Скорее можно говорить о нескольких субгруппи-

⁵ Подсчитано по: Вага кунни-но кайгай дзигэ кацудо. Кэйдзай кёрёку-но гэндзё то мондайтэн. Токио, 1981.

⁶ См.: В. П. Лукин, А. Б. Парканский. «Тихоокеанское сообщество»: проекты и реальность. — «МЭиМО», 1981, № 3, с. 78.

ровках, например США с Канадой и Мексикой, Японии с АСЕАН, Австралии с Новой Зеландией. Интенсификация хозяйственных связей происходит как между лидерами каждой из субгруппировок, так и внутри их, как между субгруппировками в целом, так и между их периферийными частями. В ряде случаев взаимные экономические связи относительно ослабевают, например между Японией и Канадой, между Канадой и АСЕАН.

Налицо, таким образом, сложный и противоречивый процесс интернационализации хозяйственной жизни в регионе, в котором тесно переплетаются центростремительные и центробежные силы, различные уровни интеграции. Однако главное направление движения определяют наиболее развитые в экономическом отношении страны Тихого океана — США, Япония, Канада и Австралия, от характера их взаимоотношений в решающей степени зависят современные тенденции и перспективы процессов интенсификации хозяйственного обмена в регионе.

На динамику этих процессов большое влияние оказывают значительный разрыв и различия в уровнях экономического развития, различие историко-политических факторов, социально-культурных традиций стран региона. Процессы хозяйственного сближения здесь с самого начала вовлекли в свое русло как развитые капиталистические, так и развивающиеся страны, прежде всего АСЕАН и небольшие государства в южной части Тихого океана. Они весьма разнородны, в каждой из них своя экономическая и политическая ситуация, каждая имеет свои интересы, что предопределяет внутренне противоречивый характер тихоокеанской интеграции. Успех ее во многом зависит от того, как она будет осуществляться между развитыми и развивающимися государствами региона и насколько окажется жизнеспособной в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Интеграционные процессы в мировом капиталистическом хозяйстве показывают, что их динамика, глубина и результаты во многом определяются решениями государств в политической области, созданием того или иного межгосударственного механизма регулирования хозяйственного сближения и объединения стран, концепциями интеграции. Каково в связи с этим положение в Тихоокеанском регионе, где объективные экономические процессы интенсификации хозяйственного обмена, как показано выше, приобрели значительную динамику и размах?

Концепции и механизм тихоокеанской интеграции

Возникновение планов объединения государств в Азиатско-тихоокеанском регионе относится еще ко второй половине 60-х годов. В 1968 г. тогдашний министр иностранных дел Японии Т. Мики выступил с планом создания «Азиатско-тихоокеанского сообщества» из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Австралии, Новой Зеландии, США и Канады⁷. Таким образом, правящие круги Японии уже в те годы продемонстрировали свое стремление вместе с Соединенными Штатами осуществлять экономическое и политическое господство в бассейне Тихого океана. За этим легко усматривалось возрождение старой японской мечты о лидерстве в Азии. Понимая, однако, что время для этого еще не пришло, Япония взяла в тот период курс на установление тесных связей между тихоокеанскими государствами прежде всего в области экономики, надеясь таким путем усилить свои позиции в регионе. В частности, по инициативе С. Нагано, одного из влиятельных руководителей делового мира Японии, в том же 1968 г. был образован Комитет экономического сотрудничества стран Тихоокеанского бассейна на частном уровне в составе

⁷ Подробно см.: Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М., 1973, с. 172.

представителей Японии, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Комитет занялся подготовкой и обменом информационными материалами, разработкой рекомендаций по практическому сближению стран региона.

70-е годы были периодом значительных изменений в Азии и бассейне Тихого океана. Образовалось единое социалистическое государство на территории Вьетнама, на путь социалистического развития вступили Лаос и Кампучия. В результате этого, во-первых, в регионе значительно возросла роль социалистических и неприсоединившихся государств, нередко совместно противостоящих агрессивной политике империализма. Во-вторых, провал американской агрессии в Индокитае выявил неспособность Соединенных Штатов сохранять господствующее положение в Азиатско-тихоокеанском регионе и единолично определять здесь основные направления политики капиталистических государств в соответствии со своей глобальной стратегией. В-третьих, важным фактором отношений на Тихом океане стал Китай. Этому способствовали занятие представителем КНР законного места Китая в ООН, установление им дипломатических отношений с рядом государств бассейна Тихого океана и активизация внешнеэкономических и внешнеполитических связей Китая в целом после «культурной революции». И наконец, в-четвертых, в Японии быстрыми темпами стала нарастать тенденция к использованию различных средств — сначала экономических, затем политических, а теперь и военных — для возвращения на те рубежи в Тихом океане, с которых она была отброшена в результате поражения во второй мировой войне. Эта тенденция находит выражение как в многочисленных высказываниях японских политиков, представителей деловых кругов, военных, так и в активизации деятельности японской дипломатии, направленной на создание сферы японского влияния. В целом правящая Либерально-демократическая партия и правительственные круги Японии ко второй половине 70-х годов подошли к выводу, что настало время для утверждения японского влияния в бассейне Тихого океана.

В 1977 г. тогдашний премьер-министр Т. Фукуда провозгласил программу сотрудничества Японии со странами АСЕАН, в конечном счете направленную на усиление японского экономического проникновения в Юго-Восточную Азию. Так возникла «доктрина Фукуда»⁸. Поддержка Японией полпотовского режима, отказ от обязательств по оказанию экономической и продовольственной помощи Вьетнаму, а также намерение Японии изолировать Вьетнам, Лаос и Кампучию от других государств Юго-Восточной Азии явились дальнейшим развитием доктрины.

В конце 70-х годов правящими кругами Японии была выдвинута более детально разработанная и более всеобъемлющая идея создания «Тихоокеанского сообщества». Выступая в японском парламенте с программным заявлением 28 ноября 1978 г., премьер-министр М. Охира заявил, что направит усилия на «создание сообщества в Тихом океане». С этой целью он обещал укреплять отношения с Соединенными Штатами, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и АСЕАН. Целью проектируемого сообщества Охира назвал обеспечение стабильных рынков для сельскохозяйственной продукции и промышленного сырья из стран Тихого океана, предоставление помощи Полинезии, Микронезии, Меланезии. Региональное сотрудничество тихоокеанских стран по подобию западноевропейского «Общего рынка» Охира назвал непригодным, потому что страны бассейна Тихого океана стоят на разных ступенях развития⁹.

В марте 1979 г. Охира назначил специальную исследовательскую группу для изучения вопроса о «Тихоокеанском сообществе». В состав

⁸ Подробно см.: Современный монополистический капитализм. Япония. Отв. ред. Я. А. Певзнер, Д. В. Петров, В. Б. Рамзес. М., 1981, с. 371—375.

⁹ In: "Asahi Evening News", November 29, 1978.

группы были включены ученые, не состоявшие на государственной службе, а примерно одну треть составили высокопоставленные сотрудники правительственных ведомств. Возглавил группу С. Окита, занимавший впоследствии пост министра иностранных дел. Группа подготовила для премьер-министра два доклада, в которых выдвигается «концепция сотрудничества в бассейне Тихого океана». Этот регион, как отмечалось в докладах, «обладает как единое целое большой жизненной силой и потенциалом... и находится на пути к превращению в региональное сообщество. Это можно охарактеризовать как новый эксперимент, устремленный в XXI век»¹⁰. В качестве первоочередных целей планируемого сообщества были выдвинуты: расширение взаимопонимания; сотрудничество в вопросах освоения океана и обеспечения сырьем; развитие промышленности; совершенствование экономического сотрудничества; ускорение взаимных капиталовложений; изучение валютных проблем и совершенствование валютного рынка.

В докладах предлагалось углублять взаимопонимание между государствами путем расширения обменов в области науки, образования, информации и культуры, упростить процедуры оформления виз при поездках внутри стран сообщества, а также процедуры, связанные с эмиграцией и натурализацией. Наряду с этим была поставлена задача углубления сотрудничества в совместной разработке источников энергии и сырья, а также в решении продовольственной проблемы, содействия развитию стран сообщества путем оказания помощи развивающимся странам со стороны США и Японии. Выступая за расширение экономического сотрудничества и совместные капиталовложения в экономику других государств, авторы докладов предлагали облегчить доступ на внутренние рынки каждой из стран сообщества. Вместе с тем в докладах не затрагивался вопрос о руководящих органах сообщества и механизме его функционирования.

Одновременно с подробной разработкой концепции «Тихоокеанского сообщества» японское правительство стало добиваться одобрения выдвинутой идеи правящими кругами других стран. Премьер-министр Охира совершил несколько поездок в государства — предполагаемые члены будущей группировки. Удалось в той или иной форме получить одобрение США, Австралии, Канады, Новой Зеландии, а также КНР. Что касается государств, входящих в АСЕАН, то уже тогда у них сложилось негативное мнение по вопросу о вступлении в «Тихоокеанское сообщество».

Реакция правящих кругов США на японское предложение была в целом положительной. Тем не менее в самих Соединенных Штатах влиятельная группа конгрессменов во главе с сенатором Дж. Гленном представила собственный доклад, содержащий рекомендации по созданию «Организации тихоокеанской торговли и развития» (ОТТР) с целью «направления ресурсов для развития региона, содействия частным капиталовложениям, снабжению сырьем и топливом стран региона». Перед ОТТР ставилась также задача осуществлять координационные функции в разработке «общей политики, правил и механизмов для торговли с различными азиатскими коммунистическими государствами». Особый упор авторы доклада сделали на необходимость разработки американской концепции тихоокеанской интеграции с целью создания наиболее благоприятных условий для сохранения американского влияния в бассейне Тихого океана¹¹. В докладе отмечалось, что в число членов ОТТР, «видимо, неразумно, включать коммунистические страны», так как с этим

¹⁰ Здесь и далее — Report on the Pacific Basin Cooperation Concept (Translation), May 19, 1980 (Tokyo).

¹¹ In: An Asian-Pacific Regional Economic Organization: an Exploratory Concept Paper 96th Congress 1st Session, Washington, 1979, p. 46—192.

не сочетается «вся сфера стратегических интересов США и других стран» проектируемого объединения¹².

Таким образом, к началу 80-х годов было выдвинуто две концепции объединения капиталистических государств бассейна Тихого океана: более разработанная и ставящая долгосрочные цели японская и менее детализированная американская. При различиях в нюансах обе они ставили первоочередной целью укрепление позиций США и Японии в регионе. При этом подразумевалось и известное взаимодействие двух крупнейших империалистических держав, несмотря на серьезные экономические противоречия между ними.

Выдвижение концепций и активизация США и Японии в районе не привели тем не менее к созданию в Тихоокеанском бассейне каких-либо развитых институционально-правовых форм, регулирующих взаимную торговлю, движение капиталов, научно-технический обмен и т. д. и охватывающих если не все, то хотя бы большинство стран и территорий Тихого океана. Более того, некоторые страны, в частности Австралия, Новая Зеландия, США, а также страны АСЕАН, применяют к другим странам региона в ряде случаев высокие таможенные пошлины и другие внешнеторговые ограничения. Не создано в бассейне Тихого океана и какого-либо государственно-монополистического механизма регулирования хозяйственных связей. Поэтому, определяя степень их зрелости, пока еще нет достаточных оснований говорить о наличии в регионе ни зоны свободной торговли, ни таможенного союза, ни, разумеется, более развитых ступеней интеграции.

Единственное, чего удалось реально добиться капиталистическим государствам Тихоокеанского бассейна на организационном уровне, — это создать в 1980 г. неофициальный частный орган — так называемую «Комиссию тихоокеанского сотрудничества». В нее вошли около 25 представителей, в том числе официальных лиц, развитых капиталистических и развивающихся государств региона. Внутри комиссии созданы рабочие группы по торговле, прямым инвестициям, энергетике, ресурсам Тихого океана, международным связям в области транспорта и средств связи, сотрудничеству в области образования. Эти группы обязаны предоставлять в распоряжение комиссии соответствующие доклады и рекомендации, которые затем будут доводиться до сведения правительств. В обязанность групп входит и установление широких связей с уже действующими в Азиатско-тихоокеанском регионе международными организациями. В Японии, США и Австралии при правительствах созданы частные комиссии и исследовательские группы, которые занимаются проблемами экономической и политической интеграции в бассейне Тихого океана. Они публикуют доклады и отчеты, исследовательские статьи.

Эволюция концепций и реакция тихоокеанских государств

С 80-х годов концепции тихоокеанской интеграции, главной из которых является план создания «Тихоокеанского сообщества», стали претерпевать существенные изменения. Они выразились в постепенном ослаблении экономических, культурных и других факторов интеграции и в выдвигании на передний план политических и военных аспектов. Инициаторами такого рода сдвигов выступили США, Япония и Южная Корея.

На первых порах при выдвигании концепции «Тихоокеанского сообщества» японское правительство маскировало военно-политические аспекты группировки в Тихом океане. С этой целью МИД Японии давал понять, что предусматривается возможность участия в этой организации

¹² An Asian—Pacific Regional Economic Organization..., p. 23.

государств Индокитайского полуострова, включая Социалистическую Республику Вьетнам¹³. Более того, на заседании бюджетной комиссии палаты представителей парламента Японии 5 февраля 1980 г. Охира заявил, что не выступает против участия в сообществе не только Китая, но и Советского Союза¹⁴. Все эти заявления были рассчитаны на то, чтобы создать видимость подготовки к объединению тихоокеанских государств на действительно региональной основе, усыпить возможные подозрения развивающихся и социалистических государств региона относительно подлинных целей группировки.

Однако уже тогда в высказываниях руководящих деятелей Японии проскальзывали истинные цели сообщества. Так, министр иностранных дел в правительстве Охира С. Сонода высказывался за то, чтобы укрепление отношений его страны с будущими участниками группировки облегчило для Японии «дипломатию против Советского Союза» и стало опорой такой дипломатии¹⁵. Таким образом, «Тихоокеанское сообщество» с самого начала планировалось как объединение несоциалистических стран, в котором руководящую роль играли бы США и Япония.

Впоследствии, отбросив даже видимость того, что сообщество предполагается создать прежде всего в целях развития экономических и культурных связей в регионе, правительство Д. Судзуки на первый план открыто выдвинуло политические аспекты новой группировки. В июне 1982 г. Судзуки выступил в Гонолулу в «Центре по изучению Востока и Запада» местного университета. Эта речь была широко разрекламирована агентством Киодо Цусин и японскими газетами. Она получила название «Наступление тихоокеанской эры» и представляла собой изложение видоизмененной концепции «Тихоокеанского сообщества».

Содержание речи японского премьер-министра явилось результатом его переговоров с руководителями стран АСЕАН, президентом Франции Ф. Миттераном и премьером Государственного совета КНР Чжао Цзяньном, посетившими Токио, а также встречи в Париже с президентом США Р. Рейганом, встречи «семерки» в Версале и бесед с руководителями Бразилии и Перу.

Японский премьер-министр прежде всего заявил о «необходимости укрепления отношений солидарности между тихоокеанскими государствами», утверждая, что использование огромных потенциальных возможностей тихоокеанского региона — ключ к восстановлению капиталистической экономики. Эта солидарность, по мнению Судзуки, должна базироваться на пяти принципах, каждый из которых он обстоятельно прокомментировал¹⁶.

Во-первых, Тихому океану надлежит стать «зоной мира». Казалось бы, против этого трудно возражать. Однако в интерпретации Судзуки «Тихоокеанский мир» должен базироваться прежде всего на военном и политическом господстве Соединенных Штатов в этом регионе. «Нельзя забывать, — заявил Судзуки, — что Соединенные Штаты как тихоокеанское государство играют важную роль в политических и экономических делах, а также в обеспечении безопасности этого региона». Таким образом, японский премьер-министр фактически пропагандировал «мир по-американски», выступив в роли адвоката политики США в Тихом океане. Принцип «Тихоокеанского мира» был выдвинут явно в соответствии с теми изменениями в японо-американских отношениях, которые произошли в 1981 г. Тогда в совместном коммюнике о японо-американских переговорах на высшем уровне отношения между двумя странами впервые стали именоваться «союзными». Не случайно

¹³ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 2, с. 173.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См.: «Асахи симбун», 4.VII.1979.

¹⁶ Здесь и далее цит. по: «Асахи симбун», 18.VI.1982.

поэтому Судзуки уделил особое внимание «нерушимости японо-американского союза в качестве важной стабилизирующей силы» в Тихоокеанском регионе.

В своем выступлении премьер-министр Японии полностью солидаризировался с военными блоками капиталистических стран, особо отметив, что Япония — один из членов союза западных стран, возглавляемого США, и в этом качестве вносит активный вклад в общее дело стран Запада в бассейне Тихого океана. По существу, была подчеркнута антисоциалистическая направленность политики японского правительства, прочно связавшего страну с агрессивной политикой, проводимой администрацией Рейгана. Судзуки призвал к «укреплению солидарности развитых демократических стран в Тихом океане, стержнем которой является союз Японии и Соединенных Штатов и к которым относятся Канада, Австралия, Новая Зеландия, а также страны АСЕАН». Тем самым японский премьер-министр дал понять, что состав потенциальных членов проектируемого «Тихоокеанского сообщества» не претерпел принципиальных изменений по сравнению с тем, о котором говорилось ранее. Вместе с тем Судзуки намекнул, что в сообщество могут быть приняты и некоторые другие члены, в частности Южная Корея.

Одновременно в выступлении было недвусмысленно отмечено, что правящие круги Японии намерены и впредь следовать курсу на конфронтацию с Советским Союзом, и подтверждено, что «Тихоокеанское сообщество» мыслится как антисоветская организация.

Во-вторых, как явствует из тихоокеанской доктрины Судзуки, Тихий океан должен стать «зоной свободы». «Каждая страна, — заявил японский премьер-министр, — свободна в обеспечении своего развития». Однако сопоставление этого пункта с предыдущим ясно показывает, что «свободное развитие» в данном контексте понимается лишь как развитие в рамках союза, руководимого США и Японией. Кроме того, Судзуки высказался за свободный обмен людьми, за свободную торговлю и обмен технологией в интересах оживления мировой экономики. В этом пожелании нетрудно заметить стремление такой индустриальной державы, как Япония, обеспечить себе благоприятные условия для экономической экспансии в другие страны Тихого океана.

В-третьих, по мнению Судзуки, необходимо обеспечить «многообразие» в развитии государств Тихоокеанского региона. Японский премьер-министр высказался за проявление инициативы в организации многостороннего сотрудничества внутри региона. Он уделил особое внимание АСЕАН явно с учетом негативного отношения этой организации к идее «Тихоокеанского сообщества». В ответ на заявления руководителей стран АСЕАН о нежелательности растворения этой региональной организации в «Тихоокеанском сообществе» Судзуки заявил, что АСЕАН представляет собой «важное ядро регионального сотрудничества». Цель этого пункта заключается, таким образом, в попытке убедить АСЕАН в мнимых преимуществах новой группировки.

Согласно четвертому принципу доктрины Судзуки, Тихий океан должен стать районом взаимовыгодного сотрудничества. Здесь, таким образом, японский премьер-министр вновь предпринял попытку опровергнуть опасения АСЕАН и других стран, которые видят в стремлении Японии создать «Тихоокеанское сообщество» прежде всего настоячивые усилия японских монополий и правящих кругов обеспечить более выгодные позиции в регионе.

И наконец, в-пятых, японский премьер-министр выдвинул идею превращения Тихого океана в «открытую зону» и подчеркнул необходимость взаимозависимости тихоокеанских стран как будущей основы взаимозависимости всех стран. Если «взаимозависимость» мыслится на основе принципов, изложенных выше, то, следовательно, японские

правлящие круги мыслят себе будущее человечества в виде некоего руководимого США и Японией антисоциалистического союза. Кроме того, «взаимозависимость» должна оправдать неравноправное, подчиненное положение развивающихся стран региона в системе экономических и политических отношений с развитыми капиталистическими государствами. В связи с этим Судзуки назвал проектируемое «Тихоокеанское сообщество» «моделью для всего мира» и, более того, объявил двадцать первый век «веком Тихого океана».

Взгляды, изложенные Судзуки в его речи в Гонолулу, как видно, существенно отличаются от формулировок, выдвигавшихся его предшественником Охира. Как писала японская газета «Ёмиури», «Охира стремился избегать политических проблем, понимая, что они скорее приведут к развалу, чем к солидарности в Тихом океане, где существуют страны с различным социальным и экономическим уровнями развития... Судзуки же сделал упор в отличие от своего предшественника не на углублении взаимопонимания посредством экономического и культурного сотрудничества, а на политических аспектах и вопросах безопасности, подчеркивая идею «океана мира», а также роль Соединенных Штатов в поддержании стабильности в регионе»¹⁷.

По существу, получилась слегка завуалированная программа нового военно-политического блока. Авторов этой программы, по-видимому, следует искать не только в Японии. Правящие круги США давно уже вынашивают планы создания некоего объединения в регионе, которое включало бы блок АНЗЮС (США, Австралия, Новая Зеландия), японо-американский и японо-южнокорейский военно-политические союзы, а также АСЕАН. Такое тихоокеанское подобие НАТО прежде всего укрепило бы пошатнувшиеся позиции США в бассейне Тихого океана. Однако администрация США предпочитает, чтобы с программой этого блока выступила Япония, что, в частности, способствовало бы скорейшему вовлечению ее в военные приготовления на Дальнем Востоке. Неудивительно также, что о военном сотрудничестве в рамках «Тихоокеанского сообщества» говорилось в ряде выступлений руководящих деятелей Австралии — другого военного союзника США. Сходство с НАТО усиливается и тем, что в поддержку идей тихоокеанской интеграции выступают консервативные круги Западной Европы.

Через несколько дней после речи японского премьер-министра в Токио состоялось учредительное собрание, на котором был образован «Тихоокеанский демократический союз» — объединение консервативных сил развитых капиталистических государств Тихоокеанского региона¹⁸. В это объединение вошли Либерально-демократическая партия Японии, Либеральная партия Австралии, Национальная партия Новой Зеландии и Прогрессивно-консервативная партия Канады. На учредительном собрании присутствовала делегация Республиканской партии США, получившая в «союзе» статус наблюдателя, а также представители Христианско-демократического союза ФРГ и Консервативной партии Великобритании.

Не решаясь говорить открыто о военных аспектах сообщества, за тесное политическое сотрудничество стран Тихоокеанского региона ратует и южнокорейский режим. В мае 1982 г. президент Южной Кореи Чон Ду Хван предложил премьер-министру Австралии М. Фрейзеру созвать конференцию тихоокеанских стран на высшем уровне, «открывающую великую тихоокеанскую эпоху мира и процветания»¹⁹, в составе руководителей Южной Кореи, Японии, Австралии, Канады, Соеди-

¹⁷ «Ёмиури симбун», 18.VI.1982.

¹⁸ «Асахи симбун», 27.VI.1982.

¹⁹ Там же, 3.VIII.1982.

ненных Штатов, Новой Зеландии и пяти государств АСЕАН. Речь идет о создании некоего «Тихоокеанского совета» — органа для проведения регулярных консультаций лидеров государств бассейна Тихого океана и, возможно, руководящего органа «Тихоокеанского сообщества».

США также активизировали свою политику в Тихоокеанском регионе с упором на военные аспекты. Под их руководством в Тихом океане с 1980 г. стали регулярно проводиться военно-морские маневры «Тихоокеанское кольцо», к которым привлекаются боевые корабли и самолеты других предполагаемых членов сообщества: Японии, Канады, Австралии и Новой Зеландии. В октябре 1981 г. в Токио состоялась конференция по вопросам «обеспечения безопасности в западной части Тихого океана». В ней приняли участие представители США, Японии, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Сингапура, Индонезии, Австралии, Южной Кореи, Тайваня, а также Великобритании. Конференция была организована «Японским центром стратегических исследований». Не прошло и месяца, как в Маниле состоялся «семинар представителей командования армий» 16 стран Азии и бассейна Тихого океана.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что началась практическая деятельность по созданию новой военно-политической группировки в Тихом океане. Если ее создание отвечает прежде всего планам США и Японии, то иную позицию занимают развивающиеся страны, прежде всего входящие в АСЕАН.

Заявления руководителей ряда государств ассоциации показали, что идея «Тихоокеанского сообщества» вызывала и вызывает у них по меньшей мере недоверие, более всего по отношению к Японии. Большинство стран АСЕАН опасается усиления японской экономической и особенно военной мощи, выхода ее вооруженных сил на тихоокеанские просторы. В частности, озабоченность в связи с этой тенденцией выразили в ходе переговоров с президентом США филиппинский президент Маркос и индонезийский президент Сухарто. Заверения Рейгана в том, что военные приготовления Японии «не пойдут дальше целей обеспечения самообороны», ныне опровергнуты действиями японского Управления национальной обороны. Под нажимом самих же США УНО приступило к конкретной разработке действий «по защите» морских пространств в радиусе 1000 миль от японских берегов²⁰.

По этому поводу министр иностранных дел Индонезии М. Кусуматаджа заявил: «Мы предпочитаем оборонять себя сами»²¹. Он также подчеркнул, что «индонезийское правительство не может согласиться с тем, чтобы Япония взяла на себя ответственность за оборону Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии»²².

По существу, отклонил идею образования «Тихоокеанского сообщества» и министр иностранных дел Филиппин К. Ромуло. Накануне открытия очередной конференции министров иностранных дел стран АСЕАН в июне 1982 г. он выразил открытое беспокойство по поводу того, что укрепление экономических позиций Японии в регионе может привести к ее политическому доминированию и возврату к пресловутой идее «сферы процветания»²³.

В руководящих кругах других стран АСЕАН идея сообщества встречает меньшее сопротивление. Тем не менее все они сходятся в том, что дальнейшее экономическое усиление и особенно милитаризация Японии представляют для них непосредственную угрозу. На это обратила внимание японская газета «Токио симбун», которая отметила рост ан-

²⁰ См.: «Емиури симбун», 26.X.1982.

²¹ «New York Times», October 14, 1982.

²² «Майнити симбун», 21.X.1982.

²³ «Straits Times», June 16, 1982.

тиянонских настроений в странах ассоциации. Призыв премьер-министра Сингапура к проведению совместных маневров стран АСЕАН газета объяснила беспокойством по поводу «возможного продвижения Японии на юг»²⁴.

Совершенно очевидно, что отрицательная позиция стран АСЕАН в отношении «Тихоокеанского сообщества» повлечет за собой фактический крах этой идеи в ее нынешнем виде и может повлиять на позицию островных государств южной части бассейна Тихого океана: Фиджи, Папуа — Новой Гвинее и других, которые приглашаются в сообщество, но на правах младших партнеров. В этом хорошо отдают себе отчет руководители Японии и США, всячески «обхаживающие» страны ассоциации и одновременно оказывающие на них давление. Характерен в этом смысле визит министра обороны США К. Уайнбергера в страны АСЕАН в ноябре 1982 г. — первый визит такого рода, наглядно продемонстрировавший военно-политическую направленность американского подхода к проблемам региона.

* * *

Выдвижение на рубеже 80-х годов планов создания новой группировки в Азиатско-тихоокеанском регионе отражает прежде всего объективные процессы развития хозяйственного обмена стран бассейна Тихого океана. Между ними значительно интенсифицировалась торговля, поток прямых и производственных инвестиций, технологии и пр. Значительно расширились культурные и научно-технические связи и другие контакты.

В последнее время руководители Японии, США и Австралии — трех основных проводников идеи «Тихоокеанского сообщества» — активизировали усилия, направленные на то, чтобы придать объективным экономическим процессам политические цели. Просматриваются определенные совместные действия этих стран по укреплению милитаристских позиций империализма в Азии и в Тихом океане, сильно подорванных в результате поражения США в Индокитае и упрочения сил социализма в Азии. Действует и такой немаловажный фактор, как стремление удержать развивающиеся государства региона в рамках капиталистических отношений. С приходом к власти администрации Рейгана в США усилилось стремление империалистических кругов создать в Тихом океане новый блок для военного противостояния силам социализма и национально-освободительного движения, причем особый упор делается именно на нагнетание обстановки военной конфронтации. Это, однако, не может одинаково устраивать всех предполагаемых участников «Тихоокеанского сообщества». Многие из них выступают за развитие взаимовыгодных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Что касается Советского Союза, то свое отношение к процессам, происходящим в бассейне Тихого океана, было изложено им в приветствии участникам XIV Тихоокеанского научного конгресса, проходившего в 1979 г. в Хабаровске. В приветствии, в частности, говорилось, что «Тихоокеанскому региону, в котором проживает более половины населения земного шара, принадлежит важная роль в судьбах всей планеты. Этот регион таит в себе неисчислимые минеральные и биологические богатства, является важным районом международного мореплавания и рыболовства, оказывает большое влияние на формирование климата нашей планеты и на состояние окружающей человека природной среды. Его ресурсы в пол-

²⁴ «Токпо симбун», 26.X.1982.

ной мере должны служить всему человечеству, целям прогресса и созидания»²⁵.

Советский Союз не раз выдвигал конструктивные предложения, направленные на развитие сотрудничества тихоокеанских государств, на разрядку напряженности в бассейне Тихого океана. В частности, важное значение для мира и безопасности в регионе имеет выдвинутое XXVI съездом КПСС предложение провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке. Советские предложения предполагают, что международные экономические и политические отношения в бассейне Тихого океана должны строиться на основе конструктивного и демократического подхода. Только в этом случае Тихий океан может стать зоной мира и сотрудничества народов.

«С первых дней Советской власти, — говорил на ноябрьском Пленуме 1982 г. ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — наше государство неизменно выражает готовность к открытому, честному сотрудничеству со всеми странами, которые отвечают взаимностью. Различия в общественных системах не должны мешать этому — и не мешают там, где есть добрая воля с обеих сторон»²⁶.

²⁵ «Правда», 20.VIII.1979.

²⁶ Там же, 23.XI.1982.

Эскалация агрессивности США в Восточной Азии

*В. И. Петухов,
Г. И. Рагулин*

В результате активизации агрессивных сил империалистической реакции развитие событий в мире приобретает все более опасный характер. Во главе этих сил выступают Соединенные Штаты Америки под предводительством самой воинственной за последние десятилетия администрации, которая открыто отвергает принципы мирного сосуществования и держит курс на использование силы в международных отношениях, беспрецедентную гонку вооружений, подготовку ядерной войны. Одержимая ностальгией по ушедшим временам, когда американский империализм своей мощью и влиянием довлел над своими соперниками, администрация Рейгана пускает в ход любые средства, чтобы взять реванш за поражения, понесенные в противоборстве с социализмом и национально-освободительным движением, восстановить былое военное превосходство США, обеспечить их безраздельное господство в мире.

Одним из главных направлений этой политики, основанной на имперских амбициях и безудержной милитаризации, является борьба за контроль над различными районами планеты, которым американские монополии отводят роль рынков сырья и сбыта и военно-стратегических аванпостов своей экспансии. Такие районы, как бы далеко они ни находились от американских берегов, бесцеремонно объявляются в Вашингтоне «зонами национальных интересов США», что служит своего рода теоретическим обоснованием для наращивания в странах этих «зон» американского военного присутствия и поддержания там с помощью силы антинародных режимов, обслуживающих интересы Вашингтона. США всячески стремятся увеличить свои интервенционистские возможности, найти новые, более эффективные формы и методы военно-политического вмешательства во внутренние дела других государств. «Мы должны, — заявил министр обороны США К. Уайнбергер, — укреплять свои позиции в мире с помощью оружия»¹.

Особую активность в этом отношении американский империализм проявляет в Восточной Азии, где его военное присутствие увеличивается из года в год. Данному району отводится чрезвычайно важное место в агрессивных планах Вашингтона по целому ряду причин.

Во-первых, это — район с огромными природными богатствами и неисчерпаемыми людскими ресурсами, что выгодно отличает его от большинства других районов земного шара, привлекающих внимание иностранных инвесторов — первопроходчиков экспансии империалистических держав. «Сегодня процветание США связано со странами Тихого океана, — утверждает в книге «Большая стратегия на 80-е годы», изданной в Вашингтоне группой бывших видных военных деятелей. — Экономика США — основной потребитель сырья, идущего с Востока, и товаров, производимых в странах Азии, и Соединенные Штаты рассчиты-

¹ Цит. по: «Азия и Африка сегодня», 1982, № 2, с. 10.

вают на азиатские рынки для своего экспорта и капиталовложений»². Расчеты эти никогда не носили мирного характера: экспансия требовала употребления силовых приемов. Не случайно в избирательной платформе республиканской партии США еще накануне выборов, приведших к власти Р. Рейгана, содержалось заверение, что «новая республиканская администрация восстановит сильную роль Америки в Азии и на Тихом океане».

Во-вторых, Восточная и географически близкая ей Юго-Восточная Азия — это район, где национально-освободительное движение достигло крупных успехов, к которым относятся в первую очередь победа народной революции в Китае, завоевание независимости и вступление на путь строительства социализма стран Индокитая — Вьетнама, Лаоса и Кампучии, возникновение народно-демократического строя в КНДР, освобождение от пут колониализма целого ряда стран Юго-Восточной Азии. Соединенные Штаты и другие империалистические державы стремятся во что бы то ни стало преградить путь национально-освободительному движению, попытаться ликвидировать его завоевания, повернуть вспять колесо истории, чтобы вновь иметь возможность беспрепятственно грабить азиатские народы.

В-третьих, какое бы важное значение Вашингтон ни придавал экономическим и другим соображениям, отмеченным выше, при разработке практической политики для данного района он исходит прежде всего из того, что страны Восточной и Юго-Восточной Азии с омывающими их водными пространствами Тихого и Индийского океанов представляют собой, с точки зрения американской военщины, удобный плацдарм для нанесения ударов по наиболее важным, удаленным от Европы и Америки экономическим и политическим центрам СССР, а также других социалистических стран.

В-четвертых, экономическая и дипломатическая активность США, их военное присутствие в данном районе направлены также на то, чтобы удержать в тенетах военной системы империализма те страны, которые пока не смогли вырваться из нее. Вашингтон бесцеремонно вмешивается в их внутренние дела, насаждая удобные ему порядки, не допуская нежелательных демократических перемен, сдвигов влево в политике этих стран.

Как и на других участках международной борьбы, американский империализм пытается прикрыть свою агрессивную активность в данном районе шумихой насчет некой «советской угрозы». Подобные приемы призваны оправдать проводимую администрацией Рейгана линию на подрыв международного сотрудничества, военное блокирование с местной реакцией, подготовку нового «крестового похода» против социализма. С этим связаны распространяемая империалистической пропагандой разнузданная клевета на социалистическое общество, направляемые Вашингтоном различного рода диверсии и подрывные действия против народов социалистических стран.

Агрессивные происки империализма США в Восточной Азии нацелены не только против СССР, но также против других социалистических стран. В настоящее время это в первую очередь социалистические страны Индокитая, противостоящие натиску империализма в борьбе за независимость и свободное развитие. Им принадлежит почетная заслуга нанесения первого в истории США поражения американской военщине, развязавшей в свое время грязную войну против народов Вьетнама, Лаоса, Кампучии, но оказавшейся не в состоянии сломить их героическое сопротивление. Пережив «вьетнамский синдром», Вашингтон сейчас снова плетет козни против них, противодействуя мирному развитию этих стран на социалистической основе.

² Цит. по: «Правда», 2.IV. 1982.

Это Корейская Народно-Демократическая Республика, отразившая вооруженную интервенцию США и их союзников в начале 50-х годов и борющаяся против раскола национального единства в результате фактической оккупации Южной Кореи американскими войсками.

Великодержавные имперские устремления Вашингтона затрагивают интересы и Китая. Политика США в отношении Китая никогда не была бескорыстной, действительно дружественной. Как не вспомнить сейчас вердикт этой политике, произнесенный в свое время с высокой трибуны ООН официальным представителем КНР: «Как бы бесстыдно ни утверждали американские империалисты, что они являются друзьями китайского народа, историю, которая показывает, кто друг и кто враг, нельзя изменить»³.

В годы второй мировой войны США делали ставку на зависимый от них Китай как на противовес Советскому Союзу. Эту же линию они пытаются проводить и сейчас, заигрывая с китайским руководством, заманивая его при новых обстоятельствах и новыми методами в сети зависимости от Соединенных Штатов. Что получил от этого Китай, хорошо известно. США всемерно поддерживают вскормленный ими тайваньский режим. Но «озабоченность Пекина, — признают сами вашингтонские деятели, — выходит далеко за рамки проблемы Тайваня... Китайцы разочарованы прежде всего потому, что процесс нормализации не обеспечил им помощь, на которую они надеялись, в частности в области кредитов и передачи технологии»⁴.

Практика показала, что Соединенные Штаты не станут помогать Китаю, если его программой останется строительство социализма. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «империалисты друзьями социализма не будут»⁵.

О действительном отношении Вашингтона к КНР достаточно красноречиво свидетельствует заявление Р. Рейгана, сделанное вскоре после избрания его президентом: «Нужно в значительной мере проявлять осторожность, памятуя, что это страна, правительство которой придерживается идеологии, основанной на мнении о необходимости уничтожения таких правительств, как наше»⁶. Не случайно США при разработке секретных военных планов на перспективу рассматривают Китай как потенциального противника. Это подтверждается, в частности, одобренной президентом Дж. Картером директивой № 59, которая предусматривала размещение ста американских межконтинентальных ракет для нанесения ядерных ударов по КНР в случае возникновения «непредвиденных» поворотов в политике китайского руководства⁷.

Если в отношении СССР, стран Индокитая, КНДР Соединенные Штаты прибегают чаще всего к средствам косвенного, а то и прямого военного давления, иначе говоря, к средствам устрашения, сочетания их со всякого рода подрывными действиями, то в отношении КНР они действуют иначе, делая основную ставку на постепенное размывание социалистических основ китайского общества в результате вовлечения Китая в систему экономических связей капиталистического мира. Политика американского империализма обращена так или иначе и против интересов китайского народа, который не желает возвращения к старым временам хозяйничанья в стране империалистов и их пособников.

Военно-политическая активность США в данном районе угрожает интересам не только социалистических стран, но и других государств Азии, стремящихся к укреплению своей независимости и противодейст-

³ У Сююань. О вооруженной агрессии США против Китая. М., 1950, с. 24.

⁴ Из интервью А. Хейга. — In: "Politique internationale", № 18 (зима 1982/83 г.).

⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982, с. 11.

⁶ "Time", 5.1.1981.

⁷ См.: «Известия», 9.V.1982.

вующих прокам империализма. США усиливают нажим на страны АСЕАН, пытаясь сколотить из них военно-политический блок, обслуживающий интересы империалистических держав, в первую очередь касающиеся давления на социалистические страны Индокитая. Как отмечал видный политический деятель Индонезии Сунарью, «Вашингтон всеми средствами пытается сделать АСЕАН соучастницей своих межгосударственных интриг, приковывая ее к себе, в частности, цепями экономической и военной "помощи"»⁸.

Для реализации своих агрессивных целей в Восточной Азии Соединенные Штаты стремятся использовать союзников, местную реакцию и других пособников империализма. Главным их сподвижником, опорой американской политики в этом районе выступает Япония.

Япония — союзник США по нагнетанию напряженности

За последние годы характер и масштабы сотрудничества США с Японией заметно изменились в опасную сторону: оно приобретает все более выраженную военную направленность. Вашингтон усиливает нажим на Токио, добиваясь более широкого вовлечения Японии в свою агрессивную стратегию, расширения ее военных обязательств, увеличения вклада в «совместную оборону». При этом учитываются не только соображения, вытекающие из конфронтации с Советским Союзом и другими социалистическими странами района Восточной Азии, но и заинтересованность США в ограничении мощи Японии, которая стала сейчас второй в экономическом отношении державой капиталистического мира. Побуждая ее к увеличению военных расходов, перевооружению, закупкам американской боевой техники, Вашингтон рассчитывает сократить огромный дефицит в торговле с Японией (20 млрд. долл. в 1982 г.), ослабить эту страну как своего основного конкурента на мировом рынке⁹.

Правящие круги Японии используют сотрудничество с Соединенными Штатами для осуществления далеко идущих планов милитаризации страны и завоевания гегемонии в Азии. Они не всегда, не в полном объеме идут на удовлетворение непомерных домогательств Вашингтона, поскольку не могут не учитывать финансово-экономические трудности, с которыми сталкивается Япония, и особенно расстановку классовых сил в стране, решительную борьбу демократических масс против возрождения милитаризма, за переход к политике мира и дружбы со всеми государствами. Нужно, однако, подчеркнуть, что возникающие на этой почве разногласия между Вашингтоном и Токио, часто преувеличиваемые иностранными обозревателями, касаются не сути и целей милитаризации, а лишь ее масштабов и темпов. В целом же Вашингтон и Токио, несмотря на существующие между ними острые экономические противоречия, в военно-политической области тесно сотрудничают друг с другом, придерживаясь фактически единого курса.

Уже в конце 1978 г. США и Япония согласовали между собой «руководящие принципы» двустороннего сотрудничества в военных вопросах и впервые приступили к планированию совместных боевых операций. При этом США настойчиво подталкивали Японию к установлению многостороннего военного сотрудничества с американскими союзниками в Азии (в первую очередь с южнокорейским режимом) и европейскими странами НАТО. Начался регулярный обмен визитами с проведением консультаций между представителями военного руководства Японии и натовского командования. Последнее выразило готовность передавать Японии соответствующую информацию военного значения и привлекать

⁸ Цит. по: «Азия и Африка сегодня», 1982, № 11, с. 19.

⁹ См.: Н. Н. Николаев, А. Н. Александров. Японо-американские отношения: старые проблемы, новые тенденции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 4.

се к отработке боевых операций в ходе маневров, проводимых США и их союзниками в районе Тихого океана. Впервые «силы самообороны» приняли участие в подобных маневрах в феврале — марте 1980 г. вместе с вооруженными силами США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. В марте 1982 г. этот «эксперимент» был повторен на более широкой основе — с привлечением к маневрам значительно большего числа кораблей и самолетов различных стран. Совершенно очевидно, что входящие в постоянную практику совместные маневры открывают пути к участию Японии в многосторонних военных блоках, причем без санкции парламента. Японская общественность с тревогой отмечает, что подобное положение резко усиливает опасность автоматического вовлечения страны в военные действия, которые могут быть развернуты в Азии Соединенными Штатами и их союзниками.

В мае 1981 г. в Вашингтоне состоялись переговоры между президентом США Р. Рейганом и тогдашним премьер-министром Японии Д. Судзуки. На этих переговорах, положивших начало качественно новому этапу в американо-японских отношениях, правительство Японии в открытой форме выразило готовность действовать заодно с США и другими империалистическими державами буквально по всем направлениям, включая сотрудничество в военной области. В совместном коммюнике о результатах переговоров отношения между США и Японией впервые официально и недвусмысленно квалифицировались как союз. Тем самым они фактически были подняты на тот же уровень, на котором находятся отношения США с европейскими странами НАТО, причем не формально, а по существу: два возглавляемых Вашингтоном военных блока как бы объединялись в единую систему, нацеленную против СССР и других социалистических стран, и устанавливали между собой определенную координацию в разработке и проведении в жизнь соответствующих военных мероприятий.

«Натонизированная» Япония приняла на себя обязательство осуществлять военное патрулирование тихоокеанских морских коммуникаций в радиусе до 1 тыс. миль (1700 км) от своих берегов. Соединенные Штаты, таким образом, передоверили ей выполнение части своих военных задач в северо-западной зоне Тихого океана — от острова Гуам до Филиппин, с тем чтобы иметь возможность перебросить часть 7-го флота в другие горячие точки Азии. Правительство Японии вопреки ее конституции распространяет теперь зону действия своих военно-морских сил в открытом море далеко за пределы территориальных вод, имея в виду использовать их в первую очередь для оказания давления на политику соседних стран. Это угрожает осложнить отношения Японии со странами района, дестабилизировать обстановку в нем. Только к такому результату могут привести, например, такие запланированные японской военщиной мероприятия, как блокирование при поддержке американцев проливов Лаперуза, Цугару (Сангарского) и Корейского, которые, как известно, представляют собой международные воды, открытые для свободного плавания судов любых стран. Вряд ли можно ожидать, что заинтересованные прибрежные государства останутся безразличными к подобным посягательствам на их законные права.

На переговорах в Вашингтоне японское правительство согласилось, кроме того, принять на себя часть финансового бремени по содержанию вооруженных сил США на Японских островах (на эти цели оно ежегодно выделяет 1 млрд. долл.), а также содействовать созданию на своей территории складов военного снаряжения и боеприпасов, которыми при необходимости могли бы воспользоваться американские «силы быстрого развертывания».

Как известно, конституция Японии, провозгласившая отказ «навечно» от войны как средства разрешения международных споров, запрещает создание собственной армии и участие японцев в военных опера-

циях за пределами страны. Вопреки этим положениям конституции японское правительство давно уже превратило «силы самообороны» в полноценные вооруженные силы и продолжает наращивать их боевой потенциал как в количественном, так и в качественном отношении. Сейчас эти «силы самообороны», поддерживаемые тесные оперативные связи с американскими вооруженными силами, насчитывают в своем составе 260 тыс. человек, сведенных в 13 хорошо подготовленных и мобильных армейских дивизий. По боевой мощи они занимают восьмое место в мире.

Весной 1981 г. японский парламент специальным решением утвердил как основу политики страны в данном вопросе принципы отказа от ядерного оружия: не производить, не обладать, не ввозить его на территорию страны. Но на практике японское правительство нарушает эти принципы, уступая давлению Вашингтона. Хотя оно заверяет, что на японской земле якобы не было и нет ядерного оружия, в высказываниях американских деятелей зачастую разоблачаются подобные утверждения. Так, бывший президент Дж. Картер в одном из интервью признал, что в составе 7-го флота США, базирующегося в японских портах, есть корабли, оснащенные ядерным оружием, и что во времена его администрации «руководители Японии знали, где оно размещено»¹⁰.

Правящие круги Японии рассматривают действующую конституцию, которую отстаивают демократические массы японского народа, как серьезное препятствие на пути милитаризации страны и пытаются перевести на практические рельсы постоянно поднимаемый вопрос о пересмотре конституции. Они всячески стараются обосновать необходимость перевооружения и оснащения «сил самообороны» ядерным оружием, обеспечения им права на участие в операциях за пределами Японии. Вашингтон настойчиво подталкивает японское правительство к скорейшей реализации подобных замыслов.

Обсуждению проблем военного сотрудничества были посвящены американо-японские переговоры на высшем уровне, состоявшиеся во время визита премьер-министра Японии Я. Накасонэ в Вашингтон в январе 1983 г. Во время переговоров японское правительство объявило об увеличении ассигнований Японии на цели перевооружения на 6,5 % и вопреки прежним решениям, соответствовавшим духу японской конституции, дало согласие на передачу Соединенным Штатам своей ультрасовременной технологии. Пентагон, который давно домогался этого, получил беспрепятственный доступ к достижениям Японии в области микроэлектроники, лазерной техники и другим открытиям, которые намечается использовать для создания новых видов оружия. Вместе с тем сотрудничество в данной области рассматривается как шаг в направлении стандартизации вооружений обеих стран, то есть еще большей привязки японской военной машины к колеснице американского империализма.

В основе военного сотрудничества между США и Японией лежат совпадающие цели и общие направления их внешнеполитической деятельности. Японское правительство активно поддерживает политику Вашингтона в корейском и тайваньском вопросе. В то же время оно старается содействовать США в сближении с КНР. Здесь у Вашингтона и Токио единая задача, которую премьер-министр Японии Д. Судзукэ в свое время сформулировал следующим образом: «Мы должны сделать максимум возможного для того, чтобы Китай оставался в одном ряду с западными странами»¹¹. Одновременно японские руководители, следуя линии администрации Рейгана, нагнетают напряженность в отношениях с Советским Союзом, игнорируют его добрососедские инициативы.

¹⁰ Цит. по: «Правда», 17.X.1982.

¹¹ «Business Week», 16.III.1981.

тивы, направленные на улучшение двусторонних отношений. Более того, они санкционируют провокационные акции американской военной, предпринимаемые с территории Японии. Так, в конце прошлого года японское правительство договорилось с Вашингтоном о размещении на севере острова Хонсю американских истребителей-бомбардировщиков F-16, способных нести ядерное оружие¹². Нетрудно догадаться, что эти самолеты предназначены для ведения наступательных операций против соседних стран, прежде всего против СССР.

Вслед за Вашингтоном Токно пытается оправдать свой опасный военно-политический курс, свидетельствующий о возрождении японского милитаризма, всякого рода вымыслами насчет «советской угрозы». Так, премьер-министр Накасонэ, выступая 24 января 1983 г. в парламенте, доказывал, что ситуация, складывающаяся вокруг Японии, «вызывает беспокойство» якобы вследствие «наращивания Советским Союзом военной мощи на Дальнем Востоке». В этих условиях, утверждал Накасонэ, Япония будет поддерживать систему японо-американского «договора безопасности» и стремиться к «качественному наращиванию оборонной мощи».

Примечательно, однако, что, жалуясь на «беспокойство» и «опасения», будто бы вызываемые Советским Союзом, японское правительство в то же время упорно отказывается от принятия предложения правительства СССР обсудить взаимные опасения и договориться на коллективных началах или двусторонней основе о разработке и применении соответствующих мер доверия, которые способствовали бы разрядке напряженности в этом районе. Не желает оно и заключения мирного договора между СССР и Японией, за который неуклонно выступает Советское правительство. Очевидно, что подлинная стабильность в районе не устраивает японские правящие круги, идущие в фарватере агрессивной политики США.

Южнокорейский режим — ставленник империализма США

Соединенные Штаты, штыками которых поддерживается репрессивно-диктаторский режим Сеула, используют его для сохранения Южной Кореи в качестве одного из главных плацдармов военного присутствия США, «первого эшелона» их агрессивной стратегии в Восточной Азии. В конце 1953 г. Вашингтон подписал с сеульским режимом «договор о совместной обороне», который «узаконил» бессрочную оккупацию Южной Кореи вооруженными силами Соединенных Штатов. Здесь размещены 40 тыс. американских войск, оснащенных ядерным оружием. Американское командование содержит в южной части Корейского полуострова около 40 военных баз. Под его контролем, помимо собственных войск, находится армия сеульского режима, которая по численности — 650 тыс. человек — превосходит армию любой другой капиталистической страны Азии.

С приходом к власти Р. Рейгана южнокорейский акцент в восточно-азиатской политике США заметно усилился. Симптоматично, что первым зарубежным гостем нового президента был не кто иной, как сеульский военный диктатор Чои Ду Хван. В совместном коммюнике Рейгана и Чои Ду Хвана от 3 февраля 1981 г. было подчеркнуто, что США не собираются выводить свои войска из Южной Кореи и готовы поставлять ей новое оружие. В согласованных программах военного сотрудничества Вашингтона и Сеула упор был сделан на перевооружение армии сеульского режима, строительство новых опорных баз и укрепленных районов, сооружение военных коммуникаций. За годы президентства Рейга-

¹² См.: «Правда», 1.II.1983.

на американская военная и финансовая помощь Сеулу резко возросла. Довооружая своего младшего союзника, Вашингтон одновременно продолжает увеличивать собственные силы на Корейском полуострове, оснащая их новыми видами боевой техники, включая ракеты средней дальности и нейтронное оружие. Для Соединенных Штатов Южная Корея стала важнейшим районом передового ядерного базирования в Восточной Азии.

Американский ядерный шантаж все чаще применяется как средство запугивания соседних стран. Примером тому может служить заявление начальника штаба армии США генерала Э. Мейера, который во время поездки по странам Восточной Азии в январе 1983 г. возвестил, что американские вооруженные силы в Южной Корее «в случае необходимости» не остановятся перед применением ядерного оружия¹³.

Огромная концентрация количества войск на юге Корейского полуострова, наращивание здесь всякого рода вооружений подрывает стабильность международной обстановки в данном районе. Вместе с тем оно оборачивается против жизненных интересов корейского народа, ибо присутствие на его земле американских войск является главным препятствием на пути осуществления его законного стремления к объединению своей родины. Американцы воспротивились выполнению резолюции XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 27 июня 1975 г., которая предусматривала вывод из Кореи всех иностранных войск и принятие практических мер к прекращению наращивания вооружений в этой стране, существенному сокращению обеими частями Кореи своих вооруженных сил до одинакового уровня, недопущению военной конфронтации.

Вместо содействия политическому урегулированию корейского вопроса Вашингтон направляет свои усилия на закрепление раскола Кореи и с этой целью поддерживает напряженность в данном районе. В южной части страны на ближних подступах к границам демилитаризованной зоны все чаще проводятся, словно в преддверии больших боевых операций, широкомасштабные маневры всех родов войск США и сеульского режима при участии «наблюдателей» от «сил самообороны» Японии. В последних таких маневрах, которые начались в феврале 1983 г., участвовало свыше 70 тыс. американских и около 120 тыс. южнокорейских солдат и офицеров, большое число самолетов и военных кораблей¹⁴. Это была провокационная демонстрация силы, имевшая целью запугать КНДР и другие страны района, настороженно относящиеся к проискам американского империализма.

В корейских делах США также стремятся опереться на своего японского союзника. В последние годы они активизировали усилия по сколачиванию нового военного блока — тройственного союза Вашингтон — Токио — Сеул, который Пентагон хотел бы превратить в дальневосточное НАТО.

Формально Япония не связана военным договором с сеульским режимом, но Вашингтон давно уже побуждает ее к установлению постоянных военных контактов с Южной Кореей, координации мер по перевооружению и обучению войск, оказанию финансовой и другой помощи сеульскому режиму с целью наращивания его военного потенциала. Для этого в апреле 1979 г. был создан японо-южнокорейский «межпарламентский совет по обеспечению безопасности», в который вошли депутаты высших законодательных органов обеих сторон. Начался регулярный обмен визитами руководящих военных деятелей Токио и Сеула, в практику вошли постоянные контакты между Управлением национальной обороны Японии и военным ведомством Южной Кореи. Воскрешая

¹³ См.: «Правда», 28.I.1983.

¹⁴ См. там же, 8.II.1983.

традиционные вождедения японского милитаризма, официальные лица в Токио стали все чаще утверждать, что безопасность Южной Кореи неотделима от собственной безопасности Японии. Под влиянием Вашингтона были несколько приглушены многолетние трения между Токио и Сеулом, и сближение этих двух партнеров американского империализма стало совершившимся фактом.

В январе 1983 г. оно было закреплено первым после второй мировой войны официальным визитом главы японского правительства в Южную Корею, который американская печать назвала «поворотным пунктом» в отношениях между Японией и ее бывшей колонией. В ходе этого визита было оформлено соглашение о предоставлении японским правительством сеульскому режиму льготных займов на 4 млрд. долл. Большая часть этой огромной суммы предназначена для финансирования военных программ южнокорейских ставленников Вашингтона, а также для покрытия расходов по содержанию американских войск на территории Южной Кореи. Япония, таким образом, все глубже втягивается в военные приготовления США в районе Корейского полуострова вплоть до открытого блокирования с сеульской военной диктатурой.

Агрессивная политика Соединенных Штатов угрожает превратить Корейский полуостров в очаг постоянной взрывоопасной конфронтации.

Тайвань — пистолет, приставленный к сердцу Китая

Вот уже более тридцати лет Вашингтон упорно проводит курс на отторжение Тайваня от Китайской Народной Республики, которой принадлежит суверенитет над этим островом. В зависимости от политической конъюнктуры меняются формы и мотивация указанного курса, но суть остается неизменной: США всячески противодействуют воссоединению Тайваня с КНР, стараясь удержать его на положении одной из важнейших опорных баз американской военно-политической стратегии в Восточной Азии¹⁵.

Несмотря на установление дипломатических отношений с КНР, Соединенные Штаты по-прежнему не признают ее суверенитета над Тайванем и поддерживают с ним в полном объеме (якобы на неофициальной основе) торговые, экономические и другие связи. Более того, по «Закону об отношениях с Тайванем», принятому конгрессом в начале 1979 г., США обязались вооружать и защищать Тайвань от нападения Китая. Президент Р. Рейган постоянно подтверждает, что, несмотря на протесты китайской стороны, Соединенные Штаты будут соблюдать указанный закон и продолжать поставки оружия Тайваню.

Своеобразным вызовом Пекину явились последние сообщения Вашингтона о форсированных темпах наращивания военного потенциала Тайваня. Вопреки китайско-американскому соглашению от 17 августа 1982 г. о постепенном ограничении Соединенными Штатами поставок оружия Тайваню, администрация Рейгана запланировала на 1983 и 1984 финансовые годы эти поставки в объеме 1 580 млн. долл., что значительно превышает объемы поставок в предыдущие годы, после установления дипломатических отношений между КНР и США (в 1979 г. уровень поставок составлял 598 млн. долл., и эта цифра по договоренности между сторонами была принята как точка отсчета)¹⁶.

В конгрессе США преобладают сторонники окончательного отторжения Тайваня от КНР. Они открыто заявляют: «Устойчивый и процвета-

¹⁵ См. также: В. Н. Барышников. Американская политика вооружения тайваньского режима. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1.

¹⁶ "Christian Science Monitor", 26.III.1983.

ющий Тайвань важен для стабильности в Восточной Азии и национальных интересов Соединенных Штатов»¹⁷.

Опираясь на поддержку США, Тайбэй отказывается от всяких переговоров с Пекином о мирном воссоединении и укрепляет позиции Тайваня как обособленного и враждебного КНР государственного образования. Тайвань остается чем-то вроде пистолета, приставленного к сердцу Китая. Американский империализм продолжает использовать тайваньский режим для оказания давления на Китай. И не только на Китай. Потенциально Тайвань — это звено сколачиваемого Вашингтоном дальневосточного НАТО, острее которого нацелено против всех социалистических стран и национально-освободительных движений в Азии. Отметим, кстати, что за создание такого блока Тайбэй заодно с Сеулом начал выступать еще в 1970 г.¹⁸

Следуя в фарватере американской политики, тайваньский режим усиленно наращивает свои вооружения. Он содержит хорошо обученную, оснащенную современной техникой армию общей численностью около 500 тыс. человек¹⁹. Если учесть, что население острова составляет немногим более 18 млн. человек, можно заключить, что Тайвань предельно милитаризован.

Американские войска выведены с территории острова, но тесное военное сотрудничество между Пентагоном и тайваньским режимом не прекращается. В Тайваньском проливе по-прежнему патрулируют корабли 7-го американского флота, которые пользуются правом свободного захода в порты острова и фактически базируются на них. Важнейшим направлением военного сотрудничества США с Тайванем является систематическое снабжение его оружием и боевой техникой на особых, льготных условиях. Летом 1978 г., в период китайско-американских переговоров о «нормализации» двусторонних отношений, Вашингтон ввел эмбарго на поставки Тайваню некоторых видов оружия, но через несколько месяцев отменил это решение. В 1982—1983 гг. Тайвань получил из США новые крупные партии боевых самолетов, а также всякого рода военного снаряжения и запасных частей к нему. Примечательно, что последнее официальное заявление о таких поставках было сделано госдепартаментом через несколько дней после завершения визита госсекретаря США Дж. Шульца в Пекин.

Дальневосточный вояж рейгановского эмиссара

Важной вехой на пути эскалации агрессивной активности США в Восточной Азии явилось посещение этого района госсекретарем Дж. Шульцем, который в конце января — начале февраля 1983 г. нанес визиты в Японию, КНР и Южную Корею.

Эти три страны оказались в центре внимания шефа госдепартамента в силу различных обстоятельств. Визит в Пекин, предпринятый в обстановке определенного спада в китайско-американских отношениях, преследовал цель ослабить остроту противоречий между двумя странами, оживить процесс их взаимного сближения. Что касается Японии и Южной Кореи, то эти страны интересовали госсекретаря с точки зрения расширения военно-политического сотрудничества с ними, дальнейшего приобщения их к военным приготовлениям США в Восточной Азии.

Согласно японским источникам, на переговорах в Токио был затронут весь комплекс проблем, связанных с развертыванием в Восточной

¹⁷ A Staff Report to the Committee on Foreign Relations, United States Senate. Washington, 1980, p. 16.

¹⁸ См.: Д. Т. Капустин. Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969—1979). М., 1980, с. 47—49.

¹⁹ См.: Р. Г. Симонян. Военные блоки империализма. М., 1976, с. 165.

Азии системы американских ядерных средств средней дальности, включая крылатые ракеты, которыми по решению Рейгана уже оснащаются корабли 7-го флота США. Одновременно согласовывались меры по перевооружению Японии²⁰. В беседе с начальником Управления национальной обороны К. Таикавой Шульц высказал заинтересованность США в скорейшей реализации планов расширения и укрепления «сил самообороны», намеченных на 1983—1987 гг. Призывая Токио форсировать милитаризацию страны, рейгановский эмиссар недвусмысленно высказал неудовольствие по поводу того, что японское правительство согласилось увеличить в текущем году военные расходы лишь на 6,5 %²¹.

Содержание переговоров по ряду вопросов, как отмечала японская печать, продолжает оставаться секретным. В этой связи особую озабоченность в общественных кругах Японии вызвало проявленное Шульцем стремление подготовить условия для формирования тройственного союза Вашингтон — Токио — Сеул. Японские руководители, писала газета «Асахи», пока не решаются открыто устанавливать военные связи с южнокорейским режимом, поскольку им приходится так или иначе учитывать требования широких масс страны о проведении мирной политики, провозглашенной конституцией²². Непросто игнорировать также настроения в соседних странах, для которых, по выражению токийской «Ёмиури», «ястребиный курс внешней политики Накасонэ является нежелательным»²³. Но, как отмечает японская печать, давление Вашингтона растет, и правительство Японии отнюдь не склонно противодействовать такому давлению.

Видимо, не без подсказки с американской стороны Накасонэ и его коллеги в беседах с Шульцем проявили повышенный интерес к переговорам о сокращении стратегических вооружений в Европе. Поскольку негативная позиция США на этих переговорах вызвала массовое осуждение, в том числе в Западной Европе, где как раз в те дни вице-президент Буш объезжал союзные США страны, добиваясь от них поддержки выдвинутого рейгановской администрацией «нулевого варианта», Вашингтон был крайне заинтересован в том, чтобы Токио солидаризировался с ним. Японские лидеры инсценировали перед Шульцем «обеспокоенность» по поводу того, что успешное завершение переговоров в Европе может, дескать, привести к тому, что советские ракеты будут переброшены на Дальний Восток — против Японии и Китая. Спекулируя на этом, глава токийского кабинета энергично поддержал «нулевой вариант», который, как известно, имеет целью сорвать переговоры в Женеве, чтобы обеспечить размещение на Европейском континенте новых партий американского ядерного оружия. В Вашингтоне не без удовлетворения отмечали, что «энергичная поддержка Японией «нулевого решения» усложнила картину переговоров о контроле над вооружениями»²⁴. Таким образом, японское правительство выступило в неблагоприятной роли противника урегулирования важнейшей международной проблемы, поскольку оно не согласуется с его проамериканской политикой милитаризации и нагнетания напряженности.

Дж. Шульц, как и предусматривалось заранее согласованным с Токио сценарием, сделал заверения, что США не отступят от своей позиции и не допустят соглашения с Советским Союзом о сокращении ядерных ракет средней дальности в Европе «в ущерб интересам безопасности Японии и других неевропейских стран»²⁵. В Вашингтоне рассчиты-

²⁰ См.: «Майнити», 31.1.1983.

²¹ См. там же.

²² См.: «Асахи», 30.1.1983.

²³ «Ёмиури», 21.11.1983.

²⁴ «New York Times», 2.11.1983.

²⁵ Ibid.

вали, что, рекламируя Накасонэ как защитника страны от «советской угрозы», можно помочь укрепить позиции этого деятеля, неизменно ориентирующегося на тесное военно-политическое сотрудничество с Вашингтоном. Но провокационно-демагогический заход Шульца был предназначен для общественного мнения не только Японии, но и Китая. Шеф-госдепартамента как бы подчеркивал, что США и КНР имеют параллельные стратегические интересы и безопасность Китая зависит от «забот» о нем Соединенных Штатов.

К поездке Шульца в Южную Корею было приурочено проведение там упомянутых выше маневров войск США и сеульского режима. Китайская печать с возмущением отмечала, что «США не только отказываются вывести свои войска из Южной Кореи, но и под предлогом проведения совместных маневров перебрасывают туда новые войска, флот и авиацию, а также современное оружие»²⁶. Госсекретарь США решил использовать маневры для того, чтобы внести свой вклад в разжигание враждебности между двумя сторонами в Корее, в нагнетание военного психоза. Он предпринял специальную поездку в район демилитаризованной зоны, где проинспектировал американские и южнокорейские части, нацеленные против КНДР.

В беседах со своими сеульскими подопечными Шульц вновь подтвердил решение Вашингтона сохранить американские войска на корейской территории. Он заявил о намерении администрации Рейгана увеличить поставки оружия и боевой техники сеульскому режиму, а также помочь ему в развертывании собственной военной промышленности. Фактически госсекретарь США проявил полное пренебрежение к чаяниям корейского народа относительно создания мирных условий в стране и ее объединения на демократических началах.

В Пекине, где Дж. Шульц побывал после переговоров в Японии, стремление США окопаться на Корейском полуострове подверглось критике местной печати. Еще более резко прозвучала критика в адрес рейгановской администрации в связи с ее позицией по тайваньской проблеме. Как ни старался Шульц обойти эту проблему, она была поднята на переговорах по настоянию китайской стороны. Шульцу были изложены также претензии по поводу того, что США, согласно заявлению китайских руководителей, «проводят политику дискриминации и ограничений в экономическом, торговом, культурном и техническом обмене с Китаем»²⁷. Руководители КНР заострили внимание на проблеме сокращения огромного дефицита Китая в торговле с США, который в 1982 г. составил 628 млн. долл., а за последние десять лет в целом превысил 10 млрд. долл. В связи с этим китайская сторона настаивала на максимальном расширении закупок Соединенными Штатами китайских товаров, в первую очередь текстильных изделий, доступ которых на американский рынок резко ограничен.

Конкретное рассмотрение претензий китайской стороны Шульц стремился подменить рассуждениями о необходимости сотрудничества между США и КНР на базе «параллельных интересов», оперируя при этом измышлениями насчет «советской угрозы». Он заверял китайское руководство в стремлении Соединенных Штатов к развитию «особых связей» с Китаем.

Госсекретарь США, по существу, игнорировал законные требования китайской стороны. В политических сферах США с удовлетворением отмечали, что на переговорах он фактически подтвердил позицию «двух Китаев», занимаемую американской администрацией. Не скрывая, что эта позиция продиктована главным образом военно-стратегическими интересами США на Дальнем Востоке, влиятельные органы американской

²⁶ «Жэньминь жибао», 2.II.1983.

²⁷ Там же, 7.II.1983.

печати утверждали, что Шульц «поступил мудро, не уступив китайским требованиям» в отношении Тайваня. «Уолл-стрит джорнэл», например, выразила преобладающее в правящих кругах менее следующим образом: «Тайвань — это надежный союзник, занимающий стратегически важные позиции на морских путях, ведущих в Южную Корею и Японию. Лучше двадцать миллионов тайваньских «синиц» в руках, чем миллиард «журавлей» в небе, каковыми являются материковые китайцы»²⁸.

Дальневосточный вояж Дж. Шульца еще раз показал, что администрация Рейгана следует опасным курсом конфронтации на международной арене, который происходит из имперских амбиций и неумеренного стремления к изменению в пользу США нынешнего соотношения сил в мире.

* * *

Агрессивная политика США обречена на провал, поскольку она враждебна жизненным интересам народов и встречает противодействие социалистических и других миролюбивых государств. Широкие общественные и политические круги Восточной Азии, как и других районов мира, не могут не видеть, какую опасность представляют собой попытки Вашингтона распространить свой контроль на их страны, нарушить стабильность отношений между ними, разжечь конфронтацию. Это прямая угроза делу мира и безопасности. Советский Союз, другие социалистические государства противопоставляют ей конструктивные инициативы, реализация которых могла бы оздоровить политический климат в районе, укрепить мирные условия жизни народов.

В странах района встречает поддержку выдвинутое с трибуны XXVI съезда КПСС предложение о разработке и применении мер доверия на Дальнем Востоке, а также о проведении переговоров относительно ограничения военной деятельности в районах Индийского и Тихого океанов. Стремлением к добрососедству и дружбе между народами проникнуты весьма актуальные и реалистичные предложения Вьетнама, Лаоса и Кампучии о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности, о нормализации отношений со странами АСЕАН. Монгольская Народная Республика выступила с инициативой заключения конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы, что в условиях нестабильности в районе имело бы особенно важное значение.

Соединенные Штаты демонстративно игнорируют добрую волю социалистических государств и продолжают нагнетать напряженность, чреватую возникновением кризисных ситуаций в Восточной Азии.

²⁸ "Wall Street Journal", 10.11.1983.

Внешняя политика СССР в кривом зеркале японской советологии

К. Е. Черевко,
кандидат филологических наук

Исследования японскими буржуазными учеными различных аспектов внешней политики СССР подчинены потребностям правящего класса страны в концептуально препарированной в духе его мировоззрения информации о Советском Союзе и задачам ее использования в идеологической борьбе. В структуре буржуазной идеологии эти исследования составляют важную составную часть, их цель — «испровержение» идей научного коммунизма¹.

В Японии, где правящие круги в течение длительного времени проводили откровенно враждебную в отношении СССР политику и не были заинтересованы в публикации работ, содержащих хотя бы некоторую долю объективности, первые советологические исследования появились несколько позднее, чем в других ведущих капиталистических странах. Лишь во второй половине 50-х годов, когда японская буржуазия, укрепив свои экономические позиции, развернула идеологическое наступление на демократию и социализм, в стране были созданы три научные организации: Центр славяноведения при юридическом факультете Хоккайдоского университета, Японское общество международной политики и Общество изучения русской истории. Тем самым были заложены основы японского буржуазного советоведения. Об идейных установках и характере исследований, которые осуществлялись сосредоточенными в этих организациях учеными либерально-объективистского и правого толка, можно судить по тому факту, что их работы проводились за счет субсидий из фонда Рокфеллера и государственного бюджета Японии. Это позволило японским советологам с 60-х годов приступить к «фундаментальным» исследованиям, важное место в которых заняли вопросы внешней политики Советского Союза, в особенности в отношении Японии.

При изучении различных направлений советской внешней политики японские советологи основное внимание уделяют тем проблемам, которые предоставляют им, как они считают, достаточно возможностей для дискредитации основных внешнеполитических принципов СССР как социалистического государства. В истории советской внешней политики они пытаются найти «противоречия», в первую очередь между принципом мирного сосуществования и принципом пролетарского интернационализма. Фальсифицируя политику СССР по отношению к фашистской Германии накануне второй мировой войны, они, так же как и советологи других стран, приклеивают ей ярлык «макиавеллизма нового типа» и усматривают ее продолжение в политике СССР в отношении стран Восточной Европы на заключительном этапе второй мировой войны и после ее завершения. Рассматривая общие принципы советской внеш-

¹ См.: Ю. И. Грицкий. Буржуазная советология в современной борьбе идей. — «Вопросы истории», 1979, № 11, с. 72.

ней политики, главное содержание которой, по их мнению, состоит в «экспорте» в другие страны мировой социалистической революции, японские советологи пытаются доказать, будто бы эти идеи после второй мировой войны навязываются Советским Союзом развивающимся странам вследствие того, что «свободному миру» удалось ликвидировать революционную ситуацию в Западной Европе. Японские советологи превозносят политику стран Запада, прежде всего США, которые якобы продолжают «успешно противостоять» советскому «экспансионизму», наращиванию военной мощи СССР в Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в Мировом океане, а также противодействовать его поддержке национально-освободительных движений, которую они клеветнически именуют «содействием международному терроризму».

Важное место в японской советологии занимают поиски «расхождений» и «противоречий» между СССР и социалистическими странами с целью доказать якобы корыстный, гегемонистский характер его политики в отношении этих стран, в первую очередь стран Восточной Европы. С точки зрения борьбы против надуманной концепции «советского гегемонизма» рассматриваются и националистические установки «еврокоммунизма». Особые усилия японские советологи прилагают к тому, чтобы представить в превратном свете политику Советского Союза в отношении Японии, в частности советско-японские экономические отношения. При этом на первый план они выдвигают вопрос о территориальном урегулировании между двумя странами после второй мировой войны.

В области изучения внешней политики СССР традиционно доминируют ученые консервативного и буржуазно-либерального направлений, поскольку эти направления советологии с самого начала были особенно тесно связаны с интересами правящих кругов Японии.

Для того чтобы лучше понять, в каких условиях разрабатываются в японской советологии вопросы внешней политики СССР, кратко рассмотрим, что представляет собой эта дисциплина в целом и какова ее организационная структура.

Начало изучения в Японии СССР и стран Восточной Европы после второй мировой войны японские ученые обычно связывают с учреждением Центра славяноведения, который был создан при юридическом факультете Хоккайдоского университета 24 июня 1953 г. При его основании в нем было учреждено 5 отделений: истории, филологии, политики, экономики и международных отношений; в 1964 г. к ним добавилось отделение права. Дважды в год в центре проводятся собрания научных сотрудников, на которых обсуждаются бюджетные, кадровые и другие производственные вопросы, а также научные конференции.

Центр славяноведения с середины 50-х годов занимался вопросами «повышения квалификации» кадров советологов². Число штатных сотрудников центра, сотрудников, работающих по совместительству в других подразделениях Хоккайдоского университета, и лиц, сотрудничающих в разработке отдельных проектов, по данным на 1977 г., достигло 798 человек³. Библиотека Центра славяноведения насчитывает около 20 тыс. единиц хранения, большая часть которых получена на средства из фонда Рокфеллера.

Начиная с 1957 г. Центр славяноведения выпускает ежегодник «Сурабу кэнкю», а с 1970 г. — бюллетени, которые в последние годы стали привлекать внимание не только японских, но и зарубежных специалистов.

² In: P. Berton, P. Langer, R. Swearingen. Japanese Training and Research in the Russian Field. Los Angeles, 1956, p. 101—102.

³ См.: Сорэн Тоо кэнкюся мэйбо (Список исследователей СССР и Восточной Европы). Саппоро, 1977.

Научные сотрудники центра читают публичные лекции по внешней политике и по истории. Их политическая направленность различна, но в них, как правило, преобладают тенденциозные оценки освещаемых событий. В тематику лекций регулярно включались вопросы внутренней политики и экономики СССР, трактуемые в духе советологических концепций.

Подводя в 1975 г. итог двадцатилетней работы Центра славяноведения, один из его ведущих научных сотрудников Ц. Тогава ратовал за увеличение правительственных ассигнований, и они в последующие годы были значительно увеличены. Было осуществлено преобразование в апреле 1978 г. этого научно-исследовательского учреждения при Хоккайдоском университете в общепонский Центр славяноведения.

Советский Союз изучается также в секторе социалистических стран института социальных исследований при Токийском университете. При университете Васэда в Токио и Хоккайдоском университете в Саппоро созданы отделения русской филологии. С 1965 г. курс лекций по социологии и культуре СССР и стран Восточной Европы читается на отделении искусства педагогического факультета Токийского университета. Здесь проводятся также лингвистические исследования и семинары по истории, политике, экономике и современному положению в странах этого региона. Помимо этого специальные курсы лекций по политике, экономике и литературе СССР, включая дореволюционный период, читаются в университете Тюо в Токио и в университете Кобэ.

Экономика Советского Союза интенсивно изучается в столичных университетах Хитоцубаси, Кэйо, Мэйдзи, Сэнсю, Кокугакуин, в киотоских университетах Рицумэйкан и Кансай, в Осацком муниципальном университете, в университетах Аояма, Тохоку и др.

Если в университетах Хитоцубаси и Рицумэйкан ведущее положение занимают сторонники марксистской методологии исследования, то в других вузах, начиная с аристократического университета Кэйо, доминируют представители буржуазной науки.

Значительное место исследованиям истории СССР уделяется также в университетах Хитоцубаси, Васэда, Тэнри, Мэйдзи, Ибаракки, Дзэти, Канадзава, Кюсю и Токийском педагогическом институте. Среди историков-советоведов заметно преобладают приверженцы буржуазной методологии. Они занимаются широкоим кругом вопросов — от образования славянских племен до послевоенной истории СССР, в том числе проблемами внешней политики Советского государства на современном этапе, в особенности в отношении Японии и Китая.

Число специалистов по Советскому Союзу в Японии в штатах официальных правительственных и неправительственных учреждений непрерывно увеличивается. Это преподаватели университетов и учебных институтов, а также научно-исследовательских центров: Японского института международных проблем, Института политики и экономики Азии, Министерства иностранных дел, Исследовательского бюро при кабинете министров, Государственной парламентской библиотеки.

Изучением СССР занимаются такие специализированные общественные организации, как Общество по изучению СССР и стран Восточной Европы, осуществляющее, в частности, подготовку к международным конгрессам славистов в сотрудничестве с международным комитетом изучения СССР и стран Восточной Европы, Общество по изучению русской истории, Японское общество русской филологии, Общество изучения социалистической экономики. В Японии ведут активную работу в данной области также неспециализированные организации: финансируемая Министерством просвещения Японская ассоциация политических наук, входящая в Международную ассоциацию политических наук при

ЮНЕСКО, Японское общество международной политики, Японский институт международных проблем и Общество «Европа — Азия», связанные с Министерством иностранных дел Японии, и некоторые другие. Хотя по числу советологических центров и масштабам исследований Япония уступает США, ФРГ и Франции, роль японской советологии как азиатского фланга идеологического фронта империализма в борьбе с коммунистической идеологией весьма существенна.

Быстрый рост числа советологических исследований в Японии объясняется обострением идеологической борьбы в результате изменения соотношения сил на международной арене в пользу реального социализма и национально-освободительного движения. Оно привело к еще большему поправлению японской советологии, которая все чаще стала прибегать к прямой фальсификации политики Советского Союза. Статьи буржуазных авторов стали активнее использоваться в правительственных изданиях, что свидетельствует о дальнейшем сращивании советологии с буржуазной пропагандой.

Фальсификация японской советологией основных принципов внешней политики СССР

Изучение внешней политики СССР ведется японскими советологами в целом с тех же позиций, что и советологами США и стран Западной Европы. Они клеветнически утверждают, что в основе этой политики лежит насильственный «экспорт революции». Японские «советологи»-международники пытаются обосновать положение, что концепция мирного сосуществования противоречит внешней политике СССР и носит прагматический характер, представляя собой лишь тактическое средство в устремлениях «советского коммунизма». В силу своей классовой ограниченности и заданной социальной установки они не могут понять диалектический характер внешней политики, рожденной Великой Октябрьской социалистической революцией, искажают характер противостояния двух социально-экономических систем на международной арене, утверждают, что внешнеполитический курс СССР преследует цель подготовки к насильственной победе и военному конфликту, оставляя на втором плане такие важные формы классовой борьбы на международной арене, как экономическая и идеологическая.

Допуская методологические передержки, японские советологи немилые способы борьбы за утверждение нового общественного строя в ленинской теории социалистической революции выдают за главную черту внешней политики Советского государства и тем самым обнажают тенденциозную направленность своих теоретических изысканий, соответствующих программным установкам правящей Либерально-демократической партии Японии.

Видный буржуазный японский советовед Масао Оноэ, например, утверждает, что советской внешней политике присущи внутренний дуализм, заключающийся в том, что принципы мирного сосуществования находятся в непримиримом противоречии с ее главной целью — победой мировой коммунистической революции.

Определение мирного сосуществования как одной из форм классовой борьбы подвергается особенно ожесточенным нападкам японских советологов. Так, директор Центра по изучению безопасности Японии Осаму Миэси в своей книге под клеветническим названием «Глобальная стратегия советского империализма» пишет, что в основе политики разрядки должна лежать «взаимная сдержанность», которую он трактует как отказ СССР от поддержки национально-освободительной борьбы

народов, выступающих за свою независимость от империалистических держав⁴.

Пытаясь усмотреть противоречие во внешней политике СССР между принципами мирного сосуществования и поддержкой национально-освободительного движения, профессор Академии обороны Японии Масамори Сасэ считает, что СССР поступает неправомерно, оказывая помощь демократическим силам в Анголе, Эфиопии, Южном Тиморе и Афганистане, осуждает поддержку Вьетнамом социалистического правительства в Кампучии, называя все это «вмешательством во внутренние дела других стран»⁵.

При этом М. Сасэ замалчивает тот факт, что помощь Советского Союза в деле защиты революционных завоеваний в этих странах с точки зрения международного права явилась естественной ответной реакцией на неправомерные действия, которые выразились в попытках экспорта контрреволюции в указанные страны. Поэтому обвинять Советский Союз в «экспорте революции» в страны «серой зоны», как презрительно именуют эти страны некоторые японские советологи вслед за своими американскими коллегами по антисоветизму⁶, значит самым впадуть в противоречие со здравым смыслом.

Говоря о «неделимости» разрядки, о ее «глобальном» характере, идеологи империализма стремятся придать этому сложному социально-политическому понятию преимущественно географическую трактовку. Различиями в трактовке разрядки они аргументируют ее якобы временный, преходящий характер, отсутствие у нее долгосрочной перспективы. По мнению М. Сасэ, признаки того, что по этой причине разрядка стала «заходить в тупик», стали проявляться еще в мае 1978 г., когда на конференции стран НАТО было принято решение о ежегодном увеличении военного бюджета на 3 % под тем предлогом, что СССР продолжает совершенствовать ядерное оружие средней дальности. Японский профессор умалчивает, однако, что эти меры советской стороны представляли собой вынужденную реакцию на размещение в Западной Европе американских средств передового базирования.

В отличие от такого рода советоведов ученые прогрессивной ориентации рассматривают активно проводимую СССР политику обеспечения безопасности и мер по предотвращению возможной агрессии империалистических государств как результат того, что Россия на всем протяжении своей истории неоднократно подвергалась нападению других государств⁷. Эти ученые начинают все лучше понимать, что в своей интернационалистской внешней политике Советский Союз последовательно отстаивает принципы мирного сосуществования и оказывает поддержку освободительным движениям методами и средствами, соответствующими современному международному праву.

В последние годы политика Советского Союза и других стран реального социализма в отношении развивающихся государств и национально-освободительного движения стала объектом особенно яростных нападок японских советологов.

Используя созданный буржуазной пропагандой негативный стереотип СССР как государства, делающего главный упор на применение силы, японские советологи пытаются представить политику империалистических государств как гуманную и миролюбивую, а курс Советского Сою-

⁴ См.: О. Миёси. Сорэн тэйкокусюги-но сэкай сэнкаку (Глобальная стратегия советского империализма). Токио, 1980, с. 20—21; M. Sase. International Relations in 1980. — 6th Japan — USSR Conferences. Tokyo, 1980, p. 9.

⁵ In: M. Sase. Op. cit., p. 8—9.

⁶ Ibid., p. 8—10, 13—15.

⁷ См., например: Т. Такадзава. Има косо хибусо тюрицу (Именно теперь — невооруженный нейтралитет). Токио, 1980, с. 207—208.

за — как корыстный и агрессивный⁸. Закрывая глаза на неоднократные предложения советских представителей о сокращении вооружений, эти буржуазные идеологи замалчивают тот факт, что, оказывая поддержку и помощь национально-освободительному движению и развивающимся государством, СССР руководствуется не чуждыми марксизму-ленинизму волюнтаристскими намерениями «подтолкнуть» революции в «третьем мире», а своим долгом, вытекающим из принципа пролетарского интернационализма, способствовать объективному процессу освобождения народов от гнета капитализма и в союзе с их демократическим авангардом давать отпор «экспорту» контрреволюции силами внешней реакции.

После введения в декабре 1979 г. в Афганистан в соответствии с советско-афганским договором 1978 г. и по просьбе революционного правительства ограниченного контингента советских войск для отпора вмешательству извне и особенно после событий в Польше 1980—1981 гг. ивращение в Японии целей и принципов советской политики приобрело особенно широкий размах.

Для более эффективного воздействия на японского обывателя была пущена в ход версия о том, будто бы введение советских войск в Афганистан знаменует собой новый этап «гегемонистской стратегии» Советского Союза, о чем свидетельствует, в частности, «продолжающаяся скупация северных территорий Японии»⁹, под которой имеется в виду восстановленный после второй мировой войны суверенитет СССР над Курильскими островами. Развернутую идеологами империализма кампанию против оказания советскими войсками помощи правительству Афганистана японские советологи пытаются увязать с антисоветской кампанией «за возвращение северных территорий».

В противовес этому даже некоторые японские специалисты по международным отношениям либерального толка, не склонные к такой фальсификации политики Советского Союза, указывают, что введение советских войск в Афганистан явилось естественной реакцией на попытки США и стран НАТО замкнуть в этом районе кольцо окружения СССР враждебными ему блоками. Показательно также, что политика так называемых санкций против СССР, предпринятых реакционными кругами некоторых империалистических стран, вызвала осуждение даже среди части японских буржуазных советологов. Так, профессор Центра славяноведения Киити Мотидзуки пишет, что политика санкций в отношении СССР нелогична, бессмысленна и опасна для союзников США. Хотя Соединенные Штаты раздувают назойливую кампанию о «советской внешней угрозе», из всех развитых стран только СССР, указывает японский ученый, способен полностью обеспечить себя собственными энергетическими и сырьевыми ресурсами и у него нет мотивов для проникновения в другие страны в поисках сырья.

В последние годы японские советологи и органы массовой информации пытаются возложить на СССР ответственность за то, что он якобы стремится ограничить смятение международной напряженности только областью двусторонних отношений как таковых, оставив свободными руки в своей политике в развивающихся странах, в которых Запад имеет «жизненно важные интересы». Будучи не в состоянии в силу классовой ограниченности признать объективный характер развития борьбы против империализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки, японские буржуазные советоведы обвиняют Советский Союз в том, что в отношениях этих стран с ведущими капиталистическими странами возрастает напряженность. Они заявляют, что СССР должен отказаться от поддержки стран, борющихся за свое национальное освобождение, что это якобы позволило бы США сохранить в этих странах свои позиции

⁸ См., например: «Уэно», 1980, № 4, с. 118 и след.

⁹ «Хоккайдо симбун», 4.X.1932.

и тем самым способствовало бы смягчению международной напряженности. «Пронскамин» Москвы и ее стремлением подорвать позиции стран Запада в «третьем мире» объясняются апрельская революция 1978 г. в Афганистане и государственный «переворот» в июне того же года в Южном Йемене, победа демократических сил в Анголе и Эфиопии, крах кровавого режима Пол Пота в Кампучии и даже исламская революция в феврале 1979 г. в Иране.

Игнорируя неоднократные заявления западных, в том числе американских, специалистов о примерном военном паритете стран НАТО и Варшавского Договора, японские советологи пытаются оправдать решение стран Западной Европы о размещении в дополнение к американским средствам передового базирования новых американских ракет среднего радиуса действия, «аргументируя» это тем, что реализация договора ОСВ-2 повысила бы удельный вес обычных вооружений СССР, в которых он будто бы имеет превосходство, и это якобы потребовало принятия дополнительных мер по «обороне».

Запугивая налогоплательщиков с целью облегчить одобрение новых огромных ассигнований на военные нужды, японские советологи и специалисты по международным отношениям изображают оборонные мероприятия Советского Союза, которые осуществляются в ответ на гонку вооружений, навязываемую военно-промышленным комплексом США, как «исконное» стремление СССР к созданию путем насилия «Всемирного Союза Советских Социалистических Республик» и призывают США к более решительному отпору этой политике, именуемой ими «один шаг назад и два шага вперед». По их мнению, «шаг назад» СССР делает в том случае, когда Соединенные Штаты прибегают к активному противодействию этому курсу, направленному на то, чтобы «изгнать» их из Западной Европы, Азии и Африки и изолировать на Американском континенте, а «два шага вперед» — когда они ослабляют этот курс, как в период разрядки¹⁰.

Искажая сущность внешней политики Советского Союза, японские буржуазные идеологи утверждают, что СССР руководствуется будто бы лишь одним прагматическим принципом — «принципом кнута и пряника», которым он пользуется для того, чтобы добиться ослабления связей тех или иных стран с США. Под «политикой кнута» они подразумевают надуманную угрозу применения военной силы, а под «политикой пряника» — «пропаганду» прогрессивного, миролюбивого характера социализма и борьбы за национальное освобождение. Обе эти примитивно конструируемые разновидности оценки советской внешней политики преподносятся как разные формы попыток добиться военного превосходства над США. С другой стороны, экспансионистская внешняя политика США изображается как сугубо оборонительная.

Японская советология с одобрением относится также к пропаганде Соединенными Штатами западного образа жизни через радиостанции, вещающие на Советский Союз, которые призывают советских граждан бороться «против существующего общественного строя», хотя такого рода деятельность является прямым незаконным вмешательством во внутренние дела других государств.

Японские буржуазные ученые сетуют на то, что престиж внешней политики Советского Союза, оказывающего бескорыстную помощь и поддержку народам, борющимся за национальное освобождение, против американского неокOLONиализма, в последние годы неизмеримо возрос, а престиж США, стремящихся сохранить свое влияние в развивающихся странах не в последнюю очередь за счет поддержки шатающихся реакционных марионеточных режимов, неудержимо падает, несмотря на не-

¹⁰ См.: Акира Соно. Бэйсо-но сэкай сэiryaku то нихон гайко (Мировая стратегия США и СССР и японская дипломатия). — «Дзю миисю», 1980, № 1, с. 63.

бывалое разбухание военного бюджета этой ведущей капиталистической державы. Хотя такой резкий поворот в американской политике, включая провалившиеся экономические санкции против СССР, буржуазные советоведы пытаются оправдать намерением американской администрации дать решительный отпор «советской угрозе», они невольно признают, что этот поворот вызван отчаянной попыткой американских «ястребов» изменить в свою пользу сложившийся примерный паритет военной мощи США и СССР, воспрепятствовать движению развивающихся стран по пути национальной независимости и социалистической ориентации¹¹.

Все большее внимание уделяется в последнее время в Японии вопросам отношений СССР с другими социалистическими странами, о чем, в частности, свидетельствует расширение использования источников на языках социалистических стран Восточной Европы. Рост числа ученых, специализирующихся в данной области исследований, привел к тому, что в конце 70-х годов в Токио было создано Японское общество славяноведения и изучения Восточной Европы. Что касается внешней политики социалистических стран этого региона, то основное направление изысканий членов этого общества — не анализ нового типа международных отношений, основанных на их братском сотрудничестве, а попытки «доказать», что политика СССР не соответствует их национальным интересам, использовать искаженное истолкование этой политики для идеологической обработки населения и тем самым создать благоприятные условия для проведения правящими кругами страны реакционного политического курса.

Японские советологи-международники берут на вооружение наиболее ходовые средства мировой, и прежде всего американской, советологии — обвинения СССР в «гегемонизме» и «вмешательстве во внутренние дела социалистических стран», преувеличение националистических и антисоциалистических настроений в этих странах, трактовка их в духе «полицентризма». Японские буржуазные ученые стремятся истолковывать некоторые положения Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству, подписанного в июне 1975 г., как легализацию «экспорта» буржуазных взглядов под видом культурных контактов и свободного обмена информацией с целью достижения идеологической эрозии коммунизма «советского типа» и его перерождения в духе плюралистических концепций.

Однако в отличие от американской советологии с ее огромным и разветвленным пропагандистским аппаратом основной задачей данного направления японской советологии остается внутриполитическая функция — сохранение в орбите буржуазной идеологии населения собственной страны. В настоящее время характерной чертой японской советологии является не огульная дискредитация всех сторон отношений СССР со странами социалистического содружества, а их более «объективная» оценка на основе статистического материала, признание некоторых положительных результатов экономического развития СССР и других стран социалистического содружества, которых они достигли, в частности, благодаря экономической интеграции стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. В целом же японские советологи по-прежнему стремятся создать превратное представление об этих отношениях, выхватывая из социально-экономического контекста отдельные проблемы, преувеличивая трудности и недостатки, абсолютизируя их, стремясь подвести японских читателей к выводу о «несостоятельности» социалистического типа международных политических и экономических отношений.

Братское сотрудничество и взаимопомощь между СССР и странами Восточной Европы М. Оноэ, например, изображает как «эксплуатацию»

¹¹ См.: «Бунгэй сундзю», 1980, № 3, с. 320—323.

последних Советским Союзом, утверждая, что после второй мировой войны СССР якобы стремился использовать экономический потенциал этих стран для восстановления своей «государственной мощи»¹².

В отличие от такой проникнутой махровым антисоветизмом трактовки отношений между СССР и другими социалистическими странами прогрессивные японские историки исходят из того фундаментального положения, что в результате освобождения Вооруженными Силами СССР Восточной Европы от фашизма в годы второй мировой войны эти страны при активной помощи Советского Союза покончили с зависимостью от империалистических государств и вступили на путь социалистического развития, став «важной составной частью мировой истории»¹³.

Немалое внимание советологи уделяют военному конфликту 1951—1953 гг. на Корейском полуострове. Так, Харутака Сасаки¹⁴ и Масао Оконоги¹⁵, исходя из неправильного толкования «теории национально-освободительной войны», приписывают Советскому Союзу и КНДР агрессивные намерения. Прогрессивные японские ученые опровергают эту версию, разоблачая неприглядную роль США и южнокорейского режима¹⁶. Попытку представить в превратном свете политику Советского Союза в отношении Вьетнама, опираясь на документацию американской и южновьетнамской сторон, предприняли Хироси Фудзимото и Кадзуо Симмура¹⁷. Им противопоставляют свои работы Минами Ёсидзава¹⁸ и Такадзи Сасаки¹⁹.

Таким образом, освещение японской буржуазной советологией отношений СССР с другими социалистическими странами, несмотря на признание некоторых положительных моментов в развитии этих отношений, сводится к попыткам создать у широкой общественности негативный стереотип политики Советского Союза в отношении не только развивающихся, но и социалистических стран. Внешняя политика Советского Союза противопоставляется внешней политике капиталистических стран, основанной якобы на «демократических принципах».

Отношения СССР с Японией

Изучение японскими советологами истории и современного состояния советско-японских отношений — область, где наиболее ярко проявляются националистические тенденции и политическая пристрастность, характерные для японской советологии.

В центре внимания японских советологов-международников находятся различные политические, военные вопросы, экономические, а также (в меньшей мере) вопросы обмена в области культуры и туризма. Рассматривая политику Советского государства в отношении Японии, они

¹² См.: М. Оноэ. Гэндай Сорэн гайко обозаки (Заметки по истории современной дипломатии СССР). Токио, 1976, с. 205, 216.

¹³ Нихон-ни окэру рэкисигаку-но хаттэн то гэндзэ (Развитие и современное состояние исторической науки в Японии). Токио, 1980, с. 472.

¹⁴ Харутака Сасаки. Тэсэн сэнсо (Война в Корее). Токио, 1976—1977.

¹⁵ Масао Оконоги. Миндзоку кайхо ундо-то ситэ-но Тэсэн сэнсо (Война в Корее как национально-освободительное движение). — «Хогаку кэнкю», 1975, № 3, с. 19—44.

¹⁶ См.: Т. Хора. Тэсэн сэнсо (Война в Корее). Токио, 1973.

¹⁷ Х. Фудзимото, К. Симмура. Пари кэтэй то 1975 — нэн 4-гацу 30-нитти (Парижские соглашения и 30 апреля 1975 г.). — «Рэкисигаку кэнкю», 1976, № 432, с. 15—21.

¹⁸ М. Ёсидзава. Индосина кайхо катэй-ни окэру тосо сюсай-но кэйсэй то миндзоку рэнтай (Формирование субъекта борьбы за национальное освобождение в Индокитае и национальная солидарность). — Указ. соч., с. 14—29.

¹⁹ Т. Сасаки. Сэнго-ни окэру тэйкокусюги сэкай тайсэй-но хэнка то Индосина сэнсо (Послевоенные сдвиги в мировой системе империализма и война в Индокитае). — Сэкайси-но синкёкумэн то рэкиси-но сайкэнто (Новый поворот в мировой истории и пересмотр представлений об истории). Токио, 1976, с. 2—14.

стремится представить ее в невыгодном свете. Выгораживая агрессивную политику Японии против СССР в годы второй мировой войны, японские советологи пытаются обвинить Советский Союз в нарушении пакта о нейтралитете 1941 г. и представить Крымское (Ялтинское) соглашение глав правительств антифашистской коалиции по вопросам Дальнего Востока 1945 г. как «тайный сговор» против Японии. Они подвергают критике послевоенную политику СССР, обвиняя его в «жесткости» и «противодействии» неоднократным предложениям Японии заключить мирный договор на условиях удовлетворения притязаний ее правящих кругов на южную часть Курильских островов, представляют советский проект договора с Японией о добрососедстве и сотрудничестве как «уловку», направленную на «подрыв» японо-американского «договора безопасности» 1960 г. и нейтрализацию этой страны. Японские советологи, как, например, Х. Кимура, стремятся даже оказать давление на японское правительство, добываясь от него более «эффективных действий» против СССР в вопросе о «северных территориях».

Превратно истолковывая внешнеэкономическую политику СССР, японские советологи поддерживают официальный курс Японии на отказ от заключения соглашения о принципах экономического сотрудничества и проведения регулярных совещаний министров двух стран, ведающих экономикой. Они утверждают, что это якобы будет использовано советской стороной для того, чтобы попытаться ослабить в Японии кампанию за «возвращение северных территорий». Не считаясь с общим изменением условий в мировом рыболовстве, японские советологи стремятся использовать установление новых правил регулирования рыболовства в 200-мильной прибрежной зоне для нагнетания антисоветских настроений и искусственно увязать вопрос о линии прохождения границы экономических зон между СССР и Японией с «территориальным вопросом».

Важное место в работах японских ученых занимает также проблема так называемой «советской военной угрозы». Этот вопрос активно используется для раздувания в стране антисоветизма и реваншизма, особенно с приходом к власти в США администрации президента Р. Рейгана, которая взяла курс на укрепление японо-американского «договора безопасности», направленного своим острием против СССР.

Рассматривая политику Советского Союза в отношении Японии после второй мировой войны, японские советологи утверждают, что после капитуляции Японии СССР через Союзный совет по Японии стремился безуспешно захватить ведущие позиции в управлении страной. Но о последовательной борьбе советского представителя в этом совете и в Дальневосточной комиссии за демократизацию Японии обычно ни словом и не упоминается.

Нормализация советско-японских отношений в 1956 г. изображается только как результат выдвижения советским правительством в середине 50-х годов «дипломатии мирного сосуществования», без упоминания о том, что после окончания американской оккупации наиболее дальновидные руководители Японии, в том числе премьер-министр И. Хатояма, поняли необходимость восстановления отношений с СССР, исходя из задачи укрепления политической независимости страны.

Японские советологи предпринимают тщетные попытки создать впечатление, будто успехи в развитии советско-японских отношений являются заслугой главным образом японской стороны, а замедление в их развитии объяснить неуступчивостью советской стороны. Отрицательное отношение японского правительства к советскому проекту договора с Японией о добрососедстве и сотрудничестве советологи объясняют тем, что он будто бы оставляет нерешенным «территориальный вопрос». Между тем совершенно ясно, что этот «вопрос» окончательно решен соглашениями военного и послевоенного времени, которые были подписаны задолго до выдвижения проекта этого договора. Советологи утверждают

также, что статьи 3 и 12 проекта договора направлены против японо-китайского «договора о мире и дружбе», хотя в первой из них говорится лишь о том, что «СССР и Япония обязуются не допускать использования своей территории для совершения каких-либо действий, могущих нанести ущерб безопасности другой стороны», а в ст. 12 — о том, что «СССР и Япония» не претендуют сами и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права или преимущества в мировых делах, включая притязания на доминирование в Азии и в районе Дальнего Востока».

Советологи также произвольно интерпретируют статьи 3 и 4 проекта договора, в которых говорится, что «высокие договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от каких-либо действий, поощряющих любую третью сторону предпринимать агрессивные акции против любой из них». Японские советологи утверждают, что на основе этих положений СССР может поставить вопрос о существовании американских военных баз на территории Японии и тем самым попытаться «вбить клин» в японо-американские отношения. Этот аргумент не выдерживает критики, так как в этих статьях речь идет об общепринятых нормах международного права, зафиксированных в Уставе ООН, и они ни в коей мере не направлены на подрыв японо-американских отношений²⁰.

В последние годы органы массовой информации Японии и японские советологи усилили идеологическое наступление против СССР. На смену мифу о «насильственном экспорте революции» и «наступательном мирном сосуществовании», который себя заметно дискредитировал, на передний план в японской буржуазной пропаганде был выдвинут миф о «советской военной угрозе» — подновленная концепция, разработанная и пущенная в оборот, в том числе в Японии, империалистическими кругами США.

Эта кампания приобрела еще более широкий размах с начала 1979 г., после того как в японской печати появились под сенсационными заголовками сообщения об увеличении мощи Тихоокеанского военно-морского флота СССР, в которых, в частности, подчеркивалось, что советская сторона в июле 1980 г. включила в его состав противолодочный крейсер «Минск», а также дислоцировала на Советском Дальнем Востоке бомбардировщики, получившие на Западе название «Бэкфайер». Особую роль в разжигании этой антисоветской кампании сыграли нарочито тревожные сообщения официальных кругов Японии, содержащие досужие вымыслы о строительстве советских военно-морских баз на островах Кунашир и Итуруп (южная часть Большой Курильской гряды) и острове Шикотан (Малая Курильская гряда), а также о размещении советских войск численностью до одной дивизии на других островах Малой Курильской гряды.

Важную роль в антисоветской кампании играют исследования советологов, посвященные военным проблемам. Типичным примером может служить книга «Третья мировая война. Оккупация Хоккайдо». Ее автор — неоднократно стажировавшийся в школах ВМС и ВВС США генерал-майор Масатака Ивано, бывший заместитель главнокомандующего японскими сухопутными войсками. Такого рода «произведения» призваны подготовить общественное мнение страны к эскалации военных приготовлений против Советского Союза и оправдать предназначенную Японии военной роль «заложника» в планируемой Соединенными Штатами Америки ядерной войне против социалистических стран в качестве платы за «обеспечение Соединенными Штатами Америки безопасности» этой страны. Как отметил XXVI съезд КПСС, в последнее время во внешнеполитическом курсе Японии усиливаются негативные

²⁰ См.: Сатоси Такаяма. Ниссо канкэйси (История японо-советских отношений). Токио, 1978, с. 103—110.

моменты, подыгрывание опасным планам Вашингтона, тенденция к милитаризации²¹.

Милитаристская кампания носит не только внешнеполитический, но и совершенно определенный внутривнутриполитический характер. Она неразрывно связана с попытками путем нападков на советскую внешнюю политику дискредитировать идеи социализма, носителем которых является Советский Союз, добиться определенного поправления оппозиционных политических партий и укрепления позиций консервативных сил путем внедрения идеологии «надклассового» и «общенационального» подхода к проблемам обеспечения безопасности.

Прогрессивные силы Японии, в том числе демократически настроенные ученые, а также отдельные трезво мыслящие советоведы стремятся разоблачить истинные цели разнузданной антисоветской пропаганды реакционных кругов Японии. Оппозиция существующему в Японии консервативному режиму выступает за развитие дружеских, добрососедских отношений с Советским Союзом, за подведение под них прочной договорной основы. Противники милитаристской кампании хорошо понимают, что она представляет особо серьезную опасность для дела мира и безопасности в Азии и идет вразрез с интересами японского народа. Широкие слои японских трудящихся искренне стремятся не к конфронтации а к улучшению политического климата в отношениях с СССР, к развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества, к расширению культурных и научных контактов с Советским Союзом.

* * *

Изучение внешнеполитических концепций японской советологии позволяет сделать вывод, что, несмотря на имеющиеся различия между исследованиями политики Советского Союза в довоенной и послевоенной Японии, в них обнаруживается преемственность, основой которой является антикоммунизм. Этим объясняется преобладание среди специалистов по Советскому Союзу в Японии исследователей консервативного и либерально-объективистского направлений, которые по-разному выполняют одну и ту же функцию защиты буржуазного строя. Им противостоят прогрессивные ученые. Японская советология тесно связана с буржуазным советоведением в странах Запада, прежде всего США, она во многом является восприимчивым идей американской советологии и получает от нее материальную и моральную поддержку. В этом, в частности, находит свое проявление характерная для современной эпохи тенденция к объединению национальных антисоветских фронтов в единый глобальный фронт идеологической борьбы против СССР как ведущей страны социалистического содружества.

Со стремлением представить объективный процесс перехода от одной общественно-экономической формации, капитализма, к первой фазе другой — социализму как субъективную попытку навязать этот переход в результате «советской военной угрозы» и применения силы социалистическими странами советологи связывают расчеты на притупление классово сознательности широких масс японских трудящихся и снижение степени их активности в борьбе за коренные социально-экономические преобразования.

Критическое исследование внешнеполитических аспектов японской советологии позволяет показать фальшивый характер постулата о стремлении Советского Союза к мировому господству, который якобы базируется, с одной стороны, на доктрине «мировой социалистической революции», а с другой стороны, на традициях «русского экспансионизма». Несостоятельными являются также попытки японских советологов выя-

²¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 25.

вить «противоречие» между принципами пролетарского интернационализма и мирного сосуществования во внешней политике Советского Союза.

В силу классовой ограниченности своих идеологических концепций японские советологи не в состоянии объективно исследовать подлинный характер политики Советского Союза, в основе которой лежат принципы мирного сосуществования. Братскую солидарность и сотрудничество, которыми характеризуются отношения Советского Союза с другими странами социалистического сотрудничества, они пытаются представить как выгодные лишь СССР, поскольку он якобы руководствуется в своей политике «корыстными интересами».

В японской советологии постоянно подвергается фальсификации характер советско-японских отношений, как политических, так и экономических. Все аспекты политики СССР в отношении Японии сводятся к искусственному раздуванию «проблемы» якобы незаконного владения Советским Союзом южной частью Курильских островов, давно решенной международными соглашениями военного и послевоенного времени. Отказ от признания существующих реальностей в вопросе о мирном урегулировании между СССР и Японией после второй мировой войны является особенностью японской советологии.

Ознакомление с японской советологией свидетельствует, что она представляет собой важнейшую составную часть буржуазной идеологии. Скованная заранее поставленными целями, японская советология не может объективно оценить задачи советской внешней политики и истолковывает их в тенденциозном духе, в соответствии с интересами правящих кругов страны. Более того, она порой стремится оказать на них давление, чтобы усугубить реакционный курс своего правительства. Обострение идеологической борьбы на международной арене, вызванное ожесточенным сопротивлением империализма необратимому процессу укрепления позиций стран социалистического содружества и успехам национально-освободительного движения, японские советологи пытаются использовать для оправдания империалистического курса внешней политики Японии. Это встречает активное противодействие ее прогрессивной общечеловечности, выступающей за развитие добрососедских, дружественных отношений с Советским Союзом.

Ли Да и распространение марксистских идей в Китае

*В. Г. Буров,
кандидат философских наук*

В начале XX в. проблемы ликвидации многовековой экономической, политической и научно-технической отсталости Китая, его социального обновления стимулировали в кругах общественности, у деятелей культуры и ученых интерес к теоретическим концепциям западноевропейского и американского происхождения, во многих публикациях рассматривался вопрос об их применимости к условиям китайской действительности. Наряду с буржуазными теориями и концепциями в страну проникали и марксистские идеи.

Процесс распространения марксистской идеологии в Китае носил довольно сложный характер. Специфика тогдашней социально-экономической ситуации, трудности и противоречия развития революционного движения и становления коммунистической партии¹, естественно, не могли не оказывать влияния на уровень разработки теоретических проблем первыми китайскими сторонниками марксизма. Важную роль в пропаганде и распространении марксистской философии в Китае сыграл Ли Да (1889—1966), один из зачинателей коммунистического движения. Участник I съезда КПК, он и в последующие годы, несмотря на временную утрату связей с партией, отстаивал в своей теоретической деятельности принципы марксистского учения об обществе. Его работы «Современная социология» («Сяньдай шэхуэйсюе», 1926), «Основы социологии» («Шэхуэйсюе даган», 1937) и другие несли правду об идеалах социализма, содержали критику буржуазных социологических учений².

С точки зрения процесса формирования Ли Да как марксиста большой интерес представляет, несомненно, книга «Современная социология», которая создавалась в ранний период распространения идей научного социализма в Китае, когда КПК еще только начинала свою деятельность. Эта книга дает яркое представление о творческих исканиях молодого сторонника марксизма.

Указанные работы Ли Да свидетельствуют о том, что он был знаком с трудами основоположников марксизма. В них излагаются многие положения из таких фундаментальных марксистских произведений, как «Святое семейство», «Диалектика природы», «Капитал», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», содержатся многочисленные ссылки на эти книги. Ли Да были известны и работы советских философов, дискуссии в кругах советских обществоведов на рубеже 20—30-х годов.

¹ См.: Новейшая история. М., 1972, с. 58—61.

² После победы народной революции 1949 г. Ли Да являлся ректором Уханьского университета, председателем Всекитайского философского общества. Трагически погиб в 1966 г., во время «культурной революции». — См. «Чжэсюе яньцзю», 1978, № 12, с. 12.

Сознавая всю сложность и противоречивость современной ему идеологической борьбы, Ли Да справедливо усматривал в ней проявление конфликта двух лагерей, двух классов — буржуазии и пролетариата³. Основу буржуазной идеологии он видел в концепции «либерализма», суть которой сводилась к двум принципам — частной собственности на средства производства и свободе конкуренции. В ряду главных буржуазных социологических теорий, основанных на принципах «либерализма», Ли Да называл теорию народонаселения Мальтуса, социал-дарвинизм. В его трудах содержалась критика основ этих буржуазных социологических теорий. Их ошибочность подтверждается тем, что они либо опровергнуты самой жизнью, как, например, теория Мальтуса, либо не применимы к обществу вообще, как, например, социал-дарвинизм⁴. Крах подобных теорий, писал Ли Да, вынуждает сторонников буржуазной идеологии прибегать к поискам новых концепций, результатом чего явились концепции так называемого «нового либерализма» и выдвижение буржуазной социологией принципа «абсолютной свободы индивида»⁵.

Распространение марксистских идей в Китае наталкивалось на противодействие не только буржуазных кругов, но и многих деятелей национально-освободительного движения, находившихся под влиянием социал-реформизма, анархо-синдикализма, анархизма. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что Ли Да счел необходимым в своих работах подробно охарактеризовать различные общественно-политические и идеологические течения в рабочем движении западноевропейских стран. Большое внимание он уделял критике анархистских концепций. Ли Да различал два направления в анархизме, которые он называл соответственно «утопическим» и «научным» анархизмом. «Утопические» анархисты, писал Ли Да, руководствуются абстрактными понятиями счастья, долга, эгоизма, разума; в то же время «научные» анархисты аргументируют свои взгляды ссылками на законы общественного развития. Подобная классификация вряд ли имеет под собой серьезные основания, ибо принципиальный подход и тех и других к государству одинаков. Интересно отметить, что в 1921 г. Ли Да для характеристики различных направлений анархизма использовал другие понятия — «индивидуалисты» и «коллективисты».

Общий порок всех теоретических конструкций анархизма — как «утопического» (к его представителям Ли Да относил Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого), так и «научного» (Бакунин, Кропоткин), заключался, по его мнению, в том, что они были оторваны от реальной общественной практики. Особое внимание Ли Да обращал на внутреннюю противоречивость во взглядах Бакунина и Кропоткина. Отрицая необходимость государственной власти, проповедуя принцип абсолютной свободы личности, Бакунин в экономической теории выдвигал идею создания «ассоциаций производителей». Однако, писал Ли Да, поскольку средства производства являются собственностью ассоциации, то управление ими невозможно без наличия органов власти. Следовательно, для реализации идей анархизма необходимо отказаться от ассоциированного характера собственности, в противном же случае остается отбросить сам принцип анархизма, иронизировал Ли Да.

Ошибочной являлась, по мнению Ли Да, и схема общественного устройства, разработанная Кропоткиным, в которой центральным звеном служила «ассоциация общин производителей» и отрицалась необходимость заработной платы и денег. Установление соответствующих взаимоотношений между производством и потреблением, писал Ли Да, требует строжайшей организации, поэтому «свободная», не поддающаяся

³ См.: Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе. Чапша, 1926, с. 210.

⁴ См. там же, с. 212.

⁵ Там же, 213.

никаким регламентациям деятельность экономических ячеек общества практически невозможна, при социализме преждевременно отменять заработную плату и деньги. Анархисты умозрительно и спекулятивно описывают принципы будущего общества, как последние им представляют, но они даже не касаются вопроса о методах их реализации, поэтому их идеи утопичны. «Для того чтобы ликвидировать капитализм и построить коммунизм,— писал Ли Да,— необходимо, опираясь на классы, поддерживающие коммунистов, и в соответствии с принципами классовой борьбы осуществить путем политического движения свержение правительства, защищающего капиталистов, захватить государственную власть, подавить реакционные классы, серьезно заняться развитием производства. И только тогда возможна ликвидация различий между классами и создание свободного общества. Таков путь, которым следует идти»⁶.

Другим враждебным марксизму учением был социал-реформизм, который по самой своей природе не в состоянии был указать путь к кардинальному решению социальных проблем. Социал-реформизм, указывал Ли Да, не только не призывает к коренному преобразованию общественной и экономической системы капитализма, но и выступает в защиту принципов частной собственности и свободной конкуренции, которые являются причиной всех общественных неурядиц. Сторонники социал-реформизма предлагают лишь несколько ограничить действие этих принципов, чтобы тем самым смягчить остроту социальных конфликтов. Подобные идеи, отмечал Ли Да, всегда отвечали и отвечают интересам правящих кругов буржуазных государств.

Рассмотрение процесса возникновения теории научного социализма Ли Да в своих трудах начинал с обращения к идеям утопических социалистов. Подобные идеи высказывались в зародышевой форме еще в глубокой древности в Китае, Индии, в античных Греции и Риме. Он ссылаясь в этой связи на учение Конфуция об обществе «Великого единения», на трактаты Лао-цзы, на идеи Сюй Синя о совместной обработке земли, буддизма — об уничтожении классов (речь, по-видимому, шла о буддийской идее равенства людей в «страдании»), на учение Платона об идеальном государстве и раннего христианства — о равенстве людей перед богом и справедливости принципа равенства в имущественном положении⁷.

Переходя далее к изложению концепций, выдвигавшихся Сен-Симонам, Фурье, Оуэном, Ли Да указывал, что они отвергали систему капиталистического производства, что выдвигание ими принципов идеальной общественной организации диктовалось прежде всего стремлением покончить с социальным неравенством. Сознвая, однако, утопичность всех домарксистских социалистических учений, Ли Да писал, что они носят «либо этнический, либо религиозный, либо политический характер»⁸.

Творцы утопических социальных концепций, подчеркивал Ли Да, не обращались к изучению реальных социально-исторических процессов, хода классовой борьбы в обществе, системы производства и распределения, а основывались на принципах так называемого естественного права, согласно которым права людей на существование, на труд, на социальную справедливость рассматривались как изначально присущие человеческой личности.

Рассматривая процесс развития «марксистского социализма» в конце XIX — начале XX в., Ли Да выделял в нем пять направлений: ортодоксальное (Каутский, Гед), ревизионистское (Бернштейн, Мильеран, фабрианцы), синдикалистское, гильдейское и большевистское. Конечно, по-

⁶ Ли Да, Сяньдай шэжуэйсюе, с. 250.

⁷ См. там же, с. 218.

⁸ Там же, с. 220.

добная классификация, идущая от Сунь Ятсена, являлась не научной, поскольку в соответствии с ней в число сторонников марксизма зачислялись и его противники. Вместе с тем при характеристике каждого из указанных направлений Ли Да в основном стоял на почве реальных фактов. Отмечая, к примеру, что «революционные синдикалисты» (Сорель), в отличие от своих реформистских коллег, признавали классовую борьбу, выступали за преобразование капиталистического строя, он одновременно справедливо указывал на очевидные противоречия, содержащиеся в их представлениях о методах революционных действий. Отрицая на словах необходимость политических методов организации масс, они вместе с тем фактически признавали их, выдвинув идею созыва после победы революции всеобщей конференции профсоюзов (синдикатов) и избрания на ней Центрального комитета — своеобразного органа власти. Таким образом, писал Ли Да, сама жизнь заставляла синдикалистов опровергать их же тезис об отсутствии необходимости политической борьбы и политических организаций ради преобразования общественных отношений. Неэффективность чисто экономических действий заставила многих «революционных синдикалистов» в конце концов обратиться к средствам политической борьбы. Противоположность синдикализма и марксизма Ли Да усматривал и в их различном отношении к насилию: если, по Марксу, насилие есть повивальная бабка старого общества, когда оно беременно новым, то синдикализм настаивает на применении силы при любых условиях, независимо от реальной ситуации в обществе.

Симпатии Ли Да на стороне большевизма, который он называл «чистым марксизмом», поскольку его руководящим принципом является учение о «диктатуре трудящихся»⁹. Приводя высказывания из работ В. И. Ленина — «основоположника большевизма», Ли Да разъяснял задачи, сущность, функции и формы диктатуры трудящихся. Он подчеркивал, что представления Ленина о государстве трудящихся основываются на идеях Маркса и Энгельса и состоят в том, что если буржуазное государство есть диктатура буржуазии, то государство трудящихся должно осуществлять политическое насилие по отношению к буржуазии.

Тот факт, что в книге 1926 г. Ли Да не употреблял понятие «диктатура пролетариата», а использовал формулу «диктатура трудящихся», свидетельствовал о том, что в тот период у него отсутствовало четкое представление о характере политической власти после победы социалистической революции. Позднее под влиянием более глубокого знакомства с трудами классиков марксизма, прежде всего В. И. Ленина, а также с работами советских авторов¹⁰ Ли Да смог занять в этом принципиальном вопросе последовательную марксистскую позицию (примером тому служит соответствующий раздел книги 1937 г.).

В учении Маркса, подчеркивал Ли Да, социализм приобретает подлинно научный характер, ибо в основе его теоретических воззрений лежит исследование материального фундамента общественных явлений — общественного производства. Заслуга Маркса состоит в том, что он применил принципы материалистической философии к изучению общественных явлений, прежде всего экономических фактов. «Содержание марксистского социализма, — отмечал Ли Да, — можно разделить на три большие части — взгляд на историю, экономическую теорию, политическую доктрину... Основой взгляда на историю является ее материалистическое понимание, основой экономической теории — учение о прибавочной стоимости, основой политической доктрины — учение

⁹ Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе, с. 243.

¹⁰ Он перевел на китайский язык ряд книг по марксистской философии, в частности работы академика И. К. Луппола, видного советского философа.

о диктатуре трудящихся; органически связующим звеном между этими тремя великими учениями выступает учение о классовой борьбе»¹¹.

В разделе книги «Современная социология», посвященном марксистскому социализму, содержалось подробное изложение основ марксистской науки (в частности, учения о прибавочной стоимости), причем особенно выделялись ее принципиальные, главные положения. Сущность материалистического понимания истории, подчеркивал Ли Да, заключается в признании определяющими факторами общественного развития материальных условий, среди которых главным является экономика; другие факторы, как, например, географическая среда, играют неизмеримо меньшую роль. Под влиянием изменений в способе производства и обмена происходят перемены в форме общественного устройства, политической системе, идеологических воззрениях. Иными словами, заключал Ли Да, согласно марксистскому учению, «причина развития общества заключается не в философии, а в экономике»¹².

Говоря о «диктатуре трудящихся», Ли Да характеризовал ее как «единственное политическое средство превращения частной собственности во всенародное достояние», указывая одновременно, что в переходный период от капитализма к социализму государство будет государством трудящихся, то есть диктатурой трудовых классов¹³. Формулируя ее задачи, он указывал на экспроприацию капиталов буржуазии, передачу средств производства в собственность государства, подавление контрреволюции. Принципиальное отличие диктатуры трудящихся от диктатуры буржуазии Ли Да усматривал в том, что при ней становится возможным осуществление подлинного равноправия людей, независимо от их религиозных, расовых, национальных и половых различий¹⁴. Следует заметить, однако, что Ли Да не совсем четко представлял себе политическую систему переходного периода и механизм ее функционирования. По его мнению, органом власти должна стать «самоуправляющаяся организация трудящихся» при отстранении от участия в ней буржуазии. Цель этой созданной сознательными трудящимися организации состоит в закалке и воспитании народных масс, вовлечении их в политическую жизнь, чтобы тем самым стало возможным «единство между управлением посредством законов и управлением с помощью людей» и в конечном счете осуществление «всеобщей демократии», писал он¹⁵. Таким образом, ведущую роль в политической системе переходного периода Ли Да отводил «самоуправляющейся организации трудящихся», а не политической партии рабочего класса, о которой он вообще не упоминал.

Однако в работе «Основы социологии» Ли Да уже занимал в данном вопросе правильную позицию. «Главным, коренным признаком диктатуры пролетариата,— писал он,— является руководство коммунистической партии. Если нет руководства партии, то пролетариат не в состоянии решить возложенных на него задач, а сама диктатура пролетариата не сможет утвердиться и укрепиться»¹⁶. Ли Да одновременно подчеркивал, что руководящая роль коммунистической партии не означает ее диктатуры, партия выступает в качестве авангарда рабочего класса, в союзе с массовыми организациями.

В своих работах Ли Да последовательно отстаивал марксистское положение о причинной обусловленности социальной революции условиями материальной жизни общества. Он рассматривал ее как разрешение конфликта между новыми производительными силами и старыми производ-

¹¹ Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе, с. 221.

¹² Там же, с. 222.

¹³ См. там же, с. 234—235.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ Ли Да вэньцзи, т. II. Пекин, 1981, с. 546.

ственными отношениями, причем в изменениях в материальной жизни общества он видел причину, а в изменениях в идеологии — их следствие¹⁷. Свою мысль Ли Да подтверждал ссылкой на пример Великой французской революции. Буржуазные историки, отмечал он, обычно усматривают причины этой революции в недостатках системы общественного управления, в крайнем произволе чиновников, грабивших население, в страстном стремлении народа к свободе и равенству и т. д. — то есть в субъективных факторах. Но если бы это было так, замечал Ли Да, во Франции можно было бы обойтись и без революции. Достаточно было бы Людовику XVI снизить налоги, допустить простых граждан к участию в управлении страной, чтобы у революционных классов не осталось шансов на успех революции в результате действий монарха чисто реформистского характера. Такой подход буржуазных историков, указывал Ли Да, затушевывает истинные причины французской революции, которая была буржуазной по своему характеру, ведущей силой которой был класс буржуазии. Коренная причина ее состояла в том, что феодальная общественная система, существовавшая во Франции, препятствовала развитию новых производительных сил и установлению соответствовавших им общественных отношений. Что же касается требований осуществления реформ и устранения произвола чиновников, то это был всего лишь повод для революции, который послужил толчком к началу революционного взрыва. За лозунгами свободы и равенства скрывались реальные изменения в экономическом базисе — появление капиталистических отношений производства и соответственно класса буржуазии, который, однако, занимал подчиненное положение в обществе, не соответствовавшее его реальной силе¹⁸. Так обстояло дело не только во Франции, замечал Ли Да, экономические факторы являлись коренной причиной и других буржуазных революций¹⁹. Читатели его книги могли легко сделать вывод, что социальная революция, о необходимости которой так много говорили в то время в Китае, не является прихотью деятелей революционного движения, коммунистов, а имеет объективные предпосылки в социально-экономическом развитии страны.

Ли Да подчеркивал заслуги Маркса в открытии закона социального развития, согласно которому именно благодаря классовой борьбе совершаются преобразования общественных структур, а классовая принадлежность людей определяется характером их отношения к средствам производства²⁰. Разъясняя эти положения Маркса, Ли Да писал: «Различия в доходах, имуществе, профессии недостаточны для формирования общественных классов; различия между бедностью и богатством, трудом и праздностью, духовным и физическим трудом также недостаточны для образования общественных классов. Маркс в своих работах постоянно говорит о двух больших классах — собственниках и пролетариях, таким образом сущность классового деления сводится к противоположности тех, кто владеет средствами производства, и тех, кто не имеет ничего, кроме рабочей силы. Это и есть принципиальное различие между классами. Поэтому можно дать следующую характеристику классов. Классы возникают в процессе общественного производства, вследствие условий производства и благодаря общественной системе, созданной характером распределения средств производства, а также разделением членов общества в процессе производства»²¹.

Данное определение нельзя назвать исчерпывающим, тем не менее в нем содержался верный подход к пониманию глубинных оснований деления общества на классы и главных критериев классовой принадлежно-

¹⁷ См. Ли Да *вэньзи*, т. II, с. 122, 130, 145.

¹⁸ См.: Ли Да *Сяньдай шэжуэйсюе*, с. 122—123.

¹⁹ См. там же, с. 137—138.

²⁰ См. там же, с. 138.

²¹ Там же, с. 183.

сти. Ли Да называл два классовообразующих признака — отношение людей к средствам производства (в его терминологии — «распределение средств производства») и положение людей в общественном производстве («разделение членов общества в процессе производства»). Заслуга Ли Да состояла в том, что он сумел выявить главные специфические критерии классовой принадлежности, отбросив те, которые имели к данной проблеме чисто внешнее отношение. Так, Ли Да не считал классовообразующим признаком имущественное положение человека: «Врач — это человек, живущий своим трудом, и какой бы роскошной ни была его жизнь, он не может быть назван капиталистом»²². Можно вспомнить в этой связи, что в том же 1926 г. появилась работа одного из руководителей КПК — Мао Цзэдуна «Анализ классов китайского общества», в которой высказывалась противоположная точка зрения и принадлежность людей к определенным классам связывалась с их имущественным положением²³.

В работе «Основы социологии» Ли Да вновь возвращается к вопросу о главных и второстепенных классовообразующих признаках. Ненаучный характер «распределительной теории», согласно которой принадлежность к классу определяется доходами людей, Ли Да видел в том, что в основу классового деления она кладет вторичный, производный признак; в действительности распределение продуктов производства имеет в качестве предпосылки распределение средств труда и положение в системе производства²⁴.

В социальной структуре современного капиталистического общества Ли Да выделял два больших класса — буржуазию, живущую за счет прибыли, получаемой от капитала, и пролетариат, который продает другим свою рабочую силу²⁵. Кроме этих основных классов, есть еще так называемые «средние классы» («чжундэн цзецзи»). К ним относятся те, кто составляет низший слой буржуазии и высший слой пролетариата, их можно подразделить на две группы: мелкую буржуазию и слои «примыкающие к пролетариату» («чжунь учанцзецзи»).

Попытка Ли Да дать социально-классовую характеристику различных групп «средних классов» тогдашнего Китая, или, как принято говорить в настоящее время, «средних слоев», была весьма плодотворна и с научной и особенно с практической точки зрения — она позволяла выявить реальных и потенциальных союзников пролетариата в борьбе за его классовые цели. Следует при этом сказать, что не все суждения Ли Да были бесспорными, некоторые из них страдали отсутствием доказательности и схематизмом. Если он был точен при описании социальных рамок мелкой буржуазии — к ней причислялись ремесленники, кустари, мелкие торговцы, крестьяне собственники, то этого нельзя сказать об определении им состава группы так называемых «примыкающих к пролетариату». В нее, по мнению Ли Да, входили те, кто «независимо от того, есть у них капитал или нет, должен использовать приобретенные знания и умение для того, чтобы заниматься духовным трудом, как, например, врачи, адвокаты, чиновники, учителя и другие, которые живут на жалованье, получаемое ежемесячно»²⁶. Таким образом, речь, в сущности, шла об интеллигенции. Ли Да использовал понятие «примыкающие к пролетариату» для обозначения лиц, входящих в данную группу. Он отмечал неустойчивое экономическое положение интеллигентов, широкую амплитуду колебаний социального статуса многих из них — от «чистого» пролетариата до «настоящей» буржуазии, что находит свое отражение в их

²² Ли Да. Сяньдай шэхуэйсюе, с. 189.

²³ См.: «Вопросы философии», 1969, № 6, с. 130—136.

²⁴ См.: Ли Да вэньцзи, т. II, с. 431.

²⁵ См.: Ли Да. Сяньдай шэхуэйсюе, с. 189—190.

²⁶ Там же, с. 191.

мировоззрения. Но то же можно было с полным основанием сказать и о мелкой буржуазии. Тем не менее Ли Да не находил нужным подчеркнуть эти стороны при характеристике ее места в обществе. Предложенная Ли Да классификация различных групп внутри «средних классов» не была достаточно последовательной, страдала противоречивостью.

Однако постепенно Ли Да подходил к адекватному пониманию реальных процессов, происходящих в социальной структуре капиталистического общества. В специальной главе «Переходные классы современного общества» работы «Основы социологии» он считал необходимым подробно остановиться на процессе расслоения, характерном как для интеллигенции, так и для класса мелких собственников, к которому он относил ремесленников и крестьян, за исключением их высшего слоя, составлявшего, по его мнению, крестьянскую буржуазию²⁷. В первом случае это выражается в появлении среди интеллигенции слоев, близких по своему экономическому положению к пролетариату, а во втором — в увеличении количества бедняков, которых он причислял к сельскому полупролетариату (в отличие от настоящего пролетариата — сезонных рабочих, поденщиков, разнорабочих)²⁸. Заслуживают быть отмеченными также два момента, о которых говорилось в данной главе работы Ли Да. Первый — выделение в среде интеллигенции слоев в зависимости от их классовой ориентации — буржуазной, мелкобуржуазной и пролетарской. И второй — резко негативную оценку слоя люмпен-пролетариев: в политическом отношении, указывал Ли Да, этот слой всегда занимает реакционные позиции²⁹. Симптоматично, что в этом вопросе Ли Да расходился с Мао Цзэдуном³⁰.

Важное место в работах Ли Да занимало рассмотрение функций государства. По его мнению, государство выступает как орган управления эксплуатацией и в то же время как орган классового управления. Очевидно, что подобное различие функций государства в эксплуататорском обществе носило в известной степени условный характер, ибо в обоих случаях речь шла фактически об одном и том же. Первая функция заключается в принудительной «эксплуатации одной частью людей другой части людей»³¹. «Цель подобного, имеющего эксплуататорский характер принуждения (Ли Да называл его также управлением эксплуатацией — «чжипэй») — использовать в интересах господствующих классов материальные блага и духовную культуру, созданную трудом других людей³², в обществе, где существуют классовые антагонизмы. И хотя в процессе своего развития классово-антагонистическое общество претерпевает изменения и соответственно меняются формы эксплуатации, сущность ее остается той же. Характеризуя эксплуататорскую сущность государств, где существуют классовые антагонизмы, Ли Да писал: «Управляющий класс и те, кто его поддерживает, живут за счет труда людей из низших классов, а сами не занимаются трудовой деятельностью»³³. В тогдашних условиях китайской действительности выступление с такими теоретическими положениями имело большой практический смысл, имело значительный политический эффект, оказывая революционизирующее воздействие на читателей.

Важные теоретические вопросы, имеющие прямой выход в политику, обсуждались Ли Да при рассмотрении функции государства как органа классового управления: политические взаимоотношения антагонистиче-

²⁷ См.: Ли Да вэньци, т. II, с. 480.

²⁸ См. там же, с. 481.

²⁹ См. там же, с. 485.

³⁰ См.: Мао Цзэдуи. Избр. произв., т. I. М., 1952, с. 26.

³¹ Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе, с. 88.

³² См. там же.

³³ Там же, с. 88—89.

ских классов, возможность временного «совпадения» их интересов, цели политики господствующего класса и средства ее осуществления.

Когда управляющий класс декларирует свою приверженность идеям «всеобщего блага», писал Ли Да, это продиктовано его классовыми интересами — стремлением обосновать, сохранить и укрепить свое господство, отождествить это господство с «общественными интересами». «Если анализировать государство с точки зрения его сущности, то интересы (управляющего) класса — это цель, а (провозглашаемое им) всеобщее благо — это средство», — считал необходимым подчеркнуть Ли Да³⁴. Он говорил далее, что государство в классово-антагонистическом обществе может сохранять свою эксплуататорскую сущность именно вследствие соответствия между целями господствующего класса и средствами, используемыми им для их реализации. Для управляющего класса, констатировал Ли Да, собственные, классовые интересы всегда на первом месте, поэтому эксплуатация в классово-антагонистическом обществе неизбежна³⁵.

Антагонизм классов в эксплуататорском государстве, отмечал Ли Да, не исключает возможности определенного временного «совпадения» интересов управляющего и управляемых классов, когда они «вместе переживают радость и вместе переживают горе»³⁶. Речь в данном случае идет о тех периодах в жизни государства, когда оно подвергается нападению либо возникает серьезная угроза для общественного порядка (например, для личной безопасности граждан). И в том и в другом случае эти негативные факторы оказывают влияние на все классы. Однако, отметив это, Ли Да делал далее примечательное дополнение: «Ясно, что в обоих случаях следует различать степень счастья и ущерба. Когда (общественный) порядок не нарушается либо когда территория государства остается неприкосновенной, управляющий класс по-прежнему сохраняет свое господствующее положение и получает много, а управляемому классу остается лишь довольствоваться мирной жизнью, получает же он мало. Когда невозможно сохранение (общественного) порядка или обеспечение неприкосновенности территории государства, то, хотя управляющий класс и утрачивает свое господствующее положение, потери у него невелики, а управляемый класс по причине потери жилища или гибели на войне теряет много. Поэтому когда управляющий класс на словах печется о всеобщем благе, на деле это всего лишь средство реализации им своих классовых интересов»³⁷. Ошибочность буржуазных теорий государства, заключал Ли Да, состоит в том, что они игнорируют классовый характер государства. Между тем государство — это организация «управляющего класса, господствующего в экономическом отношении»³⁸.

Анализ соотношения объективных и субъективных факторов в историческом процессе позволил Ли Да сделать важный материалистический вывод: в случае отсутствия объективных материальных предпосылок осуществление социальных преобразований обречено на неудачу независимо от усилий выдающихся личностей и размаха движения масс; аналогичный результат будет и в том случае, если при наличии материальных предпосылок народные массы не приведены в движение³⁹.

По мнению Ли Да, ярко соответствуют общественным потребностям действия таких выдающихся личностей, как Руссо, которому принадлежит заслуга создания теории «естественного права», послужившей знаменем буржуазной революции, и Маркс — основоположник теории науч-

³⁴ Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе, с. 90.

³⁵ См. там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 91.

³⁸ Там же, с. 106.

³⁹ См. там же, с. 142.

ного социализма, ставшего оружием социальной революции в руках угнетенных трудящихся масс. Появление обеих теорий не есть результат исключительно способностей Руссо и Маркса, главное заключается в том, что они «смогли уяснить законы общественного развития, уловить содержащуюся в сознании десятков тысяч людей идею свободы и повести массы за собой»⁴⁰.

Противоположные примеры, по мнению Ли Да, являет собой деятельность Прудона и Бакунина. Пропагандировавшееся ими учение анархизма не нашло широкой поддержки в массах, поскольку теоретики анархизма не смогли разобраться в закономерностях общественного развития и их программы были утопичными⁴¹.

Проблема социальной революции была одной из главных в творчестве Ли Да, в центре его внимания находились различные аспекты данной проблемы: причины революций, их этапы, типология, характер, движущие силы, методы осуществления социалистической революции и т. д. Размышления Ли Да о путях и формах захвата власти передовым общественным классом, о будущих пролетарских революциях отличались трезвостью и реалистическим подходом.

Ли Да допускал возможность разных форм революционного процесса; революции, писал он, могут «протекать медленно и спокойно, быстро и бурно». К революциям первого типа, по его мнению, относятся английские революции 1688 и 1832 гг., второго — французская буржуазная революция 1789 г. и Октябрьская революция в России, «в которой пролетариат, пройдя через страдания борьбы, смог установить союз с трудовым крестьянством и использовать политическую власть для осуществления экономической революции. Это быстрая и бурная социалистическая революция»⁴². Следующие за этими словами мысли Ли Да о пролетарских революциях будущего заслуживают того, чтобы их привести здесь: «Я не могу твердо сказать, будут ли впоследствии или в будущем мирными и не взрывными пути осуществления социалистической революции. Если говорить о главном, то способ осуществления социальной революции — это чисто тактический вопрос, он определяется различными условиями, такими, как, например, расстановка сил на мировой арене, сила боевого духа ее инициатора, характер классовой борьбы. Все это оказывает сильное влияние на характер революции, но больше всего необходимо учитывать экономическую мощь господствующего класса. Что же касается того, должна ли пролиться кровь для успеха революции или можно обойтись без этого, то этот вопрос нельзя рассматривать абстрактно»⁴³. Вывод отсюда состоит в том, что нельзя заниматься голым теоретизированием, строить абстрактные, умозрительные схемы, заранее давать рецепты на все возможные варианты будущих пролетарских революций. Нужен конкретно-исторический подход к практике революционного действия.

И позднее, одиннадцать лет спустя, в книге «Основы социологии» Ли Да отстаивал необходимость подобного подхода. Это относилось, в частности, к его анализу форм политической борьбы пролетариата. У Ли Да не было сомнения в классовой сущности буржуазной демократии, ограниченном характере таких ее атрибутов, как всеобщее избирательное право и парламентская система, поскольку последняя лишь формально являлась «выражением народной воли», в то время как реальная власть все больше переходила от парламентов к административно-чиновничьим органам. Отлично сознавая все эти особенности политического режима буржуазного государства, Ли Да вместе с тем подчеркивал роль парламента как важного места политической, классовой борьбы пролетариата.

⁴⁰ Ли Да. Сяньдай шэхуэйсюе, с. 143.

⁴¹ См. там же.

⁴² Там же, с. 121.

⁴³ Там же.

В результате ожесточенной классовой борьбы в течение десятилетий произошла известная «демократизация» парламентской системы, выразившаяся в получении трудящимися права доступа в представительные органы. Парламентаризм, писал Ли Да, служит средством политического воспитания пролетариев, ибо он помогает им осознать необходимость создания своей политической партии для участия в выборах и борьбе в парламенте, «парламентаризм может стать средством политической борьбы пролетариата за свое освобождение»⁴⁴.

Отмечая роль системы парламентаризма в пробуждении классового сознания пролетариата, развитии рабочего движения, Ли Да, естественно, не питал иллюзий относительно возможности осуществления идеалов социализма лишь путем участия в выборах и голосования в парламенте. Еще в 1926 г. он писал, что предоставление всеобщего избирательного права может лишь смягчить остроту классовых конфликтов, но не может отменить их совсем⁴⁵. Согласно убеждению Ли Да, освобождение пролетариата возможно лишь на основе использования всех методов классовой борьбы, что же касается действий его представителей в парламенте, то это всего лишь один из методов политической борьбы; при этом необходимо иметь в виду, что само участие в парламенте — средство, а не цель; цель состоит в том, чтобы использовать выборы в парламенте, участие в нем для повышения уровня политического сознания масс. Поэтому видеть в парламенте главное средство — значит впадать в оппортунизм, а отрицание необходимости участия в нем означает «детскую» болезнь левизны⁴⁶.

Глубоким пониманием интернационалистской сущности марксистского учения отмечены размышления Ли Да о судьбах мировой пролетарской революции. Выделяя в международном революционном движении два потока — борьбу рабочего класса капиталистических стран и колониальных народов, он подчеркивал важность установления тесного единства как внутри этих потоков, так и между ними. Усилившаяся интернационализация мировой экономической жизни, считал он, все более настоятельно ставит на повестку дня вопрос о необходимости совместных действий пролетариев различных стран, «слабых наций» против общего врага — империализма⁴⁷. Характеризуя положение в мировом революционном движении, Ли Да отмечал такие явления, как сплочение рабочего класса, развитие освободительных движений колониальных народов, укрепление союза пролетариата капиталистических государств со «слабыми нациями», создание коммунистических партий в колониальных странах, их участие в деятельности III Интернационала, учреждение в компартиях Запада специальных органов для работы в колониях⁴⁸.

Указывая на необходимость единства действий в классовой и национальной борьбе, то есть международного рабочего и национально-освободительного движения, Ли Да писал: «Капиталисты империалистических государств подобны большим грабителям: они обирают пролетариат, чтобы наполнять свои сундуки, а у слабых наций есть богатства, но нет сил сопротивляться грабежу... В настоящее время те, у кого есть богатства, но нет сил сопротивляться грабежу, поняли, что большой грабеж ведет к обнищанию, терзаясь воспоминаниями о (независимости), они надевают доспехи, берут в руки копье и строят крепости для самозащиты. Если те, кого грабят, и те, кто начнет сопротивляться, будут действовать совместно, то очевидно, что с грабежом будет покончено. Именно поэтому освобождение слабых наций и освобождение пролетариата

⁴⁴ Ли Да вэньцзи, т. II, с. 536.

⁴⁵ См.: Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе, с. 157.

⁴⁶ См.: Ли Да вэньцзи, т. II, с. 536.

⁴⁷ См.: Ли Да. Сяньдай шэжуэйсюе, с. 282.

⁴⁸ См. там же, с. 288—289.

должны опираться друг на друга и только тогда будет достигнут успех»⁴⁹.

Ли Да сознавал, что идеи интернационализма, тесного союза двух потоков мирового революционного процесса не сразу находят себе дорогу к умам пролетариев капиталистических стран. Он ссылаясь в связи с этим на действия лидеров II Интернационала во время первой мировой войны и отношении западноевропейского, американского и японского пролетариата к войнам империалистических держав против Китая в XIX в. и подавлению ими восстания ихэтуаней. Однако, указывал Ли Да, в последнее время положение начинает меняться. После событий 30 мая 1925 г. в Шанхае, когда англичанами была расстреляна мирная демонстрация трудящихся, международный пролетариат ярко продемонстрировал свою солидарность с китайским народом, не говоря уже о поддержке со стороны Советской России⁵⁰.

Ли Да подвергал решительной критике всякого рода националистические уклоны в национально-освободительном движении: «Возможно, кто-либо в расчете на удачу не вступит в союз с международным пролетариатом, а постарается, используя взаимную подозрительность или конфликт в отношениях между империалистами, поднять знамя независимости, ожидая освобождения от угнетения со стороны империализма. Подобный оппортунизм в теории недопустим, а на практике это трудно осуществимо. Подобное движение за независимость может использовать редкий благоприятный случай, чтобы добиться успеха, но в результате, освободившись от господства со стороны одного империалиста, попадет под господство другого». Такое оппортунистическое освободительное движение хуже, чем «неучастие в революции», — заключал Ли Да⁵¹.

Рассуждая о высших идеалах будущей социалистической морали, Ли Да указывал, что ими будут все те же вечные принципы свободы, равенства и братства, наполненные, однако, новым содержанием: «свобода» будет означать свободу доступа к ценностям духовной культуры, «равенство» — равенство при занятиях производительным трудом, «братство» — возможность использования результатов своего труда и заботу общества о старых и больных⁵².

Конечно, время, в которое творил Ли Да, наложило свой отпечаток на обе его книги, в них встречаются прямолинейные формулировки, иногда при анализе теоретических проблем он отдает дань вульгарному социологизму, например при характеристике социальной природы религии, искусства, философских учений. Чрезмерный акцент на общественно-экономических условиях формирования воззрений различных философов приводил Ли Да к огрублению процесса развития домарксистской философии.

Работы Ли Да 30-х годов свидетельствовали о том, что ему удалось преодолеть многие слабости и заблуждения, характерные для его воззрений предшествующего периода, расширяется и марксистский кругозор Ли Да, он обращается теперь к трудам не только К. Маркса и Ф. Энгельса, но и В. И. Ленина.

Давая общую оценку вкладу Ли Да в распространение идей марксизма в Китае, следует иметь в виду, что в своих книгах он сумел довольно систематически изложить основы марксистской философии, представить китайскому читателю взгляды классиков марксизма на проблемы общественного развития.

⁴⁹ Ли Да. Сяньдай шэхуэйсюе, с. 290.

⁵⁰ См. там же, с. 295.

⁵¹ Там же, с. 296.

⁵² См. там же, с. 169.

Об одной разновидности китайского буржуазного национализма

С. Р. Белоусов

Возникновение национализма в Китае обычно относят ко второй половине XIX — началу XX в., периоду становления национальной буржуазии и китайской нации. На рубеже XIX—XX вв. в стране интенсивно шел процесс трансформации феодального китаецентризма в буржуазную и мелкобуржуазную разновидности национализма, — процесс, который оказал заметное влияние на мировоззрение китайских интеллектуалов. Недовольство зависимым положением страны объединяло всех, кто принимал участие в идейной жизни тех лет, и к моменту проникновения социалистического учения в Китай все слои китайского общества в той или иной степени уже испытывали на себе влияние националистических идей.

Каждый этап эволюции китайского национализма подразумевал наличие своих идеологов. Ранние этапы его развития характеризуются деятельностью как либерально-реформаторского крыла китайской буржуазии (Кан Ювэй, Лян Цичао и др.), так и ее революционно-демократического крыла (Сунь Ятсен, Ху Ханьминь, Ван Цзинвэй и др.). Таким образом, этапы становления китайской буржуазии определяли и этапы формирования идеологии этого класса, что нашло свое завершение в так называемом позднем китайском национализме, выделившемся в отдельное направление общественно-политической мысли после 1921 г.

Буржуазный национализм в Китае на поздних этапах его развития — явление далеко не однородное: внутри него существовало несколько направлений. Одной из конкретных форм проявления национализма консервативных, правых политических сил стала китаизированная версия «государственного социализма», теоретическая и практическая деятельность лидеров одноименной партии.

Партия государственного социализма (ПГС) вместе с Младокитайской партией¹ составили правое крыло авангарда «третьей силы» Китая — Демократической лиги — и до своего выхода из состава этой организации имели в ней заметное идеологическое и политическое влияние.

Эволюция ПГС завершилась тем, что она нашла общий язык с гоминьданом Чан Кайши и в конце 1946 г. вышла из состава Демократической лиги, объединившись с силами реакции. Такой итог ее деятельности был

¹ О создании ПГС было официально объявлено осенью 1934 г. на «всекитайской встрече», организованной будущим лидером партии Чжан Цзюньмаем и его единомышленниками в Тяньцзинь (и фактически сыгравшей роль I съезда партии). В августе 1946 г. на встрече в Шанхае ПГС объединилась с Партией демократического конституционного правления (политической группой, созданной в Северной Америке по инициативе У Сяньцзы и Ли Даминна) и была переименована в Партию демократического социализма. — См.: Политические партии и группы в движении за новую демократию в Китае. Шанхай, 1946, с. 48—50 (на кит. яз.).

Младокитайская партия была создана в декабре 1923 г. на основе «Союза националистической молодежи Китая». — См.: Ch'ien Tuan-sheng. The Government and Politics of China. Cambridge (Mass.), 1961, p. 351—353.

закономерен, поскольку по своему социальному составу и политическим установкам она стояла ближе к гоминьдану, нежели к Демократической лиге Китая, представлявшей, в общем, прогрессивно настроенные круги национальной буржуазии, интеллигенции и студенчества.

Нельзя вполне объяснить никакую ошибку, и прежде всего политическую, «если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»². Основой сближения ПГС с гоминьданом послужила в первую очередь националистическая направленность ее программы и политики и соответственно негативное отношение лидеров партии — Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня³ — к марксизму-ленинизму и коммунистическому движению в Китае.

Лидеры и идеологи ПГС начинали свою общественно-политическую деятельность как единомышленники Лян Цичао. Чжан Цзюньмай во время учебы в японском университете Васэда (1905—1909) вступил в конституционную партию, созданную в Токио последователями Лян Цичао, и принимал участие в его полемике с обществом «Тунмэнхуэй» о государственном строе Китая. В тот период, как, впрочем, и в последующие годы, Чжан Цзюньмай переписывался с Лян Цичао и разделял его мнение о необходимости осуществления политических реформ в Китае. В первые годы существования республики Чжан Цзюньмай находился в тесном контакте с лидером реформаторов и оказал влияние на его принципиальные решения по вопросам политической стратегии. Чжан Дунсунь сотрудничал с прогрессивной партией и был членом «исследовательской группы» — организации, созданной по инициативе Лян Цичао⁴.

Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь сочетали участие в политической жизни с теоретическими занятиями, интересуясь «чистой» философией. Они были широко известны в академических кругах как преподаватели, а в журналистских — как редакторы и постоянные авторы периодических изданий. Несмотря на полученное ими наряду с традиционным современное образование, Чжаны принадлежали скорее к старшему, нежели к молодому поколению философов, поэтому нет никакого сомнения в значительном влиянии синкретического реформизма на их мышление.

В начальный период своей деятельности Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь проявляли повышенный интерес к изучению буржуазных философских и политических учений Запада (что вообще было характерно для большей части китайской интеллигенции в первые десятилетия XX в.). Кант и Шопенгауэр, Гегель и Риккерт, Спенсер и Бергсон, Беркли и Льюис — вот далеко не полный перечень теоретиков, учения которых популяризировали в Китае Чжан Дунсунь и Чжан Цзюньмай и чьи взгляды оказали заметное влияние на мировоззрение будущих лидеров ПГС. Усилия Чжан Дунсуна по распространению западных теорий в Китае нашли свое завершение в работе «Принципы морали и нравственности у европейских философов», содержавшей описание самых различных теоретических систем — от гедонизма до аскетизма. Цель работы, по

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 286.

³ Чжан Цзюньмай (Карсун Чжан, 1886—1968), юрист по образованию, обучался в Японии и Германии, был членом гоминьдановского «Народно-политического совета» с 1938 по 1948 г., автор работ по философской и социально-политической проблематике: «Завтрашний день китайской культуры», «Национальная демократия и государственный социализм», «The Development of Neo-Confucian Thought» и др. В апреле 1949 г. бежал из Китая, в 1952 г. эмигрировал в США.

Чжан Дунсунь (Чжан Дуншэн, 1886—?) — философ и политический деятель. Получил образование в Токийском императорском университете, редактор журнала «Цзефан юй гайцзао» и газеты «Шиши синь бао», профессор Яньцзинского университета (с 1929 г.). Известен интерпретированием западной философии в Китае, автор работ по этой и другим проблемам.

⁴ In: H. L. Vooghtan. Biographical Dictionary of Republican China. New York, 1967, p. 30, 130.

словам ее автора, заключалась в «переводе на китайский язык и популярном изложении наиболее распространенных доктрин европейских мыслителей... что объединено общей задачей облегчить понимание материала»⁵.

В 1919 г. Чжан Дунсунь вместе с Лян Цичао выступил инициатором «дискуссии о социализме», неоднократно используя в своей аргументации «импортные средства» воздействия на умы соотечественников. Не последнюю роль в определении его позиции в отношении социализма сыграли взгляды английского философа Б. Рассела — основоположника английского неореализма и неопозитивизма, приезжавшего в Китай с серией лекций в 1920 г. На словах Чжан Дунсунь соглашался, что «социализм в конечном счете непременно одержит верх над капитализмом». Однако эти декларации были не более как социальной демагогией, поскольку опровергались его же собственными утверждениями о том, что Китай сможет прийти к социализму, лишь пройдя длительную стадию капиталистического развития. Социализм он считал «идеалом, недостижимым в обозримом будущем», а капитализм — «практикой настоящего времени». Развивая свои буржуазно-реформистские, псевдосоциалистические идеи, Чжан отрицал наличие в Китае капиталистической эксплуатации, критиковал пропаганду марксистских идей в стране, призывал отказаться от классовой борьбы и отложить на неопределенный срок создание коммунистической партии. В качестве компенсации он предлагал воспитывать буржуазию в духе «гуманизма», а рабочих — в духе «сотрудничества» во имя интересов всего общества⁶.

В отличие от Чжан Дунсуна, который после обучения в Японии (1905—1911) никогда не выезжал из Китая, Чжан Цзюньмай сравнительно часто бывал за границей, слушая курсы лекций в университетских центрах Европы и выступая там со своими лекциями по китайской философии. Таким образом, он имел возможность ознакомиться со взглядами различных ученых Запада «из первых рук». В конце 1918 г. Чжан выехал в Европу в составе китайской делегации на Парижской мирной конференции, которую возглавлял Лян Цичао. Чжан Цзюньмай встречался с французским философом-интуитивистом А. Бергсоном и позднее стал его активным последователем. В этом качестве Чжан Цзюньмай «выполнил социальный заказ китайской реакции»⁷, поскольку пытался отвлечь интеллигенцию страны от научного познания законов общественного развития.

Послевоенные годы (1919—1922) Чжан Цзюньмай провел в Германии, посвятив большую часть своего времени изучению философии в Йене под руководством немецкого философа-фихтеанца Р. Эйкена. В соавторстве с ним Чжан Цзюньмай написал работу, посвященную некоторым аспектам «философии жизни». Иррационалистические идеи Эйкена — создателя концепции «метафизики духа» — были чрезвычайно популярны в Китае начала века. Их пропагандой занимался и сам Лян Цичао, который в 1920 г. приглашал Эйкена посетить Китай с циклом лекций, но тот не смог, вместо него приехал Г. Дриш, немецкий философ той же школы, и именно Чжан Цзюньмай выступил инициатором его лекционного тура.

Возвратившись в Китай, Чжан Цзюньмай выступал некоторое время как интерпретатор Дриша в пекинском университете Цинхуа, но вскоре написал свою собственную серию лекций, призывая вернуться к непоз-

⁵ Чжан Дунсунь. Принципы морали и нравственности у европейских философов. Шанхай, 1930, с. 1—2 (на кит. яз.).

Чжан Дунсунь также перевел на китайский язык две работы А. Бергсона — «Творческая эволюция» (1918) и «Память и материя» (1922).

⁶ См.: Л. П. Делюсин. Спор о социализме в Китае. М., 1980, с. 55—66, 84—93.
⁷ А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900—1917 гг.). М., 1972, с. 282—283.

наваемым сторонам жизни, которые могут быть изучены и поняты только путем интуиции. В результате появилось известное заявление Чжана, озаглавленное «Жизненное воззрение» («Жэньшэн гуань»), которое было опубликовано в «Еженедельнике Цинхуа» в феврале 1923 г. Именно этот материал послужил импульсом к началу широкой теоретической дискуссии по вопросам «философии жизни» и соотношения метафизики с наукой, которая явилась заметным событием в философской жизни Китая того времени⁸.

Различие философских позиций сторонников «метафизики» и «науки» было не принципиальным, а скорее формальным: спор, в сущности, шел лишь об эффективности того или иного оружия в борьбе против научного социализма. Чжан Дунсунь встал на сторону своих единомышленников Лян Цичао и Чжан Цзюньмая и опубликовал на страницах влиятельной в ту пору шанхайской газеты «Шиши синь бао» критический разбор дискуссии под заголовком «Наука и философия», где привлек аргументы буржуазных философов и ученых с целью демонстрации неадекватности категорий науки и человеческого опыта. Таким образом, и Чжан Цзюньмай, и Чжан Дунсунь придерживались идеалистической позиции в оценке природы научного знания. Задача научной критики взглядов Чжан Цзюньмая и его единомышленников выпала на долю марксистов (в том числе Цюй Цюбо), которые подчеркивали, что пропаганда мистической способности интуиции к познанию отрицает научный подход к изучению объективных закономерностей общественного развития. Они также отмечали реакционную политическую сущность концепции «метафизиков», по существу направленную на сохранение эксплуататорского строя как якобы предопределенного роком.

При конструировании своих философских концепций Чжаны использовали те или иные компоненты различных учений европейской философов, стремясь к их адаптации на китайской традиционной почве. Теоретическая система, выработанная Чжан Цзюньмаем и нашедшая свое отражение в серии лекций 1923 г., «послужила основой создания новой, китайской метафизики, представлявшей собой сплав из теорий Бергсона, Эйкена и Ван Шоужэня» (Ван Янмина)⁹. Чжан Дунсунь откровенно и сознательно признавал эклектизм своей системы, определив ее как «эпистемологический плюрализм», включавший элементы учений Канта, Льюиса, Эддингтона и Уайтхеда. С другой стороны, Чжан Дунсунь подчеркивал, что хотя он и «предпочитает называть себя эклектиком», однако с точки зрения организаций различных элементов других теорий в общую интегрированную систему «его тезис не менее оригинален»¹⁰.

Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь стремились к «обновлению» китайской философии с помощью новейших зарубежных учений. Они принадлежали к тем теоретикам, которые «пропагандировали идеи синтеза западной (буржуазной) философии и китайской традиционной идеологии»¹¹, используя их эклектическую и националистическую смесь для борьбы с революционной общественно-политической мыслью.

В первые десятилетия XX в. в китайском национализме отчетливо оформилось направление, стремившееся к синтезу традиционализма и модернизма. Его представители утверждали, что альтернатива косному следованию традициям (Лян Шумин) заключается отнюдь не в огульном отрицании традиционных структур и ценностей (Ху Ши), и пытались переосмыслить связь традиционного и национального, признавая воз-

⁸ In: W. Bauer. China and the Search for Happiness. New York, 1976, p. 364. Дискуссия нашла свое отражение в двух философских сборниках: «Борьба за жизненное воззрение» (с предисловием Чжан Цзюньмая) и «Наука и жизненное воззрение» (с предисловием Ху Ши).

⁹ Ibid., p. 364.

¹⁰ H. L. Vooght a. Op. cit., p. 134.

¹¹ См.: В. Г. Буров. Современная китайская философия. М., 1980, с. 40.

возможность и необходимость нового прочтения традиций в целях преодоления отсталости, то есть «модернизации» национализма.

При анализе мировоззренческих позиций Чжан Цзюньмаю и Чжан Дунсуню, стремившихся именно к достижению синтеза преимущественных, с их точки зрения, сторон китайской и западной цивилизаций, необходимо исходить не из случайных сопоставлений, а из целостного представления о концепции, что позволит со всей определенностью обнаружить ее историческую, идейную и функциональную связь как с чисто китайскими традиционными теориями, так и с определенными сторонами некоторых западных учений.

В своей книге «Завтрашний день китайской культуры» Чжан Цзюньмай, развивая идеи, выдвинутые ранее Лян Цицао и его единомышленниками в 1918—1919 гг., утверждал, что реформа в Китае должна начаться с области человеческих отношений и призвана сконструировать новую культуру, которая послужит основой для политической и экономической систем. «Сущностью и духом современных правительств, — писал Чжан Цзюньмай, — является демократия, черты которой нельзя найти в китайских классических учениях... Чем продолжать поклоняться могилам древних, лучше откровенно признать тот факт, что нашу культуру надо создавать заново». «Создавать заново», по мнению Чжан Цзюньмаю, означало воспринять все лучшее в культуре Запада и использовать это лучшее для утверждения Китая в мире. Несмотря на то что заимствования, вплоть до имитации, невозможно избежать на первоначальном этапе, подчеркивал Чжан, в принципе для Китая важен не механический «плагиат», а «творческое переосмысление» положительных сторон западной цивилизации. Китай не должен копировать фасад европейской культуры, но воспринять самое ее существо, ее дух и адаптировать их применительно к традиционным китайским ценностям, избегая огульного отрицания собственного культурного наследия. Только в этом случае у страны будет мерило отбора и основа создания синтетического учения. С аналогичных позиций подходил к этому вопросу и Чжан Дунсунь: для него характерно обращение к проблеме синтеза не через поверхностное изучение внешней стороны общественных институтов Востока и Запада, а через анализ содержания основных концепций, созданных двумя цивилизациями¹².

Хотя идеи синтеза, выдвинутые Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсунем, относились прежде всего к области формирования национальной культуры, в целом значение их концепций шире, и они несут в себе более глубокое содержание. Предложенный Чжанами вариант синтеза распространялся на сферу политической и социальной философии, этики и культуры в целом, на всю совокупность личной и общественной жизни. Они надеялись создать универсальную систему взглядов, включающую в себя экономические, политические и просветительские идеи. Теория синтеза китайской и западной культур, традиционного и современного, отражала настроения той части китайской буржуазии, которая ратовала за осуществление определенных социальных, экономических и политических реформ, необходимых, с ее точки зрения, для превращения Китая в независимое и «сильное» национальное государство. Позиция буржуазных теоретиков этого направления определялась, с одной стороны, узкоклассовыми интересами, а с другой — национализмом, эксплуатирующим патристические настроения масс. Последнее и послужило тем эмоциональным фоном, на который идеологам ПГС удалось наложить определенные политические лозунги.

Буржуазно-реформистский характер теоретических построений Чжан Цзюньмаю и Чжан Дунсуню выразился также в том, что, «отвергая» ка-

¹² In: C. H. C. Tan. Chinese Political Thought in the Twentieth Century. New York, 1971, p. 263—264, 275—276.

питализм в его европейско-американской форме, они искали способы «ограничения» капиталистической деятельности, «исключая» существование крупной монополистической буржуазии. Наивным стремлением избежать наиболее одиозных черт капитализма в Китае и определялась особенность синтетической теории Чжанов. Они пытались совместить на «втором», так сказать, уровне синтеза преимущества социализма (в их толковании этого понятия) с положительными (опять-таки на их взгляд) сторонами капиталистического общества. Таким образом, Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь выступили теоретиками того направления в концепциях синтеза, представители которого стремились объединить несовместимые идеологии и общественные системы — социалистическую и буржуазную, сконструировать «третий путь» развития, находивший воплощение в концепциях «национальных социализмов», «националистических этатизмов», а в конкретном случае с Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсунем — в их китаизированной версии «государственного социализма».

«Государственный социализм» в своем первоначальном, «классическом» варианте — европейская буржуазно-реформистская, идеалистическая концепция, в которой суть социализма сводится к вмешательству государства в экономику и социальные отношения, вплоть до создания всемирного правительства (Б. Рассел). К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли оппортунистическую сущность имевших место в германской социал-демократии попыток сочетать эти идеи с марксизмом как «одну из *детских болезней* пролетарского социализма...»¹³.

Эклектическая природа философских систем Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсуня, как и присущий им идеализм, определили тот факт, что и в области политической философии они остались эклектиками и идеалистами, а сконструированная ими китаизированная теория «государственного социализма» имела составной характер. Наряду с элементами отечественной традиционной идеологии, в основном философии неоконфуцианства (лисюе), в ней занимают видное место немалые заимствования из различных западных учений. Националистическая окраска отражала общую идеологическую атмосферу, в которой формировалась указанная теория, равно как и тот факт, что национализм и традиционный китаецентризм были ее главными идейными источниками.

О создании новой политической концепции в Китае стало известно в 1930 г. Именно в это время Чжан Дунсунь изложил основные ее моменты на страницах редактировавшегося им еженедельника «Шиши синьбао». Впоследствии он модифицирует свою теорию, разработке которой посвящает некоторые разделы своих работ «Совместима ли демократия с диктатурой?» (1932), «Интеллект и демократия» (1946), «Демократия и социализм» (1948) и др. Чжан Цзюньмай посвятил концепции «государственного социализма» крупную работу «Принципы создания основ государства (Государственный социализм)» (1938) и др.

В области политической философии Чжаны акцентировали внимание прежде всего на проблеме государства. В традиционном Китае критерием определения национальной принадлежности служил культурный фактор: нация, принимающая китайскую культуру, считалась китайской. Поэтому идеологи той эпохи не разрабатывали концепцию национально-государственной организации. Однако новая эпоха и попытки противостоять ей с позиций буржуазного национализма привели идеологов ПГС к идее о том, что в условиях империалистической агрессии и расширения коммунистического движения единственным средством, которое гарантировало бы выживание «их» Китая, было создание государства на основе «духовного сплочения» всех китайцев с целью «социальной реконструкции» общества¹⁴.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 184.

¹⁴ См.: Политические партии и группы..., с. 49—50.

Итак, главным объектом внимания Чжапов являлся идеал «государства-нации», где каждый трудится на общее благо, вдохновленный общими надклассовыми идеями. Гипертрофируя роль духовного фактора, теоретики ПГС нападали на марксизм с позиций идеализма, утверждая, будто марксисты «преувеличивали значение материального механизма, который они рассматривали изолированно, и ошибка их заключалась в том, что они не признавали роли человеческой воли»¹⁵. Подчеркивая, что в качестве рациональной основы государства выступают «интересы большинства населения» или «общественная природа человека», идеологи ПГС заявляли, что, хотя форма и функции государства меняются, его сущность как инструмент «общественной власти» остается неизменной во все эпохи. Игнорирование этого принципа, с точки зрения Чжапов, якобы привело сторонников научного социализма к ошибочному выводу об отмирании государства в будущем, когда исчезнут классы.

Теоретики «государственного социализма» на словах признавали наличие как материального, так и идеального факторов в природе государства. Эклектичность и спекулятивность философских и политических воззрений приводили их к абсурдному выводу о сосуществовании «авторитарной власти» и «свободы» (в буржуазном понимании). Элементы материального, по их мнению, воплощены в государственном аппарате и других институтах, которые служат мотивирующей силой всего общественного механизма. А идеальное, в их представлении, выразилось в феномене «свободы», которая является «побуждающей силой» прогресса человечества и функцией сознания, а следовательно, существует лишь в сознании. Тем самым они утверждали, что государственные институты суть выражение человеческой воли, и поскольку государственная машина претворяет в жизнь человеческие идеи, постольку она является продуктом сознания и определяется духовным началом¹⁶. Чжаны, таким образом, совершенно пренебрегали вопросом происхождения идей, идеалистически трактуя лишь момент их обратного воздействия на жизнь общества. С точки зрения теоретиков ПГС, экономическая структура общества находится под постоянным контролем политики, а потому не может быть признана полностью материальной по своей природе. Чжаны и в этом случае открыто выступают против материалистического понимания истории. Отрицая марксистский тезис о приоритете экономики над политикой, Чжан Цзюньмай заявляет, что именно это помешало К. Марксу признать якобы решающую роль «национального духа» в жизни общества¹⁷.

В области экономики синкретизм китаизированной теории «государственного социализма» нашел свое конкретное проявление в попытке Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня обосновать абсурдную идею соединения преимуществ социалистической экономики с положительными, на их взгляд, сторонами капиталистической организации производства. Не вызывает сомнения значительное влияние на теорию Чжапов в ее экономической части учения о «смешанной экономике», проповедовавшегося реакционными лидерами немецкой социал-демократии, в частности Ф. Шейдеманом, с которым Чжан Цзюньмай встречался в Берлине в 1919 г.

Занимая антимарксистскую в целом позицию, лидеры ПГС тем не менее декларировали свою приверженность «социальной справедливости» и негативное отношение к общественному неравенству, царящему при

¹⁵ Чжан Цзюньмай. Принципы создания основ государства. [Б. м.] 1938, с. 385—386 (на кит. яз.).

¹⁶ Ип: С h. С. Тап. Op. cit., p. 256, 258. Этим обусловлено, в частности, и то определяющее значение, которое придавали лидеры ПГС духовному воспитанию народа, созданию «морального базиса» (§ 32—38 программы 1946 г.). — См.: Материалы по критике среднего пути китайской буржуазии, т. 4. Пекин, 1958, с. 111 (на кит. яз.).

¹⁷ См.: Чжан Цзюньмай. Указ. соч., с. 382.

капитализме. Проблема для них заключалась в следующем: каким образом достичь социальной справедливости для всех без «ущемления личной свободы» каждого? Эта абстрактная формулировка расшифровывается однозначно: будучи представителями буржуазии, лидеры ПГС, естественно, выражали интересы своего класса, стремившегося к власти и к созданию благоприятных условий его предпринимательской деятельности. С точки зрения Чжанов, оптимальный путь решения стоявшей перед ними проблемы заключался в осуществлении «государственного социализма».

Изначальная противоречивость в самой постановке вопроса о возможности «сочетания» социализма с капитализмом на основе «национальной идеи» приводила буржуазных теоретиков к парадоксальному тезису: с одной стороны, они рекомендовали создание плановой экономики (что сопровождалось традиционным для них гипертрофированным ролю национального государства в регулировании экономических процессов), а с другой — заявляли о необходимости сохранения частной собственности. Чжан Цзюньмай в письме к Чан Кайши, излагая один из важнейших параграфов программы своей партии, писал, что сторонники «государственного социализма» настаивают на сохранении частной собственности, однако признают общественную собственность и государственное планирование, которые должны способствовать «всеобщему благоденствию и прогрессу национальной экономики»¹⁸.

Первоначальный постулат «государственного социализма», неизменно присутствовавший в работах европейских родоначальников этой буржуазно-реформистской концепции (Л. Блана, К. Родбертус-Ягцова, Ф. Лассаля), подразумевает контроль государства над тяжелой индустрией и ключевыми отраслями экономики. Частная собственность в других областях экономического организма, где она «не угрожала бы» интересам государства, должна поощряться. Теоретики китанизированного варианта «государственного социализма» не были в этом смысле оригинальны. Они обещали тем самым достижение социального равенства без обобществления средств производства, необходимого с точки зрения марксизма, который утверждает, что введение государственной собственности отнюдь не равнозначно установлению социалистических общественных отношений и не ведет к устранению классовых антагонизмов и социального неравенства. Экономический аспект теоретических построений Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня наглядно иллюстрирует марксистско-ленинское положение о том, что феномен «государственного социализма» возник как результат буржуазной фальсификации, называвшей «социализмом» любые попытки государства ограничить свободную конкуренцию¹⁹.

В процессе создания своей теории политической организации общества на националистической базе идеологи ПГС, несмотря на близость их взглядов со взглядами Лян Цичао, уже в первые годы существования республики в Китае отрицали его идею «просвещенного абсолютизма». По их мнению, разумное общество — это общество «социальной демократии», существующей в рамках национального государства. Демократию они рассматривали как «определенный уровень развития цивилизации», а не только как «систему правления»²⁰. Демократия, подчеркивали эти идеологи, — лишь определенная жизненная позиция (образ мышления). Являясь духовной позицией всей нации, она может быть реализована только в национальном государстве.

Идеологи ПГС не уставали повторять следующее: «разумное начало» подразумевает, что «социальная демократия» устанавливается посред-

¹⁸ China Handbook. 1937—1943. New York, 1943, p. 53.

¹⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 78—79.

²⁰ Чжан Дунсунь. Интеллект и демократия. Шанхай, 1946, с. 1 (на кит. яз.).

ством эволюционных методов. Они безоговорочно верили в то, что любая перемена в правительственной структуре Китая будет осуществлена «в соответствии с должным процессом в области законодательства, и отнюдь не при помощи насилия»²¹, поскольку революция, нарушая «гармонию» и «баланс» в разумном обществе, делает проблематичным общественный прогресс²². Опровергая реформистскую, антимарксистскую точку зрения Чжан Дунсуня, Цюй Цюбо писал в журнале «Синь циннянь»: «За независимость, свободу и равноправие надо бороться своими силами. Вот и получается, что для свержения империализма поистине необходима национальная революция»²³.

Отрицание Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсунем революционных методов преобразования старого общества обусловило их враждебное отношение к марксистскому учению о классовой борьбе, которая, по представлениям Чжанов, служит препятствием на пути развития «свободы и демократии» после осуществления «мирной революции»: «До тех пор, пока продолжается борьба (классовая. — С. Б.), никакой мир невозможен; без мира невозможно созидание; в свою очередь без созидания не будет ни свободы, ни демократии»²⁴. Полемизируя с Чжан Дунсунем, Цюй Цюбо писал: «По внешним проявлениям революцию отождествляют с разрушением, а на деле она последовательно и до конца очищает старое общество и распахивает двери для строительства нового общества»²⁵.

Ввиду своей классовой принадлежности и повышенного интереса к западным буржуазным ценностям теоретики «государственного социализма» ратовали за адаптацию на китайской почве европейских парламентских форм. Настаивая на возможности сосуществования сильной центральной власти с «духовной свободой» в обществе, Чжаны предлагали в качестве конкретной меры осуществления своей идеи «демократии» создание модифицированного варианта западного буржуазно-демократического правительства, в котором будут сохранены преимущества как «демократии», так и «диктатуры». Вопрос для них заключался в том, каким образом и в какой степени надо «китаизировать» демократию, чтобы стало возможным ее соединение с «положительными сторонами диктатуры», причем и демократию, и диктатуру они изображали внеклассовыми явлениями.

Идея модифицированной демократии, предложенная идеологами ПГС, воплотилась в форму «национального правительства», в котором подразумевалось представительство различных политических партий. «Реформированная разновидность конституционного правительства, которую мы отстаиваем, такова: будучи демократичной в принципе и по сути, она предполагает возможность для любой политической партии утвердиться в кресле власти», — писал Чжан Цзюньмай Чан Кайши в 1938 г.²⁶ Симптоматично, что Чжаны разработали свой проект национального правительства по типу коалиционных правительств Франции и Великобритании времен первой мировой войны, которые они считали в конечном итоге «наиболее приемлемыми моделями для Китая». «Создание конституционного правительства на базе двухпартийной системы, — писал Чжан Цзюньмай, — всегда представлялось мне оптимальным путем к осуществлению мирного прогресса, без кровопролития»²⁷. Опровержением этой позиции могли бы послужить слова В. И. Ленина, который отмечал, что любая подобная «демократия», пока собственность ос-

²¹ C. Chang. *The Third Force in China*. New York, 1952, p. 24.

²² См.: Чжан Дунсунь. Мысль и общество. Шанхай, 1946, с. 79—80 (на кит. яз.).

²³ Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. М., 1979, с. 218—219.

²⁴ Чжан Дунсунь. Интеллект и демократия, с. 143, 146.

²⁵ Цюй Цюбо. Указ. соч., с. 221.

²⁶ In: *China Handbook*. 1937—1943, p. 53.

²⁷ C. Chang. *Op. cit.*, p. 24.

тается у капиталистов, «есть только насквозь лицемерное прикрытие диктатуры буржуазии...»²⁸.

Реакционность теоретиков ПГС в этом вопросе проявилась не только в их отрицательном отношении к массовому революционному движению, но также и в том, что народные массы они считали неспособными к «мудрому» правлению и настаивали на неизбежности элитарного правительства, сформированного из политических лидеров. Эта идея представляла собой реминисценцию взглядов Лян Цичао, который категорично утверждал, что «народ не в состоянии управлять сам». Подобные взгляды получили дальнейшее развитие в начале 20-х годов в «платформе 14 профессоров» (Ху Ши, Лян Шумин, Дин Вэньцзян, Цай Юаньпэй и др.), призывавших к созданию «правительства добрых людей» из буржуазных деятелей взамен «плохих людей» милитаристского правительства. Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь поддерживали тогда «платформу-14-ти». Не изменили они своих взглядов и впоследствии, в период разработки вопроса о политической системе в рамках концепции «государственного социализма».

В целом «понимание духа» западной демократии и интерпретация ее применительно к создаваемым в Китае концепциям были для идеологов ПГС ключом к официальной модернизации китайского общества «сверху».

Таким образом, главным пороком идеологии и деятельности ПГС была враждебность социальной революции, диктовавшая политический компромисс между этой партией и силами правее ее (то есть гоминьданом). Необходимой предпосылкой такого альянса был отказ от радикальных преобразований в социалистическом духе.

Стремление Чжан Цзюньмая и Чжан Дунсуна сформировать конституционное правительство по образцу «западных демократий» было обусловлено их националистическими буржуазно-реформистскими взглядами на социализм, антимарксистской трактовкой классовых противоречий китайского общества, в котором они усматривали параллельное существование двух факторов: социальных антагонизмов (проистекающих от разделения общества на классы и слои) и социальной общности (основанной на духовной, «национальной» взаимозависимости различных классов и групп). Чжань утверждали: поскольку социализм стремится к духовному освобождению народов и радикальной перестройке мира, постольку он не представляет собой учения одного класса, а именно пролетариата; скорее это теория, фокусирующая интересы всех классов и социальных групп в их совместной деятельности по «реконструкции» общества. Лидеры ПГС отстаивали этот тезис еще в 1919 г. в ходе «дискуссии о социализме».

Идейной основой возникновения и развития подобных взглядов на социализм как на новую цивилизацию, где «мирно» и «взаимовыгодно» сосуществуют различные классы и социальные слои общества, несомненно, является идеология национализма.

На всем протяжении своей деятельности теоретики «государственного социализма» считали неоспоримым приоритет национального сознания над классовым. «Только сила национальных интересов может сломать классовые барьеры, — подчеркивал Чжан Цзюньмай в переписке с Чан Кайши, — но никакие классовые интересы не в состоянии разрушить объединяющую силу нации»²⁹. Чжан Дунсунь утверждал, что образ мышления индивида определяется его социальным положением, однако оговаривался, что положение человека в обществе не равнозначно его принадлежности к тому или иному классу: определяющим фактором здесь выступает социально-культурная среда, «окружающая обстанов-

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 437.

²⁹ In: China Handbook. 1937—1943, p. 52—53.

ка», которая складывается не столько из классовообразующих факторов, сколько из таких элементов, как различные общественные институты, традиции и нормы, язык и некий общий «дух эпохи». Как заявлял Чжан Дунсунь, несмотря на то, что классовый интерес обычно «рефлекторно» присутствует в мышлении человека, влияние, которое оказывает непосредственная социальная среда на его сознание и поведение, намного значительнее. Ложный ход рассуждений приводил Чжан Дунсуня к выводу, враждебному принципу пролетарского интернационализма: китайский пролетариат далеко не обязательно будет мыслить так, как, например, индийские рабочие³⁰. Ответом на подобные утверждения могут служить слова Ф. Энгельса: «Так как положение рабочих всех стран одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща...»³¹.

Национализм лидеров ПГС с неизбежностью перерастал в великоханьский социал-шовинизм. Свидетельство тому — § 42 последнего варианта программы их партии, принятой 18 августа 1946 г., в котором говорилось о необходимости пропаганды национального превосходства Китая³². Чжаны акцентировали внимание на огромной ассимиляторской роли китайской цивилизации, ставя во главу угла задачу национального возрождения страны путем «опоры на собственные силы»³³.

Мыслители и политические деятели становятся представителями того или иного класса как в том случае, когда они непосредственно служат его интересам и целям, так и когда их мысль не в состоянии преступить те границы, которых не претупает «жизнь» данного класса, его опыт, бытие. Поэтому «теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям», к которым представителей этого класса «приводит практически его материальный интерес и его общественное положение»³⁴.

Идейная жизнь Китая новейшего времени свидетельствует о том, что традиционная китайская и западная буржуазная идеологии зачастую выступали как союзники в борьбе с прогрессивными течениями общественно-политической мысли, и прежде всего с марксизмом. Это выразилось в попытках идеологов ПГС найти в буржуазной философии и политической мысли Запада такие идеи, которые «дополняли» бы китаецентристскую традицию настолько, чтобы можно было создать на основе этого синтеза свою, «новейшую» националистическую концепцию.

Другая особенность буржуазного национализма в Китае заключалась в том, чтобы он в своем разнообразии содержал течение, связанное с идеологией ненаучного социализма. Старокитайские интеллектуалы, ознакомившиеся с социалистическими учениями Запада, поделили их на «коммунизм» (то есть марксизм) и «национальный социализм», которому и отдали предпочтение.

Теоретическая и практическая деятельность идеологов ПГС послужила ярким примером того, что подобного рода «социалистические идеи» далеко не всегда использовались в прогрессивных целях. Вариант «государственного социализма» Чжан Цзюньма и Чжан Дунсуня — это разновидность буржуазного национализма, «гримировавшаяся» под социалистическую теорию в условиях распространения в стране социалистических идей. Отсюда же их стремление «превозмочь» и капитализм, и социализм в идее «китайского государственного социализма», в идее

³⁰ См.: Чжан Дунсунь. Знание и культура. Шанхай, 1947, с. 83—84 (на кит. яз.).

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 373.

³² См.: Материалы по критике среднего пути китайской буржуазии, с. 112.

³³ См.: Политические партии и группы..., с. 50; Материалы по критике среднего пути китайской буржуазии, с. 109.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 148.

«третьего пути». Идея гармонии «труда и капитала», как подчеркивал К. Маркс, — признак именно «буржуазного социализма»³⁵.

Отрицание классовых антагонизмов в китайском обществе, утверждение примата национального по отношению к социальному — все это использовалось идеологами ПГС для обоснования тезиса о «классовом сотрудничестве в интересах нации». Государство объявлялось ими надклассовым «национальным» институтом, все члены которого должны подчиняться «общенациональной дисциплине» и главной функцией которого должна стать защита интересов «всех слоев общества». Вместе с тем теоретики «государственного социализма» признавали неизбежность развития капитализма в Китае, но капитализма, «усовершенствованного» национальной спецификой. Социалистическая фразеология о государственном регулировании и планировании использовалась ими лишь для прикрытия буржуазного содержания националистической концепции.

Отрицание марксизма-ленинизма, ярко выраженный национализм и, как следствие этого, отрицание принципа пролетарского интернационализма — все это привело идеологов ПГС к антисоветизму³⁶. Это было неизбежно, поскольку оборотной стороной лозунга классового мира во имя «национальной идеи» является открытая враждебность к тем общественным силам и странам, которые занимают четкие классовые позиции. Чжаны, как заурядные буржуазные идеологи, выступали против опыта Октябрьской революции и против сотрудничества с СССР, прибегая к затасканной антисоветской демагогии и фразеологии, например насчет «тоталитаризма» левого направления «по образцу советского коммунизма»³⁷.

Очевидно, что ретроспективный анализ одной из конкретных форм проявления буржуазного национализма во многом может способствовать пониманию процессов идейного развития Китая в XX в.

³⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 363.

³⁶ См.: Политические партии и группы..., с. 48.

³⁷ С. Шапг. *Op. cit.*, p. 24, 64.

Этико-политические взгляды Конфуция и их оценка Х. Г. Крилом

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

Учение Конфуция (551—479 гг. до н. э.) представляет собой одно из наиболее заметных явлений в истории философской мысли древнего мира. Взгляды Конфуция, развитые и в значительной степени переработанные его учениками и последователями, на многие столетия определили мировоззрение китайцев, легли в основу их этических, религиозных и политических воззрений. Несмотря на то что конфуцианство, ставшее в эпоху Хань (II в. до н. э.) официальной идеологией, не является доктриной, абсолютно адекватной учению Конфуция, тем не менее представления об образованных чиновниках, стоящих во главе государства, принципы служения государю соответственно с долгом, понятным как внутренняя моральная потребность, культ мудрости, огромное значение «классического» образования в вопросах государственного управления — все это в истоках своих восходит к учению Конфуция.

По мере утверждения конфуцианства как официальной идеологии рождается легенда о Конфуции, добавляются все новые и новые подробности его биографии, подчас противоречащие друг другу. Конфуций становится полулегендарным мудрецом, «совершенно мудрым мужем». Из реальной исторической личности Конфуций постепенно и сам превращается в канонизированный образец конфуцианских добродетелей. Его действительный образ, его собственные взгляды и идеи растворяются в этих легендах, что создало значительные трудности для выяснения подлинных взглядов Конфуция, для оценки его этического и политического идеала. Трудность заключается и в том, что сам Конфуций, как можно судить на современной стадии изучения конфуцианства, не писал философских и политических трактатов. Его идеи, разбросанные в беседах с учениками и государственными деятелями, сведены в сборник уже после смерти мыслителя. Большинство ученых считает, что памятник «Лунь юй» («Рассуждения и беседы») создан учениками Конфуция. Некоторые, как, например, П. С. Попов, придерживаются даже мнения, что «Рассуждения и беседы» записаны уже учениками учеников мыслителя со слов последних¹. Однако даже если «Лунь юй» и был создан непосредственно ближайшими учениками Конфуция, очевидно, что этот памятник не дает нам достаточно идентичного представления о взглядах самого мыслителя. Тем не менее именно он является — по мнению большинства современных сиологов — наиболее надежным источником изучения подлинных взглядов Конфуция².

Сложность упомянутых проблем, афористичность текстов «Лунь юй», оригинальность Конфуция как личности, уникальность его просветительской деятельности в Китае эпохи Чуньцю — все эти трудности не могли не породить пестроты мнений и подходов при оценке этико-политических взглядов китайского мыслителя.

Амплитуда оценок наследия Конфуция поистине велика: от гуманиста-альтруиста, ратующего за всеобщее счастье и благоденствие (Х. Г. Крил), философа, защищающего интересы народа и выражающего его чаяния (Го Можо), до аристократа, преемника придворных писцов и гадателей, защищающего родовую знать и презирающего простой народ; от великого революционера в этике и реформатора в политике (Х. Г. Крил, Го Можо) до адепта старины и приверженца традиций, пришедшего в мир с божественным предписанием сохранять древние истины и правила (Дж. Легг). Вслед за Дж. Леггом русский миссионер К. Крымский счел возможным сблизить этические принципы Конфуция и христианские добродетели, отождествив конфуцианский идеал «благородного мужа» с христианским идеалом человека.

Известна и амплитуда практического использования учения Конфуция в политической истории Китая — от императорской власти до отдельных представителей буржуазной и революционной демократии.

Дискуссия о Конфуции, о его взглядах продолжается в среде китаеведов и по сей день. Более того, как свидетельствуют недавние события, его имя и учение ока-

¹ См.: П. С. Попов. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Пер. с китайского с примеч. СПб., 1910, с. 1.

² См.: Конфуцианство в Китае. М., 1982, с. 11—12.

зались даже на какое-то время в фокусе политической борьбы в Китае 70-х годов.

Начиная с 1980 г. в КНР наблюдается возрождение интереса к научному исследованию учения Конфуция. В Цюйфу, на родине мыслителя, проходят ежегодные симпозиумы по Конфуцию, в ходе которых китайские ученые стремятся дать новую оценку его взглядов, раскрыть роль Конфуция и его учения в истории Китая. При этом китайские исследователи неизменно подчеркивают оригинальность взглядов Конфуция, их «огромное влияние на китайскую историю», особенно его взглядов на образование и этического учения «о человеколюбии»³.

И действительно, можно признать, что именно этические взгляды Конфуция, являющиеся сердцевинной его учения в целом, сыграли большую роль в формировании не только «морального кодекса» императорского Китая, но и стереотипов массового сознания в стране. Отсюда понятно и значение, которое имеет изучение этических представлений древнекитайского мыслителя для характеристики всей совокупности его взглядов.

В западном Китаеведении этой проблеме давно уделяется большое внимание. Среди многочисленных работ о Конфуции выделяется исследование американского синоведа Х. Г. Крила «Конфуций. Человек и миф»⁴, во многом определившее представление о Конфуции и его учении в западной синологии. Поэтому критический анализ именно этой работы позволяет сделать принципиальные выводы о содержании и направленности исследования этико-политического учения Конфуция в немарксистском Китаеведении. Понятно, что такой анализ не может обойтись без попытки выявить адекватное содержание этой стороны взглядов Конфуция.

Основной задачей своей книги Х. Г. Крил считает исследование подлинных взглядов Конфуция в отличие от позднейших искажений и переработки их конфуцианцами. В центре его внимания — воссоздание подлинного Конфуция как личности, как учителя, как философа и политического деятеля.

Ставя перед собой задачу изучения прежде всего самого Конфуция, Х. Г. Крил, естественно, сталкивается с проблемой выбора источников. С его точки зрения, ни «Шуцзин», ни «Цзочжуань», ни даже «Мэн-цзы» нельзя считать источниками, абсолютно достоверными, так как они были написаны много позже Конфуция. Поэтому автор совершенно правильно, с нашей точки зрения, предлагает обращаться прежде всего к трактату «Лунь юй».

Интересно, что считая официальную биографию Конфуция значительно искаженной, Крил подвергает сомнению ряд общепризнанных фактов из жизни мыслителя. С его точки зрения, весьма сомнительно, чтобы Конфуций занимал пост министра юстиции, так как, во-первых, на этот пост назначались прежде всего представители крупной родовой аристократии, а во-вторых, этот факт недостаточно подтвержден источниками: в «Лунь юй» мы вообще не находим ссылок на это немаловажное событие, а «Мэн-цзы» и «Цзочжуань», дающие подробную историю царства Лу, лишь вскользь упоминают о нем⁵. Насколько справедлива точка зрения Крила, сказать трудно, однако само по себе замечание о том, что Конфуций не мог занимать этого важного государственного поста, вполне гармонирует с общей оценкой личности Конфуция Крилом.

Следует отдать должное автору в его стремлении приблизить к нам древнекитайского мыслителя, сделать его реальной личностью, яркой индивидуальностью. В разделе, посвященном Конфуцию как личности, дан живой и яркий образ весьма добродетельного и благородного человека, «почтительного, но не раболепного», «всегда стоящего в центре [внимания], но желавшего не популярности, а уважения». Конфуций никогда не заискивал перед вышестоящими, он критиковал людей в глаза и превозносил их заслуги за их спиной. Он ненавидел красноречие и притворные манеры, не стремился к комфорту и роскоши, хотя не был и аскетом, то есть не считал, что комфорт несомвместим с добродетелью. С учениками был ровен и приветлив, не стыдился расспрашивать других, не сердился, если кто-то был с ним не согласен. С юных лет постигнув тяжелый труд бедняка, Конфуций проникся симпатией к простым людям, считая, что «государство не достойно названия государства, если оно не делает людей счастливыми». Ни сознание собственного значения, ни отсутствие успехов не вызвали у Конфуция враждебного отношения к людям. Он был спокоен и уравновешен, хотя «в минуты горя давал волю своим чувствам»⁶.

Таков Конфуций в описании Х. Г. Крила. Воистину совершенный человек. Но встает вопрос — по каким источникам мы можем собрать информацию, подтверждающую столь блистательную характеристику? Автор весьма часто ссылается на главы из «Лунь юй». Действительно, оттуда мы узнаем, что «основные принципы учителя — преданность [государю] и забота [о людях], больше ничего»⁷, что учитель «категорически воздерживался от четырех вещей: он не вдавался в пустые размышления, не был категоричен в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал

³ См.: «Гуаньин жибао», 20.I.1981; «Чжунго шэжуэй кэсюэ», 1980, № 1—3.

⁴ H. G. Creel. Confucius. The Man and the Myth. London — New York, 1951.

⁵ Ibid., p. 44.

⁶ Ibid., p. 67—69.

⁷ Древнекитайская философия, т. I. М., 1972, с. 149.

о себе лично»⁸, и многие другие подобные сведения, сообщенные учениками мыслителя. Достаточно ли этого для столь полной характеристики Конфуция как личности? Видимо, нет.

Для чего вообще понадобилось американскому синологу давать столь подробную и яркую личностную характеристику мыслителю, жившему за 500 лет до н. э.? Очевидно, частично это объясняется тем, что философия Конфуция — это философия этическая, а проповедь новой нравственной программы и критика существующих пороков, как правило, не идут вразрез с личным поведением их автора.

Однако подобное объяснение столь пристального внимания Х. Г. Крила к личности Конфуция не полно: предложенная американским синологом ярко позитивная оценка личностных качеств китайского мыслителя вытекает прежде всего из основной тенденции его книги — представить Конфуция одним из первых гуманистов человечества, мечтавшим о всеобщем счастье и благоденствии. Эта тенденция нашла свое яркое выражение в трактовке Х. Г. Крилом этических воззрений Конфуция.

Анализ философско-этических взглядов Конфуция предварен в работе Крила общей характеристикой исторической эпохи и политической обстановки в стране. С точки зрения автора, в период жизни Конфуция в Китае происходило становление феодализма. При всей спорности вопроса о формационной принадлежности Китая эпохи Чуньцю нужно отметить, что американский синолог рисует убедительную картину политической обстановки в стране. Это был период, когда «Китай стоял на перепутье»⁹. Чжоуский Сын Неба являлся лишь номинально главой империи, между центральной властью и родовой аристократией шла непрерывная борьба, которая дополнялась постоянными войнами царств друг с другом. Подобная обстановка в стране, как правильно отмечает Крил, не могла не сказаться на нравственных и религиозных устоях жителей Поднебесной. Хочется обратить внимание на подмеченную автором связь между бесконечными войнами и растущим скепсисом среди народа в отношении религии. По обычаям древнего Китая, военные договоры скреплялись кровью жертвенного животного, и духи предков следили за выполнением условий этих договоров. Страшные кары должны были обрушиться на головы их нарушителей. Но действительная политическая обстановка в стране приводила к постоянному нарушению договоров и заключению новых, поэтому вера в духов значительно пошатнулась¹⁰: в области нравственных устоев царил такой же хаос, как и в политической жизни общества. Историческая обстановка эпохи Конфуция в общих чертах верно охарактеризована Х. Г. Крилом.

Обратимся теперь к трактовке американским синологом этических взглядов Конфуция. Автор справедливо уловил связь этики и политики во взглядах древнекитайского мыслителя. С точки зрения Крила, Конфуций — прежде всего учитель (рассматриваемый нами раздел книги Крила так и называется — «Учитель» в отличие от главы, посвященной, по Крилу, собственно философским взглядам мыслителя, а именно проблеме Неба и «дао»), целью же преподавательской деятельности Конфуция являлось воспитание «идеального мужа», который был бы способен претворить в жизнь политический идеал учителя и улучшить управление Поднебесной. Таким образом, Конфуций, с одной стороны, ставил практически-политическую задачу, — совершенствование государственного управления, с другой стороны, для решения этой задачи ему требовались люди, получившие специальное образование и ставшие, таким образом, «цзюнь-цзы» — «благородными мужами». Конфуций верил в великую силу добродетелей, считая, что если личное поведение правителей и чиновников будет отвечать высоким моральным требованиям, если все они будут подлинными «цзюнь-цзы», то и народ будет послушен и уважителен, и в Поднебесной восторжествует «дао». Путь нравственного совершенствования ведет, с точки зрения Конфуция, к достижению политического идеала — социальной гармонии в стране.

Крил очень высоко оценивает просветительскую деятельность Конфуция: «Многие миллионы были учителями. Но число тех, кто изменил ход человеческой истории, очень незначительно»¹¹. Действительно, Конфуций был, в сущности, создателем первой частной школы в Китае. До него система образования была скорее системой обучения ряду практических навыков, необходимых чиновнику для выполнения своих функций по установленному образцу. Молодые люди имели наставниками чиновников выше их по рангу. Подобное образование было монополией аристократов, Конфуций же принимал в ученики всех, кто приносил ему хотя бы связку сушеного мяса¹². В ученике мыслителю была важна не знатность происхождения, а жажда знаний, способности, стремление к самосовершенствованию. Именно такие люди нужны были Конфуцию, чтобы превратить их в истинных «цзюнь-цзы».

С точки зрения Крила, термин «цзюнь-цзы» равнозначен английскому «джентль-

⁸ Там же, с. 156.

⁹ H. G. Creel. Op. cit., p. 14.

¹⁰ In: H. G. Creel. Op. cit., p. 18—19.

¹¹ H. G. Creel. Op. cit., p. 85, 84.

¹² См.: Древнекитайская философия, т. 1, с. 154.

мен»: и то, и другое слово, по мнению Крила, первоначально употреблялось для обозначения человека благородного происхождения, аристократа. Постепенно же этими словами стали называть людей, обладающих «правильными манерами и [соответствующим] воспитанием безотносительно к происхождению»¹³. Слово «цзюнь-цзы», согласно американскому синологу, приобретает новое значение в учении Конфуция, у которого «цзюнь-цзы» — благородный муж прежде всего в смысле благородности поведения и манер, а не знатности происхождения; «цзюнь-цзы» обладает подлинной нравственностью, он истинно добродетелен, он — идеал, которому следует подражать. Противостоит же ему «низкий человек» («сяо жэнь»), который порочен и безнравственен, который не занимается самосовершенствованием, не знает велений Неба, не почитает государя. У Крила, таким образом, здесь налицо чисто этические различия «цзюнь-цзы» и «сяо жэнь». Но выражает ли этическое содержание весь многослойный смысл понятия «цзюнь-цзы» и «сяо жэнь»? На наш взгляд, американский автор игнорирует те самые реальные условия китайской действительности, о которых он говорил в начале книги, и тем самым сузил, объединил различия двух типов людей в представлении Конфуция. Конфуций — сын своей эпохи, и его взгляды не могут не быть социально обусловленными. С точки зрения Крила, «благородным мужем» Конфуция может стать аристократ и земледелец, сын сановника и сын пастуха — ведь древнекитайский мыслитель не принимал во внимание происхождение своих учеников. Тех же, кто стремился лишь к блистательной политической карьере и ради личного блага забывал наставления учителя и подлинную добродетель, мыслитель осуждал и не признавал своими учениками. Однако подобные аргументы Крила, на наш взгляд, неубедительны. Для крестьянина или ремесленника в Китае VI—V вв. до н. э. не было иного выбора, кроме тяжелого труда бедняка. Предлагает ли Конфуций путь для устранения социального неравенства между рядовыми общинниками и наследственной аристократией? Наоборот, все его рассуждения подчеркивают, что разница между «благородным мужем» и «низким маленьким человеком» непреодолима. Стоит лишь внимательно прочитать «Лунь юй», чтобы убедиться, что мыслитель вряд ли считал возможным, чтобы «низкий человек» стал «цзюнь-цзы»: «Есть благородные мужи, которые не обладают человеколюбием, но нет низких людей, которые бы обладали человеколюбием», более того, «добродетельный человек из деревни наносит ущерб морали». «Сяо жэнь» не способен даже постичь мораль и человеколюбие, так как согласно конфуцианской классификации познавательных способностей, он, вероятнее всего, относится к 4-й категории, а именно к людям, которые, «встретившись с трудностями, не учатся...»¹⁴, а «цзюнь-цзы» либо начинают учиться, столкнувшись с трудностями, либо, взирая на образцы древних совершенномудрых правителей, приобретают знания. Таким образом, «низкий человек» не способен осуществить подлинного человеколюбия (что является неотъемлемой чертой «благородного мужа»), так как не способен понять его сущности, внешне же следование конфуцианским нормам наносит ущерб подлинному человеколюбию. Зачем «цзюнь-цзы» должен обладать знаниями и человеколюбием? Чтобы управлять Поднебесной и осуществлять в ней «дао», ведь «мораль благородного мужа [подобна] ветру; мораль низкого человека [подобна] траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер». «Если личное поведение тех [кто стоит наверху] правильно, дела идут, хотя и не отдают приказов. Если же личное поведение тех, кто [стоит наверху], неправильно, то, хотя приказывают, [народ] не повинуется». «Низкий человек» не может постигнуть сущности «дао», ему неизвестны веления Неба, он не страшится судьбы. Поэтому «народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать — почему»¹⁵. Социальный смысл последнего высказывания Конфуция подтверждает, на наш взгляд, следующее примечание П. С. Попова к его переводу «Лунь юй»: «Этим конфуцианцы хотя и сказать, что народ, по своему невежеству, не в состоянии понять отвлеченных рассуждений о побуждениях в области нравственной деятельности, а ему нужен живой пример исполнения нравственных принципов их руководителями и правителями»¹⁶. Таким образом, «цзюнь-цзы» руководит (и в морали, и в политике), «сяо жэнь» подчиняется и пытается следовать данному образцу.

Согласно Конфуцию, «благородный муж не подобен вещи»¹⁷, то есть он «не есть сродие, годное только для одного какого-либо употребления». Поэтому ему нет никакой необходимости изучать ремесло или земледелие. Цзы-ся, ученик Конфуция, сказал: «Всякое малое знание (имеется в виду земледелие, огородничество, врачевание. — Прим. П. С. Попова), конечно, заключает в себе что-нибудь заслуживающее внимания; но едва ли оно будет пригодно для отдаленных (государственных. — Прим. П. С. Попова) целей. Поэтому благородный муж и не занимается ими»¹⁸. Вспомним также разговор между Конфуцием и его учеником Фань Чи. Тот просил

¹³ H. G. Creel. Op. cit., p. 87.

¹⁴ Древнекитайская философия, т. 1, с. 158, 164, 170, 172.

¹⁵ Там же, с. 145, 155, 161, 162.

¹⁶ П. С. Попов. Указ. соч., с. 45.

¹⁷ Древнекитайская философия, т. 1, с. 144.

¹⁸ П. С. Попов. Указ. соч., с. 10, 118.

учителя научить его земледелию и огородничеству. Конфуций ответил, что в этом он уступает земледельцу и огороднику. Когда Фань Чи ушел, учитель сказал: «Фань Сюй воистину низкий человек. Если в верхах любят ритуал, то в народе нет таких, кто бы осмеливался не проявлять почтительности. Если в верхах любят долг, то в народе нет таких, кто бы осмеливался не подчиняться... Если [наверху] будут поступать так, то со всех четырех сторон к ним будут идти люди с детьми за спиной и тогда к чему будет нужно самим заниматься земледелием?»¹⁹

Из приведенных цитат, на наш взгляд, становится ясным, что «цзюнь-цзы» нет необходимости заниматься трудом земледельца или ремесленника. Его задача — использовать нравственные совершенства для установления в Поднебесной «дао». Для «низкого человека» изучение «дао» означает такое положение, при котором им легко будет управлять, личный же пример сановников и правителей поможет ему осуществить предписанный Небом путь.

Итак, различие «цзюнь-цзы» и «сяо жэнь» у Конфуция не ограничивается противопоставлением нравственных добродетелей и пороков, а носит и четко выраженный разграничительный социальный характер. «Цзюнь-цзы», постигнув веление Неба, осуществляет в Поднебесной «дао», «сяо жэнь» занимается земледелием и ремеслом и стремится походить на «цзюнь-цзы» в его добродетелях. В результате в Поднебесной устанавливается социальная гармония «верхов» и «низов». Стремление же Х. Г. Крила ограничить различия между «благородным мужем» и «низким человеком» степенью их нравственного совершенства безотносительно к различию их социальных ролей есть проявление основной тенденции его работы, о которой шла речь выше: представить Конфуция надклассовым гуманистом-альтруистом, пекущимся о благе человека вообще. Нам представляется в этой связи убедительной та характеристика «цзюнь-цзы» и «сяо жэнь» (особенно последнего), которая дана в недавно вышедшей фундаментальной работе Л. С. Переломова²⁰.

Вернемся к характеристике «благородного мужа» как этического идеала Конфуция. Чему же учились у Конфуция, чтобы стать «цзюнь-цзы»? Отвечая на этот вопрос, американский синолог на первый план выдвигает понятие «ли» (ритуал, правила, этикет). Крил прослеживает этимологию слова «ли». Первоначально «ли» понимается как «жертва», и это значение вошло в позднейший, расширенный смысл слова. Автор отмечает, что понятия религиозного и секулярного не были абсолютно разграничены в Китае, церемониал жертвоприношения духам умерших государей и чествование живых часто были идентичны. Поэтому термин «ли», по Крилу, в равной степени включает в себя и ритуал как отправление религиозного культа, и этикет как придворный церемониал. Интересно замечание Крила о том, что в период упадка нравов, крушения всех моральных норм и правил лишь отправление религиозного культа было «тем типом поведения, который еще регулировался общепринятыми нормами, так что акции индивида ориентировались на общепринятый образец, а не были вызваны страстью минуты». Конфуций же, с точки зрения Крила, решил сделать этот образец универсальным, и таким образом исправить нравы современников.

Каково же содержание «ли» как элемента конфуцианской добродетели, по мнению Крила? Прежде всего, человек, который не обладает подлинной добродетелью, не имеет ничего общего с осуществлением «ли». Подлинное соблюдение «ли» несовместимо с вульгарным поведением. «Ли» — это прежде всего наличие «хорошего вкуса» (это замечание автора, на наш взгляд, очень удачно, так же как и разъяснение того, что такое «хороший вкус», согласно Конфуцию: «Хороший вкус состоит в том, чтобы в каждой ситуации сделать то, что уместно»). Не бездумная приверженность правилам, но искренняя убежденность в их необходимости — вот что составляет сущность «ли». С другой стороны, одной искренности недостаточно: с помощью «ли» можно и нужно регулировать проявление эмоций, выражая их должным образом. «Ли» — это нечто вроде среднего пути, ведущего к общественно необходимому правильному поведению»²¹. Ни одна из добродетелей, будь то мужество, осторожность, откровенность, не станет подлинной добродетелью, если способ ее выражения не соответствует «ли». В человеке естественность и воспитанность должны сочетаться, только тогда он — истинный «цзюнь-цзы».

Помимо «ли», с точки зрения Крила, одним из важнейших качеств «благородного мужа» Конфуций считал искренность. Совершив ошибку, «цзюнь-цзы» не должен бояться признать ее и исправить. Он должен быть способным пожертвовать жизнью ради соблюдения своих принципов. Одной из важнейших черт «благородного мужа», по Крилу, является постоянное самосовершенствование; он стремится укрепиться в морали и беспокоится не о том, что останется в безвестности, но о своей репутации. «Цзюнь-цзы» стремится «воспитать свой характер и научиться относиться как общественный индивид к своим родственникам и согражданам»²².

¹⁹ Древнекитайская философия, т. 1, с. 162.

²⁰ См.: Л. С. Переломов, Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, М., 1981, с. 76—82.

²¹ H. G. Creel. Op. cit., p. 93—95.

²² Ibid., p. 105.

В связи с оценкой Крилом конфуцианского этического идеала и его субъекта следует отметить, что вопрос о месте «цзюнь-цзы» в этическом учении Конфуция неоднозначно решается и китайскими учеными. В ряде работ, например в книгах Го Можо и Ян Юнго²³, «благородному мужу» Конфуция отводится далеко не главенствующее место, на первый план выступает та или иная конфуцианская добродетель или их совокупность. В таком случае этика Конфуция принимает абстрактный характер, лишаясь своего целостного выразителя. Ведь мыслитель пытался с помощью этических принципов воспитать идеального человека, способного воплотить в жизнь политический идеал Конфуция. На наш взгляд, совершенно необходимо рассматривать учение Конфуция о человеке только в комплексе всех тех черт, которые дают понятие «цзюнь-цзы» и позволяют раскрыть сущность конфуцианских моральных принципов. Подобного подхода придерживается и Крил, что нужно отнести к положительным моментам его книги, конечно, с учетом тех замечаний, которые были сделаны по поводу социальной стороны его анализа «цзюнь-цзы».

При рассмотрении фундаментальных принципов этической философии Конфуция из поля зрения Х. Г. Крила, как это ни парадоксально, выпадает главнейший из них, составляющий сердцевину конфуцианского учения — принцип «жэнь», так как лишь он абсолютно беспристрастен и бескорыстен. Иногда встречается мнение, что Конфуций не раскрывал сущности принципа «жэнь» и говорил лишь о способах его осуществления²⁴. Вряд ли это верно. Дело в том, что сущность «жэнь» выражается во всей совокупности этических принципов Конфуция. В этом (и только в этом) смысле можно считать правомерным перевод Крилом понятия «жэнь» как «добродетели». «Жэнь» включает в себя и «ли» — способ его высшего выражения (причем, как верно отмечает американский автор, без «добродетели» нет подлинного «ли»), и «чжи» (знание) — постижение сущности «жэнь», так как без знания нет подлинного человеколюбия²⁵, а кроме того, «если, достигнув знания... мы не в состоянии будем хранить его при помощи гуманности, то, по приобретении, непременно потеряем его». Без «жэнь» нет и искренности, так как лицемерный человек не способен любить людей. «Жэнь» включает в себя и «сяо» (сыновнюю почтительность), и «и» (долг) — внутреннюю убежденность в необходимости человеколюбивого (в данном случае — справедливого) поведения. Приведем здесь одно из примечаний П. С. Попова, которое, на наш взгляд, достаточно точно выражает сущность принципа «жэнь»: «Гуманизм или человеколюбие представляют собой всю совокупность совершенств, дарованных Небом человеку — это то целостное, что делает человека человеком...»²⁶. Здесь можно привести и еще одно, чрезвычайно глубокое определение «жэнь», данное в свое время академиком Н. И. Конрадом: «...Первоосновой человеческой природы он (Конфуций. — В. Ф.) считал жэнь — действующее в ней именно человеческое начало, в общественном плане раскрывавшееся как любовь к людям»²⁷.

Таким образом, с нашей точки зрения, ограничить принцип «жэнь» общим понятием добродетели, как это делает Х. Г. Крил, не пытаясь при этом раскрыть его содержание, неправомечно. Вслед за отсутствием социальной подоплеки учения о «цзюнь-цзы» и «сяо жэнь» это является одним из недостатков работы Х. Г. Крила.

Теперь коротко остановимся на анализе Крилом собственно философских, с его точки зрения, воззрений Конфуция — речь идет о конфуцианской концепции «дао» и Неба. Предварительно заметим, что неправомечно выделять эти взгляды Конфуция как собственно философские в отличие от его этических воззрений, взгляды Конфуция в целом следует охарактеризовать как этико-политические, но не философские, так как ни вопросов онтологии, ни вопросов гносеологии Конфуций, как известно, не касался. Его «гносеологические» замечания носят скорее дидактический, чем научный, характер²⁸, трактовка «дао», как мы увидим в дальнейшем, проводится в этическом, но не в онтологическом плане.

Обращаясь к взглядам Конфуция на религию, американский синолог, с нашей точки зрения, верно отмечает трудность однозначной оценки религиозных воззрений мыслителя. Высказывания Конфуция по этому вопросу, так же как и замечания его учеников, весьма противоречивы. С одной стороны, известно, что «учитель не говорил о чудесах, силе, беспорядках и духах», что «его высказывания... о пути Неба услышать невозможно»²⁹. С другой стороны, в «Лунь юй» часто встречаются ссылки на волю Неба и призывы строго соблюдать религиозный ритуал. Анализируя эти высказывания, Крил приходит к выводу, что в целом Конфуций «воздерживается от рассмотрения фундаментальных религиозных проблем». Его задачей, как правильно считает

²³ См.: Го Можо. Философы древнего Китая. М., 1961, с. 116—146; Ян Юнго. История древнекитайской идеологии. М., 1957, с. 108—173.

²⁴ См.: Ф. С. Бывков. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966, с. 100.

²⁵ См.: Древнекитайская философия, т. 1, с. 171.

²⁶ П. С. Попов. Указ. соч., с. 98, 81.

²⁷ Н. И. Конрад. Избранные труды. Синология. М., 1977, с. 418.

²⁸ См.: Древнекитайская философия, т. 1, с. 155—156.

²⁹ Там же, с. 150.

автор, являлось проведение существенных реформ политического и социального характера, вопросами же «метафизики» он не занимался. Что касается религиозного ритуала, то Конфуций видел в нем одну из форм осуществления «ли», поэтому и призывал к строгому порядку в отправлении культового ритуала. Собственно религиозный момент «ли» интересовал его в меньшей степени. Если учесть при этом отмеченный Крилом факт растущего в народе скепсиса по отношению к почитанию духов, к религии, то равнодушие Конфуция к религиозной стороне «ли» будет более понятным.

Много внимания уделяет американский синолог трактовке Конфуцием Небесной воли. Подробно рассматривая зарождение в Китае культа Неба, Х. Г. Крил справедливо отмечает, что во времена Конфуция «Тянь» («Небо») уже утрачивает непосредственно личностные качества, перестает осуществлять совокупную волю умерших предков, и для Конфуция Небо выступает как «безличная этическая сила, космический двойник нравственного чувства в человеке, как гарантия того, что в определенном смысле в сущности самой природы есть известная «симпатия» к нравственному чувству человека». Предложенная Крилом трактовка культа Неба представляется весьма удачной, охватывающей самую сущность конфуцианской концепции Неба как высшего морального регулятора Поднебесной, требующего личного поклонения, но уже деперсонифицированного и потому не равноценного традиционному пониманию божества.

Рассматривая вопрос о вере древнекитайского мыслителя в Небесную волю (судьбу), Х. Г. Крил приходит к выводу, что фатализм как таковой не был присущ учению Конфуция: хотя воля Неба и распространяется на жизнь и смерть человека, тем не менее судьба человека в значительной степени зависит от его собственной активности и стремления укрепиться в добродетели. Американский синолог считает, что если бы воля Неба распространялась абсолютно на все сферы человеческой жизни, то нечего было бы говорить о тех, «кто при виде опасности готов скорее отдать свою жизнь, чем пожертвовать принципами». С этим утверждением Крила можно было бы согласиться, если бы в сферу влияния воли Неба на индивидуальную судьбу автор включил и положение человека на социальной лестнице Поднебесной. Ведь, согласно Конфуцию, не только жизнь и смерть, но и знатность и богатство зависят от воли Неба, так что разделение на «верхи» и «низы», «цзюнь-цзы» и «сяо-жэнь» санкционировано волей Неба³⁰. Кроме того, предпосылки нравственного совершенства, необходимые для того, чтобы стать «благородным мужем», также связывались Конфуцием с познанием воли Неба: «Не зная воли [Неба], нельзя стать „благородным мужем“»³¹.

Таким образом, можно заключить, что Небо в учении Конфуция является не только этическим, но и социальным регулятором, санкционирующим и закрепляющим социальную градацию в обществе. Эта важная сторона учения древнекитайского мыслителя о судьбе (и воле Неба) не нашла должного освещения в работе Х. Г. Крила, однако с общим выводом американского сиолога по вопросу о религиозных взглядах Конфуция, согласно которому «интерес Конфуция лежал в области превращения беспорядочного общества в совершенное, поэтому он мало интересовался потусторонними силами», нельзя не согласиться.

Обратимся теперь к трактовке Крилом одного из важнейших понятий в учении Конфуция — понятия «дао». Американский синолог верно характеризует «дао» как гот путь, которому должен следовать человек в своем поведении, а также как истинный способ управления Поднебесной. Если в Поднебесной следуют «дао», то в государстве господствуют моральные принципы, и индивид ведет себя так, как подобает высоконравственному человеку. «Дао» — это то, что Конфуций считал идеальным образом жизни и для отдельного человека, и для государства. Это такой образ жизни, который включает в себя все добродетели, искренность, уважительность, справедливость, доброту и т. д. Он вбирает в себя и соблюдение «ли», и «музыку». Крил отмечает, что в современную Конфуцию эпоху, когда жители Поднебесной не ощущали на себе единой централизованной власти, сила объединяющего общества «дао» приобретает особенно важное значение и как раз выступает этим общим связующим звеном и указывает людям истинный путь, продиктованный волей Неба. Таким образом, «дао» — идеальный способ сосуществования людей в государстве, путь, ведущий к «единому согласному миру». И хотя в целом содержание понятия «дао» как некоего идеального пути, продиктованного волей Неба и обязательного для каждого жителя Поднебесной и для всего государства в целом, раскрыто Крилом достаточно полно, тем не менее его вывод о том, что концепция «дао» «является центральной концепцией философии Конфуция, из которой логически может быть дедуцировано все его учение», представляется нам спорным. Понятие «дао» в учении Конфуция следует рассматривать в органической связи с принципом «жэнь», который представляет собой способ существования «дао», и с понятием «цзюнь-цзы» («благородного мужа»), который призван быть субъектом осуществления «жэнь» и приведения государства в соответствие с велением Неба. Именно совокупность этих понятий и

³⁰ 1 п: Н. Г. Сгел. Op. cit., p. 124, 126, 131.

³¹ Древнекитайская философия, т. 1, с. 174.

выражает, с нашей точки зрения, сущность этико-политического учения Конфуция. Общественно-политический идеал древнекитайского мыслителя характеризуется Х. Г. Крилом с помощью упомянутого выше понятия «единого, согласного мира». Пробразом этого мира является, по Конфуцию, традиционная китайская семья, где культивировались строгая субординация, уважение к старшим и сыновняя почтительность, где каждый знал свое место и обязанности, а потому семейная община, родовой клан были оплотом подлинной морали и высокой нравственности. «Конфуций интерпретирует сыновнюю почтительность как социальный долг и всячески подчеркивает ее значение», — отмечает Крил³².

С этим нельзя не согласиться. Действительно, призывая к гармонии в Поднебесной, Конфуций проводил известную аналогию между семейной, патронимической общиной и государством, полагая, что «мало людей, которые, будучи почтительными к родителям и уважительными к старшим братьям, любят выступать против вышестоящих». Иными словами, семья с ее крепкими связями и высокими моральными устоями воспитывает, по мысли Конфуция, подлинного гражданина Поднебесной, который почитает государя, как отца, и знает свое место в обществе и свой социальный долг, благодаря этому в Поднебесной устанавливается гармония, или, по удачному выражению Крила, «единый, согласный мир».

При всей емкости понятия Крила «единый, согласный мир», оно не включает социальный аспект общественно-политического идеала древнекитайского мыслителя. Но через призму этого аспекта только и возможна исторически верная оценка собственно конфуцианского учения.

Действительно, Конфуций призывал к всеобщему единению людей в Поднебесной. Мы не раз найдем в «Лунь юй» фразы о том, что, «управляя царством... следует... опираться на доверие... и заботиться о людях...»³³, что управление государством состоит в том, чтобы «предупреждать народ своим примером и трудиться для него»³⁴, что цель государства — благоденствие Поднебесной. Но можно ли безоговорочно принимать подобные высказывания Конфуция и на их основе объявлять его рателем интересов народа и великим гуманистом, как это делает Х. Г. Крил, полагая, что «Конфуций, очевидно, был на стороне народа», что он «постоянно вставал на защиту простолюдинов и клеймил наследственную аристократию как их эксплуататора»³⁵. Вот что писал по этому поводу В. М. Штейн: «В древнекитайской литературе стало даже общим правилом гневно обличать «чрезмерную» эксплуатацию народа. Так, сурово порицал княжеское и чиновничье стяжание и гибельную для народа тяжесть налогов даже такой защитник интересов аристократии, как Мэн-цзы. Но у него — лишь классовая маскировка, вызванная господствующим убеждением в безнравственности чрезмерного угнетения и разорения народа...»³⁶. Сказанное, на наш взгляд, относится и к Конфуцию, который первым высказал мысль о необходимости разумной эксплуатации рядовых общинников. Государь должен «приносить народу пользу, исходя из того, что полезно для народа». «Кто в народе будет гневаться, если труд будет посильным?» В этом стремлении «защитить» народ от налогов и чрезмерной эксплуатации содержится явный классовый интерес, интерес защитника наследственной аристократии, который стремится к установлению такой гармонии в Поднебесной, чтобы подданные почитали государя и тех, кто «наверху», трудились для их блага и находили в этом единственно мыслимый способ существования, поскольку это соответствует «дао». Правитель же и сановники должны «гуманно» управлять народом, то есть так, чтобы, вдохновленный примером их высоконравственного поведения, он не шел к ним «с детьми за спиной» и не устраивал смут. «...Когда царит мир [в отношениях между верхами и низами], не будет опасности свержения [правителя]»³⁷. Конфуций понимал социальную гармонию как отсутствие чрезмерной эксплуатации народа, но не ради интересов народа, как полагает Крил, а ради интересов правящей элиты. Резкая критика Конфуцием современных ему общественных порядков выражала интересы старой наследственной аристократии и служила основанием для показа «несправедливости» существующих порядков.

Анализируя общественный идеал Конфуция, Х. Г. Крил пытается определить критерии, которыми пользовался древнекитайский мыслитель для выявления степени соответствия общественного устройства в Поднебесной идеальному состоянию, а также для выяснения реального образца идеального общества. По мнению американского сиолога, у Конфуция нет такого критерия и образца, а наличие подобного критерия привело бы к догматизму, так как в «едином, согласном мире» Конфуция, по мысли Крила, необходимо свободное действие каждого. В государстве же, где установлен критерий гармонии, истины и добродетели и учрежден определенный авторитет, роль индивида сводится к функциям машины. «Наука, как и учение Конфу-

³² Н. Г. Сгел. *Op. cit.*, p. 132, 134, 135, 136.

³³ Древнекитайская философия, т. 1, с. 140, 141.

³⁴ П. С. Попов. *Указ. соч.*, с. 73.

³⁵ Н. Г. Сгел. *Op. cit.*, p. 165, 161.

³⁶ В. М. Штейн. «Гуаньцзы». М., 1959, с. 38.

³⁷ Древнекитайская философия, т. 1, с. 169.

ция, не имеет неизменного критерия истины, она ищет истину, а не выводит ее из заранее заготовленных формул. Но нельзя сказать, что она абсолютно не помогает в поисках истины. Она не говорит нам, что такое истина, но дает совет, как найти ее. Таково и учение Конфуция», — считает американский синолог³⁸.

Это утверждение Крила весьма спорно. В науке есть критерий истины — общественно-историческая практика людей. Есть такой критерий и в учении Конфуция. Крил не согласен с мнением, что древность, век «Яо и Шуня», возводились Конфуцием в канон, идеал, хотя достаточно веских аргументов американский автор не приводит. Следует сказать, что Крил верно подметил «творческий характер» подхода Конфуция к древности, его некоторую избирательность в оценке характеристик «золотого века» прошлого и при перенесении их в современные мыслителю условия. Конфуций утверждал: «Тот, кто, повторяя старое, узнает новое, может быть наставником [людей]»³⁹. Как удачно разъясняет П. С. Попов, «постоянное упражнение в старом не заключается только в простом повторении старого, потому что это было бы мертвое знание, а в развитии начал, заключающихся в нем, и в расширении прежде приобретенного, то есть старого, путем аналогии. Другими словами, старые знания служат канвою, основанием для новых, дальнейших»⁴⁰.

Однако в целом «золотой век» Яо и Шуня, — когда приказы исходили от Чжоуского Сына Неба, а не от владетельных князей «чжухоу», когда «отец был отцом, сын — сыном, государь — государем», — вот идеал, который Конфуций хотел бы возродить. Для подтверждения этой мысли стоит обратиться к тексту «Лунь юй». Как известно, Конфуций говорил о себе: «Я передаю, но не создаю, я верю в древность и люблю ее», «я не родился со знаниями, я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учебе»⁴¹. С точки зрения мыслителя, «хотя прежние люди в церемониях и музыке были дикарями, а последующие — людьми образованными, но если бы дело коснулось употребления их, то я последовал бы за первыми», потому что, как комментирует П. С. Попов, у них «искусственность, или внешний лоск, и природа находились в полном соответствии, а у последующих поколений искусственность получила перевес над природой». Иными словами, Конфуций полагал, что правители и подданные, обычаи и нравы древности были выше и лучше, чем в современном ему Китае. «Цзы-чжан спросил о характеристике доброго человека. Конфуций ответил: «Он не идет по стопам [древних мудрецов] и потому не войдет в храмину [мудрости]»⁴².

Итак, с нашей точки зрения, у Конфуция был критерий-образец нравственных устоев и политических норм Поднебесной — «золотой век» Западного Чжоу, когда Сын Неба был почитаем, власть находилась в руках наследственной аристократии, поэтому в Поднебесной не было смут и войн и царило полное согласие между верхами и низами.

Резюмируя сказанное Х. Г. Крилом по поводу общественно-политического идеала Конфуция, нужно отметить, что выводы автора еще раз подтверждают основную тенденцию его книги — стремление представить Конфуция как великого радателя человеческого счастья, как яркую, незаурядную личность, стоящую вне классовых интересов, выражающую чаяния всех жителей Поднебесной. Его ученики, став «цзюнь-цзы», осуществляют в Поднебесной «дао», и настанет гармония верхов и низов, «единый, согласный мир», в котором подданные будут любить и уважать государя, как отца, государь же будет заботиться о своих подданных, как о детях.

Действительные социально-классовые интересы Конфуция как защитника старой, наследственной аристократии — оплота «золотого века» Западного Чжоу остались вне поля зрения американского сиолога. У Конфуция мир и «дао» в Поднебесной имеют целью прежде всего благо конфуциански образованных «цзюнь-цзы» и сановников — потомков наследственной аристократии. Однако чисто политические соображения и социально-классовые интересы выражены в учении Конфуция в завуалированном виде — в форме рассуждений об абстрактных нравственных нормах и добродетелях. Так, например, Конфуций учил, что авторитет «благородных мужей» должен быть основан не на богатстве, но прежде всего на их нравственном превосходстве. Однако оценивая это несомненно прогрессивное для VI—V вв. до н. э. утверждение древнекитайского мыслителя, следует иметь в виду, что в то время многие отпрыски знатных аристократических родов, за интересы которых ратовал Конфуций, уже не имели ни собственности, ни богатства, переходя в служилое сословие «ши», что, вероятно, и вызвало к жизни стремление обосновать идею возвышения их статуса до уровня элиты, мечту о возврате «былого величия». Нельзя не отметить, что в «Лунь юй» встречаются и другие высказывания, звучавшие для Китая эпохи Чуньчюу весьма прогрессивно: «В [деле] воспитания нельзя делать различий между людьми», «по

³⁸ Н. Г. Сгел. *Op. cit.*, p. 145.

³⁹ Древнекитайская философия, т. 1, с. 144.

⁴⁰ П. С. Попов. *Указ. соч.*, с. 9.

⁴¹ Древнекитайская философия, т. 1, с. 153—154.

⁴² П. С. Попов. *Указ. соч.*, с. 59, 60, 63.

своей природе [люди] близки друг другу; по своим привычкам [люди] далеки друг от друга»⁴³, — учил Конфуций.

Отмечая прогрессивный характер приведенных высказываний Конфуция, тем не менее вряд ли можно согласиться с выводом Х. Г. Крила о чуть ли не революционном характере общественно-политического идеала древнекитайского мыслителя. С точки зрения Крила, Конфуций — «великий реформатор», который полагал, что «место деспотического правления наследственной аристократии должны занять люди, наиболее добродетельные и способные управлять в интересах всего народа», так как «высшим политическим благом он считал счастье народа»⁴⁴. Мы уже показали, какие классовые интересы скрывались за абстрактными рассуждениями о «разумной» эксплуатации общинников, встречающимися в «Лунь юй».

Каковы же, с точки зрения американского синоведа, причины неудач, постигших Конфуция в деле осуществления его идеала? Основную причину Крил видит в особой радикальности, «революционности» политической доктрины Конфуция, которая оказалась слишком смелой для своего времени. С нашей точки зрения, дело обстояло как раз наоборот; причина неудач древнекитайского мыслителя заключалась не в «революционности» его идеологической деятельности, а в ее утопичности, поскольку образец общественно-политического устройства Поднебесной был взят Конфуцием из идеализированной им самим эпохи Западного Чжоу. Являясь, таким образом, утопией, политическое учение Конфуция тем не менее объективно несло в себе и прогрессивные элементы: призывая к возрождению «золотого века», Конфуций впервые попытался создать и привить идеал общественного устройства, что само по себе уже означало осмысленно-критическое отношение к реальности, призывало к изменению действительности. Он также ратовал за восстановление централизованной власти в стране, а объединение Китая под эгидой одного из царств было во времена Конфуция одним из насущных вопросов эпохи.

Таким образом, краткий и далеко не полный анализ работы Крила показывает, насколько сложной является проблема научной оценки идеологии раннего конфуцианства, многие аспекты которой еще ждут своего решения.

⁴³ Древнекитайская философия, т. 1, с. 168.

⁴⁴ H. G. Creel. Op. cit., p. 168, 165.

Роль Коминтерна в разработке политики КПК в рабочем движении

*Т. Н. Акатова,
доктор исторических наук*

VI съезд КПК (июнь — июль 1928 г.), созванный по инициативе и при непосредственной помощи Коминтерна, имел огромное значение в истории китайской революции, рабочего и коммунистического движения в Китае¹. Перед съездом стоял сложный комплекс проблем китайской революции, всей жизни страны, всей деятельности КПК в условиях гоминьдановского господства. Его задачей было пресечение пагубных для дела революции и для связей КПК с массами левацких заблуждений, возобладавших в партии после разрыва в 1927 г. единого антиимпериалистического фронта, в обстановке тяжелейшего поражения демократических сил. Левацкие, авантюристические попытки немедленной организации вооруженного восстания рабоче-крестьянских масс против гоминьдана проистекали из ошибочной характеристики ситуации как революционной, из неправомерной ориентации на перерастание революции в социалистическую. Недооценка сил контрреволюции, объективных трудностей, вставших перед КПК после захвата власти гоминьданом, сочеталась у руководства партии с преувеличенными оценками классово-политической сознательности масс и их готовности взять власть в свои руки. В. И. Ленин характеризовал подобные проявления авантюризма и нетерпения как результат неумения на крупных поворотах истории объективно оценить соотношение сил и, изменив формы борьбы, с наименьшими потерями организовать отступление революционных сил².

По сути дела, завышенные оценки классово-политической зрелости рабочего класса основывались на самом факте его героической борьбы во время революции 1925—1927 гг. Не учитывалось, что в те годы рабочие боролись против ненавистного врага всего народа Китая — иностранного империализма. Борьба же против китайской буржуазии не только не носила политического характера, но находилась на самой первоначальной стадии защиты рабочими элементарных экономических требований. Совершенно необоснованны были расчеты на то, что рабочие с таким же рвением и энтузиазмом, как в борьбе против империализма, выступят теперь против национальной буржуазии — своего недавнего союзника, против гоминьдана, долгие годы возглавлявшего освободительную борьбу и так или иначе продолжавшего провозглашать антиимпериалистические лозунги. Недооценка глубины поражения революционных сил во многом проистекала из преувеличенных представ-

¹ События, связанные с созывом и проведением VI съезда КПК, помощь, оказанная КПК Коминтерном, освещены советскими историками (см.: А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2). В данной статье внимание акцентируется на значении разработки съездом проблем рабочего движения, а также на содействии Коминтерна в осуществлении решений съезда об укреплении связей КПК с рабочими массами.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 10.

лений о прочности руководящих позиций КПК в рабочем движении, из убеждения, что гоминьдану не удастся подчинить рабочие массы своему влиянию. Однако реакции удалось нанести партийным кадрам в городах и связанному с КПК активу рабочего класса громадный урон. Кровавый террор гоминьдана после разрыва единого фронта действительно черная страница в истории китайского народа. Принадлежность к КПК или руководству революционных профсоюзов считалась достаточным основанием для смертной казни. Китайская пресса была полна сообщений об истреблении коммунистов в городах Китая. По свидетельству Цюй Цюбо, к середине 1928 г. не менее 80 % революционных профсоюзных активистов промышленных центров страны были убиты, арестованы, уволены³. Деятельность многих партийных организаций была парализована. В таких неизмеримо трудных условиях компартия продолжала искать пути возрождения революции, не учитывая, однако, реальную расстановку сил. Августовское, затем ноябрьское совещания ЦК КПК в 1927 г. вместо маневренного отступления и укрытия революционных сил взяли курс на вооруженное восстание пролетариата и крестьянства с целью социалистического переворота.

Надежды руководства КПК на пролетарское восстание против гоминьдана были нереальными в тех условиях не только из-за абсолютного превосходства сил реакции, развязавших белый террор, но и в силу весьма серьезных специфических трудностей. Главными из них были послереволюционная депрессия в рабочем движении, особенно глубоко затронувшая промышленный пролетариат; слабость связей КПК с рабочими массами; гибкость и маневренность политики гоминьдана в отношении рабочего класса. В тяжелейших условиях подполья, депрессии в рабочем и общем национально-революционном движении после 1927 г. проявились все слабые стороны деятельности партии по организации пролетарских масс в предшествующие революционные годы. На VI съезде КПК представитель Коминтерна констатировал, что партии не удалось в годы революционного подъема добиться органической связи с рабочими массами, внедрить в их сознание убеждение в том, что она является их авангардом, защищает их кровные интересы⁴. Делегаты с мест отмечали, что рабочие в годы революции не получили четкого представления о различии между КПК и гоминьданом и потому не осознали сущности контрреволюционного переворота 1927 г.⁵

В ходе гоминьдановского террора в значительной степени была истреблена тонкая прослойка пролетарского актива, которая связывала КПК с рабочими массами. Из руководимых КПК профсоюзов лишь немногим удалось уцелеть, уйдя в глубокое подполье. Как уже отмечалось, характерной особенностью китайского профдвижения с самого начала его становления была неразрывная связь с антиимпериалистической борьбой. Теперь же руководство КПК рассматривало слабые и немногочисленные красные профсоюзы исключительно как инструмент классовой борьбы в ее высшей форме — пролетарском восстании. Характерным было в связи с этим пренебрежение руководства партии и красных профсоюзов к повседневной экономической борьбе за насущные, жизненные интересы, имевшей большое значение для рабочих масс в обстановке ухудшения их положения и массовых увольнений после революции.

Что касается гоминьдана, то он рассматривал мероприятия по «замирению» рабочего класса как существенную часть своей социальной политики. Успеху реформистской политики гоминьдана способствовала ее теснейшая связь с национализмом. Именно задачи национального ос-

³ См.: Страхов (Цюй Цюбо). Вопросы китайского профессионального движения. — «Проблемы Китая», 1930, № 2, с. 43.

⁴ См.: VI съезд КПК. Стенографический отчет, кн. 1, М., 1930, с. 46—47.

⁵ См. там же, кн. 2, с. 100—101, 106, 128—129; кн. 3, с. 9, 19, 62.

вобождения и возрождения могущества Китая, столь близкие и понятные политически незрелым массам, диктовали, по утверждению гоминьдана, необходимость достижения «классового мира», сотрудничества между трудом и капиталом, а также всепроникающего контроля гоминьдановского государства над всеми аспектами рабочего движения. В процессе разгрома «коммунистических» профсоюзов, истребления их руководства и чисток гоминьдан создавал новые, легальные профсоюзы, которые должны были обеспечивать сотрудничество труда и капитала, а также контроль властей над всеми проявлениями рабочей активности.

Уже с самого начала создания легальных профсоюзов проявились характерные черты рабочей политики гоминьдана: немедленное и жестокое подавление любого политического, антиправительственного выступления и в то же время стремление успокоить и привлечь рабочие массы ограниченным, но вполне реальным вниманием к их жизненным интересам. Гоминьдан, разумеется, защищал интересы предпринимателей, но достаточно гибко, сопровождая это заявлениями о надклассовости своего режима, который якобы заботится о благе всего народа, а также делая некоторые уступки рабочему классу. Обязательное посредничество гоминьдановских организаций в арбитражных разбирательствах трудовых конфликтов подчас действительно приводило к удовлетворению элементарных требований рабочих. Хотя это происходило лишь в критические моменты, чреватые вспышкой крайнего ожесточения рабочих, подобные случаи, широко освещавшиеся гоминьдановской пропагандой, в известной мере снижали активность борьбы рабочих. Характерно, что, призывая иногда предпринимателей уступить рабочим во имя «классового мира», власти обычно указывали на опасность активизации коммунистов, «разжигающих классовую борьбу». Мелкие уступки рабочим сопровождались шумихой о подготовке правительством рабочего законодательства, о мероприятиях по изучению условий труда и жизни трудящихся. Отличавшаяся маневренностью и прагматизмом, рабочая политика гоминьдана явилась в высшей степени неблагоприятным фактором для деятельности КПК среди рабочих масс.

Утверждение руководства КПК о том, что революция находится на подъеме, принятый им курс на вооруженное восстание возлагали непосильные задачи на поредевшие городские кадры КПК, действовавшие в тяжелых условиях подполья. Крайнее преувеличение субъективного фактора, всегда свойственное левацким заблуждениям, приводило к тому, что, пытаясь зажечь массы примером личной храбрости и презрения к врагу, коммунисты-подпольщики нарушали элементарную конспирацию. Силы партии в городах таяли с каждым днем.

Ухудшение условий труда и увольнения вызвали стихийную повседневную оборонительную борьбу рабочих, стремившихся лишь сохранить существующие условия. Все большую роль в этой борьбе играли легальные профсоюзы, становившиеся необходимым звеном в разрешении трудовых конфликтов. Рабочие массы не воспринимали политические лозунги КПК. Курс на вооруженное восстание не соответствовал уровню борьбы рабочих. Это усиливало в рядах партии атмосферу нетерпения, толкало коммунистов на неподготовленные выступления, в которых рабочие массы не принимали участия. КПК формально пыталась организовывать пролетарские восстания, рассчитывая на перерастание экономических выступлений во всеобщую политическую забастовку, которая непосредственно подведет рабочих к восстанию. Был выдвинут лозунг: «Каждую маленькую борьбу непременно превращать в большую!»⁶. В ходе повседневной экономической борьбы рабочих коммунисты без

⁶ Цюй Цзинбо (сост.). Сборник материалов по рабочему движению в Китае, 1927—1928. М., 1931, с. 41—42 (на кит. яз.).

надлежащей подготовки, даже без связи с рабочими и вопреки их настроениям пытались «назначать» сроки политических забастовок и вооруженных восстаний. Например, в Ухани была «назначена» так и не состоявшаяся политическая забастовка 2 августа, которая должна была, по замыслу, поддержать начавшееся 1 августа 1927 г. Наньчанское восстание. Уханьские коммунисты полагали, что достаточно лишь провозгласить антигоминьдановские лозунги, как рабочие сразу же поднимутся на борьбу⁷. Несмотря на неудачу, столь же авантюристически было «назначено» вооруженное восстание рабочих Ухани на 13 октября 1927 г., в момент войны между милитаристами за власть в Ухани. Ввиду полной неподготовленности восстание было «отменено», а взамен «назначена» на этот же день всеобщая забастовка, также совершенно нереальная и потому не состоявшаяся. На VI съезде действия уханьских коммунистов были приведены как пример путчизма и «игры с восстанием»⁸.

В Шанхае коммунисты тщетно пытались поднять всеобщее восстание на базе отраслевой экономической забастовки рабочих текстильных фабрик городского района Пудун. Поскольку в это время недалеко от Шанхая происходили крестьянские волнения, коммунисты рассчитывали, что по их призыву развернется рабоче-крестьянское восстание, которое охватит всю провинцию Цзянсу во главе с ее центром Шанхаем⁹. Забастовка в Пудуне окончилась поражением, крестьянские выступления — были сразу же подавлены. Массы не восприняли лозунги восстания. Они лишь встревожили власти, которые учинили облавы и погромы, нанешие большой урон силам КПК в Шанхае¹⁰.

Пытаясь организовать в Шанхае всеобщую забастовку рабочих английской трамвайной компании в декабре 1927 г., коммунисты даже угрожали не присоединившимся к забастовке рабочим расправой как со штейкбрехерами. Пикетами бастующих было убито и ранено несколько рабочих¹¹. Хотя этот случай был единичным и еще в ходе забастовки подпольный Генсовет шанхайских профсоюзов отдал приказ прекратить «красный террор» по отношению к несознательным, он дискредитировал политику КПК в глазах рабочих. Анализируя эти события, представитель Коминтерна на VI съезде КПК охарактеризовал их как опаснейшие, губительные для связей партии с массами попытки «делать революцию», вместо того чтобы завоевать доверие масс методом убеждения¹².

В конце 1927 г. КПК бросила свои силы на организацию вооруженного восстания в Кантоне. Коммунисты надеялись воссоздать здесь территориальную базу революции и превратить ее в очаг всеобщего вооруженного восстания в Китае. В Кантоне тех дней сложилась более благоприятная обстановка для деятельности КПК, чем в других городах Китая. Однако компоненты «революционной ситуации» и здесь были сильнейшим образом преувеличены в представлении руководства КПК. Ценой героических усилий КПК удалось поднять на восстание 20 тыс. членов подпольных красных профсоюзов, проявивших чудеса храбрости и самопожертвования. Но это была лишь небольшая часть рабочего класса Кантона, насчитывавшего не менее 300 тыс. человек.

Абсолютное преобладание сил гоминьдановской реакции решило судьбу Кантонской коммуны. Она была подавлена с невиданной жестокостью. Поражение Кантонской коммуны и последовавшее за ним еще

⁷ См.: VI съезд КПК..., кн. 5, с. 90.

⁸ Там же, кн. 2, с. 70—71; кн. 5, с. 41.

⁹ См.: «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 7, с. 178—187; Цюй Цзинбо (сост.). Указ. соч., с. 41—43.

¹⁰ См.: «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 10, с. 201.

¹¹ См.: «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 10, с. 286; Цюй Цзинбо (сост.). Указ. соч., с. 56—58.

¹² См.: VI съезд КПК..., кн. 1, с. 42.

большее ожесточение белого террора в городах поставили КПК в чрезвычайно трудные условия.

Кризис левачских установок КПК, слабость ее связей с рабочими массами с особой остротой обнаружилась в обстановке начавшегося весной 1928 г. подъема антияпонской борьбы рабочего класса. (Он был вызван новым актом японской агрессии — расстрелом японской военной миной мирных жителей города Цзинани 3 мая 1928 г.) Ослабленные жестоком террором подпольные организации КПК не смогли использовать этот подъем для укрепления связей с рабочими. Трагизм положения усугублялся тем, что легальные профсоюзы, третируемые коммунистами как верхушечные и предательские, развернули активную деятельность и возглавили антияпонское движение, а КПК, всегда стоявшая в авангарде антиимпериалистической борьбы, оказалась в изоляции¹³. Связи КПК с рабочими массами находились в катастрофическом состоянии. Летом 1928 г. в отчете VI съезду партии по оргработе Чжоу Эньлай, констатируя гибель почти всех партийных ячеек в главных промышленных центрах и в основных отраслях промышленности, заявил, что партия потеряла рабочих как свой базис, что сейчас вряд ли можно утверждать, что наши нелегальные профсоюзы действительно существуют¹⁴.

В этой обстановке чрезвычайно важной оказалась помощь, оказанная КПК Коминтерном. Настоятельная необходимость для КПК пересмотреть свои стратегические установки и практику революционной деятельности была со всей серьезностью подчеркнута на созванном в феврале 1928 г. IX пленуме Исполкома Коминтерна. Глубокая тревога за судьбы китайской революции и самой КПК пронизывает всю Резолюцию по китайскому вопросу, принятую на пленуме. Этот документ, сыгравший историческую роль, ярко свидетельствует о том, что Коминтерн тщательно проанализировал ситуацию в Китае, стремясь на основе опыта международной революционной борьбы помочь КПК найти выход из тяжелого состояния, в котором она оказалась после разрыва единого фронта и поражения арьергардных боев.

ИККИ решительно отверг представление о том, будто китайская революция находится на подъеме, констатировав характерную особенность общего «тягчайшего» поражения демократических сил: «...время как в ряде провинций *крестьянское* движение развертывается дальше, в ряде индустриальных центров обескровленное и зажатое в тиски неслыханного белого террора *рабочее* движение переживает стадию известной депрессии»¹⁵. ИККИ указывал, что в Китае пока продолжается еще не заверченный этап буржуазно-демократической национальной революции, что установки на социалистический переворот глубоко ошибочны и привели на практике к таким недопустимым явлениям, как принуждение рабочих к стачкам, путчизм, игра в восстание. В результате создалась реальная угроза отрыва КПК от масс¹⁶. ИККИ подчеркивал, что «центр тяжести всей партийной работы в данный момент лежит в завоевании миллионов масс рабочих и крестьян, их политическом просвещении, в их организации вокруг партии...»¹⁷. При этом задача КПК в области рабочего движения определялась как «отвоевание рабочих у классового врага»¹⁸. Эта формулировка обращала внимание на особые трудности, стоявшие перед подпольными партийными

¹³ На VI съезде КПК было отмечено, что все антияпонские рабочие организации оказались под руководством гоминьдановских профсоюзов. — См.: VI съезд КПК..., кн. 2, с. 122; кн. 3, с. 115; кн. 6, с. 11.

¹⁴ VI съезд КПК..., кн. 4, с. 5—11.

¹⁵ IX пленум ИККИ (февраль 1928 г.). Резолюция по китайскому вопросу. — Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. М., 1934, с. 208.

¹⁶ См. там же, с. 208—209.

¹⁷ Там же, с. 208.

¹⁸ Там же, с. 209.

ми организациями в городах в связи с укреплением влияния гоминьдана в рабочих массах и ростом легального профдвижения.

Коминтерн подчеркивал объективные трудности развития китайской революции и деятельности КПК в условиях гоминьдановского режима, сугубую необходимость всемерной помощи Китаю со стороны международного пролетариата: «ИККИ вменяет в обязанность всем своим секциям всемерную поддержку китайской революции... ИККИ призывает всех рабочих, и коммунистов в первую очередь, к выполнению своего международного пролетарского долга солидарности и помощи героическому пролетариату Китая»¹⁹.

Развернувшаяся после IX пленума ИККИ подготовка КПК к VI съезду проходила под знаком международной пролетарской солидарности. Созыв съезда в Китае, где свирепствовал гоминьдановский террор, оказался невозможным. Актом большой интернациональной помощи КПК, оказавшейся в исключительно тяжелых условиях подполья, было проведение съезда в Москве. VI съезд КПК вошел в историю международного рабочего и коммунистического движения как образец пролетарского интернационализма. Помощь китайским коммунистам со стороны Коминтерна, Профинтерна, ВКП(б) до съезда, организация и проведение съезда в Москве, выступления на съезде представителей Коминтерна и Профинтерна по узловым, самым болезненным вопросам, горячее сочувствие международного пролетариата китайской революции, учет опыта международного рабочего движения — все это было ярким проявлением революционной солидарности. На съезде царил дух высокой и мужественной самокритичности, страстного желания китайских коммунистов найти верные пути к превращению КПК в подлинный авангард рабоче-крестьянских масс, отдать все силы делу китайской революции.

Съезд прежде всего проанализировал характер переживаемого этапа китайской революции и проблему оценки современной политической ситуации. По этим кардинальным вопросам представители Коминтерна и Профинтерна провели большую разъяснительную работу. Съезд принял определения характера революции и современной ситуации, выработанные IX пленумом ИККИ²⁰. Особо подчеркивалось, что в период тяжелого поражения революционных сил, резкого ослабления самой КПК и ее связей с массами призывы к немедленному вооруженному восстанию нереальны. Генеральной линией партии съезд провозгласил «борьбу за массы»²¹. Это было огромной заслугой съезда. Линия борьбы за массы явилась для партии не только единственным спасением в тот критический период, но и единственно верным курсом на будущее.

Общие установки и все конкретные решения съезда были проникнуты стремлением укрепить союз рабочего класса и крестьянства, достичь координации революционной борьбы в городах и в сельских районах. Представитель Профинтерна в своем выступлении на съезде подчеркнул: «...Китайская революция может успешно развиваться и победить, разумеется, только стоя на обеих ногах, и на крестьянской и на рабочей ноге»²².

Большая и плодотворная работа съезда по проблемам руководства КПК рабочим движением имела серьезное практическое и теоретическое значение. Был проанализирован опыт руководства рабочим движением во время революции 1925—1927 гг. и в обстановке гоминьдановского террора. Съезд творчески подошел к общим проблемам рабочего движения в Китае. Прежде всего была поставлена проблема «партия и рабо-

¹⁹ Там же, с. 211.

²⁰ См.: Политическая резолюция VI съезда КПК. — Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934, с. 15—16.

²¹ VI съезд КПК..., кн. 6, с. 11.

²² Там же, кн. 5, с. 65.

чий класс». Сурово и мужественно делегаты съезда рассказывали о горьком опыте поражений и неудач подпольной работы в городах. Их выступления воссоздают тяжкую картину ошибочных, левацких действий коммунистов по отношению к рабочим массам. Встав на путь приказов, прямых принуждений рабочих к активным действиям вплоть до угроз физической расправы, партия все более теряла связь с массами. Между партией и рабочими в обстановке белого террора и депрессии росла отчужденность. Делегаты из Шанхая, Ухани, Наньчана, Аньюаня и других городов рассказывали о тщетных попытках коммунистов организовать вооруженные восстания, вылившиеся в путчи́зм, о ненужных людских жертвах, о том, как авантюризм этих действий, невнимание к борьбе рабочих за жизненные экономические нужды все более отдаляют уцелевшие в городах партийные ячейки от масс²³. В орготчете Чжоу Эньлая, в выступлениях Су Чжаочжэна и многих других делегатов отмечалось, что красные профсоюзы практически не были массовыми и представляли собой подпольные ячейки КПК на предприятиях. Они не вели никакой специфически профсоюзной работы, не собирали членские взносы, не проводили ни собрания, ни организационные мероприятия. Сколько было в городе партиячек, столько числилось и красных профсоюзов. К тому же коммунисты имели связи в основном не с промышленным пролетариатом, а с более отсталыми слоями рабочих²⁴.

На съезде были подробно обсуждены возможности столь необходимого для КПК укрепления ее пролетарского базиса, углубление ее связей с рабочими массами, прежде всего промышленным пролетариатом. Огромное значение имели рекомендации Коминтерна и Профинтерна. Выступивший на съезде представитель Исполкома Коминтерна, отдавая должное самоотверженности и героизму партийных кадров, работавших в городах, охваченных белым террором, подчеркнул необходимость правильно оценивать силы противника. Он отметил, что, как показывает опыт международного рабочего движения, революционность состоит не в том, чтобы каждую минуту рваться в бой, а в том, чтобы все рассчитать и, когда надо, подождать с боем. Попытки заставить рабочие массы, находящиеся в состоянии депрессии, бастовать и даже подниматься на восстания помимо их желания, под не осознанными ими лозунгами были осуждены как опаснейшие для революции и самой партии²⁵. Именно отсутствие глубоких связей с рабочими массами порождало как акт отчаяния «красный террор», а также авантюризм, путчи́зм, методы принуждения. Представитель ИККИ сделал вывод, что самой насущной задачей КПК в рабочем движении является кропотливая повседневная работа, сосредоточение внимания на экономических нуждах масс и активизации их антиимпериалистической борьбы²⁶. Представитель Профинтерна в свою очередь указал на возможность преодоления изоляции, в которой оказался рабочий класс после разрыва единого фронта, именно в антиимпериалистической борьбе, советовал максимально окружить пролетариат «толщей городской мелкой буржуазии»²⁷.

Основываясь на рекомендациях Коминтерна и Профинтерна, на всем опыте борьбы, съезд выработал резолюцию Очередные задачи КПК в рабочем движении. Основными из них были: пресечение методов принуждения в отношении рабочих масс, укрепление красных профсоюзов и одновременное проникновение во все легальные рабочие организации, всемерное усиление руководства экономической борьбой, высвобождение масс из-под влияния реформистской идеологии гоминьдана, установле-

²³ См. там же, кн. 2, с. 41—45, 49—58, 69—71, 98; кн. 3, с. 21, 56, 59; кн. 5, с. 41—42, 126—127.

²⁴ Там же, кн. 3, с. 18; кн. 4, с. 10, 11.

²⁵ См. там же, кн. 1, с. 37—42.

²⁶ См. там же, с. 24, 46, 47.

²⁷ См. там же, с. 64.

ние связи советских районов с рабочим движением в городах, развитие антиимпериалистической, антимилитаристской борьбы рабочих и мелкой буржуазии²⁸.

Съезд подчеркнул трудности осуществления этих задач в условиях террора и укрепления легального реформистского профдвижения. Было указано, что задача мобилизации рабочих масс вокруг КПК и ее профсоюзов не была решена в период революции 1925—1927 гг., что теперь ее надо решать в тысячу раз в более трудных условиях²⁹. Всестороннее укрепление связей КПК с собственным рабочим классом должно было, по единодушному мнению участников съезда, неразрывно сочетаться с курсом на союз с СССР и мировым пролетарским движением³⁰.

Провозглашение VI съездом линии борьбы за массы благотворно сказалось на работе КПК в промышленных центрах страны. Уже не ставя перед собой задач, неосуществимых на данном этапе, партия начала практически приспосабливать свою тактику к объективным возможностям рабочего движения. Превозмогая огромные трудности, КПК стала нащупывать возможности сближения с рабочими. Роль субъективного фактора, в данном случае политики партии и методов ее руководства рабочим движением, наглядно проявилась в этот период. Как и указывал Коминтерн, значение субъективного фактора, успешность руководства КПК прямо зависели от глубины понимания коммунистами объективных условий и закономерностей.

8 февраля 1929 г. Исполком Коминтерна рассмотрел итоги полугодовой деятельности КПК после съезда и направил в ЦК КПК письмо. В нем отмечалось наличие у некоторых членов КПК ошибок и правого, и левого толка. Правые колебания приводили к ликвидаторству в отношении красных профсоюзов и самой КПК. Левацкие настроения выражались в пренебрежении к «мелкой» экономической борьбе, в отрицании деятельности в легальных организациях как «нереволюционной». Вновь и вновь Коминтерн разъяснял важность задачи «ликвидации оторванности партии от широких слоев трудящихся», давал конкретные советы³¹.

Летом 1929 г., через год после VI съезда, ИККИ выработал Резолюцию о работе китайской компартии в профсоюзах. Отметив, что 2-й пленум ЦК КПК шестого созыва (июнь—июль 1929 г.) верно наметил линию одновременной работы в красных и в легальных профсоюзах, Коминтерн указал на необходимость дифференцированного подхода в каждом конкретном случае. При проникновении коммунистов в легальный профсоюз следовало учитывать его массовость — идти надо было лишь в те союзы, которые вели за собой значительное число рабочих. Принципиально новыми, конкретизировавшими решения VI съезда были рекомендации относительно красных профсоюзов. Их следовало создавать не по принципу «как можно больше», а только там, где есть объективные возможности превращения их в массовые организации; там же, где абсолютно господствуют легальные союзы, не только не надо их создавать, но даже ликвидировать те, которые созданы «сверху» и не действуют, существуя лишь на бумаге³². ИККИ вновь советовал создавать под тайным руководством красных профсоюзов фабрично-заводские комитеты, объединяющие всех рабочих предприятия, а также использовать для укрытия подпольных профсоюзов различные землячества, братства и прочие архаичные по форме организации, существующие легально. Од-

²⁸ См.: VI съезд КПК..., кн. 6, с. 14—16.

²⁹ См. там же, с. 4.

³⁰ См. там же, с. 3.

³¹ См.: Письмо ИККИ в ЦК Китайской компартии (февраль 1929 г.) — Стратегия и тактика Коминтерна..., с. 229, 230.

³² См.: Резолюция ИККИ о работе китайской компартии в профсоюзах (1929 г.) — Стратегия и тактика Коминтерна..., с. 248—250.

новременно резолюция содержала конкретные советы по организации борьбы и выдвижению требований, проведению профсоюзной работы. ИККИ подчеркивал необходимость отказа от привычных методов «командования» и создания союзов «сверху», советовал направлять членов партии на предприятия, чтобы они, работая там и находясь среди масс, организовывали низовые ячейки профсоюзов³³.

Широкий круг рекомендаций Коминтерна лег в основу партийных и профсоюзных совещаний КПК по вопросам претворения в жизнь решений VI съезда. Всекитайская федерация профсоюзов (ВКФП) 7 февраля 1929 г. созвала в Шанхае второе, расширенное совещание. Его решения конкретизировали установки «линии масс» в рабочем движении. По настоятельному совету Коминтерна КПК пыталась исправить организационные ошибки профдвижения, укоренившиеся еще со времен революции 1925—1927 гг., когда профсоюзы создавались «сверху». Было решено, начав с Шанхая, создать «настоящий фундамент массовых профсоюзов» по принципу «снизу вверх» под лозунгом «Идти на заводы и фабрики!»³⁴. Насколько трудна была эта работа, можно судить хотя бы по тому, что во всех последующих решениях партийных и профсоюзных совещаний по вопросам профстроительства вновь и вновь отмечалась организационная слабость красных профсоюзов, недостаточное внедрение их в массы промышленного пролетариата. Это же констатировал и Коминтерн. Как большой успех расценивалась подготовка на подпольных курсах в Шанхае 30 профсоюзных организаторов³⁵.

Очень серьезное внимание вопросам рабочего движения уделил упомянутый в резолюции ИККИ 2-й пленум ЦК КПК шестого созыва, разработавший обширную Резолюцию по профсоюзному движению. Подводя итоги работы за год после VI съезда, пленум подтвердил основные решения второго расширенного совещания ВКФП. Была подчеркнута необходимость искоренения таких недостатков в профсоюзной работе, как «бюрократизм, назначение «сверху» вместо выборности, командование вместо убеждения масс»³⁶. Конкретные решения пленума имели большое значение для улучшения практической деятельности КПК. Был налажен выпуск периодических изданий для рабочих. Органом ВКФП стал журнал «Чжунго гунжэнь» («Китайский рабочий») с тиражом 3 тыс. экземпляров. В Шанхае большую популярность завоевала иллюстрированная газета «Шанхайбао», были организованы местные издания и в других городах³⁷. Коммунисты упорядочили деятельность ВКФП и ее отделений на местах. Весь ее аппарат был предельно сокращен, и многие коммунисты были направлены непосредственно на предприятия. В Шанхае были организованы рабочие школы и «кружки чтения книг», чтобы «исподволь воспитывать классовое сознание»³⁸. Все это были, разумеется, первые шаги, но и они были очень трудны в тех условиях.

В отношении конкретных мероприятий КПК после VI съезда представляет большой интерес перехваченная осенью 1929 г. и сохранившаяся в гоминьдановском архиве Инструкция КПК по развитию рабочего движения в провинции Хэнань³⁹. Главным отрядом рабочих здесь были 20 тыс. железнодорожников Пекин-Ханькоуской и Лунхайской железных дорог. Именно среди них КПК и предполагала начать работу. План коммунистов был конкретен, хорошо продуман. В духе решений VI съезда указывалось, что главный вопрос настоящего времени еще не восста-

³³ См. там же, с. 250.

³⁴ Документы всекитайских съездов профсоюзов. Пекин, 1957, с. 258 (на кит. яз.).

³⁵ См. там же, с. 258.

³⁶ Там же, с. 61.

³⁷ См. там же, с. 256—257.

³⁸ См. там же, с. 257.

³⁹ Собрание материалов по политической истории Китая в новейшее время, вып. 2, т. 43, [Б. м.] 1958, док. 5413-1 (на кит. яз.).

ние, а очень постепенное налаживание руководства рабочим классом. Партийным ячейкам были даны указания: «Начать с экономической борьбы, сосредоточиться на самых насущных, наболевших требованиях рабочих, выдвинув их как главный лозунг борьбы. Требования непременно должны быть выполнимыми, очень важно добиваться хотя бы небольших побед: это окрылит рабочих, стряхнет с них уныние и страх». Наряду с экономической борьбой рекомендовалось проводить антияпонскую пропаганду, проводя также мысль, что японцам попустительствуют китайские богатеи. В инструкции предусматривались самые разнообразные возможности сближения с массами и завоевания их доверия: «беседы на улице», выпуск красочных плакатов, патриотические антияпонские спектакли и пр.

Этот документ весьма характерен для того периода. Именно такое направление работы обеспечило первые успехи, которых КПК удалось добиться в различных районах страны, постепенно восстанавливая свои позиции в профдвижении и в руководстве забастовками.

7 ноября 1929 г. в подполье Шанхая был созван V Всекитайский съезд профсоюзов. Силы ВКФП были еще невелики. Практически она, конечно, не являлась всекитайским органом. Но за период после VI съезда КПК, на котором констатировался почти полный крах красных профсоюзов, коммунистам удалось улучшить положение. В Шанхае, являвшемся центром работы КПК, подпольные профсоюзы охватили примерно 27 тыс. рабочих⁴⁰. В других городах работа только еще начиналась, было охвачено не более 3 тыс.⁴¹ Решения съезда вновь конкретизировали установки «линии масс». Особенно была подчеркнута необходимость приложить все силы для установления непосредственных связей с советским движением, укрепления союза рабочих и крестьян⁴².

Этот съезд, первый в условиях подполья, был большим достижением КПК. На нем царил дух международной пролетарской солидарности. В докладе Сян Ина, ставшего председателем ВКФП после смерти Су Чжаочжэна, специальный раздел был посвящен международным связям ВКФП, являвшейся членом Профинтерна и Тихоокеанского секретариата профсоюзов. Съезд констатировал, что рабочий класс Китая, оказавшийся в чрезвычайно трудных условиях, не был одинок. По решению Исполбюро Профинтерна была создана комиссия из представителей Коминтерна, Профинтерна, Крестьянского Интернационала, Межрабпома, МОПР, общества «Руки прочь от Китая!» и других организаций. Комиссия организовала в июле 1928 г. двухнедельник помощи Китаю в СССР, Англии, США, Германии, Австрии, Франции, Швейцарии. Как всегда, самые значительные средства поступили от трудящихся СССР. ВЦСПС перевел в помощь китайским рабочим 100 тыс. руб.⁴³ В советской прессе в те дни было помещено особенно много материалов о рабочем движении Китая. Ни в одной стране мира китайские события не освещались так правдиво и подробно. Профинтерн помог организовать проведение в подполье Шанхая в феврале и октябре 1928 г. очередных сессий Тихоокеанского секретариата профсоюзов. На них присутствовали делегаты от ВЦСПС и революционных профсоюзов США, Англии, Франции, Японии, Австралии, Кореи, Филиппин, Индонезии⁴⁴. В августе 1929 г. во Владивостоке была проведена представительная II Тихоокеанская конференция профсоюзов⁴⁵. В центре внимания этих междуна-

⁴⁰ См.: Документы всекитайских съездов профсоюзов, с. 263.

⁴¹ В условиях подполья не велась регистрация ни членов КПК, ни членов ее профсоюзов. Все цифры очень приблизительны и, возможно, завышены.

⁴² См.: Документы всекитайских съездов профсоюзов, с. 309—312, 339—344.

⁴³ См.: «Красный Интернационал Профсоюзов», 1928, № 10, с. 304.

⁴⁴ См. там же, 1928, № 3, с. 7—8; № 7, с. 43—45.

⁴⁵ См. там же, 1929, № 8, с. 659—676.

родных совещаний были проблемы рабочего и коммунистического движения в Китае, помощи ему со стороны международного пролетариата.

ВКФП также стремилась воспитывать китайских рабочих в духе международной пролетарской солидарности. В период провокаций гоминьдановской военизированной организации на КВЖД в 1929 г. она призывала рабочих развернуть движение в защиту СССР от прорывов империалистов и их гоминьдановских пособников⁴⁶. В международный антивоенный день 1 августа во многих городах Китая в 1929 г. коммунисты организовали митинги и демонстрации под этими лозунгами⁴⁷.

Деятельность коммунистов среди рабочих активизировалась в очень трудных условиях. КПК ставила задачу овладеть руководством основными отрядами промышленного пролетариата. Однако объективные условия особенно затрудняли этот основной путь укрепления пролетарского базиса КПК. Гоминьдан также усилил работу в этом передовом отряде рабочих. Усилия гоминьдана по «мирному урегулированию» трудовых конфликтов приводили к тому, что лишь меньшая часть их выливалась в забастовки⁴⁸. Тем более знаменательным было участие коммунистов-подпольщиков в организации ряда крупных забастовок, официально возглавлявшихся легальными профсоюзами. Деятельность коммунистов придавала борьбе рабочих решительность. Очень упорной была, например, развернувшаяся в октябре 1928 г. всеобщая забастовка работников почты Шанхая. Только чрезвычайными усилиями гоминьдану удалось претворить перерастание ее во всеобщую забастовку почтовиков всех крупных городов страны. (Сам Чан Кайши «уговаривал» забастовщиков подчинить «частные» интересы общенациональным.). КПК в своих подпольных изданиях — органе ЦК КПК «Буэрсайвэйкэ», «Ленин циннянь», журналах и газетах для рабочих, а также в специально посвященном этим событиям выпуске издания «Гунжэнь баоцзянь» (Драгоценный опыт рабочих) — подробно анализировала ход этой забастовки, разоблачила провокации реформистского руководства легального профсоюза, приведшие к ее поражению⁴⁹.

Столь же подробно в подпольных изданиях КПК освещалась история забастовки рабочих французской компании трамвая и водопровода в Шанхае в декабре 1928 г. В легальном стачечном комитете действовали коммунисты из подпольной ВКФП⁵⁰.

КПК активизировала работу и в других городах страны. Осенью 1928 г. она организовала многотысячную экономическую забастовку на фарфоровых заводах Цзиндэчжэня (провинция Цзянси). Рабочие здесь вступали в стачки с полицией, стойко держались и добились победы⁵¹. Такой же боевой характер имела забастовка горняков Аньюаня осенью 1928 г., подавленная вооруженной силой⁵².

В 1929 г. в результате ухудшения экономического положения рабочих и активизации антияпонского движения в стране наметилось оживление рабочего движения. Коммунистам удалось включиться в руководство многими значительными выступлениями рабочих. В январе 1929 г. в Ханькоу вспыхнула всеобщая антияпонская забастовка в ответ на убийство японским матросом китайского рикши. В стачечных комитетах предприятий тайно действовали коммунисты. Во многих городах Китая проходили антияпонские митинги солидарности, собирались пожертво-

⁴⁶ См.: Документы всекитайских съездов профсоюзов, с. 261—262.

⁴⁷ См.: Цюй Вито (Цюй Цюбо). Под знаменем китайских советов. — «Коммунистический Интернационал», 1929, № 52, с. 13—16.

⁴⁸ См., например: Второй китайский ежегодник по труду, ч. 2. Пекин, 1932, с. 107—114, 125—126 (на кит. яз.).

⁴⁹ См.: «Буэрсайвэйкэ», 1928, № 1, с. 46—49; «Ленин циннянь», 1928, № 1, с. 29—31; «Гунжэнь баоцзянь», вып. 1, с. 5—41.

⁵⁰ См.: «Гунжэнь баоцзянь», спец. вып. № 2; «Ленин циннянь», 1928, № 7, с. 1—3.

⁵¹ См.: Документы всекитайских съездов профсоюзов, с. 254.

⁵² См.: «Красный Интернационал Профсоюзов», 1929, № 4, с. 312.

вания в помощь бастовавшим⁵³. Знаменательно, что КПК и Коммунистическая партия Японии выступили с совместным обращением к рабочим и крестьянам обеих стран, призвав их бороться против японского империализма и продажного гоминьдановского правительства⁵⁴. Бастующие добились наказания убийцы и выплаты семье убитого регулярного пособия.

В материалах гоминьдановского архива имеются донесения о том, что коммунисты очень активно действовали в антияпонской борьбе рабочих Циндао, развернувшейся в 1929—1930 гг. Здесь подпольная организация КПК создала сильные красные профсоюзы среди рабочих японских предприятий. Гоминьдановские власти развернули репрессии, чтобы искоренить влияние КПК. В 1930 г. указание ЦИК гоминьдана, лично подписанное Чан Кайши, запретило в Циндао вообще все профсоюзы⁵⁵. Интересна история создания членом горкома КПК коммунисткой Чэнь Шаоминь в 1930 г. боевого красного профсоюза работников английских табачных фабрик Циндао. Она устроилась на фабрику простой работницей и долго завоевывала доверие товарищей по работе⁵⁶. В Шанхае, несмотря на все преследования, коммунисты продолжали активно действовать в 1929—начале 1930 гг. В январе 1929 г. коммунисты самостоятельно возглавили забастовку на американском электрорамповом заводе «Эдисон» за улучшение условий труда и признание рабочего клуба (под его вывеской действовал красный профсоюз). Полиция стреляла в бастующих, двое рабочих были убиты и несколько ранены. КПК распространяла листовки с призывом поддержать забастовку, организовала демонстрации солидарности. Американской компании пришлось уступить и лечить раненых за свой счет⁵⁷. В апреле—мае 1930 г. под руководством коммунистов 22 дня бастовали 1500 рабочих английской трамвайной компании Шанхая. Здесь был создан и красный профсоюз, и прикрывавший его легальный рабочий клуб. Бастующие добились увеличения заработной платы⁵⁸. Серьезным успехом КПК в Шанхае была 57-дневная забастовка (20 июня—14 августа 1930 г.) рабочих французской электрической и водопроводной компании за увеличение заработной платы. Подпольная ячейка КПК, возглавляемая рабочим Сюй Амэем, долго и тщательно готовила забастовку. Ни приказы гоминьдановских властей, ни аресты и обстрелы бастующих, ни наем штрейкбрехеров-белогвардейцев не сломили бастующих. Их упорная борьба вызвала сочувствие. 15 легальных профсоюзов создали комитет помощи, собравший значительные суммы пожертвований. Впервые коммунистами была установлена непосредственная связь бастующих рабочих с советскими районами. Из советского района в Западном Хубэе было тайно переправлено в фонд этой забастовки около тысячи юаней⁵⁹. Забастовка одержала победу. Заработная плата была увеличена, арестованные освобождены, дни забастовки оплачены⁶⁰.

Примечательна также деятельность КПК в Тяньцзине. Здесь весной 1929 г. коммунисты проникли в легальный профсоюз бельгийской трам-

⁵³ См.: Второй китайский ежегодник по труду, ч. 2, с. 141: «Буэрсайвэйкэ», 1929, № 5, с. 46—48.

⁵⁴ См.: «Буэрсайвэйкэ», 1929, № 5, с. 1—8.

⁵⁵ См.: Собрание материалов по политической истории Китая, вып. 2, т. 43, док. 5405, 5503-1-4, 5545, 5547, 5548, 5549.

⁵⁶ См.: Избранные истории фабрик провинции Шаньдун. Цзинань, 1959, с. 1—30 (кит. яз.).

⁵⁷ См.: «Шанхайбао», 3.I.1930; Пятый конгресс Коминтерна. 15—30 августа 1930 г. Резолюции и постановления. М., 1930, с. 121—122.

⁵⁸ См.: Цзинь Инси. Рабочее движение в Китае в период от 12 апреля 1927 г. до 18 сентября 1931 г. — «Чжуншань дасюе сюебао шэхуй кэсюе», 1957, № 2, с. 74—94.

⁵⁹ См.: «Бюллетень Научно-исследовательского института по Китаю», 1930, № 3, с. 21.

⁶⁰ См.: Лю Чаншэн и др. КПК и рабочие Шанхая. Шанхай, 1953, с. 14—16 (на кит. яз.).

вайнной компании. Коммунист Чжэнь Цзомин стал лидером этого профсоюза, развившего активную деятельность в защиту интересов рабочих. Увольнение Чжэнь Цзомина вызвало в июне 1929 г. забастовку протеста, были выдвинуты также 10 экономических требований. Бастующие создали отряд антиимпериалистической пропаганды, разоблачая бельгийскую компанию, угнетающую рабочих. Жители города пожертвовали в фонд забастовки 20 тыс. юаней. Через 12 дней все условия рабочих были удовлетворены⁶¹.

В 1928 г. ВКФП направила своих представителей-коммунистов на шахты английских угольных копей Кайлуаня. Весной 1929 г. в результате большой работы, проведенной коммунистами, 18 тыс. шахтеров потребовали от английской администрации улучшения условий труда, выступив также и против предательской политики реформистских профлидеров. На ряде шахт руководство легальными профсоюзами фактически попало в руки коммунистов-подпольщиков. Несмотря на поражение забастовки, среди горняков Кайлуаньских копей продолжали работу коммунисты-подпольщики⁶². В Гонконге в 1929 г. было создано 11 красных профсоюзов и объединившее их Делегатское собрание, коммунисты организовали несколько забастовок⁶³. В 1929 г. КПК удалось также начать работу в Маньчжурии, где было очень много японских предприятий. Была успешно проведена забастовка на японском судостроительном заводе в Фушуне, началась организация шахтеров, железнодорожников, текстильщиков⁶⁴. Красные профсоюзы на соляных промыслах Сычуани в 1929 г. организовали забастовку против увольнений⁶⁵. В Ухани, Чанша и многих других городах страны красные профсоюзы, созданные в этот период, были разгромлены властями. Самой эффективной была деятельность КПК в Шанхае. Здесь к 1930 г. были созданы красные профсоюзы на 36 текстильных фабриках, а также среди рабочих электростанций, телеграфа, трамвайных и автобусных компаний, кули и рикш⁶⁶.

К началу 1930 г. КПК добилась известного укрепления своих позиций в руководстве рабочим движением по сравнению с положением накануне VI съезда КПК. Однако эти достижения, свидетельствовавшие о правильности «линии масс», еще не стали значительными в масштабах всей страны. В других районах и городах деятельность КПК по организации рабочих резко отставала от Шанхая, в ряде промышленных центров она еще не возобновилась либо была вновь подавлена властями. В условиях общего укрепления гоминьдановского режима наблюдался рост легального профдвижения⁶⁷. При посредничестве гоминьдановских организаций большинство конфликтов рабочих с предпринимателями по-прежнему не выливалось в забастовки, разрешаясь «мирным путем». Начавшееся в 1929 г. оживление рабочего движения затронуло лишь Шанхай и северные районы страны и не означало еще преодоления депрессии. Сама борьба рабочих все еще носила оборонительный характер, главными лозунгами ее были протесты против увольнений и требования в связи с непомерным ростом дороговизны выплаты так называемой надбавки на рис. Эта повседневная, полная трагизма борьба была борьбой за само существование.

Внимание к жизненным интересам рабочих дало КПК возможность сблизиться с массами и в ряде случаев возглавить и активизировать их

⁶¹ История этой забастовки изложена по материалам, с которыми автор ознакомился на кафедре современной истории в Нанькайском университете города Тяньцзиня.

⁶² Документы всекитайских съездов профсоюзов, с. 254, 258, 265.

⁶³ См. там же, с. 259, 264—265.

⁶⁴ См. там же, с. 265.

⁶⁵ См. там же, с. 265; «Хунци», 3.VII.1929.

⁶⁶ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 13—14, с. 91.

⁶⁷ В гоминьдановском архиве имеются сведения, что к 1930 г. легальные профсоюзы вовлекли в свои ряды более 576 тыс. рабочих. — См.: Собрание материалов по политической истории Китая, вып. 2, т. 43, док. 5290, 5291.

борьбу. Однако организационное оформление позиций партии, создание прочных, массовых профсоюзов наталкивалось на чрезвычайные трудности. Проводимая ценой больших жертв работа КПК в городах не успела еще дать и ощутимого сдвига в составе партии. В конце 1929 г. сообщалось, что рабочие составляют в КПК примерно лишь 2 % ее состава⁶⁸. Таким образом, достижения КПК в руководстве рабочим движением выражались главным образом в первых результатах верно взятого курса. Они подтверждали, что тяжкие жертвы не напрасны и что партия, идя таким путем, сближается с рабочими массами.

В декабре 1929 г. ИККИ в «Письме в ЦК китайской компартии» вновь подчеркнул громадную важность еще не решенных партией задач, недопустимость «повторения изжитых в основном путчистских ошибок...»⁶⁹. Самое серьезное внимание ИККИ уделил рабочему движению, предостерегая от переоценки успехов работы КПК, настаивая на совершенствовании «линии масс» в городах.

Таким образом, крушение единого антиимпериалистического фронта, жестокое поражение КПК и руководимых ею революционных сил, захват власти гоминьданом — все это поставило перед КПК и Коминтерном сложнейшие проблемы, которые разрешались в ходе практической революционной борьбы китайского народа.

Решение VI съезда КПК о том, что «генеральной линией партии является борьба за массы» явилось результатом совместных поисков Коминтерном и КПК путей развития революционной борьбы в тяжелых условиях гоминьдановского господства.

⁶⁸ См.: «Буэрсайвэйкэ», 1931, № 3, с. 20.

⁶⁹ Стратегия и тактика Коминтерна..., с. 257.

Конституция и национальный язык в Китае

*М. В. Софронов,
доктор филологических наук*

В ст. 19 конституции, принятой ВСНП 4 декабря 1982 г., говорится, что правительство КНР распространяет национальный язык путунхуа. Впервые в конституцию страны внесена статья о национальном языке с целью повышения его общественного статуса.

Конституционному утверждению национального языка предшествовали длительное формирование устного национального языка на основе диалектов Северного Китая, создание литературы на этом языке, долгая борьба за предоставление ему статуса национального языка, в которой принимали участие государственные учреждения, общественные организации, знаменитые и мало известные за пределами круга специалистов общественные деятели и ученые.

Введение единого устного национального языка — естественное требование любого современного государства, один из признаков современной нации — является нелегкой проблемой для Китая. Географические масштабы страны, лингвистическая ситуация, создавшаяся на протяжении трех тысячелетий, долгая традиция противопоставления письменных средств общения устным, фактическое равенство в правах всех форм устной речи крайне усложняют проблему создания единого устного языка в Китае.

На протяжении многолетней истории движения за национальный язык, начало которому было положено незадолго до синьхайской революции, было высказано множество мнений по поводу того, как следует создавать устный национальный язык и как его распространять. За эти почти восемь десятилетий накопился исторический опыт, который позволяет сделать некоторые заключения относительно нынешнего состояния и перспектив развития национального языка в Китае.

Диалекты и национальный язык

Одной из главных особенностей лингвистической ситуации в Китае является наличие многочисленных диалектов. Разными исследователями диалекты китайского языка сводятся в семь или девять групп¹. Различия между этими группами в лингвистической литературе обычно сравниваются с различиями между родственными языками. Взаимопонимание между представителями разных групп невозможно без специального обучения или опыта общения.

Географические ареалы, которые занимают эти диалектные группы, неодинаковы по величине. Северные диалекты, или диалекты гуаньхуа, распространены по всему Северному Китаю, на западе — в провинциях Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, в Южном Китае — на севере провинции Гуанси. На этих диалектах говорит примерно три четверти населения

¹ См.: Юань Цзяхуа. Диалекты китайского языка. М., 1965, с. 9—10.

страны². Все другие группы уступают гуаньхуа как по числу говорящих, так и по области распространения. Остальные диалекты занимают примерно четверть территории страны, на них говорит четверть населения. Однако в абсолютном выражении численность говорящих на диалектах каждой такой группы соответствует населению большого европейского государства, а экономическое и стратегическое положение этих районов, ориентированных на побережье восточного и южного морей, исключительно велико.

Как единое централизованное государство Китай существует с III в. до н. э. Тогда же возникла и тенденция к формированию единого средства устного общения. Со времени образования централизованного государства территория Китая расширилась в десятки раз. Лингвистическая интеграция не поспевала за этим ростом. Наиболее интегрированным лингвистически оказался Северный Китай.

С конца XIII в. столица Китая с небольшими перерывами находилась в Пекине. Пекинский городской диалект, сформировавшийся под влиянием как местных, так и иноязычных лингвистических компонентов, во многих отношениях отличался от остальных диалектов Северного Китая. Это создавало неповторимый облик столичного диалекта, на котором полагалось говорить чиновникам.

В централизованной китайской империи все чиновники так или иначе соприкасались с Пекином. Они и стали первыми активными носителями пекинского диалекта за пределами столицы. После маньчжурского завоевания роль пекинского диалекта усилилась, потому что военные и гражданские чиновники маньчжурского происхождения не владели никакими другими диалектами китайского языка. Все эти лингвистические и исторические факторы создали пекинскому диалекту известный общегосударственный престиж. Знание гуаньхуа — языка чиновников оказалось выгодным и удобным для представителей других профессий, деятелей, актера, работникам транспорта и т. п. Гуаньхуа не совпадал с пекинским просторечием. Произношение гуаньхуа преподавали в школах Пекина. Оно в целом было близко пекинскому просторечию, но имело некоторые особенности, по которым легко можно было отличить человека, имеющего образование, от человека, не учившегося в школе. В грамматике и лексике отличия гуаньхуа от пекинского просторечия были еще большими. Произношение гуаньхуа было засвидетельствовано в фонетических словарях, но ни грамматика, ни лексика гуаньхуа не имели специальных описаний. Поэтому при пользовании этим диалектом допускались различные индивидуальные варианты, а также смешанные формы, например, так называемый ланьцин гуаньхуа — голубой гуаньхуа — в действительности представлял собой смесь пекинских и идиолективных лингвистических компонентов в различных пропорциях. Таким образом, гуаньхуа был социальным диалектом, которым в средневековом Китае пользовались преимущественно образованные люди и чиновники.

Первый опыт создания устного национального языка гуаньхуа был предпринят в начале XVIII в. по повелению императора Юнчжэна. Для того чтобы чиновники Южного Китая знали гуаньхуа не хуже, чем их коллеги на севере, он повелел учредить специальные школы правильного произношения в провинциях Фуцзянь и Гуандун, диалекты которых особенно сильно отличались от пекинского³. Император Юнчжэн и его советники полагали, что обучение пекинскому чтению иероглифов откроет учащимся путь к умению говорить на гуаньхуа. Их вера основывалась на наивном предположении, что грамматика и лексика всех диалектов

² См.: Юань Цзяхуа. Очерк диалектов китайского языка. Пекин, 1960, с. 22.

³ См.: Ли Цзиньси. Очерк истории движения за национальный язык. Шанхай, 1934, с. 26—27.

одинакова: предложение на любом диалекте, произнесенное с пекинским произношением, будет воспринято как предложение на правильном гуаньхуа.

План Юнчжэна не удалось провести в жизнь. Пекинское чтение, которое учащимся южных провинций преподавали в специальных школах, не повлекло за собой умения говорить на языке чиновников. Однако идея распространения гуаньхуа путем преподавания пекинского или какого-нибудь другого единого произношения иероглифов во всех школах Китая отказалась очень стойкой. С небольшими изменениями она продолжает жить и в наше время.

В эпоху реформ конца XIX в. и во время петиционного движения накануне свержения династии Цин часто повторялось требование объявить гуаньхуа национальным языком Китая и распространить его по всей стране. В 1907 г. министерство просвещения Китая приняло первый в истории страны проект преподавания гуаньхуа в средней школе. При обсуждении проекта в совещательном совете Цзян Цянь предложил назвать этот язык не гуаньхуа, а гоюй — «национальный язык», подчеркивая тем самым его всеобщий характер.

Первым официальным мероприятием по пути создания национального языка гоюй явилась конференция для выработки единого произношения, созванная министерством просвещения Китая 15 февраля 1913 г. В итоге было выработано национальное произношение и появился первый китайский алфавит чжунь цзыму на национальной графической основе. Таким образом, план распространения национального языка гоюй, разработанный министерством просвещения, во многом был сходен с планом Юнчжэна: создание национального языка через правильное общенациональное произношение иероглифов грамотными и образованными людьми во всей стране. Этот план был более широким, поскольку предусматривал преподавание общенационального произношения по всему Китаю, и более обеспеченным лингвистически, потому что давал учащимся удобное средство записи национального произношения иероглифов. Предполагалось, что в конечном счете, когда образование станет всеобщим, национальный язык делается единым языком для всего Китая.

Введение национального языка было одним из главных требований либеральных демократов в период «движения 4 мая». Для них национальный язык был не социальным, а территориальным диалектом. Национальным языком они считали все диалекты группы гуаньхуа. Ху Ши писал тогда, что теоретически любой диалект китайского языка может стать национальным, если он обладает двумя важными свойствами: является самым распространенным среди всех диалектов и располагает самой развитой литературной традицией⁴. Естественно, что такими свойствами в наибольшей степени обладают диалекты группы гуаньхуа, на которых говорит большая часть населения Китая и на которых уже давно существует большая литература.

В отличие от министерства просвещения, которое не интересовалось проблемой преобразования лингвистической ситуации в Китае, Ху Ши видел развитие лингвистической ситуации в постепенном расширении области национального языка и постепенном сокращении сферы использования диалектов. «И юго-восточный угол Китая от Шанхая до Жемчужной реки, ареал наиболее старых и консервативных диалектов, быстро завоевывается силой коммерции, образования, современных средств транспорта и связи»⁵. Иначе говоря, он считал лингвистическое

⁴ См.: Ху Ши. Очерк грамматики китайского языка. — Собр. соч., т. 3. Шанхай, 1925, с. 1.

⁵ Hu Shih. The Literary Renaissance. — In: «Symposium on Chinese Culture». Shanghai, 1931, p. 134.

единство Китая почти достигнутым, а существующие диалектные различия — досадными исключениями из общего правила.

Выступая за национальный язык на основе диалектов группы гуаньхуа, Ху Ши признавал ценность остальных диалектов. В частности, он признавал полезность диалектной литературы, в которой видел источник средств выражения и жизненных сил литературы на национальном языке гоюй⁶.

Наиболее радикально к проблеме национального языка подходила китайская прогрессивная общественность 30—40-х годов. Видный деятель КПК Цюй Цюбо вместе с Лу Синем и другими революционными писателями, объединенными в Левую лигу, выдвинули теорию «языка масс». Их главное требование к литературному языку формулировалось как «единство литературного и разговорного языка»⁷. Они призывали к созданию такого литературного языка, который был бы прямым воспроизведением народной речи. Естественно, что наилучшей практической реализацией этого требования могла стать литература на диалектах.

Понимая, что средствами иероглифического письма нельзя писать на диалектах, сторонники «языка масс» в качестве главного условия перехода к новому литературному языку называли ликвидацию иероглифической письменности и переход на алфавит, что открывало путь к созданию литературных произведений на любом диалекте китайского языка и свободному обмену словами и грамматическими формами между диалектами и национальным языком.

Цюй Цюбо и Лу Синь понимали важность общекитайской литературы. Однако языком этой литературы они предлагали избрать не письменный байхуа, а разговорный путунхуа — общепонятный язык, который образуется в областях активных лингвистических контактов различных диалектов. Среди нескольких путунхуа, имевшихся в то время в Китае, главной они считали его северокитайскую разновидность, то есть гуаньхуа. Однако использовать его как язык литературы для масс можно было, по их мнению, лишь после решительного сближения с разговорным языком.

Для полной и последовательной реализации проект «языка масс» предполагал такую глубокую перемену в общественной и культурной жизни страны, как ликвидация иероглифической письменности. Ввиду невозможности столь глубокой реформы проект не был осуществлен.

Каждый из этих трех подходов к решению проблемы национального языка характеризуется своим отношением к лингвистической ситуации. Министество просвещения исходило из того, что человеческих сил недостаточно, чтобы изменить лингвистическую ситуацию; национальный язык — это социальный диалект, на котором должны говорить грамотные и образованные люди; когда Китай станет страной общей грамотности, все население страны будет владеть национальным языком. Либеральная демократия исходила из того, что современная промышленность, транспорт и связь являются достаточно мощными средствами преобразования лингвистической ситуации; диалекты группы гуаньхуа неуклонно расширят область их распространения, поэтому переход к единому национальному языку может произойти в обозримом будущем; одним из главных условий перехода должна быть активная пропаганда этого языка. Революционная демократия исходила из того, что современная промышленность, транспорт и связь способствуют объединению диалектов в единый национальный язык,

⁶ См.: Ху Ши. Ответ на статью Хуан Цзюэсэна «О компромиссе в литературном обновлении». — Ху Ши. Собр. соч., т. 1. Шанхай, 1925, с. 153—154; его же. Предисловие к первому сборнику песен на диалекте у. — Там же, т. 4. Шанхай, 1930, с. 1048—1049.

⁷ Цюй Цюбо. Поли. собр. соч., т. 2. Пекин, 1954, с. 889.

однако в отличие от либеральной демократии они уравнивали в правах диалекты китайского языка и считали, что будущий единый национальный язык Китая будет весьма существенно отличаться от современного байхуа.

Профессор пекинского педагогического института Ли Цзиньси, который глубже, чем политические деятели, понимал проблемы лингвистической ситуации в Китае, предложил более сложную систему средств общения, адекватную сложности этой ситуации. Она предусматривала национальный язык на основе пекинского диалекта и иероглифическую письменность в сочетании с локальными средствами общения — диалектами, пользующимися алфавитным письмом. Такая система смогла бы быстро двинуть вперед дело народного образования и в короткие исторические сроки сделать Китай страной всеобщей грамотности⁸.

Стратегия правительства КНР в области национального языка была изложена в речи Чжоу Эньлая на собрании лингвистов и деятелей просвещения 10 января 1958 г. Национальный язык путунхуа Чжоу Эньлай назвал будущим общим языком Китая, для достижения этой цели путунхуа должно планомерно распространять по всей стране и постепенно унифицировать диалекты 600-миллионного населения Китая. В числе средств распространения Чжоу Эньлай назвал обучение этому языку преподавателей начальных и средних школ, лекции по радио, кино. Говоря о желательном уровне знаний, он специально подчеркнул, что особенно высоких требований к нему предъявлять не следует; путунхуа — это идеал общего языка, к которому надо стремиться, но овладения им в совершенстве не требуется; только определенная часть населения страны должна хорошо знать путунхуа — представители общественных профессий, которым постоянно приходится общаться с разными людьми, происходящими из разных мест; основным контингентом изучающих и владеющих путунхуа должна стать молодежь, средством наиболее эффективного распространения путунхуа — школьное обучение. Однако при этом он пояснял, что такое распространение путунхуа означает его изучение как особого предмета и не превращает путунхуа в язык школьного обучения⁹.

Таким образом, стратегия распространения национального языка, предложенная Чжоу Эньлаем, в целом носит традиционный характер: национальный язык для грамотных и образованных людей. Для всех остальных знание путунхуа не обязательно, во всяком случае в полном объеме.

Нормализация национального языка

Китайская традиционная филология была ориентирована прежде всего на тщательное изучение фонетики древнекитайского языка, толкование древних текстов, лексикографию. Представление о грамматике как о системе языка было ей совершенно не свойственно. Китайские филологи XVIII—XIX вв. ясно осознавали различие между «полными» и «пустыми» (служебными) словами, но описание «пустых» слов они проводили в традиционной лексикографической форме. Известно несколько словарей служебных слов, но не было предпринято ни одной попытки перейти от описания значений служебных слов к созданию грамматической системы. Между тем китайская филология была доста-

⁸ См.: Ли Цзиньси, Декларация всекитайского съезда движения за национальный язык. — В кн.: Исторический взгляд на письменность и ее реформу. Пекин, 1931, с. 347—372.

⁹ См.: Чжоу Эньлай, Задачи реформы письменности в настоящее время (Сборник материалов). Пекин, 1958, с. 9—12 (на русск. яз.).

точно хорошо знакома с древнеиндийской грамматической наукой, и можно лишь гадать, почему древнеиндийское учение о звуках языка оказало значительное влияние на китайскую филологию, а грамматическое учение древней Индии не получило в ней никакого отражения.

Первая грамматика китайского языка была написана уже после того, как китайские филологи познакомились с европейской грамматической наукой. В 1898 г. известный политический и общественный деятель Ма Цзяньчжун издал первую грамматику китайского языка. Это была грамматика письменного языка вэньянь в его наиболее древних классических образцах до VII в. н. э.¹⁰ Однако грамматическая система, созданная Ма Цзяньчжуном, была воспринята в дальнейшем и при описании грамматики национального языка.

«Движение 4 мая» вызвало появление не менее десяти грамматик. Некоторые из них были по-прежнему посвящены древнекитайскому языку, однако большинство описывало национальный язык гоюй. Их теоретический уровень не отличался особой высотой, что полностью объясняется как новизной грамматических описаний для китайской науки, так и стремлением как можно скорее создать практические пособия для изучения и правильного употребления национального языка. Среди авторов грамматик того времени можно было встретить как профессиональных ученых-филологов, так и литераторов. Национальный язык еще не имел устоявшегося наименования. Примечательны в связи с этим названия грамматик того времени: Дай Вэйцин — «Употребление служебных слов национального языка», Чжан Тинхуа — «Начала грамматики байхуа», Сюй Дишань — «Основы грамматики разговорного стиля», Ли Цзиньси — «Грамматика национального языка».

Эти колебания в наименовании предмета грамматических описаний не случайны. Все авторы грамматик того времени не видели существенного различия между грамматикой классических романов на байхуа и современным разговорным языком. Поэтому для Сюй Дишаня и Чжан Тинхуа источником грамматических норм был современный разговорный язык, из которого они черпали примеры, между тем как Дай Вэйцин и Ли Цзиньси пользовались главным образом примерами из романов на байхуа, но иногда приводили примеры собственного сочинения.

Не было единства также и в номенклатуре грамматических явлений. В грамматике Сюй Дишаня можно встретить префиксальную форму прошедшего времени на -цэн, которая часто использовалась в классических произведениях на байхуа и в настоящее время встречается в некоторых южных диалектах группы гуаньхуа¹¹. Все грамматики национального языка того времени различали модальные частицы «ни» и «ли» со сходным значением¹². В современном национальном языке путунхуа из них осталось только «ни».

Знание национального языка распространялось также через курсы национального языка, которые были организованы подготовительным комитетом единства национального языка в Пекине и Шанхае. В конспекте лекций по национальному языку, прочитанных на курсах в Шанхае, даются весьма примечательные советы относительно того, как изучать этот язык. В качестве основного приема рекомендуется сравнение родного диалекта с национальным языком и выведение закономерностей, связывающих явления грамматики и лексики как диа-

¹⁰ Ма Цзяньчжун. Грамматика китайского языка. Пекин, 1956, с. 3.

¹¹ См.: Сюй Дишань. Основы грамматики разговорного стиля. Шанхай, 1921, с. 26, 32.

¹² См.: Чжан Тинхуа. Начала грамматики байхуа. Шанхай, 1922, с. 23; Дай Вэйцин. Употребление служебных слов национального языка. Шанхай, 1920, с. 98—100.

лекта, так и национального языка¹³. Именно этим способом пользуются те, кто по разным причинам и для различных целей должен писать на национальном языке. Такой способ усвоения национального языка не может не влиять на индивидуальный язык и стиль автора, не может не вызывать значительного числа вариантов грамматических форм и лексики. Поэтому уже к концу 30-х годов появилась настоятельная потребность в стандартизации грамматики национального языка.

С конца 30-х годов началось новое оживление исследований по грамматике национального языка. В отличие от начала 20-х годов это были работы на частные темы. Шанхайские литературные журналы отразили короткую, но очень важную для дальнейшего развития грамматических исследований дискуссию. Под влиянием идей, высказанных в ходе этой дискуссии, появились три большие грамматики, написанные в 40-х годах Ван Ли, Люй Шусяном и Гао Минкаем, принесшие авторам огромную известность в Китае и за рубежом, их теоретический уровень был несравненно выше грамматик начала 20-х годов. В названиях этих изданий содержался термин «ханьюй» — «китайский язык». Тем самым авторы хотели сказать, что объектом их исследований является не национальный язык, а стихия китайского языка в целом. Все эти грамматики были построены с учетом достижений мирового языкознания 30-х годов. Однако ни одна из них по замыслу и исполнению не была нормативной, каждый из авторов предлагал свою грамматическую систему китайского языка.

С образованием КНР начался новый этап развития китайского языкознания, характеризующийся быстрым развитием всех областей этой науки. Обсуждение и решение проблем национального языка проходило на значительно более высоком уровне, чем в 20-е и 30-е годы: уроки развития национального языка и литературы за 30 лет, прошедших со времени «движения 4 мая», не пропали даром. Из употребления исчезло старое название национального языка гоюй, которое заменилось его описательными названиями. Название «гоюй» («национальный язык») было официально изменено на «путунхуа» («общепонятный язык») I съездом реформы китайской письменности в 1955 г.

Начало нормативной деятельности правительства КНР и ученых-лингвистов относится к 1951 г. В связи с работами И. В. Сталина по языкознанию Ху Цяому и Е Шэнтао в газете «Жэньминь жибао» с июня по декабрь 1951 г., организовали публикацию «Лекций по грамматике и стилистике» Люй Шусяна и Чжу Дэси¹⁴. Комитет по делам издательств при центральном народном правительстве призвал работников издательств использовать «Лекции» в качестве основного материала профессионального обучения.

Для дальнейшего развития исследований по грамматике современного китайского языка институтом языкознания в 1951 г. была создана группа грамматики с участием ведущих ученых. С июля по октябрь 1952 г. в журнале «Чжунго юйвэнь» публиковался коллективный труд этой группы — «Лекции по грамматике», которые представляли собой усовершенствованный вариант грамматической нормы «Лекций по грамматике и стилистике», в значительной мере отражавшей взгляды директора института Люй Шусяна. В окончательном виде эта грамматика была издана с указанием восьми авторов¹⁵.

Другим центром формирования грамматической нормы национального языка явилась в 1954 г. редакция китайского языка издательства

¹³ См.: Ма Гоин. Начальные сведения о национальном языке. Национальный язык и литература. Шанхай, 1923, с. 21—23.

¹⁴ Люй Шусянь, Чжу Дэси. Лекции по грамматике и стилистике. Пекин, 1954, с. X.

¹⁵ Дин Шэншу, Люй Шусянь, Ли Жун, Сунь Дэсюань, Гуань Сечу, Фу Цин, Хуан Шэнчжан, Чэнь Чживэнь. Лекции по грамматике современного китайского языка. Пекин, 1963.

«Народное образование». Осенью того же года первый вариант грамматики был передан группе учителей пекинских школ для экспериментального преподавания. Опыт был признан удачным. В следующем, 1955 г. проект грамматики был разослан для ознакомления многим лингвистам и работникам просвещения. На этот вариант нормативной грамматики национального языка решающее влияние оказали лингвистические взгляды профессора Чжан Чжигуна — главы группы грамматики издательства «Народное образование». Его взгляды были более традиционными и восходили непосредственно к грамматическим идеям, высказанным Ма Цзяньчжуном.

Таким образом, к середине 1955 г. китайская наука о языке располагала двумя соперничающими проектами грамматической нормы национального языка. На необходимость создания стабильного пособия по грамматике национального языка для учителей начальной и средней школы указывал в начале 1955 г. Е Шэнтао¹⁶. Об этом же много говорилось на конференции по нормализации современного китайского языка в октябре 1955 г.¹⁷. Конференция ускорила принятие решения относительно грамматики для школьного обучения. Как наиболее простой и традиционный, был избран проект профессора Чжан Чжигуна. После конференции 1955 г. проект профессора Чжан Чжигуна был обсужден окончательно и в начале следующего, 1956 г. получил название «Временная система грамматики китайского языка для преподавания». Под этим названием она фигурировала на всекитайской конференции по грамматике китайского языка в Циндао, где прошла дискуссия в специальной комиссии. С осени 1956 г. временная система была принята министерством просвещения в качестве основы для преподавания грамматики в начальной и средней школе.

«Временная система» испытала немало превратностей в своей судьбе до 1977 г. Несмотря на это, все же был накоплен важный опыт ее преподавания, вскрыты отдельные недостатки как в самой системе, так и в способе ее изложения¹⁸.

На всекитайской конференции лингвистов в октябре 1980 г. было принято решение переработать «Временную систему» в соответствии с современными достижениями языкознания и с учетом опыта преподавания. В марте 1981 г. министерство просвещения распорядилось созвать в Харбине конференцию с целью ее обсуждения. Конференция проходила со 2 по 12 июля 1981 г. «Временная система» обсуждалась одновременно в нескольких комиссиях, затем результаты обсуждения в каждой из них были сведены в общий документ, на основании которого была составлена «Исправленная объяснительная записка».

«Исправленная объяснительная записка» содержит перечень изменений во «Временной системе». «Исправленная объяснительная записка» отказывается от теории номинализации глаголов и прилагательных. При разборе предложения отныне рекомендуется разъяснять, что глаголы и прилагательные в определенных условиях могут выступать в функции и сказуемого, и дополнения. Сложные предложения более не делятся дихотомически на сочиненные и подчиненные, а непосредственно делятся на параллельные, последовательные, альтернативные, причинные, условные и т. п.¹⁹. «Объяснительная записка» будет пуб-

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 15.1.1955.

¹⁷ См.: Чжан Шоукай. Установить экспериментальную нормализованную систему грамматики для нужд обучения языку, покончить с путаницей в преподавании грамматики. — Сборник материалов Всекитайской конференции по нормализации современного китайского языка. Пекин, 1956, с. 189—190.

¹⁸ См.: Хуа Пин. Критика «Временной системы грамматики китайского языка для преподавания». — «Чжунго юйвэнь», 1981, № 2, с. 98—106.

¹⁹ Исправленная объяснительная записка и существенные исправления к «Временной системе грамматики китайского языка для преподавания». — «Чжунго юйвэнь», 1981, № 6, с. 438—442.

ликуются вместе с «Временной системой». По постановлению харбинской конференции этот документ в целом будет носить название «Экспериментальный проект».

Исправления, внесенные во «Временную систему», свидетельствуют о значительных изменениях в трактовке грамматических фактов китайского языка. Вместе с тем «Экспериментальный проект» остается крайне сжатым очерком грамматики, цель которого состоит не в том, чтобы ознакомить читателей с деталями и тонкостями грамматики родного языка, а в том, чтобы познакомить их с наиболее общими его категориями. Новый вариант грамматики национального языка путунхуа выглядит прежде всего как пособие для преподавателей, которые имеют специальную подготовку и могут в каждом отдельном случае дополнить изложение определенных разделов дополнительным материалом. Она вряд ли сможет стать источником знаний для учащихся или вообще для всех, кому требуется справка по грамматике национального языка.

Существенные изменения, внесенные во «Временную систему», свидетельствуют о том, что теоретическая разработка проблем грамматики национального языка далеко не закончена. В языкознании не утихают дискуссии по поводу самых общих проблем грамматической структуры языка. Их решение потребует еще многих лет исследовательской работы и дискуссий представителей различных направлений лингвистической мысли.

Краткая грамматика, подобная «Экспериментальному проекту», не является конечной целью грамматической науки Китая. Для успешного развития национального языка нужна большая грамматика, с полным охватом грамматических явлений и описанием оттенков значений, передаваемых грамматическими средствами. Составление такой грамматики окажется трудной задачей, потому что при этом должна возникнуть проблема разграничения грамматических явлений, свойственных национальному языку путунхуа, и грамматических явлений, свойственных диалектам группы гуаньхуа. Для успешного выполнения этой задачи потребуется работа не столько ученых-лингвистов, сколько литераторов. Им в своих произведениях нужно практически создать такую меру приближения к разговорному языку, которая достигла бы уровня настоящего национального языка. А для этого требуется расцвет литературы и появление писателей с безупречным чувством языка. Если все эти условия будут соблюдены, грамматическая норма китайского языка может быть создана на протяжении жизни одного поколения.

В указе Госсовета от 6 февраля 1956 г. относительно распространения путунхуа сообщалось, что в 1956 г. будет составлен орфоэпический словарь путунхуа с целью нормализации его фонетики, а к 1958 г. — словарь современного китайского языка средних размеров для нормализации его лексики.

Составление орфоэпической нормы путунхуа было поручено орфоэпической комиссии, сформированной в начале 1956 г. В октябре 1957 г. она опубликовала первый список слов и географических названий с рекомендованным произношением, в июле 1959 г. — второй, в январе 1963 г. — третий, сводный список. О дальнейшей работе этой комиссии сведения отсутствуют. Однако в лингвистических и педагогических кругах уже имеется достаточно четкое представление относительно орфоэпической нормы национального языка путунхуа.

В начале 30-х годов подготовительный комитет единства национального языка приступил к созданию словаря национального языка. Назначение словаря не было нормативным. По замыслу его главного редактора профессора Ли Цзиньси, он должен был представлять собой словарь-тезаурус, включающий все слова китайского языка, которые

встречаются в разные периоды его истории и засвидетельствованы во всех современных диалектах. Так был создан семитомный словарь национального языка «Гоюй цыдянь», вышедший в начале 40-х годов²⁰.

О замысле среднего словаря китайского национального языка Сунь Чуньи доложил на конференции по нормализации современного китайского языка. Он специально подчеркнул, что словарь будет ориентирован преимущественно на разговорный язык, его основу составит наиболее употребительная лексика пекинского диалекта, современной литературы и прессы²¹. В сентябре 1958 г. были опубликованы введение и макет словаря современного китайского языка²². В начале 60-х годов словарь был завершен, выпущен пробным изданием, но в открытую продажу не поступил. В августе 1978 г. после неоднократных переделок словарь был выпущен в свет²³. Этот словарь нигде не назван нормативным, но эта его функция не вызывает никаких сомнений. Лексика, собранная в нем, дает широкое представление о лексике национального языка путунхуа.

Распространение национального языка

На конференциях по реформе письменности и нормализации китайского языка в октябре 1955 г. особое внимание было обращено на распространение путунхуа. Доклад министра просвещения КНР Чжан Сижо на конференции по реформе письменности был целиком посвящен распространению путунхуа в системе народного образования.

Изучение национального языка в средней школе имеет долгую историю, начавшуюся еще до «движения 4 мая».

Одна из традиционных черт китайского народного образования состоит в том, что в китайской школе изучался письменный язык вэньянь, специальных уроков по национальному языку не существовало. Владение грамматикой письменного языка происходило при составлении сочинений, которые были неотъемлемой частью овладения национальной словесностью говэнь, методом проб и ошибок. Поэтому еще в 1917 г. объединение союзов работников просвещения приняло постановление о превращении в будущем уроков словесности в начальной школе в уроки национального языка. В 1920 г. министерство просвещения пекинского правительства распорядилось заменить учебники словесности на вэньяне учебниками словесности на разговорном языке в первых двух классах начальной школы. Министерство потребовало заменить в 1923 г. уроки словесности в начальной и средней школе уроками национального языка²⁴. Однако это распоряжение было выполнено далеко не везде. Мешал не только консерватизм учителей, но и отсутствие стабильных пособий по грамматике китайского языка. К тому же полный перевод уроков словесности в уроки национального языка не оставлял места для изучения литературы. В этих условиях реформа не могла не свестись только к изменению названия. В начале 30-х годов занятия национальным языком были исключены из школьных программ и заменены уроками словесности, которые оставались в школьной программе до 1955 г.

После конференции по выработке норм современного китайского языка началась деятельная подготовка к общегосударственной кампа-

²⁰ См.: Ли Цзиньси. Очерк истории..., с. 200—202.

²¹ См.: Сунь Чуньи. Об отборе лексики для словаря. — «Чжунго юйвэнь», 1955, № 42, с. 28.

²² Чжэн Дянь, Сунь Дэсюань и др. Инструкция для составления среднего словаря современного китайского языка. — «Чжунго юйвэнь», 1956, № 7, с. 33.

²³ См.: Сяндай ханьюй цыдянь (Словарь современного китайского языка). Пекин, 1978. Предисловие.

²⁴ См.: Ли Цзиньси. Указ. соч., с. 109—112.

нии распространения путунхуа. Министерство просвещения КНР 17 ноября 1955 г. отдало распоряжение о преподавании путунхуа в начальных, средних школах и в педагогических училищах. Государственный совет КНР опубликовал указ о распространении путунхуа 6 февраля 1956 г., а 10 февраля был создан центральный координационный комитет по распространению путунхуа. В течение 1956 г. прошли многочисленные собрания работников просвещения, культуры, радио и издательств по вопросу о распространении путунхуа в каждой из этих сфер деятельности.

За короткий срок было создано и выпущено в свет большое число пособий по изучению путунхуа, приспособленных к нуждам представителей отдельных диалектов и провинций. Наивысшей активности кампания по распространению путунхуа достигла к началу «большого скачка» — в 1958 г. Общие задачи этой кампании были изложены в упоминавшемся выше докладе Чжоу Эньлая, где он официально объявил, что китайские диалекты должны постепенно заменяться национальным языком путунхуа. При этом основным контингентом лиц, владеющих путунхуа, должна стать молодежь, которая освоит путунхуа в школе. Практически в 1956—1958 гг. в кампанию по распространению путунхуа была вовлечена не только школа, но и огромная система ликвидации неграмотности, где занятия были перестроены таким образом, чтобы одновременно с зачатками грамотности дать также знание национального языка.

Эффективность этой кампании была весьма умеренной. Как и следовало ожидать, наибольшие успехи в распространении путунхуа были достигнуты в школе, где для этого были достаточно квалифицированные преподаватели, учебное время и ученики, для которых национальный язык был одним из предметов школьной программы. Естественно, не везде удалось найти достаточно квалифицированных преподавателей, поэтому были различными и уровень преподавания, и успехи учащихся. В целом можно сказать, что в городах, как правило, было легче обеспечить преподавание этого языка, чем в деревне. Поэтому городские школьники изучали путунхуа более основательно.

Со значительно большим трудом проходило обучение путунхуа в системе ликвидации неграмотности. Контингент учащихся на курсах состоит из рабочих и крестьян, говорящих на родных диалектах. Они согласны учить китайскую письменность, потому что даже самая поверхностная грамотность дает им некоторые жизненные преимущества, но владение национальным языком для них как людей, прочно связанных с родными местами, не имело практического значения. Поэтому распространение путунхуа через сеть ликвидации неграмотности успеха не имело. Опыт преподавания путунхуа в этой системе был обобщен в начале 60-х годов. Наибольших результатов преподавание путунхуа в системе ликвидации неграмотности достигло в больших городах вроде Шанхая, где представителям таких профессий, как продавцы, официанты, кондукторы и контролеры трамвая, бывает полезно знать национальный язык, чтобы общаться с представителями других диалектов. Примечательно, что наиболее эффективным способом изучения путунхуа оказалось его преподавание по методу преподавания иностранных языков: сначала обучать словам и выражениям на этом языке, а затем, когда ученики начинают говорить на нем, их можно обучать пекинскому произношению иероглифов²⁵.

Несмотря на важность изучения и распространения национального языка, далеко не все китайское общество считало, что пришло время

²⁵ См.: Пусть распространение путунхуа еще лучше служит трем великим революционным движениям. — «Чжунго юйвэнь», 1966, № 1, с. 12.

для его распространения. Многие видели в нем лишь повод для очередной шумной и дорогостоящей общественной кампании. Эти взгляды высказывались и отдельными представителями руководства Китая. В период критики Лю Шаоци ему приписывалось утверждение, что путунхуа бесполезно, а Чэнь Бода — фраза: «Зачем китайцам учить китайский язык»²⁶. Поэтому уже в 1958 г. разделение уроков словесности на литературу и язык было отменено и вновь введено изучение словесности. Однако преподавание грамматики китайского языка по «Временной системе» сохранилось в некоторых школах, а также в педучилищах и педагогических институтах. В настоящее время уроки китайского языка восстановлены в правах. Занятия на этих уроках будут проводиться в соответствии с «Экспериментальным проектом».

Практический опыт кампании по распространению путунхуа конца 50-х годов подтверждает, что на пути распространения национального языка стоят значительные трудности. Диалекты по-прежнему остаются важной частью лингвистической ситуации в Китае. На диалектах говорят сотни миллионов человек, общественный престиж диалектов до сих пор не поколеблен. Знание национального языка путунхуа, безусловно, имеет существенное значение для выпускников средней школы, решивших продолжить обучение, а в дальнейшем найти применение своим силам в масштабах всей страны. Однако знание национального языка не может пригодиться тем, кто остается в родном селе, городе, провинции. Для таких людей национальный язык путунхуа практически не нужен, потому что все их потребности в коммуникации удовлетворяются местным диалектом. Поэтому даже после успешного обучения национальному языку в средней школе такой человек ограничится пассивным восприятием передач центрального радио и телевидения.

Таким образом, на протяжении жизни ближайших поколений в Китае сохранится нынешняя лингвистическая ситуация с сильными диалектами и национальным языком путунхуа, который не совпадает целиком ни с одним из них. Изучение путунхуа в школе неизбежно приведет к неуклонному росту численности говорящих на национальном языке. Однако число людей, для которых путунхуа будет единственной формой речи, будет расти медленно. Значительно более типичным явлением скорее окажется двуязычие, или диглоссия, то есть владение двумя разновидностями родного языка. Естественно, что областями, где диглоссия будет распространена, станут города, армия, современная промышленность. За пределами этих областей расселения и сфер деятельности диглоссия на протяжении многих поколений будет редким явлением, а осуществление принципа «один народ — один язык» проявится, возможно, лишь в отдаленной перспективе. Введение в конституцию особого пункта, обязывающего государство распространять национальный язык путунхуа, вызван стремлением по возможности приблизить осуществление этой цели.

²⁶ «Жэньминь жибао», 6.VII.1973; «Гуанмин жибао», 25.III.1974.

Русская литература в Сингапуре и Малайзии

Д. Н. Воскресенский,
кандидат филологических наук

Велика роль русской литературы в мировом литературном и культурном процессе. Поэтому закономерно то внимание, которое уделяется изучению разнообразных форм ее воздействия на отдельные национальные культуры и литературы. Интенсивно происходит исследование взаимодействия ее с литературами стран Азии, прежде всего тех государств, которые имеют богатые культурные традиции и широкие культурные взаимосвязи (Китай, Индия). Менее четкая картина представляется в других странах Дальнего Востока и в Юго-Восточной Азии, где многие процессы, протекающие в рамках национальных культур, по разным причинам начали развиваться сравнительно недавно. Выяснение внутренних закономерностей и особенностей их культурного (литературного) развития в связи с разнообразными факторами взаимодействия здесь особенно интересно, но и сложно из-за малой изученности вопроса в целом. Дополнительная трудность состоит в том, что такие страны, как Сингапур и Малайзия, имеют весьма пестрый национальный состав. Традиции отдельных культур здесь тесно связаны с национальным прошлым того или иного народа, той или иной народности, когда культурные воздействия происходили в многообразных конкретных исторических обстоятельствах. В настоящей статье мы намерены описать некоторые факты воздействия русской и советской литературы на культуру (литературу) этнических китайцев Сингапура и Малайзии — хуажэнь, как они себя называют.

Формирование и развитие китайскоязычной культуры в этом ареале имеет ряд особенностей¹. Китайская община в этом районе Азии складывалась на протяжении столетий, однако особенно активно она росла в результате нескольких интенсивных потоков эмиграции из Китая: до и после Синьхайской революции, в 20—30-е годы, в период антияпонской войны. Для нас особенно интересны 20-е и последующие годы, когда в среде хуажэнь определились важные идеологические и культурные тенденции и сложилась одна из ветвей местной литературы — так называемая литература махуа (малайзийских китайцев).

В предвоенные десятилетия и первые послевоенные годы Сингапур и Малайзия были прибежищем для большого числа китайских переселенцев, в том числе политэмигрантов. В разное время здесь жили или были проездом многие известные общественные и культурные деятели: Сюй Дишань, Лао Шэ, Юй Дафу, Ся Янь и др. По мнению сингапурских исследователей, эти китайские писатели и литераторы сыграли большую роль в формировании местной китайскоязычной литературы и воз-

¹ См.: Н. Д. Сущевский. Особенности современного развития китайской культуры в Сингапуре и Малайзии. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 1; Д. Н. Воскресенский. О национальной специфике современной «массовой культуры» зарубежных китайцев. — Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, ч. II. М., 1973.

никновении важных идеологических и культурных тенденций. Характерно, что многие эмигранты, покинувшие Китай до 1949 г. и приехавшие в страны Юго-Восточной Азии, были широкообразованными людьми, людьми с прогрессивными и революционными взглядами. Они участвовали в создании современной китайской прогрессивной литературы, хорошо знали зарубежную, в том числе русскую и советскую литературу.

Известный прозаик Вэй Юнь (и в настоящее время он проживает в Малайзии) приехал в эту страну в предвоенные годы и стал одним из зачинателей реалистической литературы в Сингапуре и Малайзии, его перу принадлежат крупный роман, несколько сборников рассказов, очерки. Вспоминая 20—30-е годы в Китае и свое восприятие событий тех лет, он писал: «Эта скорбная эпоха словно породила во мне какой-то огненный сгусток, который вдруг взрывался во мне, когда я видел неладное»². Беспокойство за судьбы людей, внутренний протест против несправедливости и угнетения были характерны для многих деятелей культуры и литературы. Вынужденные покинуть Китай в годы репрессий и террора, в годы военного лихолетья, эти люди, приехав в колониальную Малайю, по мере возможности продолжали пропагандировать свои взгляды и убеждения.

Один из современных китайскоязычных писателей Сингапура Ли Жулинь, приехавший в Юго-Восточную Азию в 40-х годах, пишет о себе, что еще в 20-х годах он познакомился с поэзией Го Можо и Цзан Кэцзя (в те годы Ли Жулинь увлекался поэзией и уже печатался в китайских журналах), с прозой Лу Синя, Чжоу Цзожэня. В школе от своих учителей он узнал о русской литературе, его учитель Тянь Шифэн был переводчиком арцыбашевского «Саннна». Другой учитель, Чэнь Чжицэ, переводил с английского Чехова и Леонида Андреева³. В Пекине Ли Жулинь познакомился с писателями Ли Хуэйном, Лю Байюем, Ван Сианем и другими, участвовал в издании «Бэйдоу». Он был одним из многих писателей Сингапура, которые еще в Китае приобщились к прогрессивной деятельности. Его рассказ раскрывает один из путей появления русской и советской литературы в этом районе.

В предвоенные годы в колониальной Малайе (особенно в Сингапуре) среди интеллигенции китайской национальности значительную роль играли идеологические течения, напоминавшие аналогичные движения в самом Китае. Они питались идеями «движения 4-го мая»: «новой культуры» и «новой литературы», теориями литературных обществ «Творчество», «Изучение литературы», общества «Бэйдоу» и пр. До Сингапура и Малайзии докатились диспуты, возникшие вокруг проблемы «массовой литературы», «пролетарской литературы», дискуссии о характере развития Лево́й лиги. В годы антияпонской войны в Сингапуре было очень популярно движение за патриотическую литературу. В местной прессе печатались статьи, где затрагивались, как это было в то время и в Китае, проблемы реализма, народности, социальной позиции писателя, борьбы против элитаризма в литературе и культуре и пр. В конце 40-х и в 50-е годы эти вопросы на фоне мощного антиколониального движения народов Малайи за независимость и демократию были особенно злободневны. В прессе остро ставился вопрос о «революционной культуре», о «новодемократической литературе»⁴.

Новые для тогдашней Малайи проблемы общественно-политической и культурной жизни ставились многими представителями творческой интеллигенции. Это были писатель и очеркист Те Кан, активный участ-

² Вэй Юнь. Цянь тань (Отмель). Сингапур, 1959, с. 3.

³ См.: Ли Жулинь. Сяо е цзи (Ночью). Сингапур, 1968, с. 8.

⁴ См.: Фан Сю. Махуа вэньтань ванши (Прошлое литературной сцены махуа). Сингапур, 1958; его же. Сянь цзедуаньды махуа вэньсюэ юньдун (Развитие литературы махуа на современном этапе). Сингапур, 1959.

ник антияпонского движения в Малайе (он погиб в годы войны), который говорил о важности общественного звучания литературы, писатель Чжан Цзиньянь (современный сингапурский писатель, он и сейчас выступает на страницах журналов с рассказами о местной действительности) — литератор, писавший о духовной свободе в условиях колониального общества. Послевоенные годы дали большое количество статей подчеркнута социального, политического содержания (Чжао Жун «О новодемократической литературе на современном этапе», Ся Линь «О боевитости и созидательности литературы и искусства», Ма Чуньи «О патриотической литературе широких масс» и др.)⁵. Эти и другие статьи, литературоведческие и публицистические, показывают общую направленность литературы тех лет в Сингапуре и Малайзии.

Известно, что китайская прогрессивная литература 20—40-х годов, на которую ориентировалась китайскоязычная литература Сингапура и Малайзии как в идейном, так и в художественном аспектах развивалась под значительным влиянием русской и советской литературы⁶. Ее хорошо знали Лу Синь, Мао Дунь, Цюй Цюбо, Ба Цзинь, Цао Цзинхуа и другие китайские писатели. Многие из них были и переводчиками произведений русской классики и советской литературы. Большое влияние реалистической китайской литературы 20—40-х годов на тогдашнюю китайскоязычную литературу Малайи привело к тому, что сингапурские литераторы смогли ознакомиться с русской и советской литературой. Несмотря на жесткий колониальный режим, который затруднял это знакомство, писатели Малайи (Сингапура и Малайзии) проявляли большой интерес к творчеству русских и советских писателей — Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, М. Горького и др., к их общественно-политическим и эстетическим взглядам. Через китайские и английские издания они узнавали о работах русских и советских литературных критиков — Белинского, Чернышевского, Луначарского — и пропагандировали их взгляды среди местной интеллигенции. В публицистических статьях сингапурских авторов встречались даже ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма (что в ту пору считалось криминалом), правда, они, как правило, не назывались по имени. Местные литераторы писали о творчестве русских классиков и советских писателей, высказывая оригинальные, тонкие суждения. Воздействие русской и советской литературы можно ощутить и в самом творчестве сингапурских прозаиков и поэтов.

Очень часто к русской и советской литературе обращается крупнейший прозаик Сингапура Мяо Сю (Лу Шаоцюань). Сведения о России, ее культуре и литературе он почерпнул прежде всего из китайских источников — переводов русской и советской литературы, которые ему удавалось достать в Сингапуре и Малайзии. Этих книг было немного. Еще меньше было в то время переводов на английский язык, которым Мяо Сю хорошо владел, поскольку был преподавателем английского языка в средней школе. Из этих книг и в результате общения с представителями китайской творческой интеллигенции, эмигрировавшими из Китая, сингапурские литераторы черпали сведения о русской культуре. К примеру, еще перед войной Мяо Сю, будучи журналистом, работал в редакции местной газеты «Синчжоу жибао», литературный отдел в которой вел известный китайский писатель Юй Дафу — литератор, хорошо знавший и ценивший русскую литературу. В автобиографическом эссе «От слушания историй до их написания» Мяо Сю вспоминает, как он приобщился к серьезной новой литературе: «В ту пору дух

⁵ Литературная публицистика разных лет хорошо представлена в книге: Синьма хуавэнь вэньсюэ даси (Антология китайскоязычной литературы новой Малайи), т. 1—8. Сингапур, 1971.

⁶ См.: М. Е. Шнейдер. Русская классика в Китае. М., 1977.

мой был угнетен. Меня поддерживала тогда только литература, в которой я обрел уверенность и силу. Впервые я познакомился с новой литературой, прочитав «Юные годы» Го Можо (эту книгу дал мне мой приятель по группе — некий Дэн). Европеизированный слог автора, новый и странный для меня в то время, вызвал у меня радостное удивление. После этого я прочитал несколько произведений из новой литературы Китая. Признаюсь, что из-за той обстановки, которая меня окружала в ту пору, я не испытывал особого влечения к романтическим устремлениям писателей из группы «Творчество». Мне был гораздо более близким лозунг Общества изучения литературы — «Искусство ради людей». Он находил горячий отклик в моей душе, так как помогал раскрыть темные стороны общества и высказать свои обиды по поводу социальной несправедливости. В то время больше всего я любил Горького. Я прочитал книгу переводов Гао Фэна «Горький — писатель революции» и был потрясен, узнав историю борьбы великого писателя. Я с увлечением читал его рассказы о босяках, которые не побоялись бросить вызов злу. Помнится, в то же время был писатель Оуян Шань, написавший книгу, в которой чувствовалось большое подражание Горькому, — «Семь лет запрета» («Ци нянь цзи»). Я с большим интересом прочитал и ее⁷.

Эта страничка творческой биографии одного из видных сингапурских литераторов хорошо передает настроения и обстановку тех лет, благодаря ей становятся очевидными причины интереса литераторов Сингапура и Малайзии к России, Китаю.

Мяо Сю и другие писатели Малайи видели в русской и советской литературе носителей непреходящих идейно-эстетических ценностей. Они находили в них подтверждение своим мыслям, черпали творческое вдохновение. Вот почему они нередко обращались к идеям и образам русской литературы. Мяо Сю во многих статьях, посвященных местной культуре, часто вспоминал М. Горького, подчеркивая, что «китайско-язычные писатели должны учиться великому литературному творчеству М. Горького»⁸. В одном из своих эссе («Случайные мысли в канун [нового] года» — «Суймо оугань»), рассуждая о человеческом бытии, писатель вспоминает высказывания о жизни и смерти знаменитых людей (Тао Юаньмина, Лу Синя и др.). И в цепь этих рассуждений вплетаются мысли Горького о многозначности человеческого характера, его богатстве, силе духа. Обо всем этом великий пролетарский писатель писал в статье «О пьесах» (1933). Мяо Сю подчеркивает один аспект рассуждений «почтенного Гао» (как он называл Горького), важный для местной литературы тех лет, — идею ценности жизни. Несомненно, сингапурский автор был хорош знаком со всем содержанием этой большой и интересной работы М. Горького, в которой великий советский писатель не только размышлял о литературе и людских правах, но и высказывал глубокие мысли о развитии общества, о творческом и идейном облике писателя.

К идеям пролетарского писателя Мяо Сю обращается и в других своих статьях, например в эссе «Светильник. Огонь. Солнечный свет». В этой небольшой статье развивается идея служения людям, гражданской ответственности писателя, который должен нести свет людям, как Прометей нес им огонь. Интересна статья, в частности, и своей насыщенностью образами и фактами из истории русской литературы, сведениями о русских писателях. Статья начинается словами героя рассказа Л. Андреева «Мгла»: Если светильник плохо горит, погаси его и устремись во мглу. По этому поводу Мяо Сю пишет: «Известно, что взгляды Л. Андреева отличались пессимизмом, что отражало его не-

⁷ Мяо Сю. Вэньсюэ юй шэнхо (Литература и жизнь). Сингапур, 1967, с. 154.

⁸ Синьма хуавэнь вэньсюэ даси, т. 1, с. 147 (статья «О литературе, искусстве и их местном характере»).

верие в человека. Это легко понять, если вспомнить эпоху, в которую он жил,— мрачные 90-е годы, когда в политической жизни свирепствовал царский абсолютизм. Кончился блестящий период, когда в русской литературе были Достоевский и Тургенев. Им пришел на смену великий писатель Чехов — печальный, жалеющий людей. Он с большой скрупулезностью и тонко, скрывая слезы в улыбке, изобразил «серое бытие» российского человека. В то время Горький еще бродяжничал где-то у Черного моря, имея весьма неотчетливое представление о литературе. В произведениях Л. Андреева отразилось дыхание века — холодного, мрачного, лишённого всяких надежд. Этих настроений писатель не избежал в «Красном смехе» и «Повести о семи повешенных», в пьесе «Жизнь человека» и даже в последнем своем произведении — драме «Тот, кто получает пощечины». Вот отчего некоторые говорят, что Л. Андреев лучше всех изобразил мрачную действительность».

Как видно из цитаты, сингапурский автор обнаружил неплохое понимание своеобразия развития русской литературы и тогдашней русской жизни. Разные писатели и их творчество вызывают у него неодинаковые чувства и мысли. С пессимизмом Леонида Андреева он, например, откровенно не согласен. И не случайно он противопоставляет настроения Л. Андреева лусиневскому духу борьбы. Он заканчивает свое эссе такими почти горьковскими словами: «Среди нас живут Прометей, которые, не страшась наказания небесных владык, несут огонь людям. Вокруг нас есть смельчаки, которые способны, одолевая пустыню мрака, своими возгласами будить находящихся в спячке людей, дабы вместе с ними разрушить железную камеру и впустить в нее чистый воздух и солнечный свет»⁹. Сингапурский писатель не ограничивается постановкой чисто литературных проблем. Напротив, его высказывания о русской и советской литературе несут осязаемый социальный подтекст, современное звучание.

Здесь важно упомянуть статью Мяо Сю о Стейнбеке, написанную им в конце 40-х годов. В ней содержится не только общая эстетическая оценка творчества американского писателя, но и анализируются его идейно-художественные установки через выявление позиции Стейнбека по отношению к советской действительности и советской культуре. Правда, сингапурский автор прибегает к полунамёкам, однако читателю совершенно ясно, на чьей стороне его симпатии. Статья Мяо Сю вызвана «воспоминаниями» Стейнбека, в которых он допустил ряд ошибочных, если не сказать клеветнических, высказываний о Советском Союзе. Имея их в виду, Мяо Сю описывает творчество американского писателя в тот период (прежде всего роман «Потерявшийся автобус»), дабы на этом примере показать действительную идейную позицию Стейнбека в оценке «нового общества» (так называет Мяо Сю советское общество). По мнению сингапурского писателя, эта оценка — с позиции «апологета американского общественного строя», что вполне закономерно, ибо, как считает Мяо Сю, уже в 40-х годах Стейнбек стал отходить от идеалов, провозглашенных в ранних произведениях («Люди и мыши» и др.), и «устремился по дороге, которая все дальше и дальше вводила его от широких народных масс». Мяо Сю резко отзывался о некоторых негативных тенденциях в творчестве Стейнбека, проявившихся в его пессимизме, поэтизации индивидуализма, низменных страстей, воспевании эротики. Все это, пишет Мяо Сю, суть безудержное перенесение фрейдистского психоанализа в литературу¹⁰. Мяо Сю писал о культуре «нового общества» полунамёком, но критическое отношение автора к буржуазной культуре, которую воспевал Стейнбек, совершен-

⁹ Мяо Сю. Вэньсюэ юй шэнхо, с. 169—171, 172—174.

¹⁰ См. там же, с. 70, 72.

но очевидно. Мяо Сю противопоставляет идеям американского писателя гуманизм и демократизм «новой культуры».

Много интересных высказываний о русской и советской литературе можно найти у сингапурского писателя и публициста Чжао Жуна, чье мировоззрение формировалось в то же время и чьи взгляды очень напоминают взгляды Мяо Сю. В статьях Чжао Жуна о специфике развития сингапурской культуры и литературы, написанных им в 50—60-е годы, часто даются ссылки на русских и советских писателей. Литератор обращается к ним в связи с темой развития реалистических тенденций в местной литературе, отношения писателя к жизни, отражения действительности в литературе. В большом очерке о творчестве Мяо Сю он вспоминает слова М. Горького о том, что писатель должен оттачивать художественный язык своего произведения. В связи с этим он отметил умение Мяо Сю использовать живой разговорный язык в речи героев (в частности, диалектный язык, которым, например, прекрасно пользовались Лао Шэ, Ша Дин и другие китайские писатели). К высказываниям М. Горького он прибегает и тогда, когда ставит вопрос о важности разработки сюжета произведения. Рассуждая о мировоззрении писателя и формировании реалистических тенденций в его творчестве, Чжао Жун вспоминает образы Толстого, Тургенева, Горького, которые умели «изобразить правду жизни и ложь в объективной действительности». Чжао Жун приводит известную ленинскую характеристику Л. Н. Толстого как «зеркала России» (по политическим мотивам сингапурский автор перефразировал ленинские слова о «зеркале русской революции» и не назвал имени Ленина), сопоставляет его с Лу Синем, основоположником современной реалистической литературы в Китае («Лу Синь — зеркало Китая»). Разбирая повесть Мяо Сю «Тревоги маленького города», особенности художественных образов в этом произведении, Чжао Жун вспоминает персонажи «Обрыва» Гончарова и тургеневского «Рудина». Конечно, на первый взгляд можно ощутить известную натяжку в сопоставлении сингапурского произведения, рассказывающего о годах антияпонской войны, с творчеством Гончарова и Тургенева, однако сам факт такого сопоставления многозначителен, и сопоставление не внешнее, оно глубже, чем поверхностная аналогия. Сингапурский автор старается подчеркнуть социальную значимость повести и ее общественный пафос, прибегая к параллелям с образами русской литературы.

Обращение к творчеству русских писателей можно найти в очерке Чжао Жуна о современном писателе Вэй Юне («О произведениях Вэй Юня и его мировоззрении») ¹¹ и других его статьях, посвященных китайскоязычной литературе Сингапура и Малайзии. В русской классике и советской литературе сингапурский автор старается почерпнуть важные факты и аргументы, нужные ему для критических рассуждений о местной литературе и общественной жизни.

Сингапурские авторы обращаются к русской литературе не только для разъяснения или подтверждения той или иной своей мысли. Некоторые авторы предпринимая попытки анализировать творчество русских писателей, связывая свои рассуждения с творческими процессами в Сингапуре и Малайзии. Интересны статьи Мяо Сю о русских писателях, а также переводы некоторых советских литературоведческих статей, сопровождаемые его замечаниями. В этих работах сингапурский автор показывает широкое знание русской литературы и глубокий интерес к ней. Можно упомянуть его перевод одной из статей В. Кирпотиной о Ф. М. Достоевском, статей советских литературоведов об А. П. Чехове, а также его оригинальные статьи «О драматургическом

¹¹ Чжао Жун. Лунь махуа цзоцзя юй цзопинь (О писателях и произведениях литературы махуа). Сингапур, 1967, с. 10, 14, 18, 45.

искусстве Чехова», «Думая о Чехове». Эти и другие работы сыграли значительную роль в формировании реалистических тенденций современной литературы махуа. В первой из упомянутых статей о Чехове Мяо Сю показывает идейные условия появления пьес русского писателя. Разбирая пьесы Чехова, раскрывая их подтекст, объясняя основные образы, сингапурский автор старается раскрыть перед сингапурским читателем феномен «стиля Чехова», чтобы лучше объяснить вклад русского писателя в русскую и мировую литературу. Он отмечает особенность реализма Чехова, гуманизм его образов, дух противоборства, который таится в его творчестве. Мяо Сю подчеркивает пафос борьбы против косности жизни, мещанства, сребролюбия и других мещанских пороков буржуазного общества, отразившийся в рассказах и пьесах Чехова. Мяо Сю выделяет эти проблемы в творчестве великого русского писателя потому, что они особенно волновали представителей творческой интеллигенции Сингапура и Малайзии в ту пору, когда писались эти статьи.

Свое уважение к Чехову сингапурский автор выражает и во второй своей статье, где он обращает внимание на чеховское «горячее сочувствие к людям». Интересно, что свое эссе о Чехове он начинает разговором о С. Моэме — крупном новеллисте и драматурге, чем-то похожем на Чехова, как замечает Мяо Сю, и в то же время резко отличным по духу от русского писателя. Мяо Сю говорит, что Моэм «изображает людей пером холодным и бесстрастным», между тем как Чехов везде сохраняет «тепло» и «печаль». Если в произведениях английского писателя Мяо Сю видит «мрачноватую насмешку», то у Чехова — «смех сквозь слезы». Сингапурский автор не скрывает, что ему более близка творческая позиция русского писателя.

Свои наблюдения в области мировой литературы Мяо Сю соотносит с современной действительностью. Может быть, в век атомной и водородной бомбы, задает вопрос Мяо Сю, когда люди «убивают, истязают и насилуют себе подобных», в литературе нужен именно мозмовский, мрачноватый и пессимистический юмор, холодная насмешка, с которой писатель должен смотреть на жизнь? Сингапурский автор отвергает эту мысль, подчеркивая, что «современный писатель, обладающий совестью деятель литературы, по-настоящему служащий широким массам, должен верить в будущее человечества, сочувствовать человеческому горю, видеть в несчастьях людей свои собственные несчастья и идти вместе с широкими массами»¹². Мы видим, что мысли о русской литературе у сингапурского автора вплетаются в рассуждения о судьбах человечества, о судьбах литературы, о творческой и общественной позиции писателя, что имеет широкое общественное звучание. В 50—60-е годы, когда писались его статьи, это имело особый смысл, так как в странах Юго-Восточной Азии, борющихся в ту пору за свою национальную независимость, гражданское слово писателя, его общественная позиция играли очень большую роль.

Влияние русской и советской литературы, точнее сказать, отображение и интерпретацию эстетических идей русских и советских писателей можно наблюдать и в художественном творчестве авторов Сингапура и Малайзии. Заметим, что проблема взаимосвязи литератур (иногда очень далеких) вовсе не сводится к прямой взаимозависимости или взаимообусловленности литературных явлений. Часто она представляет собой своеобразную перекличку идей, созвучие мыслей, сопряженность эмоциональных порывов с одинаковым или схожим отношением разных авторов к событиям жизни. Не случайно поэтому авторы одной литературы как бы черпают творческие силы у своих собратьев другой литературы, и мысли, рожденные в процессе этого общения, формируются в самостоятельные образы. Происходит это по-разному,

¹² Мяо Сю. Вэньсюэ юй шэнхо, с. 105, 106, 195.

но всегда мы можем наблюдать особую «заинтересованность» того или иного писателя в творчестве литераторов другой страны или в тех событиях или идеях, которые там имели место. У современного малайзийского писателя Вэй Юня есть рассказ «Пристанище», где главным персонажем является некий бывший русский генерал по фамилии Дувский. Волна революции выкинула его из России, и он волею судеб очутился в Сингапуре, где нашел свой последний приют. Драматический сюжет рассказа Вэй Юня отражает трагическую судьбу белоэмигранта, не сумевшего понять закономерности и правду жизни и оказавшегося за ее бортом. Он умирает в сингапурской тюрьме, а его дочь, вынужденная страдать за ошибки своего отца, идет на панель. Так своеобразно «русский мотив» вплетается в местную сингапурскую действительность, показывая интерес автора к теме политических слепцов, к трагедии людей, порвавших с родиной.

У того же Вэй Юня есть большой роман «Отмель», написанный им в 60-е годы. Роман многоплановый и довольно сложный по содержанию. Он посвящен бурным и противоречивым событиям 50-х годов в Малайе, когда весь полуостров был объят пламенем борьбы. Произведение повествует о событиях местной жизни, и в нем фигурируют герои местного общества: интеллигенты, предприниматели, политические деятели Сингапура и Малайзии. В предисловии Вэй Юнь, рассказывая об истории создания этого произведения, замечает, что он начал писать его, вдохновленный теми мыслями и чувствами, которые вызвали у него образы «Капитанской дочки» Пушкина¹³. Ему захотелось, как это сделал когда-то Пушкин, воссоздать жизнь двух семей на фоне драматических событий истории. Вэй Юнь подробно не раскрывает суть этой творческой взаимосвязи, но вряд ли будет большой ошибкой сказать, что Пушкин прилек малайзийского автора глубиной раскрытия человеческого характера и мастерским показом событий социальной истории. Разумеется, жизнь героев романа Вэй Юня мало чем напоминает судьбу пушкинских персонажей, однако интересно другое — малайзийский автор нашел в них нечто общее и созвучное его собственным мыслям.

Для творчества многих сингапурских писателей характерна особая социальная заостренность, которая вместе с тем отражает специфическое мирозерцание авторов. Эта черта свойственна и Мяо Сю. Сингапурский автор рассматривает частные явления человеческого бытия как звенья одной цепи социальных взаимоотношений, а людей — как общественные индивидуумы, поступки которых определяются их общественным бытием. Социальная направленность прозы таких сингапурских писателей отчетливо обнаруживает себя и в других произведениях. Это проявляется в особой содержательности художественных образов, в их общественной осмысленности, в характере изображения конфликтов и их социальной значимости. Думается, не случайно в творчестве сингапурских авторов большое место занимает образ «маленького человека», оказавшегося в сложных, трагических обстоятельствах, порою задавленного ими, но иногда и умеющего противостоять им. Мяо Сю в послесловии к одному из сборников своих рассказов («Среди людей и зверей») пишет, что он хочет изобразить «ничтожную жизнь маленьких человеческих существ и их жалкие судьбы»¹⁴. «Ничтожность» этих судеб в понимании писателя неоднозначна и не всегда заключает в себе уничтожительный смысл. Важен тот факт, что сингапурский автор заостряет внимание на данной проблеме, но сама эта проблема родилась под воздействием темы китайской литературы. Вспоминаются лусицеские

¹⁴ Мяо Сю. Жэньчу чжи цзянь (Среди людей и зверей). Сингапур, 1970, с. 110.

¹³ Вэй Юнь. Цянь тань, с. 6.

А-Кью и Кун Ицзи, Верблюды у Лао Шэ, образы Сюй Дишаня, Чжан Тяньи и других китайских авторов, оказавших влияние на китайскоязычную литературу Юго-Восточной Азии. В свою очередь содержание образов китайской литературы (то есть ее художественные идеи) многими сторонами близки образам русской и советской литературы, и эту сопричастность неоднократно подчеркивали китайские писатели. В творчестве сингапурских авторов, таким образом, как бы перекрещиваются или ревоплощаются идеи двух далеких литератур.

Образов «маленьких людей» в творчестве Мяо Сю и других авторов очень много, и это весьма характерное явление для местной китайскоязычной литературы 50—60-х годов. В изображении тяжелых условий их жизни, их борьбы за свое существование и человеческое достоинство видно сочувствие авторов к судьбе этих «маленьких людей», а главное — подлинный гуманизм и демократизм. Некоторые образы произведений сингапурских писателей (молодая работница Ша Мэй в рассказе Мяо Сю «На отмени», образ Чокнутого в рассказе того же автора «После освобождения» и др.) чем-то напоминают персонажи Чехова и Горького. Во всяком случае, общи сама идея — изображение трагической судьбы человека, находящегося на нижних ступенях общества, характер этого изображения, полного сочувствия и симпатии авторов к своим героям.

Для многих сингапурских и малайзийских прозаиков (Мяо Сю, Вэй Юнь, Ло Пин) характерна тема изображения общественного «дна», в котором авторы видят наиболее наглядное выражение социальной несправедливости. Этот мотив, в частности, развит в творчестве Мяо Сю. Во многих его рассказах нередко фигурируют герои — представители социального дна: бродяги, городские воры, проститутки. Их можно видеть в интересной ранней повести «Под крышами Сингапура», во многих рассказах («После освобождения», «Перед восходом солнца», «Двое в пути»), в последнем крупном произведении писателя «На исходе ночи».

Тема общественного «дна» развивается в творчестве Ло Пина, например в его рассказе «Отбросы общества», где рассказывается о судьбах обитателей опиумокуильни, удивительно напоминающих героев горьковской ночлежки. Наше упоминание М. Горького здесь не случайно. Изображение тяжелой жизни социальных низов, по словам самих сингапурских авторов, появилось благодаря большому влиянию на них идей Достоевского, Короленко, Горького и других русских писателей. Характерно, что сингапурские авторы в этих случаях не выступают как бесстрастные бытописатели «экзотических нравов» социальных низов, но раскрывают саму идею жизни как проявления разных (в данном случае трагических) сторон человеческого бытия. В специфике образов, в показе человеческих характеров на фоне «особых» социальных обстоятельств проглядывает определенное влияние русской литературы, в которой эта тема занимала исключительно важное место, развивалась она и в творчестве китайских реалистов 20—30-х годов.

Заостренность социальных конфликтов в творчестве многих китайскоязычных авторов Сингапура и Малайзии нашла свое выражение в намеренно подчеркнутом тезисе: «Конфликт человека и общества». Он реализуется в сюжетах многочисленных рассказов, повестей и романов. Герои повести Мяо Сю «Под крышами Сингапура» брошены буржуазным обществом на самое дно, однако они находят в себе силы по-своему бороться с несправедливостью жизни. Героиня его же рассказа «Клетка» находится в тенетах феодальных и буржуазных условностей и традиций, но стремится вырваться из пут, которыми ее связало общество.

Личные драмы, изображенные в произведениях Мяо Сю, часто приобретают сочетание конфликта «маленького человека» и действительности, индивидуума и «злого общества». В этом противопоставлении

автор всегда стоит на позиции защиты простого человека, понимания и оправдания его действий и фактического осуждения общества, которое заставляет человека страдать.

Для творчества многих авторов характерна особая комическая или сатирическая гиперболизация образов и черт бытия, которая проявляется в авторском внимании к смешанным и нелепым (и вместе с тем отрицательным) сторонам действительности. Писатели высмеивают самодовольство и невежество (образ мошенника-книжника из рассказа «Золотые ножницы») ¹⁵, кичливость и злобность характера (образ мещанки — «дамы из общества» в рассказе «Собачка и дама») ¹⁶. В изображении подобных человеческих характеров проглядывают детали описания, которые удивительно напоминают черты многих образов произведений русских писателей, в первую очередь А. П. Чехова. Иногда писатель гиперболизирует сатирический образ до гротеска, который сближает его с гоголевскими образами из старого российского быта. Конечно, эти ассоциации могли бы показаться случайными совпадениями, если не иметь в виду знание многими сингапурскими авторами русской литературы и глубокого уважения к ней, о чем они и говорили, и писали сами.

Обращает на себя внимание тема войны, которая занимает важное место в творчестве китайскоязычных авторов, и характер ее раскрытия. Интерес к этой теме объясняется не какими-то внешними факторами, а прежде всего тем, что война сыграла огромную роль в судьбах людей этого района Азии, в формировании их взглядов, в переоценке ценностей. Война принесла горе тысячам и тысячам людей разных национальностей. Она была трагедией. Но она стала и своеобразной школой — школой активного познания жизни. Она сыграла и «очистительную» роль, так как заставила многих прозреть и увидеть мир и себя в нем другими глазами. Увидеть страдания и причину этих страданий, понять героизм и трусость, величие духа одних и бесчестие других — словом разные проявления человеческого характера, которые особенно заметно раскрываются в минуту суровых испытаний. Многие писатели Сингапура почувствовали это особенно остро. Например, Мяо Сю, которого война бросила в гущу событий, был не только их созерцателем, но и участником. Эти события запечатлелись в его сознании, воплотились в его творчестве. Тема войны отразилась уже в ранней повести «Тревоги маленького города», в романе «Огненный вал», в последнем произведении писателя — «На исходе ночи».

Кроме «внутренних» причин, определивших громкое звучание темы войны в творчестве китайскоязычных авторов, определенную роль сыграли и «внешние» факторы. В первые послевоенные годы сингапурские и малайзийские литераторы познакомились с некоторыми произведениями советской литературы военных лет (И. Эренбург, К. Симонов, В. Василевская и др.). Многие писатели достаточно хорошо (через английские и китайские переводы) знали советскую литературу 20—30-х годов, посвященную теме гражданской войны (Шолохов, Серафимович, Фадеев и др.). Вряд ли случайно поэтому писатель Вэй Юнь, говоря о художественных особенностях творчества Мяо Сю (в частности, разбирая его военную повесть «Тревоги маленького города»), приводит слова В. Василевской из повести «Просто любовь», которые заставляют с особым вниманием подойти к содержанию этого произведения ¹⁷. Не случайно также и то, что в романе «Огненный вал», посвященном деятельности подпольщиков и партизан, возникает образ горьковского Буревестника — символа борьбы и непреклонного духа. Под влиянием

¹⁵ См.: Сингапурская мозаика. Рассказы. М., 1980.

¹⁶ См.: Мяо Сю. Гоу, нюйжэнь. — «Синь е» (Сингапур), 1967, № 2.

¹⁷ См.: Синьма хуавэнь зэньсюэ даси, т. 1, с. 419.

этого образа-символа формируются характеры борцов Сопротивления. Поначалу кажется, что образ Буревестника — обычная художественная деталь, к которой могут прибегнуть разные авторы. Но вот в другом месте этого же произведения мы видим, что герои прибегают к образам фадеевского «Разгрома», как бы черпая в них свои убеждения. Упоминаются также советские фильмы о войне и их герои. Отдельные детали выстраиваются в цепь закономерностей, которая предстает как определенная идейно-художественная позиция, как важная авторская идея. Содержанием этого романа являются не частные судьбы двух молодых героев (репортера с революционными убеждениями и молодой девушки из богатой семьи, которая пошла за ним), а изображение самой картины войны как социального явления. Очевидно также, что, изображая войну, сингапурский автор видел перед собой образы советской литературы. Писатель Ли Жулинь, по совету которого Мяо Сю написал этот роман, как-то сказал, что настоящим героем этого произведения является «сама эпоха» — лихолетье японской агрессии. Сам Мяо Сю в предисловии к роману подчеркнул, что он стремился показать войну как явление антигуманное и противоестественное — «проклятую войну». Роман, по его же словам, служит предостережением в то время, когда «голову поднимают новые агрессивные силы»¹⁸. Эта антивоенная и гуманистическая идея сингапурского писателя определенно созвучна тем, которые развивали советские писатели в военные и послевоенные годы.

Слова сингапурского автора звучат особенно актуально в наши дни, и не только в его собственной стране.

¹⁸ Мяо Сю. Холак. Сингапур, 1960, с. 14, 92.

Движение за дружбу — важный фактор советско-японских отношений

К 25-летию общества «СССР — Япония»

И. И. Коваленко,

*заместитель председателя правления
общества «СССР — Япония»*

Ю. И. Смирнов,

член правления общества «СССР — Япония»

Советская общественность всегда придавала большое значение развитию и укреплению добрососедских отношений со своим дальневосточным соседом. Связи и контакты по линии общественных организаций СССР и Японии играли и играют важную роль в поддержании дружественных отношений и создании атмосферы доверия между двумя странами и народами. Даже в самые трудные времена, когда советско-японские отношения находились на самом низком уровне, советские люди и передовые представители Японии находили пути установления и поддержания дружеских контактов в самых различных областях культурной, научной и общественно-политической деятельности.

В настоящей статье авторы не собираются касаться всей истории развития движения за советско-японскую дружбу, а намерены ограничиться изложением сути этой проблемы за последние 25 лет, то есть со времени образования в Советском Союзе широко представительной общественной организации, поставившей своей целью развивать и укреплять чувства дружбы и взаимопонимания между советским и японским народами, содействовать их сближению и взаимовыгодному сотрудничеству.

Четверть века назад, 5 июня 1958 г., в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось собрание представителей советской общественности, на котором было принято решение о создании общества «СССР — Япония» (ОСЯ), ставшего важным каналом развития и укрепления дружбы и сотрудничества между двумя странами и народами.

Создание в нашей стране общества «СССР — Япония», как и подобных организаций дружбы с другими странами, отвечало большим изменениям, происходившим после второй мировой войны на международной арене и в отношениях СССР с зарубежными государствами.

Это было время активного выхода на политическую арену широких народных масс во всех странах и создания разнообразных общественных движений и организаций, ставящих своей целью борьбу за мир, демократию и всестороннее международное сотрудничество на принципах мирного сосуществования. Именно этот фактор оказал существенное влияние на политический курс правительств зарубежных стран, содействовал созданию благоприятного политического климата на нашей планете.

Не является исключением в этом смысле и послевоенная история СССР и Японии. Когда в Советском Союзе активно создавались общества и ассоциации дружбы с различными зарубежными странами, многие видные представители политических, экономических и общественных кругов Японии выступали с инициативой укрепления дружбы и взаимопонимания с советским народом и создания соответствующих общественных организаций.

Ход развития межгосударственных советско-японских отношений в 50-е годы также создавал объективные предпосылки для развития общественных связей. Крупной вехой в советско-японских отношениях после войны явилось подписание в 1956 г. Совместной декларации СССР и Японии, которая открыла широкие возможности для развития двусторонних отношений в политической, экономической, культурной и научной областях, создала хорошую основу для укрепления дружбы и взаимопонимания между народами СССР и Японии, расширения контактов и связей между представителями различных слоев общественности двух стран.

Нормализация отношений с Японией была с удовлетворением встречена советской общественностью, поскольку она открывала возможности для расширения дружественных контактов с японским народом. Представители различных советских ведомств и организаций, творческих объединений, научных и учебных заведений, заводов и сельскохозяйственных предприятий из различных республик и городов, объединившись в общество «СССР — Япония», развернули широкую деятельность по ознакомлению советского народа с японской действительностью и доведению до широких масс японского народа правдивой информации о Советском Союзе.

Как сказано в уставе общества, оно является добровольной общественной организацией, объединяющей «в своем составе советских граждан, стремящихся к всестороннему развитию дружественных отношений между народами Советского Союза и Японии, к укреплению мира во всем мире». Общество строит свою работу самостоятельно, координируя ее с деятельностью других советских организаций, «входит на добровольных началах в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами».

За короткий срок общество превратилось в авторитетную, влиятельную организацию, стало участником многих важных событий в советско-японских отношениях. В настоящее время общество насчитывает в своих рядах более 600 первичных организаций, объединяющих свыше полумиллиона человек. На территории Советского Союза успешно работает 17 отделений общества «СССР — Япония». Они проводят большую работу по налаживанию культурного, научного и спортивного обменов, по приему в Советском Союзе многочисленных японских делегаций, прибывающих в нашу страну с целью ознакомления с советской действительностью, с нашими достижениями во всех областях коммунистического строительства.

При ОСЯ были созданы и ныне активно действуют комиссии по науке, культуре, туризму, женская, молодежная и др. Их главная цель — удовлетворение интереса советских людей к жизни, истории, культуре японского народа.

Наиболее важным партнером общества «СССР — Япония» с японской стороны является общество «Япония — СССР» (ОЯС), явившееся преемником действовавшего еще до нормализации советско-японских отношений Общества японо-советской дружбы. Новое общество объединило представителей широких слоев японского народа. В его руководство наряду с членами коммунистической и социалистической партий вошли представители правящей ЛДП, крупного бизнеса, видные деятели науки и культуры. Президентом общества был избран бывший премьер-министр И. Хатояма, внесший большой личный вклад в нормализацию советско-японских отношений, ознаменовавшуюся подписанием Совместной декларации. На протяжении многих лет в деятельности общества «Япония — СССР» активно участвуют его вице-президент М. Хориэ, руководители ряда местных отделений — М. Акидзуки, С. Мори, Р. Хирата, Х. Цурумори и др.

ОЯС положило начало зарождению широкого комплекса общественных связей, который именуется современным движением за советско-японскую дружбу. Движение за дружбу между народами двух стран всегда занимало важное место в системе советско-японских отношений. Развиваясь как важный фактор этих отношений, оно испытывало на себе их влияние и, в свою очередь, оказывало определенное воздействие на различные области этих отношений.

Наиболее плодотворными в советско-японских отношениях явились два первых десятилетия со дня подписания Совместной декларации, в течение которых в них преобладали позитивные тенденции.

Как показывает исторический опыт, позиция официальных кругов Японии по вопросам развития связей с СССР нередко бывает подвержена влиянию конъюнктурных соображений, что порой препятствует поступательному развитию советско-японских отношений. Внешняя политика Японии в свое время строилась с расчетом на использование связей с СССР для укрепления своих позиций на международной арене. В Японии рассматривали Советский Союз как перспективного торгового партнера. При этом правящие круги Японии учитывали возросший политический и экономический потенциал Советского Союза, его авторитет в мировом сообществе.

В этот период особое развитие получают торгово-экономические связи, заложенные материальную основу для всего комплекса советско-японских отношений. Были заключены конвенция о рыболовстве (1956), соглашение с товарообороте и платежах (1957), соглашение об установлении регулярной парочной линии между портами СССР и Японии (1958), соглашение о воздушном сообщении (1966).

Свидетельством роста интереса деловых кругов Японии, исходивших из необходимости диверсификации внешнеэкономических связей к экономическому сотрудничеству с нашей страной явились посещения СССР рядом влиятельных делегаций японского бизнеса в первой половине 60-х годов. В результате советско-японские торгово-экономические связи получили дальнейшее развитие. Были созданы совместные комитеты по экономическому сотрудничеству, призванные решать вопросы долгосрочного характера. С 1966 г. торговля между двумя странами осуществляется на основе пятилетних соглашений. В результате начиная с 1966 г. объем торговли между нашими странами стал удваиваться каждые пять лет. Был заключен ряд генеральных соглашений по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Такое быстрое развитие торгово-экономических связей оказало положительное влияние и на межгосударственные отношения. По мере укрепления позиций японских монополий на мировом рынке перед правящими кругами встала задача усиления политического влияния страны в международных делах. Государственные деятели и лидеры ЛДП не могли не учитывать позиций деловых кругов и настроений широкой общественности, требовавших проведения более самостоятельной внешней политики, которая бы исключала слишком большую зависимость от главного союзника — США.

В решении этой задачи важную роль играло развитие отношений с СССР. Было положено начало регулярным политическим консультациям между двумя странами. В 1966 г. состоялся первый обмен визитами между министрами иностранных дел СССР и Японии и подписана Консульская конвенция. На последующих встречах министров иностранных дел обсуждались как вопросы двусторонних отношений, так и различные международные проблемы, связанные с созданием условий для ослабления напряженности в Азии. В это же время были установлены связи между Верховным Советом СССР и парламентом Японии.

Кульминационным событием периода активного развития советско-японских отношений стала встреча на высшем уровне в Москве в октябре 1973 г. Во время встречи руководители обоих государств выразили удовлетворение ходом развития двусторонних отношений, что нашло отражение в совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г., в котором говорилось: «Стороны признали, что укрепление добрососедских, дружественных отношений между СССР и Японией на основе принципов невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и равенства не только отвечает общим интересам обеих стран, но и является общим вкладом в дело мира и стабилизации на Дальнем Востоке и во всем мире»¹.

Естественно, что такая обстановка в двусторонних отношениях благотворно сказывалась на расширении контактов по общественной линии. Многие советские общественные организации активно подключились к развитию связей с японскими партнерами. Общество «СССР — Япония» стало играть в расширении советско-японских обменов очень важную роль, не только занимаясь культурными связями, но и предоставляя возможность большому числу японских граждан знакомиться с советской действительностью, с историей и достижениями многонациональной семьи народов СССР в хозяйственном и культурном строительстве.

В Японии все больше людей стало участвовать в работе организаций, поддерживающих связи с Советским Союзом через общество «СССР — Япония», а деятельность дружественных СССР японских организаций стала приобретать характер широкого движения.

По мере развития советско-японских отношений непосредственными участниками движения за дружбу с СССР становилось все большее число японских граждан различного социального положения, политических убеждений. Кроме того, среди широких слоев японского народа рос интерес к стране-соседу. Это стало прочной основой для социального и географического расширения движения за дружбу.

В 1961 г. с первым японским партнером нашего общества — обществом «Япония — СССР» — было подписано официальное соглашение о культурном сотрудничестве. На основе этого соглашения стали заключаться ежегодные планы культурных обменов, предусматривающие конкретные мероприятия.

Рост интереса к СССР стимулировал стремление все большего числа японцев побывать в нашей стране, своими глазами увидеть жизнь первого в мире социалистического государства. Учитывая это, ОЯС в 1961 г. организовало специальную туристическую фирму — Японо-советское туристическое бюро. По линии ЯСТБ в СССР побывало около 80 тыс. представителей самых различных слоев населения Японии: рабочие и крестьяне, студенты, деятели науки и культуры, представители деловых и политических кругов. В СССР большинство из них встречалось с членами общества «СССР — Япония», стремившегося сделать все, чтобы пребывание японских гостей в нашей стране было интересным и содержательным. Общество «СССР — Япония» включало в программу их пребывания множество таких мероприятий, которые трудно организовать в рамках обычного туризма. Особенно это касается встреч с членами ОЯС, специалистами в различных областях. Этим в значительной мере определяется популярность туристических поездок по линии дружественного обмена, к которому в последние годы подключились другие японские общества и ассоциации дружбы с СССР. Благодаря дружественному туризму и обмену делегациями общество «СССР — Япония», его цели и задачи стали широко известны в Японии. Ежегодно тысячи приезжающих в СССР японских туристов, делегаций, отдельных лиц обращаются не только в центральное правление, но и в периферийные отделения общества с просьбой оказать помощь в установлении контактов с советскими коллегами по профессии, в посещении интересующих их советских учреждений и предприятий, просят организовать им встречи по специальности.

Социальная структура японского общества характеризуется наличием различных классов и большого числа социальных групп. Это определяет и пестроту политических сил, действующих в стране. Процесс нормализации и развития советско-японских отношений вовлек в свой поток представителей многих политических сил и организаций, часто находящихся на диаметральных полюсах внутривнутриполитической арены Японии. Эти силы не могли оставаться в стороне от движения за дружбу с СССР. Стали возникать организации различной политической ориентации, члены которых подходили к развитию связей с СССР со своих классово-политических позиций. Однако их объединяет общее стремление к установлению отношений доверия, доброжелательности, добрососедства между двумя странами.

¹ «Правда», 11.X.1975.

Так, в 1965 г. в Японии было создано Общество японо-советской дружбы при активном участии представителей СПЯ, ЛДП, партии Комэйто, ПДС, а также отдельных видных деятелей культуры и науки.

В то же время было основано Общество японо-советских связей, представляющее в основном деловые, научные, университетские круги, творческую интеллигенцию. Оба общества активно включились в сотрудничество с обществом «СССР — Япония».

Годом позже по инициативе Социалистической партии Японии была создана Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами (ЯАКС).

Как известно, несмотря на неоднократные предложения СССР заключить межправительственное соглашение о культурных связях, которое поставило бы их на широкую долговременную основу, японское правительство до сих пор не ответило согласием на эти предложения.

В этих условиях дело культурного обмена с Советским Союзом взяли на себя японские общественные организации, установившие, в том числе и через общество «СССР — Япония», связи с соответствующими советскими ведомствами и творческими союзами. Особенно широкий характер в области культурного и научного обмена имеет деятельность ЯАКС, которую возглавляет видный японский ученый, политический и общественный деятель, президент университета Токай профессор С. Мацумаэ. Помимо обмена делегациями, ассоциация проводит массовые мероприятия ознакомительного характера: выставки, научные симпозиумы, гастрольные художественных коллективов и т. п.

В 1971 г. при ассоциации был создан Институт по изучению науки и культуры СССР, задачей которого является сбор и распространение в Японии информации о достижениях СССР.

В тот же период в сферу торгово-экономических связей между СССР и Японией стали активно включаться мелкие и средние фирмы, особенно в городах, расположенных на Хоккайдо и на побережье Японского моря. Многие из руководителей этих фирм пришли к осознанию того факта, что наилучшей гарантией стабильных экономических связей является атмосфера доверия и добрососедства в отношениях между двумя странами. Поэтому, развивая торговлю, они одновременно стали принимать непосредственное участие в деятельности обществ дружбы, оказывать им поддержку в организации и проведении мероприятий.

Такое соединение торговых и дружественных связей послужило толчком к появлению нового направления обменов — движению породненных городов, пионерами которого в 1961 г. стали города Находка и Майдзуру. Большое содействие в установлении дружеских связей между ними оказало общество «СССР — Япония». Вскоре в это движение стали вовлекаться и другие города не только Западного побережья, но и Центральной, Северной Японии, острова Хоккайдо. Ныне в нем участвуют 18 советских и 20 японских городов и префектура Хёго, поддерживающая дружеские связи с Хабаровским краем.

По мере роста прибрежной торговли и движения породнения укреплялись контакты ОСЯ с организациями, представляющими органы местного самоуправления Японии. В 1968 г. началось сотрудничество с Национальным советом губернаторов Японии, было положено начало регулярным встречам между председателями край-облисполкомов Сибири и Дальнего Востока и губернаторами Японии.

В 1970 г. ОСЯ и Ассоциация по связям советских и зарубежных городов, входящая в ССОД, установили контакты с Всеяпонской лигой породненных городов, объединяющей мэров почти 240 городов Японии.

В этом же году была создана Ассоциация мэров Западного побережья Японии по укреплению дружбы и экономического сотрудничества с советскими городами, в которую вошли мэры 15 городов. С 1971 г. начались регулярные встречи председателей горисполкомов советских городов и мэров японских городов, поддерживающих дружественные связи. Таким образом, в этот период происходило интенсивное расширение географии движения за дружбу, укрепление его базы на местах.

Продолжали расширяться и политические связи, координатором которых во многих случаях выступало общество «СССР — Япония».

В 1973 г. в Японии была создана Парламентская ассоциация японо-советской дружбы, одновременно и при Парламентской группе Верховного Совета СССР начала работу советско-японская секция, которую возглавляет министр просвещения СССР М. А. Прокофьев.

ССОД и ОСЯ установили контакты с общественными деятелями из профсоюзного объединения Сохё и Социалистической партии. По линии нашего общества СССР неоднократно посещали представители ЛДП, ПДС, партии Комэйто, делегации общественно-религиозной организации «Сока гаккай».

На основе договоренностей с указанными организациями по приглашению ССОД и ОСЯ Советский Союз посетили председатель ЦИК Комэйто И. Такэри, генеральный секретарь этой партии Д. Яно, президент «Сока гаккай» Д. Икэда, председатель ЦИК ПДС Р. Сасаки, руководитель Нового либерального клуба И. Коно, видные деятели ЛДП Х. Иенла, И. Хатояма и др.

ССОД и общество «СССР — Япония» исходят из того, что политические взаимоотношения между различными участниками движения за дружбу с СССР являются сугубо внутренним делом Японии, и вопрос о том, выступать им в этом дви-

жении совместно или порознь, должны решать они сами. Однако мы готовы все-сторонне сотрудничать со всеми, кто искренне стремится к дружбе с СССР независимо от их партийной принадлежности. Это наш принципиальный курс, который исходит из того, что лучшей гарантией мирного сосуществования и добрососедства СССР и Японии — стран с различным социальным строем — является возможно более широкая база движения за дружбу, охватывающая все слои японского общества. При этом мы всегда приветствовали совместные шаги, предпринимаемые дружественными организациями.

Естественно, что разнообразие связей и многогранная роль, которую стало играть общество «СССР — Япония», определили характер мероприятий, проводимых совместно с японскими партнерами в СССР и Японии. Это месячники дружбы, гастроли художественных коллективов, Дни и Недели породненных городов, крупные выставки, такие, как «Советская социалистическая Сибирь», «60 лет Советскому государству», кинофестивали, научные симпозиумы и конференции, двусторонние встречи по профессиям, обмен делегациями, специализированный туризм, контакты с политическими деятелями, мероприятия, посвященные юбилейным и памятным датам. Этот перечень можно было бы продолжить.

Говоря о поступательном развитии советско-японских отношений в тот период, было бы неверным не замечать многих трудностей и откровенного стремления некоторых сил не допустить их развития по пути добрососедства. Участникам движения за дружбу с СССР приходилось вести постоянную и упорную борьбу с теми весьма влиятельными в Японии силами, которые стремятся помешать сближению между нашими странами, сохранить и всячески использовать доставшиеся в наследство от прошлого антисоветские настроения. Особый упор в пропагандистских акциях, направленных против СССР, японская реакция делала и делает на разжигание страстей вокруг не существующей в действительности «территориальной проблемы». Причем многие из инициаторов этой кампании хорошо знают, что СССР никогда не пойдет на пересмотр итогов второй мировой войны и сложившихся после нее реальностей. Однако они не желают отказываться от возможности использовать надуманный «территориальный вопрос» в качестве катализатора антисоветских кампаний, националистических настроений, на основе которых стремятся объединить различные, подчас полярные, политические силы, направить их деятельность в выгодное для себя русло.

Другим чрезвычайно важным фактором, оказывающим влияние на политику Японии в отношении СССР, является давление США. Будучи партнером Японии по военно-политическому союзу — «договору безопасности», США держат под пристальным контролем все внешнеполитические шаги Японии, особенно относящиеся к сфере отношений с СССР. В начальный период нормализации советско-японских отношений американская дипломатия предпринимала многочисленные шаги, имеющие целью максимально ограничить этот процесс под предлогом того, что нормализация может нарушить «баланс сил» на Дальнем Востоке. С другой стороны, прекращение «холодной войны», улучшение межгосударственных отношений между СССР и США в конце 60-х — первой половине 70-х годов оказали позитивное влияние на советско-японские связи.

Однако с середины 70-х годов поступательное развитие советско-японских отношений стало замедляться, а на рубеже 80-х годов было не только приостановлено развитие межгосударственных связей, но и начался процесс их замораживания, приведший к заметному спаду в этих отношениях. Курс на замораживание советско-японских связей, подкрепленный открытой антисоветской пропагандой, приобрел к 1980 г. характер официальной политики Токио.

Главной причиной этого явился поворот правящих кругов США от разрядки к открытой конфронтации с СССР по всем направлениям. США потребовали от своих союзников единства действий в осуществлении «нового курса». Готовность правящих кругов Японии примкнуть к этому курсу объясняется целым рядом обстоятельств, находящихся в сложном взаимодействии. С одной стороны, многолетняя экономическая, политическая и военная зависимость от США приучила японских лидеров строить внешнюю политику в соответствии со стратегией и тактикой Вашингтона. С другой стороны, в период быстрого экономического развития страны в 60-е и 70-е годы японские монополии завоевали прочные позиции на мировом рынке. Япония, выйдя на второе место в капиталистическом мире, стала главным торгово-экономическим конкурентом США, отношения с которыми в этой области стали временем именоваться «торговыми войнами». Поэтому идя на поводу требований США свернуть и заморозить отношения с СССР, соглашаясь на наращивание вооружений под фальшивым предлогом «советской угрозы», правящие круги Японии надеются на уступки со стороны США во взаимных торгово-экономических конфликтах, полагая, что на данном этапе принесение в жертву торгово-экономических и политических отношений с СССР в качестве «отступного» сулит меньшие потери для Японии. Нельзя не учитывать и империалистических устремлений японских монополий.

Разрядка международной напряженности в 70-е годы создала благоприятные условия для развития мирового революционного процесса, национально-освободительного движения. Весьма реальная перспектива потери уже имеющихся или потенциальных рынков сбыта и источников природного сырья не могла не сказываться на действиях японских монополий. Во многом смыкание их с антисоветскими акциями

правлящих кругов США объясняется глубокой общностью классовых позиций в борьбе с мировым социализмом.

Все эти факторы привели к тому, что в 80-х годах Япония открыто объявила о переходе от «дипломатии по всем направлениям», предполагавшей сбалансированное развитие внешних связей с США, КНР и СССР, к дипломатии «укрепления солидарности западного лагеря», принадлежность к которому Япония, дескать, должна подтверждать делами.

Именно японская сторона объявила об ограничении политических контактов, затормозила переговоры о новых взаимовыгодных сделках в торгово-экономической области, уклонилась от подписания уже во многом подготовленного соглашения о культурных связях. За бойкотом «Олимпиады-80» последовали попытки свернуть и транспортные связи между нашими странами, туризм, культурные и научные обмены.

Удовлетворенные таким ходом событий, оживились милитаристские силы и ультраправые элементы Японии. Всячески раздувая истерическую кампанию в прессе об «угрозе с Севера», они стали открыто ратовать за перевооружение Японии, за отмену статьи 9 конституции, якобы ущемляющей национальные интересы страны. Дело дошло до того, что правительственные деятели и высшие военные чины стали открыто признавать, что все новые военные приготовления направлены против Советского Союза.

Казалось бы, в такой обстановке возможности для деятельности общественных организаций, выступающих за развитие связей с СССР, резко сокращаются и движение за дружбу между советским и японским народами обречено на затухание. Однако факты именно этого периода со всей очевидностью показали, что движение за дружбу превратилось в силу, способную успешно противостоять антисоветским зигзагам в политике японских реакционных кругов.

История последних 25 лет свидетельствует еще об одном важном моменте — в течение этого периода общественные связи, движение за дружбу развивалось по восходящей линии, в то время как в межгосударственных отношениях наблюдались подъемы и спады.

Поэтому когда правящие круги Японии в начале 80-х годов начали принимать меры по ограничению связей с Советским Союзом, японская общественность, японское движение за дружбу с СССР, опираясь на созданную ранее широкую базу, взяли на себя инициативу в деле сохранения и дальнейшего развития общественных, политических контактов, торгово-экономических связей с СССР.

Общественность способствовала решению в духе добрососедства ряда конкретных вопросов двусторонних отношений. Например, по просьбе Социалистической партии Японии был положительно решен вопрос о промысле японскими рыбаками морской капусты в территориальных водах СССР у острова Сигнальный.

Наиболее дальновидные представители деловых кругов, политические и общественные деятели Японии, многие из которых стоят на позициях, далеких от сочувствия коммунистической идеологии, отчетливо осознают, что нормальные межгосударственные отношения между СССР и Японией, основанные на добрососедстве и взаимовыгодном сотрудничестве, являются для Японии в долговременной перспективе настоятельной необходимостью, и такому курсу нет разумной альтернативы, если серьезно думать о безопасности и мирном будущем страны. Именно исходя из долговременных интересов японского народа, эти люди считают необходимым свое личное участие в движении за дружбу, с тем чтобы уже сейчас закладывать основы добрососедства на будущее. Известный государственный и политический деятель, неоднократно входивший в состав кабинета министров Японии, депутат парламента от ЛДП многих созывов Мунэнори Акаги, являющийся бессменным президентом Общества японо-советской дружбы, по этому поводу сказал: «Президиум Верховного Совета СССР наградил меня орденом «Дружбы народов». Я получил его за многолетний вклад в японо-советскую дружбу, в развитие связей между людьми, культурного обмена между двумя странами. Я веду эту деятельность прежде всего в интересах Японии»².

Другой видный общественный и политический деятель, президент Японской ассоциации культурных связей с зарубежными странами, кавалер ордена «Дружбы народов» Мацумаэ Сигэеси, размышляя о перспективах развития связей между нашими странами, подчеркивает: «Японо-советские отношения имеют большое будущее. Не вызывает сомнений, что благодаря сотрудничеству СССР и Японии в разработке природных ресурсов Сибири, а также совместным усилиям Японии и СССР в деле стабилизации политической обстановки в Азии будут обеспечены государственные интересы обеих стран на длительное будущее. Поэтому нашим долгом является кропотливая работа по устранению одного за другим препятствий и негативных факторов, существующих во взаимоотношениях между двумя странами в настоящее время, ради достижения этих больших целей»³.

² М. Акаги. Сугао-но соремпо (СССР как он есть). Токио, 1980, с. 6.

³ Адзидано хэйва-о кангаэру (Размышления о проблемах мира в Азии). Токио, 1982, с. 230.

Многие представители делового мира Японии выступили против курса японского правительства на свертывание деловых контактов и осуществление в отношении СССР так называемых «санкций», которые были предприняты под давлением США, считая эти действия противоречащими национальным интересам Японии.

Представители Совета связи пяти дружественных СССР организаций осенью 1982 г. обратились к премьер-министру Японии с требованием немедленной отмены «санкций» и обеспечения условий для всемерного развития торгово-экономического сотрудничества с СССР.

Выступая на Международной встрече советской и зарубежной общественности в Москве, посвященной 60-летию образования СССР, председатель Ассоциации японо-советской торговли С. Екокава заявил: «Мы, руководители ассоциации, считаем, что для устранения угрозы войны, содействия разрядке напряженности и упрочению мира во всем мире необходимы тесные взаимные связи в области науки, культуры, торговли, спорта и во всех других областях. Мы строим нашу деятельность исходя из сознания необходимости тесного сотрудничества наших стран в торгово-экономической сфере как основы всего комплекса японо-советских отношений».

Представители японских фирм района Кансай, участвующих в торговле и в движении за дружбу с СССР, взяли на себя инициативу и осенью 1981 г. в разгар кампании, направленной на свертывание торгового сотрудничества с Советским Союзом, организовали серию встреч ведущих деятелей делового мира Японии с советской делегацией, которая прибыла для проведения симпозиума на тему «Перспективы японо-советского торгово-экономического сотрудничества». Во время симпозиума был сделан важный вывод о том, что сотрудничество между СССР и Японией в области торгово-экономических связей должно всемерно расширяться и способствовать нормализации политических отношений.

В феврале 1983 г. в Советский Союз была направлена крупнейшая в истории советско-японских отношений делегация делового мира в составе 250 человек, возглавляемая председателем Торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано. Эта поездка состоялась, несмотря на бесчинства правых экстремистов, на откровенное неодобрение официальных кругов. Она показала наличие в деловых кругах Японии сильного стремления к развитию и укреплению взаимовыгодных экономических связей с Советским Союзом, продемонстрировав тем самым тот факт, что навязанные Японии извне экономические «санкции» в отношении СССР не пользуются поддержкой в стране.

Следует отметить также, что попытки втянуть Японию в антисоветскую стратегию Вашингтона, превратить ее в «непотопляемый авианосец» США также не находят поддержки в народных массах. Это показывают и проводимые в Японии опросы общественного мнения. Характерно, что, вопреки шумихе по поводу пресловутой «советской угрозы», население наиболее близко расположенного к территории СССР острова Хоккайдо, в первую очередь рыбаки, наиболее активно выступает за укрепление добрососедских отношений с СССР.

Важнейшим фактором сохранения и развития всего положительного, что достигнуто в советско-японских отношениях, является принципиальная, неизменная и последовательная политика СССР в отношении Японии.

Советский Союз никогда не предпринимал шагов в сторону дестабилизации советско-японского добрососедства, свертывания сотрудничества. Напротив, в активе советской стороны немало конкретных акций и инициатив, направленных на совершенствование связей, на упрочение мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе. Причем все эти предложения сделаны не только с учетом общемировых или региональных интересов мира и безопасности, но и с учетом интересов наших двусторонних отношений.

Советский Союз серьезно обеспокоен ухудшением международной обстановки по вине агрессивных сил империализма во главе с США. В условиях, когда угроза ядерной войны становится все более реальной, наша страна уделяет первоочередное внимание вопросам сохранения мира, возрождения процесса разрядки. Вот почему мы предлагаем договориться о применении мер доверия на Дальнем Востоке, о распространении их на акватории морей и океанов, что особенно важно для Японии, осуществляющей основные транспортные перевозки морским путем.

Советский Союз готов обсудить с Японией вопросы о приемлемых для обеих сторон мерах по укреплению доверия и на двусторонней основе.

СССР взял на себя историческое обязательство не применять первым ядерное оружие. В отношении Японии он готов конкретизировать это обязательство в виде гарантии вообще не применять против нее ядерного оружия, если Япония не будет производить, приобретать и иметь такое оружие на своей территории. Причем от Японии не требуется никаких политических или экономических уступок. Речь идет о строгом соблюдении Японией ею же самой выработанных неядерных принципов.

Само собой разумеется, что реализация этих предложений СССР в виде конкретных двусторонних договоренностей выбила бы почву из-под ног тех, кто во имя своих корыстных целей усиленно обрабатывает общественное мнение с помощью антисоветских измышлений, основанных на утверждениях о якобы существующей со стороны СССР «военной угрозе» Японии. Антисоветчики пытаются скрыть от японского народа советские мирные инициативы либо извратить их смысл. Именно

незнание советской политики и советской действительности создает условия для распространения антисоветской пропаганды.

Знакомая японскую общественность с советским образом жизни, с миролюбивой внешней политикой СССР, японские общества и ассоциации дружбы с СССР делают дело большой важности с точки зрения углубления взаимопонимания и укрепления взаимного доверия между народами Японии и СССР.

Вот почему, несмотря на все препятствия, японское движение за дружбу с Советским Союзом, участники которого являются партнерами нашего общества «СССР—Япония», продолжает расширяться и наполняться новым содержанием.

В конце 70-х годов на Хоккайдо возникло новое направление в этом движении — строительство домов японо-советской дружбы, начало которому положил известный представитель делового мира Хоккайдо Я. Сибано, построивший Дом японо-советской дружбы и культуры в Саппоро. Вслед за ним инициативу подхватили города Куширо, Вакканай, Хакодате. Инициаторы их создания М. Муто, Ц. Сэто, Т. Като хорошо известны в СССР. Эти дома, и прежде всего Дом в Саппоро, стали маяками японо-советской дружбы на острове, центрами культурных связей с СССР. За пять лет существования Дом в Саппоро, где регулярно проводятся выставки, лектории, кинопросмотры, семинары и т. п., посетили более 150 тыс. жителей Хоккайдо и других районов страны.

За большой вклад в развитие советско-японской дружбы Я. Сибано был награжден орденом «Дружбы народов».

ОСЯ и дома дружбы в Саппоро, Куширо и других городах стали составлять ежегодные планы сотрудничества, а в настоящее время осуществлен переход к планированию совместной деятельности на два—три года.

В последнее время широкие масштабы приобрел обмен художественными коллективами между дружественными организациями СССР и Японии, прочно утвердился такая форма крупных комплексных мероприятий, как Дни культуры СССР на примере союзных республик и Дни японского искусства в СССР. Только в 1982 г. в Японии прошли Дни культуры РСФСР, Грузинской и Литовской ССР, а в СССР гастролировали балетные труппы из Ниигата и Саппоро. В 1983 г. запланировано проведение Дней культуры Молдавской, Армянской, Таджикской ССР и РСФСР в Японии, а также совместная советско-японская Неделя мира и дружбы в Узбекистане.

Продолжает расширяться число японских организаций, заинтересованных в развитии связей с ОСЯ. В 1982 г. впервые были установлены контакты между ОСЯ и Всеяпонской ассоциацией бывших военнопленных, Парламентской ассоциацией содействия международному разоружению, религиозными организациями «Риссе косэйкай» и «Тэйрикё». Продолжаются плодотворные обмены с «Сока гаккай». Вспоминая о своих визитах в СССР и встречах с советскими руководителями, почетный президент «Сока гаккай» Д. Икэда говорил о важности контактов между людьми следующим образом: «Я хотел бы дорожить этой дружбой, потому что взаимное доверие между государствами в конечном счете основывается на взаимном доверии между отдельными лицами. В отношении стран, где много близких друзей, в глубине души всегда существует стремление к взаимопониманию, если даже между этими странами возникает отчуждение или вражда»⁴.

Мы согласны с этим высказыванием, и конкретная работа общества «СССР—Япония» наглядно подтверждает это.

Большое число мероприятий, проводимых центральным правлением, отделениями, комиссиями и первичными организациями, позволяет советским людям знакомиться с историей, условиями жизни и труда японского народа, с достижениями Японии в области науки и культуры.

Общество предоставляет широкие возможности членам дружественных СССР организаций встречаться с советскими людьми, завязывать с ними контакты и дружественные связи. Только в 1982 г. подразделения общества «СССР—Япония» оказали содействие либо приняли непосредственное участие в организации программы пребывания в нашей стране 4,5 тыс. японских граждан. Десятки «караванов дружбы», специализированных групп и отдельных лиц на собственном опыте убедились в масштабах и характере деятельности общества «СССР—Япония».

Советские сторонники дружбы с Японией и общество «СССР—Япония» имеют непосредственное отношение к такой традиционной форме обменов, как связи между городами-побратимами. Во всех советских городах, поддерживающих связи с Японией, имеются отделения общества, работают его комиссии, клубы и т. п., благодаря чему население советских городов, их руководители или специалисты по вопросам ведения городского хозяйства получают возможность практически участвовать в развитии советско-японских связей. Многие города Сибири, Дальнего Востока, Сахалина развивают разносторонние связи с городами Хоккайдо, Западного побережья, района Кансай и т. д.

Важным вкладом в дальнейшее развитие породненных связей, например, между Осака и Ленинградом, Киото и Киевом в 1982 г. явился приезд в Японию делегаций Ленгорисполкома во главе с Л. Н. Зайковым и Киевского горисполкома во главе

⁴ Д. Икэда. Защищать человеческую жизнь. Токно, 1975, с. 100.

с В. А. Згурским. Состоялись также делегационные, туристские, спортивные обмены между Улан-Удэ и Румои, Находкой и Майдауру и Отару, Братском и Нагао, Иркутском и Канадзава, Хабаровском и Нингата.

Актуальные проблемы международной жизни волнуют сейчас каждого честного человека на земле. Обеспокоенная складывающейся обстановкой в мире, общественность двух стран в последние годы предпринимает конкретные шаги по борьбе с угрозой термоядерной войны. Впервые в 1982 г. в СССР была проведена советско-японская встреча под лозунгом «Антивоенная клятва». Сотни японских и тысячи советских участников провели митинги в Москве, Ленинграде, Минске, Волгограде, твердо заявив о своей решимости крепить мир. Следует особо подчеркнуть представительный характер японской делегации, в составе которой были депутаты парламента М. Акаги, С. Хасэгава, Т. Уэда, представители СПЯ, ЛДП, Комэйто, «Сока гаккай», профсоюзных и молодежных организаций.

За 25 лет существования общества «СССР — Япония» накопило не только богатый опыт многогранной деятельности по укреплению связей с дружественными организациями, но и стало авторитетным звеном в установлении и развитии связей между самыми различными организациями СССР и Японии. Только за последние годы при содействии ОСЯ проведены десятки двусторонних научных симпозиумов, тематика которых охватывает такие проблемы, как мир и безопасность в Азии, вопросы эстетического воспитания детей, различные стороны советско-японского сотрудничества. Проведены с различными японскими организациями крупные художественные, научные и промышленные выставки («Искусство, рожденное Октябрем», палеонтологическая выставка, выставка «Узбекистан сегодня», промышленные ярмарки в Токио, Осака).

Новой важной и перспективной формой деятельности общества «СССР — Япония» и его японских партнеров явились три конференции «круглого стола» представителей советской и японской общественности, проведенные в СССР и Японии совместно с Советом связи пяти дружественных СССР организаций. Эти конференции сыграли большую роль в поддержании диалога между советским и японским народами именно в то время, когда определенные круги Японии под нажимом извне пытались этот диалог всячески ограничить. В III конференции, состоявшейся в Токио в апреле 1982 г., приняли участие свыше 500 представителей советской и японской общественности, в том числе политические деятели, руководители и активисты общественных организаций, ученые, журналисты, деятели культуры, искусства, спорта, представители деловых кругов, около 40 депутатов Верховного Совета СССР и японского парламента от правящей и оппозиционных партий.

На конференциях «круглого стола» советские и японские участники вели обстоятельный и серьезный разговор по всему комплексу советско-японских отношений, объединенные общим стремлением найти выход из трудностей, которые переживают сейчас эти отношения, выявить пути использования больших потенциальных возможностей для их развития.

Участники конференций вновь подчеркнули важность общественных связей, особенно в периоды осложнений межгосударственных отношений.

«Движение дружбы между японским и советским народами и расширение культурного, научного, спортивного обмена, а также визиты религиозных деятелей еще никогда не были столь важны, как сейчас, для достижения взаимопонимания между народами», — с этими словами председателя Парламентской ассоциации японо-советской дружбы Х. Исиды, сказанными во время II конференции «круглого стола» в Москве в ноябре 1980 г., выражают согласие все, кто искренне заинтересован в улучшении отношений между двумя странами.

В деятельности общества «СССР — Япония» в настоящее время участвуют представители всех слоев населения СССР. Его возглавляет министр морского флота СССР, Герой социалистического труда Т. Б. Гуженко, в работе центрального правления и в руководстве отделениями участвуют видные государственные, политические и общественные деятели, представители советского рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

Вся 25-летняя история общества «СССР — Япония» — это неотъемлемая часть истории советско-японских отношений, которые нуждаются в серьезном улучшении. Члены общества, равно как и их партнеры в Японии, видят свою задачу в том, чтобы и далее крепить дружбу и сотрудничество между двумя великими народами, давать решительный отпор всем, кто пытается разрушить советско-японскую дружбу и вновь столкнуть Японию на опасный путь конфронтации с Советским Союзом. Мы уверены, что подавляющее большинство японского народа отдаст себе отчет в том, что наши страны — соседи и что у нас нет другого разумного пути, кроме поддержания и развития между двумя странами отношений добрых соседей и друзей, отношений сотрудничества, основанных на принципах мирного сосуществования.

Встречая свой 25-летний юбилей, общество «СССР — Япония» преисполнено решимости вместе со всем советским народом и впредь не жалеть усилий для укрепления всестороннего сотрудничества с нашими друзьями в Японии, со всеми, кто осознает жизненную необходимость упрочения основ добрососедства, дела мира и дружбы между СССР и Японией, между советским и японским народами.

Об XI съезде КСМК

Т. И. Илларионова

В. Н. Усов,

кандидат исторических наук

С 20 по 30 декабря 1982 г. в Пекине проходил XI съезд Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК). Он был созван через четыре года после X съезда (16—26 октября 1978 г.), как и предусматривалось Уставом КСМК. Между съездами было проведено четыре пленума ЦК КСМК, на которых рассматривались организационные вопросы, вопросы текущей работы комсомола и деятельности пионерской организации. IV пленум ЦК КСМК, проходивший с 4 по 8 ноября 1982 г., обсудил и одобрил доклад, подготовленный к XI съезду КСМК, проект исправленного Устава КСМК и принял решение о передаче этих документов на рассмотрение предстоящему съезду. На пленуме путем тайного голосования первым секретарем ЦК КСМК был избран Ван Чжаого¹. Прежний первый секретарь ЦК КСМК Хань Ин, как было заявлено, переведен на работу в хозяйственное ведомство².

Помимо IV пленума ЦК КСМК, проводилась и другая работа по подготовке XI съезда, созывались совещания, посвященные вопросам молодежи и комсомола КНР. В частности, 4 сентября 1982 г. работники Секретариата ЦК КПК, включая Ху Яобана, провели беседу с членами Постоянного комитета ЦК КСМК. В беседе впервые принял участие и Ван Чжаого, предварительно назначенный на работу в ЦК КСМК. На этом совещании обсуждались вопросы критериев отбора лиц в будущий состав ЦК КСМК. 18 октября 1982 г. на заседании Секретариата ЦК КПК был заслушан доклад секретаря ЦК КСМК о подготовительной работе к XI съезду. На совещании обсуждался новый раздел проекта Устава КСМК о кадровых работниках. В обсуждении приняли участие Ху Яобан, секретари ЦК КПК Вань Ли и Чэнь Писянь. На заключительном этапе подготовки XI съезда КСМК было проведено еще два совещания — 5 и 9 декабря 1982 г., которыми руководил бывший секретарь ЦК КСМК, член Политбюро ЦК КПК Ху Цили. На них обсуждался текст отчетного доклада XI съезду КСМК.

19 декабря 1982 г. состоялось подготовительное заседание XI съезда КСМК. В работе заседания приняли участие 1954 человека. На заседании были избраны президиум съезда в составе 172 человек и мандатная комиссия, утверждена повестка дня съезда. Кроме того, были утверждены решения II, III и IV пленумов ЦК КСМК десятого созыва и одобрены кандидатуры введенных после X съезда членов ЦК КСМК³.

XI съезд КСМК открылся 20 декабря 1982 г. Материалы съезда, выступления руководящих деятелей освещались в центральной печати КНР. В работе съезда приняли участие руководящие работники центральных партийных и государственных учреждений, ветераны КПК, в том числе Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Дэн Инчао, Ху Яобан, Ху Цили, Вань Ли, Юй Цюли и др.

На съезде присутствовали 1900 делегатов и 149 делегатов с правом совещательного голоса (на X съезде — 2000 делегатов), представлявших 48 млн. членов КСМК от 56 национальностей Китая. За время, прошедшее с X съезда КСМК, численность комсомольской организации не изменилась, однако ее состав обновился наполовину (вступило 26 млн. человек), за тот же период 2 млн. 700 тыс. комсомоль-

¹ Ван Чжаого, 43 года, в 1965 г. окончил Харбинский политехнический институт, в 1968 г. получил назначение на 2-й завод автомобильного машиностроения в провинции Хубэй. Вначале работал технологом, несколько лет был секретарем комитета заводского подразделения, а затем секретарем комсомола всего завода. В 1976 г., в период, когда развернулась борьба с «правоуклонистами», он попал в разряд лиц, «облеченных властью и идущих по капиталистическому пути». В июле 1980 г. Дэн Сяопин после посещения завода лично рекомендовал Ван Чжаого на работу в ЦК КСМК. Ван Чжаого был делегатом XII съезда КПК. — См.: «Жэньминь жибао», 2.IX.1982.

² См.: «Жэньминь жибао», 9.XI.1982.

³ См. там же, 20.XII.1982.

цев вступили в КПК⁴. В стране насчитывается 2 млн. 200 тыс. низовых организаций КСМК.

В повестке дня съезда стояло три вопроса:

- 1) отчетный доклад ЦК КСМК XI съезду, сделанный Ван Чжаого;
- 2) принятие нового Устава КСМК;
- 3) выборы нового состава ЦК КСМК.

На церемонии открытия съезда с приветственным словом от имени ЦК КПК выступил Ху Цили. На закрытии съезда выступил генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан.

В отчетном докладе ставились такие задачи, как укрепление и максимальное увеличение низовых организаций КСМК, особенно в деревне; подготовка необходимого числа комсомольских кадровых работников, отвечающих современным требованиям; укрепление связи комсомола с молодежью всей страны. В докладе было отмечено, что четыре последних года были периодом восстановления комсомольских организаций страны.

На съезде были внесены существенные изменения в Устав КСМК. Формально устав увеличен на одну главу и восемь статей. Идеологической основой деятельности организации по-прежнему остались «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна». Увеличены возрастные рамки членов КСМК, сейчас комсомольцами могут быть молодые люди и девушки от 14 до 28 лет (по уставу X съезда — от 14 до 25 лет). Вероятно, данные изменения повлекут за собой увеличение численности КСМК.

В соответствии с новым уставом удлиняется с 4 до 5 лет срок работы ЦК КСМК между съездами. Пленумы ЦК КСМК созываются один раз в год (по уставу IX съезда — один-два раза в год). Провинциальные конференции и съезды — один раз в пять лет (X съезд — один раз в два-три года); уездные и городские конференции — один раз в три года (X съезд — один раз в один-два года); конференции местных организаций КСМК созываются не менее одного раза в год (X съезд — два-три раза в год). Рекомендации при вступлении в члены КСМК необходимы, как и раньше, от двух человек.

В устав вновь введено положение о видах взысканий для комсомольцев: выговор, строгий выговор, снятие с руководящих комсомольских постов, нахождение в КСМК с испытательным сроком, исключение из комсомола. Комсомолец с испытательным сроком может оставаться в КСМК от 6 месяцев до года. Оставленный в комсомоле с испытательным сроком лишается права избирать, быть избранным и принимать решения, он не может давать рекомендаций вступающим в КСМК. Комсомолец, выдержавший испытательный срок, после принятия соответствующего решения должен быть восстановлен в комсомольских правах. Те, кто «упорствует в своих ошибках и не желает перевоспитываться, должны быть исключены из комсомола»⁵.

Впервые в устав введено специальное положение о клятве, которую должен произнести вступающий в КСМК: «Я добровольно вступаю в Коммунистический союз молодежи Китая, клянусь всемерно защищать руководство КПК, соблюдать устав комсомола, проводить в жизнь решения организации, выполнять обязанности комсомольца, строго соблюдать дисциплину, прилежно учиться, активно работать, в числе первых идти на трудности, в числе последних пользоваться благами, бороться за дело коммунизма»⁶.

Введено также положение о формах поощрения передовых комсомольцев Китая.

В уставе появился совершенно новый раздел, о «кадровых работниках комсомола». В нем подчеркивается, что «кадровые работники являются костяком комсомольских организаций». В разделе определены пять критериев подбора кадров, их функции и задачи. Специально оговаривается необходимость «создания регулярной системы воспитания кадровых работников», «улучшения работы комсомольских школ различного ранга и курсов усовершенствования», «создания системы проверки кадровых работников и распространения ее на всех кадровых работников КСМК»⁷.

Совершенно очевидно, что появление данного раздела вызвано как низким качеством комсомольской работы, так и нехваткой инициативных, сравнительно молодых кадровых комсомольских работников для руководства деятельностью КСМК и пионерской организации Китая. Учитывая, что в преамбулу, в отличие от прошлых уставов, введено положение о том, что КСМК является не только помощником, но и «резервом КПК», можно с определенной долей уверенности сказать, что кадровый аппарат партии в ближайшем будущем будет пополняться из КСМК. Это подтверждается и общим курсом КПК на замену старых, малообразованных кадровых работников более молодыми, со сравнительно высоким уровнем общего образования и специальных знаний. Таким образом, данный раздел устава введен с целью обеспечить страну в ближайшем будущем молодыми руководящими кадрами с высоким профессиональным и культурным уровнем, прошедшими через систему комсомола и хорошо себя зарекомендовавшими.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 21.XII.1982.

⁵ Там же, 28.XII.1982.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

В общей программе КСМК, изложенной в преамбуле устава, где говорится, что члены КСМК борются против империализма, гегемонизма, колониализма, вставлено положение о необходимости бороться «за сохранение мира во всем мире». В то же время исключено положение устава X съезда о том, что «КСМК решительно борется против гегемонизма двух сверхдержав — СССР и США».

В заключительном слове Ху Яобан заявил, что у КПК повышаются требования к членам ЦК КСМК и что необходимо ввести систему ежегодной проверки кадровых комсомольских работников⁸.

29 декабря 1982 г. XI съезд КСМК избрал новый ЦК в составе 263 членов и 51 кандидата в члены ЦК. В новый состав ЦК вошли 32 члена ЦК и 11 кандидатов в члены ЦК десятого созыва, то есть лишь 14 % членов прежнего состава ЦК⁹.

31 декабря 1982 г. состоялся первый пленум ЦК КСМК одиннадцатого созыва. Пленум избрал первого секретаря ЦК КСМК, шесть секретарей и одного кандидата в секретари ЦК, а также 16 членов Постоянного комитета ЦК КСМК. Число секретарей осталось прежним, но из прежнего состава четырехлетней давности осталась только Ли Хайфэн, которая была членом подготовительного комитета X съезда, членом ЦК КСМК десятого созыва, секретарем комитета комсомола Дацинских нефтепромыслов. Остались в Секретариате три из четырех секретарей, введенных на III пленуме десятого созыва в 1981 г.: Каюм Баудун, Чэнь Хаосу и Хэ Гуанвэй. Избраны два новых секретаря — Ху Цзиньтао и Лю Яньдун. Кандидатом в секретари избран Чжан Баошунь, кандидат в члены ЦК КСМК десятого созыва. Постоянный комитет ЦК КСМК по численности сократился на 9 человек, причем его состав, за исключением Ли Хайфэн, полностью обновился. Первым секретарем ЦК КСМК был избран Ван Чжаого¹⁰.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 5.I.1983.

⁹ См. там же, 30.XII.1982.

¹⁰ См. там же, 1.I.1983.

Культура чжурчжэней по археологическим источникам

В. В. Евсюков,
С. А. Комиссаров

История чжурчжэней и созданного ими государства Цзинь относится к числу ключевых проблем всей средневековой истории Дальнего Востока. Вместе с тем пока нельзя сказать, чтобы степень исследованности чжурчжэньской проблематики соответствовала той роли, которую этот народ сыграл в исторических судьбах Дальневосточного региона. Первые западные работы по этой теме (Ш. Арле, В. Грубе, Э. Шаванна, Т. де Лякупери и др.) появляются лишь в конце XIX в. и представляют собой переводы и исследования китайских и маньчжурских письменных источников, посвященных чжурчжэням. В отечественной науке чжурчжэни стали известны благодаря трудам востоковедов Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, В. В. Горского, П. И. Кафарова. Однако активно чжурчжэноведение стало развиваться лишь в последние десятилетия. Значительный вклад в него внесли японские исследователи (Икеути Хироси, Тояма Гундзи, Миками Цугио и др.). Ряд работ принадлежит перу китайских историков Шэнь Цивэя, Хуа Шаня, Чжу Дацзюня и др.¹ Что касается советской исторической науки, то уже первые монографические обзоры по средневековому Дальнему Востоку, содержащие обширные очерки истории и культуры чжурчжэней², вывели ее на почетное место в этой области исследований, а фундаментальный труд М. В. Воробьева³ утвердил ее приоритет в изучении целого ряда аспектов чжурчжэньской истории. К настоящему времени советская библиография чжурчжэноведческих работ, охватывающих (в разной степени) многие проблемы этногенеза, истории, культуры, хозяйства и быта этого древнего народа, насчитывает десятки наименований (кроме уже упомянутых авторов, назовем Е. И. Кычанова, В. Е. Медведева, Э. В. Шавкунова, В. Д. Ленькова, С. Н. Гончарова). Следует сказать и о ближайших перспективах советского чжурчжэноведения: в скором времени выйдет в свет книга М. В. Воробьева, посвященная духовной культуре чжурчжэней; под редакцией В. Е. Ларичева ведется работа по подготовке научного издания выполненного еще в прошлом веке Г. М. Розовым русского перевода маньчжурского сочинения XVII в. «Айсин гурун нусудури» («История государства Цзинь»), представляющего собой ценный источник по чжурчжэньской истории.

Если японские, китайские, а также западные историки (например, Г. Серрайс, Г. Франке) в своих работах опираются преимущественно на средневековые китайские письменные источники и в лучшем случае привлекают накопленные наукой данные по исторической этнографии народов Дальнего Востока, большинство которых опять-таки восходит к китайским историческим сочинениям и хроникам, то советские исследователи благодаря целенаправленным и достаточно масштабным археологическим изысканиям располагают уникальной возможностью изучать чжурчжэней на основе обширного и качественно нового фактического материала⁴. Материальные источники служат, таким образом, для критики летописных известий, и, наоборот, сохранившиеся записи позволяют правильно объяснить данные, полученные в ходе раскопок⁵.

¹ Из числа последних обобщающих трудов можно назвать: Цай Мэйбяо, Чжоу Циньшу и др. *Общая история Китая*, т. 6, Пекин, 1979 (на кит. яз.).

² См.: А. П. Окладников. *Далекое прошлое Приморья*. Владивосток, 1959; А. П. Окладников, А. П. Деревялко. *Далекое прошлое Приморья и Приамурья*. Владивосток, 1973; *История Сибири*, т. 1. Л., 1968. Сюда же следует отнести и популярные по форме изложения, но насыщенные фактическим материалом книги В. Е. Ларичева «Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске» (Новосибирск, 1966) и «Путешествие в страну восточных индусов» (Новосибирск, 1973).

³ М. В. Воробьев. *Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.)*. Исторический очерк. М., 1975.

⁴ Что касается чжурчжэньской археологии в Китае, то, насколько можно судить по имеющимся публикациям, исследования ограничиваются в основном эпохой Цзинь и, как правило, не затрагивают догосударственный период истории чжурчжэней.

⁵ См.: А. П. Окладников, В. Е. Медведев. *Чжурчжэни Приамурья по данным археологии*. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4.

С этих позиций заслуживает внимания монография В. Е. Медведева⁶, которая представляет собой подробную публикацию археологических материалов, полученных в результате полевых исследований автора на острове Уссурийском в 1976—1979 гг. Главное место в ней уделено обширному Корсаковскому могильнику (384 погребения на площади 3165 м²). Кроме того, приводятся данные о небольшом могильнике Камешушка (6 погребений) и трех пунктах временных стоянок, также относящихся к чжурчжэньской эпохе. Для каждой могилы или стоянки указывается точное местонахождение, стратиграфическая ситуация и дано описание хода работ и сделанных находок. Иллюстративная часть состоит из топографических карт-схем и 96 таблиц с прекрасно выполненными рисунками инвентаря. В сочетании с опубликованной ранее статьей автора о первом раскопе Корсаковского могильника⁷ книга дает детальное представление о средневековых памятниках этого района.

Такое внимание к вещеведческим аспектам проблемы представляется вполне оправданным, поскольку Корсаковский некрополь был раскопан полностью и, таким образом, возникла сравнительно редкая возможность учесть все данные по памятнику в едином комплексе. К тому же он относится к опорным археологическим объектам. Даже предварительное его изучение дает возможность выделить особый «корсаковский вариант чжурчжэньской культуры» (с. 4).

Проведенные типологические сопоставления, а также данные радиоуглеродной и нумизматической датировок⁸ позволяют отнести большую часть погребений некрополя ко второй половине X—XI вв., то есть к периоду, непосредственно предшествовавшему становлению чжурчжэньской государственности и образованию могущественной Золотой империи (Аньчун гурунь). Это еще более усиливает интерес к публикуемым находкам, поскольку культура чжурчжэней представлена здесь в чистом, насколько это возможно, виде.

Публикации предпослан обстоятельный очерк истории исследования чжурчжэньских памятников Приамурья, Маньчжурии и Приморья с 60-х годов прошлого столетия по 1980 г. включительно. Полный культурно-исторический анализ сделанных находок планируется автором в следующей работе. никоим образом не пытаюсь опередить его в интерпретациях, мы предлагаем ниже несколько наиболее общих соображений по поводу изданных материалов.

Одной из существенных особенностей Корсаковского могильника, которая сразу же бросается в глаза, является многообразие форм захоронения умерших. Здесь отмечены первичные и вторичные погребения, одиночные и групповые, совершенные как способом труположения, так и способом трупосожжения. Подобная ситуация характерна и для других чжурчжэньских могильников — Надеждинского и Болоньского⁹. Подобный разнород в рамках одного отрезка времени и одного этноса свидетельствует о переходном характере изучаемого периода. В чжурчжэньском обществе на том этапе осуществлялись мощные социальные и политические преобразования, что и выразилось в известной неустойчивости идеологических, в том числе и религиозных, представлений. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что эпоха, к которой относится Корсаковский могильник, была в истории Дальнего Востока временем интенсивных этнических контактов и процессов, что не могло не сказаться на материальной культуре и погребальных обрядах. Именно в то время происходит формирование чжурчжэньской народности, вобравшей в себя разнообразные этнические компоненты. Помимо основного тунгусо-маньчжурского субстрата, в этногенезе чжурчжэней прослеживаются прототюркомонгольские, корейские и бохайские элементы. В частности, предки монголов исторически составляли существенную часть населения Маньчжурии, особенно ее западных областей. К протомонголам исследователи относят часть племен шивэй, с которыми генетически связаны как мохэ, так и чжурчжэни. Видимо, не случайно чжурчжэньская область «мэнгу» (то есть монголов) упоминается позднее в «Корё са». По мнению Г. Франке, чжурчжэньский клановый этноним «Гуан-цзи-ла», несомненно, связан с монгольским этнонимом «хунгират»¹⁰. Соседями чжурчжэней с древности были и тюркские племена. Одним из них, по-види-

⁶ В. Е. Медведев. Средневековые памятники острова Уссурийский. Новосибирск, 1982.

⁷ См.: В. Е. Медведев. Некоторые результаты раскопок могильника на острове Уссурийском в 1976 г. — В кн.: Источники по археологии Северной Азии (1935—1976 гг.). Новосибирск, 1980, с. 138—171.

⁸ Две радиоуглеродные даты — СО АН-1629, выполненная в лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики СО АН СССР, и ЛЕ-1776, выполненная в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, давние соответственно 940 ± 25 и 920 ± 40 гг. н. э., хорошо совпали с археологической датировкой. Этому не противоречат и найденные в нескольких могилах монеты «Кайюань тунбао», отливка которых производилась с начала VII по вторую половину X в. (с. 127).

⁹ См.: В. Е. Медведев. Культура амурских чжурчжэней. Конец X—XI вв. (По материалам грунтовых могильников). Новосибирск, 1977, с. 96—119.

¹⁰ In: H. Franke. Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberung: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115—1234). — Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften, Vorträge G 228. Westdeutscher Verlag, 1978, S. 18.

тому, являлось племя «си», исконной областью обитания которого была ляоская область Дадин-фу. Тюркское влияние прослеживается в языке и ономастике чжурчжэней. Так, чжурчжэньское имя Ван-гу (Юн-гу, Хуан-гу), видимо, связано с тюркским племенным этнонимом «онгут»¹¹. Значительную роль в этногенезе чжурчжэней, очевидно, сыграли и корейские племена. Можно вспомнить, что, согласно преданию, предки правящего цзиньского рода были выходцами из Кореи. Некоторые чжурчжэньские роды вели свое происхождение от бохайцев.

В плане изучения данной проблемы значительный интерес представляет осуществленный Е. И. Деревянко сопоставительный анализ погребального инвентаря и обрядов предков чжурчжэней — мохэ с тюркскими культурами Сибири, Алтая, Тувы и Монголии. Рассмотренные ею мохэские памятники частично синхронны находкам из Корсаковского могильника. Изучение керамики, инвентаря и погребальных обрядов мохэ привело Е. И. Деревянко к выводу, что в материальной культуре тюрков VI—VIII вв. и населения Приамурья имеется значительное число параллелей и сходств¹². В качестве одного из таких элементов она выделяет культовое отношение к огню как очистительной силе, играющей важную роль в погребальном ритуале. Имея это в виду, можно, видимо, сопоставить чжурчжэньский обряд трупосожжения с имеющимися данными о почитании чжурчжэнями огня¹³ и поставить вопрос об истоках этих воззрений. Можно также предположить, что почитание земного очистительного огня определенным образом связано с поклонением огню небесному — с соляренным культом. Косвенным указанием здесь может служить обилие крестообразных (или имеющих в основе крест) бляшек и украшений, а также тамгообразных знаков того же типа, которые могут быть идентифицированы как солярные символы.

Если обратиться к погребальному инвентарю Корсаковского могильника, то сразу привлекают внимание многочисленные находки предметов вооружения: разнообразных по форме и назначению наконечников стрел, однолезвийных палашей, наконечников копий, панцирных пластин, а также наборных поясов, которые, очевидно, имели и защитные функции. В могилах часто встречаются наборы конской упряжи, а в верхней части засыпки — лошадиные зубы. Все это напоминает о том, что чжурчжэни были отличными воинами-кавалеристами, которые нанесли ряд сокрушительных поражений государствам Ляо и Корё и держали в страхе сунский Китай. Китайский источник XII в. «Саньчао бэймэн хуйбянь» сообщает по этому поводу: «Они дерутся так, как будто сами духи вступают в сражение, и в конце концов одерживают победу»¹⁴. «Чжурчжэни — простоватые безыскусные люди, храбрые и свирепые, не знающие в должной мере цену жизни и смерти. Они отважны и дерзки. Каждый раз, отправляясь на войну, одевают многослойный панцирь» — так повествует о них другой средневековый летописец¹⁵. Находки в Корсаковском могильнике помогли реально представить, как выглядел упомянутый «многослойный панцирь». Он состоял из множества железных пластин. Так, в погребении № 62 нашли около 700 экземпляров — 400 целых и 300 сломанных (с. 68). Конструкцию панциря удалось проследить благодаря находке большого фрагмента в тайнике погребения № 75. Он состоял из семи рядов пластин, причем «длинным краем каждая пластина накладывалась на соседнюю и перекрывала ее» (с. 77).

Однако значительная часть оружия найдена в могилах в поврежденном виде: так, в погребении № 19 обнаружены фрагменты железного палаша, разрушенного на три части, сложенные стопкой (с. 42), что, бесспорно, свидетельствует о преднамеренной порче изделия. То же можно сказать о палашах и копьях с обломанными острями, о керамических сосудах с пробитыми днищами и часто встречающихся в погребениях нефритовых подвесках, разломанных на две и больше частей. Все эти факты, видимо, не случайны. Они свидетельствуют о наличии у чжурчжэней весьма сложных и архаических представлений о загробной жизни. Семантику их помогают понять данные сравнительной этнографии. В рамках архаического мировосприятия, характерной чертой которого является пластическое, физически-телесное видение мира, умерщвление ассоциировалось с разъятием тела (предмета) на части, в противном случае человек не воспринимался как умерший, то есть качественно изменивший свое состояние. Как пример можно привести популярный в фольклоре ненцев эпизод: тело убитого врага разрезается и в его суставы вкладывается сухая трава, чтобы части

¹¹ Ип: Н. Франке. *Op. cit.*, p. 18.

¹² См.: И. Е. Деревянко. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск, 1981, с. 241—257.

¹³ См.: В. Д. Ленков. Археологические исследования на Лазовском городище. — В кн.: Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978; Т. А. Васильева. Культ огня у чжурчжэней. — Там же.

¹⁴ Цит. по: Е. И. Кычанов. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования). — В кн.: Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь, вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 277—278.

¹⁵ Цит. по: История Сибири, т. I, с. 321. Подробнее о чжурчжэньском войске см.: В. Е. Ларичев. История чжурчжэней (XI—XIII вв.). — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 583; М. В. Воробьев. Указ. соч., с. 75—80. 191—212.

тела не срослись и противник не ожил¹⁶. То же относится и к вещам, которые должны быть «умерщвлены», чтобы служить мертвому на том свете. Емкую характеристику этого обряда дал известный этнограф М. Н. Хангалов: «...все вещи и предметы, которые нужны будут шаману после смерти, должны быть или сожжены, или убиты (лошадь), или сломаны, вообще как-либо должна быть нарушена физическая целостность и надлежащее соответствие частей, т. е. то же, что сделалось с шаманом, когда связь души с телом в акте смерти исчезла. И вот после такой перемены, видимого истребления, они, все эти вещи, начинают новую жизнь, жизнь неизменную, вечную, от земной жизни отличающуюся только тем, что они уже больше не изменяются, не изнашиваются. Из этого видно, что буряты верят не только в загробную жизнь, но и признают существование души у людей, но и признают душу вещей»¹⁷. Аналогичную веру в существование «душ вещей» можно предположить, судя по археологическим данным, и у средневековых чжурчжэней.

Важно отметить безусловную связь этого и подобных ему представлений с шаманистической идеологией и культовой практикой. Известно, что чжурчжэни были шаманистами: колдуны и шаманы занимали у них высокое положение в социальной иерархии и выполняли функции жрецов, прорицателей и знахарей. «Вера предков», шаманизм, сохранила свои позиции среди ядовитого чжурчжэньского населения и в цзиньский период, когда большие массы чжурчжэней переселились в Северный Китай. Влиянием буддизма и даосизма оказалась затронутой лишь верхушка чжурчжэньского общества. Археологические раскопки дают ценный материал для реконструкции религиозных воззрений чжурчжэней. Уникальной можно назвать найденную в 1972 г. В. Е. Медведевым фигурку шамана с птицей на голове (с. 25). Как свидетельствуют данные этнографии, одной из определяющих характеристик шаманистической идеологии является представление о трехчастном строении вселенной, разделенной на три основные зоны — на верхний, средний и нижний миры, соединенные между собой так называемым «мировым деревом». По этому дереву шаман, войдя в экстатическое состояние, совершает воображаемое путешествие на небо и в преисподню, где он вступает в контакт с богами и духами. Его помощниками при этом выступают птицы (при путешествии в верхний мир), а также змеи, лягушки, волки и прочие гады и звери, помогающие ему спуститься под землю. Не исключено, что именно в таком контексте следует интерпретировать фигурку чжурчжэньского шамана, представленного вместе со своим духом-помощником — священной птицей. К тому же разряду изделий, надо полагать, относятся и бронзовые зеркала, время от времени находимые при раскопках чжурчжэньских памятников. Такие зеркала наделялись в древности особой магической силой и представляли собой неперемный шаманский атрибут у многих сибирских народов. Особенно интересно бронзовое зеркало, найденное В. Е. Медведевым в 1974 г. на реке Тунгуске (с. 21): орнаментированное с тыльной стороны, оно содержит гравированную надпись, нанесенную чжурчжэньскими письменами. Как известно, на основе киданьской, уйгурской и китайской письменностей в 1119 г. были созданы «большие», а в 1138 — «малые» чжурчжэньские письмены, донныне не расшифрованные (богатая литература на чжурчжэньском языке, созданная в цзиньскую эпоху, целиком погибла во время монгольского нашествия). Вероятно, дальнейшие археологические поиски принесут новые неожиданности и обогатят наши знания об этой стороне чжурчжэньской культуры.

Археологические находки свидетельствуют о том, что уже в додинастическую эпоху чжурчжэни были знакомы с буддизмом. Так, в погребении № 112 Корсаковского могильника в 1977 г. была обнаружена миниатюрная — высотой 6,9 см — буддийская статуэтка из позолоченной бронзы (с. 100). Из «Цзинь ши» известно, что Агунай, старший брат легендарного родоначальника чжурчжэньского царского рода Ваньянь, «почитал Будду». Распространение буддизма среди чжурчжэней шло через Корю и Бохай.

Благодаря археологическим исследованиям обнаружен очень интересный материал для изучения художественных промыслов и искусства чжурчжэней. Уже имеющиеся находки дают основание говорить о наличии у них произведений, которые могут быть сближены с искусством знаменитого «звериного стиля» кочевников древней Сибири и Центральной Азии. Аналогичные образцы известны и у предков чжурчжэней — мохэ. Одна находка такого типа — бронзовая бляшка с фигурой, видимо, волка — опубликована в монографии В. Е. Медведева (табл. ХСVI). Исследование этих образцов чжурчжэньского искусства поможет пролить дополнительный свет на этнокультурные связи чжурчжэней с соседними народами.

г. Новосибирск

¹⁶ См.: Эпические песни нэнцев. Сост., вступ. ст. и коммент. З. Н. Куприянова. М., 1965, с. 746.

¹⁷ Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. — М. Н. Хангалов. Собр. соч., т. I. Улан-Удэ, 1958, с. 390.

Внешняя экспансия капитала

В сложной современной международной обстановке, характеризующейся активизацией наиболее реакционных, воинствующих кругов империализма, прежде всего американского, все более важное и актуальное политическое значение приобретает глубокий научный анализ основ внешнеполитического курса правящих кругов США и других империалистических держав. В этом отношении хорошим примером является недавно вышедшая в свет фундаментальная работа видного политического деятеля нашей страны, члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко*. Автор хорошо известен нашей научной общественности своими углубленными исследованиями политики экономики монополистического капитализма, международных экономических и политических отношений. Опираясь на свой богатейший опыт работы в сфере международной политики, используя множество разнообразных источников, А. А. Громыко дает марксистско-ленинский анализ этого важного направления внешней политики империализма, затрагивающего такие жгучие проблемы современности, как поддержание мира и обеспечение безопасности народов, классовая борьба на международной арене, формирование нового международного экономического порядка и др.

Экспансия монополистического капитала США исследуется автором всесторонне, одновременно в двух аспектах — историческом и проблемном. Отмечая неразрывное единство внутренней политики и внешнеполитического курса государственно-монополистического капитализма, он прослеживает диалектическую взаимосвязь между различными направлениями экспансии капитала, составляющей, по В. И. Ленину, важнейшую отличительную черту империализма. При этом экспорт капитала рассматривается как бы с двух точек зрения: как побудительный мотив и движущая сила империалистической политики и как один из методов ее реализации наряду с политическим давлением, военными авантюрами и т. д.

* А. А. Громыко. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., «Мысль», 1982, 496 с.

Обстоятельно разбирая проблему, автор показывает, что к современному империалистическому государству, которое, если воспользоваться словами основоположников марксизма, является «комитетом по управлению делами буржуазии», «одаренным волей и сознанием капиталом»¹, в полной мере приложимы слова цитированного Марксом буржуазного экономиста Мак-Куллоха: неутомимая страсть к прибыли, «*augi sacra fames*» (священная жажда золота) всегда определяет деятельность капиталиста².

Как указывает автор, «широкая экономическая экспансия в отношении других стран, в том числе молодых развивающихся стран, «экономическая дипломатия» империализма не только не устраняет глубоких противоречий, характерных для периода общего кризиса капитализма, но, напротив, обостряет эти противоречия» (с. 4). Экспорт капитала не решает и не может решить проблем, порожденных капиталистическим способом производства, он воспроизводит капитал на новой материальной и территориальной основе со всеми имманентно присущими ему атрибутами: эксплуатацией, насилием, страданиями масс.

Кризис современного капитализма уже не сводится лишь к экономической стороне дела, а является кризисом всесторонним, охватывающим все институты и стороны капиталистического общества: экономику, внутреннюю и внешнюю политику, деградацию морали и культуры и т. д. Можно сказать, что в отличие от классических, «циклических» кризисов он становится хроническим и возникает уже не в результате остановки механизма капиталистической экономики, а в силу самого его функционирования.

Гитлеризм показал, куда ведет логика такого кризиса, когда в полной мере проявляются его последствия: чтобы не уничтожить капитализма, попытаться вывести его из тупика, куда заводит капиталистический способ производства, оказывается необходимым использовать всю силу государственного аппарата, который ставится

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1951, с. 159.

² In: Mac Kulloch. The Principles of Political Economy. London, 1830, p. 179.

на службу экономической системы неограниченной экспансии.

В первой главе, посвященной анализу экспорта капитала как материальной основы международной экспансии монополий, формулируется методологический подход к проблеме, основывающийся на ленинской теории империализма, раскрываются ее основные аспекты. Указывается на историческую ограниченность капитала как категории, его неспособность решать коренные проблемы не только на национальном, но и на международном уровне, анализируются истоки межимпериалистических противоречий, с особой силой проявляющихся в деятельности транснациональных корпораций (ТНК). Сколько бы ни пытались «теоретически» типа З. Бжезинского просто «закрыть» эту проблему рассуждениями о том, что в «технотронную эру» сами понятия национальной независимости, суверенитета, государственных границ являются де-анхронизмом, реалии международной жизни постоянно и в самой острой форме ставят лидеров капиталистического мира перед необходимостью попытаться хоть как-то снизить накал взаимной борьбы, вызванной прежде всего конфликтом экономических интересов империалистических хищников. Свидетельств тому вполне достаточно: «торговые войны», «войны учетных ставок», ужесточение протекционистских мер и т. п.

Автор констатирует, что все попытки оттянуть устранение капиталистических производственных отношений и их производных с помощью государственно-монополистического регулирования экономики, содействия развитию ТНК ведут лишь к появлению новых противоречий и усилению старых, но в историческом плане не в силах спасти капитализм как общественно-политический строй. Не менее тщетны в этом отношении и надежды на то, что проблемы буржуазного общества будут решены благодаря использованию результатов НТР. Как неоднократно указывали классики марксизма, дело не в машине, а в капиталистическом способе ее применения, и человек, наивно полагающий, что внедрение новой технологии само по себе сможет изменить общество, уподобляется древнему поэту Антипатру Фессалоникскому, о котором Маркс с сарказмом писал, что он предсказал скорое падение рабства и наступление золотого века благодаря распространению водяного колеса, избавляющего человека от тяжелого ручного труда.

Внедрение новых технологических процессов, техники управления, методов «обогащения и очеловечивания труда» и т. п. бессильно искоренить такие неизлечимые язвы и пороки капиталистического общества, как эксплуатация и угнетение масс, конфликт труда и капитала, растущее отчуждение. Глубоко символично, что именно кичащиеся своим богатством Соединенные Штаты, вступившие, как заявляют западные идеологи, в «постиндустриальную эру», имеют двенадцатимиллионную армию безработных, постыные драконовскими мерами подавляют выступления рабочего

класса. Невиданной остроты достигли расовая проблема, конфликт поколений, кризис городов, проблема преступности, отравление окружающей среды, граничащее с экоцидом. Самое богатое государство капиталистического мира, которое, как писал великий американский сатирик, с полным основанием могло бы изобразить на своем флаге человеческие черепа вместо звезд и колючую проволоку вместо полос, бросающее сотни миллиардов долларов на вооружения и производящее сверхсовременную технику, не в состоянии спасти миллионы своих граждан от ужасающей нищеты, дать им минимальное образование и медицинское обслуживание. Картина, как видим, весьма далекая от идиллии, предсказываемой У. Ростоу и его последователями — проповедниками «технологического оптимизма».

Особая тяжесть нынешнего экономического спада объясняется также тем, что он перепелся со структурными, долговременными кризисами в ряде важных отраслей промышленности. В наиболее неприглядном положении находятся черная металлургия, автомобильная индустрия, судостроение, химическая, резиновая и текстильная промышленность.

Описывая положение в США, журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» констатирует: «Старая индустриальная база распадается. Ворота заводов закрываются с тревожным постоянством. С 1975 г. прекратили работу 13 195 предприятий. Промышленный Средний Запад становится районом бедствия».

Персонал французских металлургических заводов сократился за последние пять — семь лет более чем на 30 %, западногерманских — на 17 %, люксембургских — на 40 %, английских — более чем наполовину.

Черты упадка характерны и для некоторых отраслей и районов Японии. Резко сократилась в истекшем году продукция автомобильной промышленности и судостроения. Черная металлургия, нефтепереработка, большинство отраслей химической индустрии, целлюлозно-бумажная промышленность находятся в длительном застое.

В числе характерных черт современной международной монополистической экспансии А. А. Громыко отмечает прежде всего неуклонный рост объема экспорта капитала. В период после второй мировой войны сумма иностранных капиталовложений США удваивалась практически каждое десятилетие. Причем если первые послевоенные годы характеризовались скорее ростом американских инвестиций в странах Западной Европы и в Японии, то затем постепенно все более четко стала проявляться другая, неокOLONиалистская тенденция — стремление закрепить в странах, осуждающихся от колониальной зависимости, поставив под свой контроль добычу сырья. Однако в последние годы основная часть иностранных инвестиций сосредотачивается в промышленно развитой части капиталистического мира (при увеличении

массы прибыли, выкачиваемой из развивающихся стран, ее размеры все же не удовлетворяют аппетиты монополий, которые стремятся увеличивать инвестиции в развитых капиталистических странах, где они добиваются более высокой нормы прибыли). При этом империалистические страны как бы стремятся перевести на периферию капиталистического мира отдельные компоненты «нижних этажей» своей экономики, прежде всего добычу сырья и энергоносителей, первичную обработку, ряд трудоемких и экологически «грязных» производств, оставляя большинство развивающихся государств на положении пасынков научно-технического прогресса.

Другой отличительной особенностью нынешнего этапа монополистической экспансии является резкое возрастание агрессивного характера экспорта капитала, обусловленное ростом неравномерности развития империалистических стран, усилением милитаристской составляющей в их политике, попытками развивающихся государств давать отпор империалистическому грабежу и т. д. Необходимо при этом отметить, что понятие «неравномерности» относится не только к группе стран, которые традиционно считаются развитыми. Ряд государств, например латиноамериканских, которые по привычке относят к «третьему миру», уже обогнали по такому базовому показателю, как размер ВВП на душу населения, не говоря уже о валовом производстве, аутсайдеров из списка развитых стран и превращают в своего рода «субимпериалистические очаги», в потенциальных соперников империалистических стран. В своей внешнеэкономической стратегии США стремятся учитывать этот фактор, ориентируясь на расширение отношений с наиболее развитыми странами «третьего мира», видоизменяют характер зависимости, отводя им роль вспомогательного звена современного хозяйственного механизма США.

Как указывает автор, агрессивность, обеспечивающая необходимое империалистическим кругам помещение капитала за рубежом, возникает вследствие его неспособности обеспечить желаемые нормы и массу прибыли иначе, чем путем грубого нарушения фундаментальных норм международного общения, попрания принципов равноправия и взаимной выгоды, подрыва основ национального суверенитета, свободы и независимости народов.

В рецензируемой монографии показывается тесная связь этой агрессивности международного, и в первую очередь американского, капитала с общим нарастанием милитаристских тенденций в политике империалистических государств, с деятельностью военно-промышленных комплексов, которые олицетворяют основные черты монополистического капитала как противника социализма, прогресса и мира: империализм — это грабеж, это реакция и попрание демократии, это война.

Далее, в качестве важной характеристики экспансии монополий отмечается усиление взаимосвязи между экспортом капитала

и внешнеполитическим курсом империалистических держав. Уже в период после первой мировой войны достаточно четко прослеживается тенденция сосредоточения основной массы вывозимого капитала в руках узкого круга крупнейших монополий, а также значительного увеличения роли государства в этом процессе. Таким образом, с одной стороны, монополии оказывались все более заинтересованными в том, чтобы государство проводило угодную им внешнюю политику, обеспечивая их интересы (с этим, кстати, связан часто «удивляющий» западных исследователей факт, что «изоляционистские» настроения американской буржуазии так быстро сменились имперскими амбициями). С другой стороны, все более возрастает роль «экономического империализма» в курсе империалистических государств на международной арене.

Главные экспортеры капитала, указывает автор, являются и «источником главных потрясений, средоточием неразрешимых противоречий капиталистического производства со всеми вытекающими для политики последствиями» (с. 28). Этот факт признается и международной общественностью. Так, например, Секретариат ЮНКТАД в одном из своих докладов констатирует, что «система, основанная на МВФ (в которой, как убедительно показывает автор, принятие решений практически монополизировано США и их империалистическими партнерами. — М. К.), находится в состоянии кризиса».

Большое впечатление производят разделы книги, посвященные инвестициям, займам и «помощи» развивающимся странам. Показывается, как наряду с увеличением объема вкладываемых средств и «займов развития» (в течение 70-х годов внешняя финансовая задолженность развивающихся стран возросла в четыре раза, достигнув в 1980 г. более 400 млрд. долл., а в 1982 г. — около 528 млрд. долл.) возрастает выкачка капитальных фондов из этих государств. В виде процентов по долгам развивающиеся страны выплатили в 1980 г. огромную сумму — 75 млрд. долл. по сравнению с 8 млрд. долл. в 1971 г. (с. 33). Темпы роста задолженности превысили темпы роста производства и экспорта. На погашение и выплату процентов развивающиеся страны направляют уже около 20 % своей экспортной выручки. За последние четыре года дефицит платежных балансов развивающихся государств (за исключением стран — экспортеров нефти) возрос в 2,5 раза и достиг 100 млрд. долл. Таким образом, финансовое бремя развивающихся стран настолько возросло, что в полном смысле слова ставит их экономику на грань банкротства. Автор сравнивает страны — получатели империалистической помощи с наркоманами, которым долларové инъекции хотя и приносят временное облегчение, однако в целом лишь ухудшают их и без того тяжелое положение.

Экономическая «помощь» развивающимся странам оказывается для монополий просто средством поддержания своих шестистий, завоевания новых позиций. Всякая финансовая помощь, не говоря уже о военной

(которая, как явствует из приводимых данных по десяти крупнейшим получателям американской помощи в 1981 г., практически равна экономической помощи), указывает автор, «неизменно сопровождается навязыванием этим странам кабальных условий, касающихся поставок в Соединенные Штаты стратегического сырья, создания на территории этих стран американских военных баз, вовлечения их в разного рода агрессивные военные группировки, действующие под эгидой США».

На основе тщательной проработки широкого круга статистических и иных источников А. А. Громыко рисует картину роста мощи и влияния американского империализма, его амбиций на мировой арене. После первой мировой войны (на которой монополии США так нажились, что в финансовой зависимости от них оказалось до двух десятков стран, в том числе Англия и Франция), как свидетельствовал блестящий анализ ситуации, осуществленный В. И. Лениным³, американский империализм претендовал на лидирующую роль в мире. Автор приводит интересные факты о финансировании американскими монополиями экспорта контрреволюции в России. Анализируя «план Юнга», «план Дауэса» и т. д., он ярко показывает преступную роль американских империалистов в возрождении германского милитаризма и попытках толкнуть его на Восток.

С большим интересом читаются страницы, посвященные анализу такого орудия монополистической экспансии, как экспортно-импортный банк США, созданный в 1934 г. якобы для финансирования советско-американской торговли. Банк активно используется и нынешней администрацией Вашингтона для усиления давления на социалистические страны именно по экономическому направлению.

Изучение различных аспектов проблем, связанных с борьбой американского капитала за захват источников сырья и энергии (ближневосточная и латиноамериканская нефть, каучук Юго-Восточной Азии, олово и т. д.), приводит к выводу, что этим путем монополии США стремятся не только усилить грабеж природных богатств обширных районов мира (именуемых ими ныне сферами своих «жизненных интересов» подобно тому, как в 1950 г. Ачесон объявил «жизненной сферой» США некоторые районы Азии, включая Индокитай), но и поживиться за счет своих империалистических соперников. Об этом говорят, например, красноречивые цифры резкого роста прибылей нефтяных монополий США, несущих главную ответственность за «энергетический кризис», в ходе которого они беззастенчиво взвинчивали цены на нефть и с лихвой перекрыли свои потери, заставив платить не только потребителей внутри Соединенных

Штатов, но и в первую очередь своих союзников в Западной Европе и Японии, другие страны — импортеры нефти.

Привлекает внимание глава книги, посвященная основным чертам экспорта американского капитала на нынешнем этапе.

Интересные данные, в том числе касающиеся самых последних лет и впервые вводящиеся в научный оборот, а также сделанные автором важные выводы, имеют самое непосредственное отношение ко многим острым и злободневным проблемам современности, помогают понять пружины и механизм политики империалистических держав. Это в особенности относится к исследованию динамики и географического размещения экспортируемого капитала, оказываемой «помощи», торговых балансов, золотовалютных запасов и т. д.

Далеко не в последнюю очередь возращание агрессивного характера вывоза американского капитала вызвано тем, что после второй мировой войны США постепенно утратили полную гегемонию в сфере международной торговли и других экономических связей. Это отражает факт более быстрого роста ВНП и объема промышленного производства Японии и стран Западной Европы. Одновременно со снижением удельного веса США в мировом капиталистическом экспорте растет дефицит торгового баланса — с 25,3 млрд. долл. в 1980 г. до 46 млрд. долл. в 1982 г. (оценка). В то же время эти страны проигрывают Соединенным Штатам по масштабам своего зарубежного производства. В середине 70-х годов продукция зарубежных американских предприятий, которые иногда без оснований называют «третьей промышленной державой капиталистического мира», составила более 30% по сравнению с валовым национальным продуктом страны.

Автор отмечает, что за период 1967—1978 гг. объем американского капитала, инвестированного за границей, увеличился почти в три раза. Тем не менее вес США в общем объеме зарубежных инвестиций развитых капиталистических стран несколько уменьшился — с 50,4 до 45,2%, так как быстрее росли зарубежные капиталовложения западноевропейских стран и особенно Японии (рост за этот период — почти в 18 раз).

Запоминаются страницы книги, проследивающие этапы экспансии американского капитала в Азиатско-тихоокеанском регионе, где начиная с захвата Филиппин наиболее обнаженно проявлялся империалистический характер политики США, где эта политика была, пожалуй, наиболее последовательной и откровенно циничной. Анализируя финансово-экономическую поддержку, оказанную Соединенными Штатами Японии во время русско-японской войны 1904—1905 гг., А. А. Громыко подчеркивает, что здесь имело место не только стремление извлечь непосредственные экономические выгоды, нажиться на войне. Уже тогда американский капитал, осуществляя «дипломатию доллара» совершенно явно преследовал внешнеполитические цели, добивался ослабления России, чтобы получить возможность хозяйничать

³ Можно напомнить, например, что В. И. Ленин уже тогда предсказал неизбежность распада версальской системы, неизбежность войны между США и Японией за сферы влияния на Тихом океане.

на севере Китая и в восточных районах России (с. 74—75). Автор разоблачает полную несостоятельность заявлений буржуазных апологетов, утверждающих, что Америка-де не только сохраняла строгий нейтралитет, но и играла некую миротворческую роль, что именно ее «добрые услуги» способствовали прекращению войны и подписанию Портсмутского договора. Он убедительно показывает, что Соединенные Штаты фактически толкали Японию к конфликту с Россией и финансировали ее военную авантюру. «Американские банкиры, действовавшие в полном согласии с тогдашним правительством США и с его поощрения, спасли Японию от финансового и экономического краха в годы русско-японской войны, а в конечном счете и от военного краха» (с. 76).

Анализируя экспансию американского капитала в Китае, автор делает вывод, что «исторические факты не оставляют камня на камне от утверждений тех американских историков, экономистов, социологов, которые распространяют легенду, будто отношения между США и Китаем характеризуются «традиционной дружбой», будто США всегда стремились видеть Китай единым и независимым» (с. 81). Он показывает, как еще с середины прошлого столетия американская буржуазия проводила в отношении Китая ту же самую политику, что и другие капиталистические хищники (торговля опиумом, фактическое соучастие в «опиумных войнах», «дипломатия канонеров», навязывание неравноправных договоров и т. д.). Если же в отличие, скажем, от Англии, Франции или Германии, по выражению великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, «рвавших Китай на куски», американцы выдвигали принцип «открытых дверей», то объяснялось это, во-первых, тем, что сферы влияния в Китае были уже поделены между главными капиталистическими государствами, прежде чем США вышли на международную арену как одна из крупных держав, и, во-вторых, экономической способностью США с их развитой промышленностью успешно конкурировать на китайском рынке с другими странами.

Экономическая экспансия американского империализма в Китае тесно переплеталась с прямой агрессией в отношении этой страны. США не останавливались перед применением или угрозой применения военной силы.

В послевоенный период внимание империализма США к Азиатско-тихоокеанскому региону еще более усилилось. Именно в этом районе мира после второй мировой войны наиболее рельефно проявилось его стремление не останавливаться ни перед

чем, вплоть до прямой агрессии, чтобы попытаться сдержать исторический процесс, воспрепятствовать выпадению из орбиты капиталистического мира все новых и новых государств.

Широко известна роль, которую сыграли Соединенные Штаты в возрождении японского империализма. Не допустив развития Японии по демократическому пути, способствуя восстановлению дзайбацу, США надеялись превратить послевоенную Японию в структурный компонент системы своего господства, младшего партнера «рах атегисапа» по обе стороны океана, плацдарм для «отбрасывания коммунизма».

Огромные суммы были затрачены, чтобы сохранить у власти американскую марионетку Чан Кайши, не допустить развития Китая по социалистическому пути (об этом, кстати, неплохо бы помнить тем, кто проявляет политическую близорукость, возлагая надежды на использование американского экономического потенциала для прокладывания «китайского пути к социализму»). Народная революция в Китае смела эти расчеты.

Тщетность попыток американского империализма воспрепятствовать сокращению «шагреновой кожи» империалистического господства в районе Дальнего Востока, пожалуй, наиболее отчетливо видна на примере Юго-Восточной Азии. Крах марионеточного сайгонского режима, объединение Вьетнама, укрепление всесторонних отношений братской дружбы, боевого союза и тесного сотрудничества между СРВ, НРК и ЛНДР, превращение трех стран Индокитая в надежный форпост социализма в Юго-Восточной Азии окончательно поставили точку на попытках империализма США бомбой и долларом увековечить свое господство в этом районе мира.

В короткой рецензии возможно лишь вкратце изложить основное содержание книги и поделиться рядом мыслей, которые рождаются при ее прочтении. Подводя итог, можно выразить уверенность, что новая книга А. А. Громько будет оценена по достоинству широким кругом читателей, интересующихся современными международными отношениями и новейшей историей, и пожелать автору новых удач на этом поприще.

*М. С. Капица,
профессор*

Социально-экономические проблемы строительства социализма во Вьетнаме

Рецензируемая монография представляет собой первую совместную работу экономистов Советского Союза и Вьетнама*. Книга написана коллективом ученых ИЭМСС АН СССР совместно с учеными Института экономики Комитета общественных наук СРВ, других научных и практических учреждений Вьетнама. В ней анализируются итоги и перспективы социально-экономического развития Социалистической Республики Вьетнам. Монографию отличает широкий и комплексный подход к изучению проблем создания социалистической экономики Вьетнама: от экономической стратегии Коммунистической партии Вьетнама, форм и направлений ее реализации вплоть до вопросов участия СРВ в международном разделении труда, развития внешнеэкономических связей страны с зарубежными государствами.

Строительство социализма во Вьетнаме, и это показано в монографии, осуществляется в сложных и специфических условиях. Страна переходит к новому общественному строю, не только минуя капиталистическую стадию развития, то есть имея низкий экономический и социальный уровень развития, но и в относительно короткий исторический период (с 1945 г.), дважды решая задачи переходного периода к социализму: первоначально в 1945—1975 гг. на Севере Вьетнама, а после образования в 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам — в масштабе всей страны. Сложность построения социализма усугубляется тем, что пока еще сохраняются существенные различия между Севером и Югом страны во многих областях общественной жизни — в уровне экономического развития, в социальной структуре и т. д. Если на Севере страны за годы народной власти были сделаны первые шаги в создании материально-технической базы социализма, в основном завершены социалистические преобразования в сельском хозяйстве, торговле, кустарном производстве, то для Юга страны по понятным причинам характерна совершенно другая экономическая и социальная структура. Наряду с государственными и кооперативными секторами экономики в этой части страны сохраняются государственно-частный, частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. В 1980 г. в социалистическом секторе объединенного Вьетнама было произведено 57,7 % валового национального продукта и в кооперативных хозяйствах — до 53,4 % сельскохозяйственной продукции (с. 44).

Исследуя процессы создания социалисти-

ческой экономики Вьетнама в новых исторических условиях, авторы монографии опираются на решения, сформулированные в документах IV съезда КПВ (1976). Основные решения и положения этого съезда были подтверждены на V съезде КПВ, который состоялся в марте 1982 г. Поэтому хотя в монографии не получили отражения материалы последнего съезда КПВ, тем не менее содержащийся в книге анализ стратегии и тактики КПВ в условиях перехода страны к социализму полностью соответствует его решениям.

В соответствии с решениями IV и V съездов КПВ в течение переходного периода — за 15—20 лет — предполагается заложить экономические основы социализма на базе социалистической индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства, сферы товарного обращения, кустарного промысла и в конечном счете осуществить переход от мелкого к крупному социалистическому производству. Это позволит создать современную индустриально-аграрную экономику страны, утвердить безраздельное господство коллективного способа производства, создать новые общественные отношения. При этом ставится задача создания социалистической экономики в два этапа.

Задачи первого этапа развития Вьетнама состоят в том, чтобы ликвидировать многоукладность экономики Юга страны и тем самым решить в основном один из трудных вопросов переходного периода — вопрос «кто — кого?», ликвидировать тяжелые последствия длительной войны, в том числе в области снабжения населения продовольствием, постепенно создать единую социальную структуру вьетнамского общества, быстро продвинуть вперед культурную революцию.

В то же время на первом этапе могут лишь формироваться условия для решения в последующий период задач второго этапа развития СРВ: переход страны на путь социалистической индустриализации на основе собственных накопленных, существенного повышения жизненного уровня населения, словом, задача второго этапа — построение материально-технической базы социализма в стране.

Используя огромный фактический материал (часть которого впервые приводится в советской экономической литературе), авторы подробно освещают состояние экономики Вьетнама в досоциалистический период его развития, дают анализ различных укладов в хозяйстве Юга страны и его социальной структуры, путей перевода частного сектора экономики на социалистические рельсы, исследуют проблемы управления народным хозяйством в условиях незавершенности экономической интеграции обеих частей страны, сохраняющейся многоукладности в экономике Юга страны.

* Социалистическая Республика Вьетнам. Социально-экономические проблемы. Ред. коллегия: Е. П. Глазунов (СССР) — отв. редактор, Дао Ван Тап, Ле Виш (СРВ), М. Е. Тригубенко (СССР). М., «Наука», 1982, 214 с.

Многие из этих вопросов решаются непросто, порой в трудных условиях. Однако их правильное решение, как подчеркивается в монографии, облегчается тем, что СРВ имеет опыт социалистического преобразования на Севере страны, а также использует опыт СССР и других социалистических стран.

Как известно, неизменным условием успешного построения социализма является использование его главных закономерностей при обязательном учете специфических особенностей развития отдельных стран. Подходя с этой позиции, авторы монографии выделяют как общие с другими странами социализма, так и специфические для Вьетнама закономерности становления социалистической экономики. Так, в качестве последних отмечаются особенности кооперирования сельского хозяйства, которое сопровождается «превращением уезда в аграрно-индустриальную экономическую единицу» (с. 24). Интересен и опыт использования мелкого, в том числе частного, производства в социалистическом строительстве. Для этого на Юге Вьетнама созданы специальные объединения в составе государственных предприятий и частных мастерских, изготавливающих однородную продукцию. Между партнерами в объединении установлены тесные связи. Частные предприятия и мастерские, как правило, производят комплектующие изделия к конечным изделиям, выпускаемым на головном государственном предприятии. В необходимых случаях государственные предприятия оказывают партнерам помощь в техническом перевооружении производства, во внедрении новых изделий, снабжают их сырьем, материалами и топливом и др. (с. 158—159). Такая форма организации производства, распространенная во многих отраслях промышленности Юга страны (в машиностроении, ткацком и швейном производстве, в деревообработке, переработке сельскохозяйственных продуктов), позволяет увеличить выпуск продукции, обеспечить занятость населения и др. В целом творческий, нешаблонный подход к решению ряда вопросов позволяет СРВ преодолеть многие трудности, которые обычно возникают из-за недооценки специфических особенностей страны.

Большое внимание в монографии уделяется вопросам структурной политики на первоначальном этапе создания социалистической экономики. В той или иной мере эти вопросы затрагиваются в большинстве глав монографии, и это не случайно, поскольку решение социально-экономических проблем переходного периода, как справедливо отмечается авторами, зависит от правильного выбора направлений экономического развития в стартовый период социалистического строительства.

Обобщая опыт социалистических преобразований на Севере страны в 1945—1975 гг., как вьетнамские, так и советские авторы приходят к выводу, что на первоначальном этапе перехода СРВ к социализму первостепенное внимание следует уделить развитию сельского хозяйства и других традиционных отраслей экономики: лесного и рыбного хо-

зяйства, легкой промышленности, кустарно-го промысла (с. 20, 37, 82, 120, 163 и др.). Во-первых, страна располагает исключительно благоприятными условиями для развития сельского хозяйства и огромными трудовыми ресурсами. Достаточно отметить, что обрабатываемая площадь может быть увеличена в несколько раз и доведена до 10—11 млн. га, а трудовые ресурсы составляют свыше 23 млн. человек. Во-вторых, несмотря на достижения в социалистическом строительстве, до сих пор еще не решена проблема обеспечения населения товарами первой необходимости, низок уровень экономического развития, в стране недостаточны внутренние накопления, не полностью решена проблема занятости (с. 25, 34, 36 и др.).

Вместе с тем предлагаемый путь экономического строительства не означает отказа от развития промышленности, от долгосрочной политики социалистической индустриализации, которая, как это вытекает из решений IV и V съездов КПВ, является центральной задачей перехода страны к социализму. И на первом этапе предусматривается развитие и создание ряда отраслей промышленности, но обслуживающих сельское хозяйство и другие исторически сложившиеся отрасли экономики, а в последующий период — по мере создания соответствующих условий — реализации программы широкомасштабной индустриализации. «Основным содержанием первого этапа наряду с всемерным развитием сельского хозяйства, — отмечается в монографии, — является формирование отраслевой структуры промышленности, в том числе отраслей, создающих условия для интенсивного развития сельскохозяйственного производства... Без развития этих отраслей не только нельзя успешно решить главные задачи первого этапа и перейти ко второму, но могут возникнуть и препятствия для перехода страны к развертыванию индустриализации в широких масштабах» (с. 82).

Преимущества подобной структурной политики СРВ состоят также в том, что ее реализация позволит Вьетнаму эффективнее участвовать в международном разделении труда, что имеет важное значение для строительства материально-технической базы социализма. Уже сейчас внешнеэкономические связи с зарубежными странами, и в первую очередь со странами СЭВ, играют исключительную роль в экономическом развитии Вьетнама. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные. Удельный вес продукции, вырабатываемой на предприятиях, сооруженных лишь с помощью Советского Союза, составляет: по выработке электроэнергии — 25 %, угля — 89, олова — 100, серной кислоты, апатитов, суперфосфата — 100, металлорежущих станков — 61 % (с. 197).

Для дальнейшей интенсификации торгово-экономического сотрудничества СРВ со странами СЭВ имеются все условия. Являясь с 1978 г. членом Совета Экономической Взаимопомощи, Вьетнам полнее, чем в прошлом, может координировать свои народнохозяйственные планы с планами эко-

номического развития других стран СЭВ, рационализировать экспортно-импортные связи с ними. Как отмечается в монографии, «активное участие СРВ в координации народнохозяйственных планов на 1981—1985 гг. позволит преодолеть одну из тенденций, наиболее характерных для практики прошлых лет, когда задача формирования отраслевой структуры экономики решалась в рамках одновременно быстрого развития многих отраслей, без основательной разработки проблемы подготовки собственных квалифицированных кадров, научно-технической базы, необходимой инфраструктуры и прочих условий развития» (с. 173—174).

Исходя из этого авторы рассматривают основные направления специализации народнохозяйственного комплекса СРВ в условиях социалистической экономической интеграции и проблемы расширения экспортных ресурсов страны уже в условиях перехода к социализму.

СРВ в рамках социалистического сотрудничества обладает большими преимуществами в ряде производств. Уже в ближайшее время страна может стать крупным поставщиком на взаимный рынок СЭВ цитрусовых, кофе, чая, а также некоторых видов сырья: натурального каучука, бокситов олова и др. Однако расширение экспортной базы ограничивается современными возможностями страны, недостатком машин и оборудования, топлива, химических удобрений, сельскохозяйственной техники, товаров народного потребления. В этой связи авторы, подробно проанализировав современные торгово-экономические связи СРВ со

странами СЭВ, предлагают возможные направления участия Вьетнама в развитии социалистической экономической интеграции, в частности на основе реализации совместно с другими странами СЭВ долгосрочных целевых программ сотрудничества в области производства продовольствия и товаров народного потребления, расширения сотрудничества в использовании трудовых ресурсов Вьетнама на базе организации его на территории трудоемких производств, дальнейшего развития таких оправдавших себя форм производственных связей, как сотрудничество на компенсационной основе, на базе предоставления сырья, активизации торгово-экономического сотрудничества между дальневосточными районами СССР и Вьетнамом (с. 100, 171, 183 и др.). Нарастивая поставки традиционных товаров, и прежде всего сельскохозяйственной продукции, в зарубежные страны, включая страны СЭВ, Вьетнам в обмен на них сможет получать те товары, которые не производятся в стране или производятся в недостаточном количестве, и тем самым эффективнее решать народнохозяйственные проблемы.

Рецензируемая монография — большая удача коллектива ученых СССР и СРВ. Она, несомненно, окажется полезной для всех, кто интересуется проблемами перехода к социализму стран со слабо развитой экономикой, особенностями строительства социализма на начальной его стадии.

К. М. Лигай,
кандидат экономических наук

Внутриполитические корни китайской политики США

Взаимосвязь внутренней и внешней политики государств современного мира находит свое конкретное воплощение в той степени, с которой различные классы, слои и группировки, образующие социальную структуру общества, способны влиять на процесс формирования курса своей страны на международной арене. Соотношение внутренних факторов как основополагающий элемент постановки стратегических целей внешней политики и как решающее звено в возможностях их достижения представляет собой серьезную проблему для исследователей международных отношений современной эпохи¹. В этом плане не является исключением и процесс формирования политики США в отношении Китая, который детально проанализирован в монографии Е. П. Бажанова*.

Автор поставил новую для советского китаеведения задачу — разложить на элементы американскую политику в отношении Китая, проанализировать внутренние пружины современной политики США в «китайском вопросе», то есть определить не только в целом мотивы действий Вашингтона в отношении Китая, но и роль «носителей» этих мотивов — монополистического капитала, конгресса, внешнеполитической бюрократии, ученых-политологов, средств массовой информации, лоббистских групп, общественных кругов². Это, как справедливо подчеркнуто в работе, «дает богатый материал для выявления закономерностей формирования всего внешнеполитического курса США» (с. 4).

В первых двух главах работы, посвященных построению теоретической модели американской внешней политики в целом, а также раскрытию ее движущих сил в отношении Китая, убедительно показано, что таковыми в условиях империалистического государства могут быть только интересы и мотивы правящего класса — буржуазии, тех или иных ее слоев, социальных и политических групп, а также соз-

данных ею институтов. Естественно, что «классово-идеологические мотивы — это стержень политики США в отношении Китая, который определяет ее основные цели, направление и характер» (с. 33). Автор выделяет и ряд других факторов, так сказать, «рангом ниже», отражающихся на характере американской политики в отношении Китая (традиционно-исторические, коммерческие, внутриполитические), но во главе угла американской стратегии стояли и стоят именно интересы американского правящего класса.

Давая краткую, но наглядную предысторию отношений США с Китаем (в том числе до образования КНР), Е. П. Бажанов показывает, что, как бы сложно ни складывалась дальневосточная политика США в новейший период, ее основная направленность была неизменно антисоциалистической, антисоветской и выражалась в попытках навязать Японии и Китаю политику противодействия СССР, в стремлении недопустить «большевизации» Китая. После разгрома чанкайштов и образования КНР классово-идеологическая подоплека китайской политики Вашингтона проявилась в полной мере в даллессовской доктрине «отбрасывания коммунизма». Эта же основа определяет и ныне политику американских администраций, глобальную и региональную стратегию США в отношении Китая, хотя тактический арсенал ее изменился. Недаром американские политические стратеги, уповав на поворот в политике Пекина 70-х годов, решились «использовать шанс, которого не было за всю двухсотлетнюю историю Соединенных Штатов».

Рассмотрение вклада, который сделали различные общественно-политические слои, группировки американского общества и его институты в формирование и эволюцию политики США в отношении Китая, исследователь начинает с роли монополистического капитала (гл. III). Именно он в конце XIX в. погнал американцев на «открытие Китая», стимулировал надежды на необъятный китайский рынок, а затем щедро раскошелился на «сдерживание красного Китая» и усердно вскармливал чанкайшистский режим на Тайване. Вместе с тем, как подчеркнуто в работе, при «втором открытии Китая» монополитический капитал Соединенных Штатов, давая санкцию на «новый курс» администрации Никсона в «китайском вопросе», исходил прежде всего из политико-стратегических целей, а коммерческие интересы не имели существенного значения (с. 87). Однако по мере развития диалога и особенно после изменений во внешнеэкономической стратегии Пекина аппетиты деловых кругов стали возрастать, все новые группы американских мо-

¹ См.: Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М., 1981; А. А. Кокошин. США: за фасадом глобальной политики. М., 1981.

* Е. П. Бажанов. Движущие силы политики США в отношении Китая. М., «Наука», 1982, 239 с.

² Американские специалисты по проблемам Дальнего Востока также уделяют внимание «многослойности» американской политики в отношении Китая. См.: W. R. Kintner, J. F. Corper. A Matter of two Chinas. The China — Taiwan Issue in U. S. Foreign Policy. Philadelphia, 1979.

нополий начали делать рекламу китайскому рынку, нацелясь подвести под американо-китайские отношения солидную материальную базу.

В рецензируемой работе хорошо показаны взлеты и падения в настроениях американских деловых кругов, связавших свой бизнес с Китаем, анализируются причины того, почему «настоящего бизнеса» между КНР и США все-таки не получается и почему правящим кругам США приходится для его стимуляции прибегать к сильнодействующим средствам политического характера (объявление сначала о готовности продавать Китаю технологию «двойного применения», а затем и оружие). Перспективы китайско-американских торгово-экономических отношений завесят не только от американской стороны, но, как обоснованно подчеркивает автор, если расчеты деловых кругов США не реализуются в Китае, то «можно ожидать противоположного, негативного воздействия бизнеса на американо-китайское сотрудничество, в том числе и на его стратегические и политические аспекты» (с. 87).

В последующих главах (особенно IV и X, посвященных роли американского конгресса и президента) автор монографии дает убедительный ответ на вопрос, кто же в первую голову осуществлял переориентацию китайской политики Вашингтона. Выразители интересов своего класса, президент и американские законодатели уже в середине 60-х годов, осознав реальность изменений в соотношении сил на мировой арене, уменьшение глобальной роли США, в поисках «почетного выхода» из вьетнамской авантюры стали всерьез обращать свои взоры к Китаю. В работе Е. П. Бажанова детально проанализированы не только изменения в подходе к Китаю на Капитолийском холме и в Белом доме, но и сам конкретный процесс сложного вызревания и осуществления китайско-американской «нормализации». Хорошо показан тот «стартовый момент», когда президент Р. Никсон, известный антикоммунист, уже прошедший немалую политическую выучку в Вашингтонских «коридорах власти», пришел к выводу о возможности стратегического использования «китайской карты», нашел единомышленника в лице Г. Киссинджера и убедился (по результатам целого ряда слушаний в конгрессе в 1965—1970 гг.), что его сближение с КНР соберет поддержку большинства в Капитолии (с. 111—113). Но все равно, не будучи уверенным, что его «старт сверху» правильно поймут в стране все, в чьей поддержке он был заинтересован в условиях, когда действовало мощное, хотя и теряющее силу, «протайванское лобби», когда и среди ученых было немало сторонников Тайваня, президент, как пишет в своих мемуарах Г. Киссинджер, «раскрутил на полную мощность маховик пропагандистской машины»³.

В прессе разразился настоящий «китайский бум», воображение бизнесменов было разожжено перспективой завоевания необъятного китайского рынка, отношение общественного мнения к КНР резко изменилось, политологи и ученые-китаеведы один за другим стали предлагать рецепты новой китайской политики США (с. 149), американская внешнеполитическая бюрократия «приняла» курс Никсона.

На данном примере особенно выпукло показана глубокая взаимосвязь всех выше-названных компонентов, которые, тесно переплетаясь и взаимно обуславливая друг друга, дают сложную «равнодействующую» внутривнутриполитических сил, влияющих на выработку политики страны в отношении Китая. Хотя автор монографии отдельно рассматривает действие каждой из внутривнутриполитических сил, картина их взаимосвязи постоянно присутствует на страницах рецензируемой книги. Такой подход, как представляется, дал возможность Е. П. Бажанову воссоздать не только точную в деталях и нюансах, но и многомерную, целостную систему функционирования внутривнутриполитического механизма китайской политики Соединенных Штатов.

Но этапы ее менялись, а с ними изменялась и роль тех или иных факторов. Если для Р. Никсона конгресс был союзником в осуществлении нового подхода к Китаю, то, к примеру, для Дж. Картера он стал уже в определенной степени соперником, который требовал, чтобы его позиция (большой акцент на сохранение «особых» отношений с Тайванем) была учтена при установлении дипломатических отношений Вашингтона с Пекином. Читателю представляется возможность проследить, как в новых условиях, когда общественное мнение, бюрократический аппарат, новое китайское лобби, пресса, синологическая политология и большой бизнес уже «работали» в целом на картеровскую администрацию, ей удалось исключить конгресс из процесса выработки условий полного дипломатического признания КНР (1978) фактически на условиях, выдвинутых китайской дипломатией. Но когда это было сделано, администрация отдала на откуп рассерженным и уязвленным законодателям закон о новых отношениях с Тайванем. В результате, как признает ныне печать КНР, «после установления дипломатических отношений между Китаем и США американские власти не исполняют своих обещаний и под предлогом защиты своих интересов, приняв «закон об отношениях с Тайванем», продолжают относиться к китайской территории — Тайваню как к политической субстанции, продолжают продавать Тайваню оружие, тщетно пытаясь достичь своей цели: срыва объединения Китая»⁴.

Представляется необходимым подчеркнуть еще одну важную мысль, которую проводит Е. П. Бажанов в рецензируемой работе. Она заключается в том, что внутривнутриполитический механизм китайской по-

³ Н. Kissinger A la Maison Blanche. 1968—1973. Paris, 1979, p. 1148—1149.

⁴ «Жэньминь жибао», 31.X.1982.

литики США, при всей его сложности и масштабах, подчинен вполне определенной программе. Это продемонстрировано на примере внешней администрации. Получив свой «социальный заказ» от реакционного крыла правящих кругов США и военно-промышленного комплекса, недовольных политикой разрядки, Р. Рейган взял жесткий курс на возвращение Соединенным Штатам их «былого величия». Эта жесткость сказалась и на «китайском направлении», хотя президент и его администрация исходят из прежней общей стратегии в отношении Китая, уже определенной американским правящим классом, внося коррективы «лишь в тактическую линию китайской политики Вашингтона, не меняя ее сути» (с. 204).

Суммируя итоги своего исследования, Е. П. Бажанов подчеркивает, что неоднократно наблюдавшиеся зигзаги курса Вашингтона в отношении Китая неизменно подготавливались всей верхушкой правящего класса США, которая всегда исходила в конечном счете из классовых интересов (с. 212). Пройдя «обкатку» с помощью ученых, органов информации, специальных лоббистских организаций, новые идеи затем навязывались общественному мнению страны и воплощались во внешнеполитиче-

ской стратегии правительства, оставляя некоторую свободу рук Белому дому в выборе методов осуществления политики в отношении КНР.

Отмечая высокий научный уровень проведенного исследования, хотелось бы обратить особое внимание на его обширную источниковедческую базу, на обилие точных и тонких наблюдений, вынесенных автором из практической работы в США. Это придает весьма актуальной в политическом и научном отношении работе еще большую убедительность. Данная книга, как представляется, еще и очень своевременна, ибо она разоблачает те методы и средства, с помощью которых американские монополисты ныне стремятся «приручить» страну, обладающую крупнейшим в мире демографическим потенциалом, вовлечь Китай в орбиту экономической системы капитализма, поставить внешнюю политику КНР на службу планам утверждения политического и военно-стратегического превосходства империализма на мировой арене.

*В. С. Мясников,
доктор исторических наук, профессор
Д. Т. Капустин,
кандидат исторических наук*

АСЕАН: политика и экономика

События последних лет свидетельствуют о том, что Юго-Восточная Азия продолжает оставаться очагом опасной напряженности. Империалистические державы и реакционные силы, преследуя корыстные интересы и взаимодействуя друг с другом, стремятся не допустить нормализации отношений между социалистическими государствами Индокитая и странами — членами субрегиональной политико-экономической группировки — Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В этих условиях понятен повышенный интерес к событиям, происходящим в ЮВА. Более глубоко разобраться в них помогает книга В. В. Самойленко «АСЕАН: политика и экономика»*. Это первое в отечественной науке монографическое исследование, в котором комплексно рассматриваются различные аспекты деятельности АСЕАН, объединяющей пять стран Юго-Восточной Азии: Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Филиппины. На обширном фактическом материале автор раскрывает предпосылки и историю создания АСЕАН, цели этой организации, анализирует политическое и экономическое сотрудничество стран — участ-

ниц ассоциации, их взаимоотношения и отношения с другими государствами, находящимися как в этом регионе, так и за его пределами.

В книге прослеживается предыстория создания АСЕАН, дается объяснение причин, по которым завершились неудачей более ранние попытки стран Юго-Восточной Азии создать свою субрегиональную организацию. Как отмечает автор, ситуация, складывавшаяся в Юго-Восточной Азии ко второй половине 60-х годов, ставила страны региона перед необходимостью искать новые пути обеспечения своих политических и экономических интересов. Опыт агрессии США против Вьетнама наглядно показал абсурдность расчетов на то, что иностранное вмешательство, пусть даже самой могущественной империалистической державы, способно обеспечить сохранение режима, потерявшего поддержку народа. В корне была подорвана концепция обеспечения безопасности за счет иностранной военной помощи и участия в проимпериалистических военных блоках. Это побудило страны региона полагаться на собственные силы, сотрудничать друг с другом в деле сохранения и укрепления власти (с. 15). Важным фактором создания АСЕАН было также стремление пяти стран использовать субрегиональное сотрудничество для ускорения своего экономического развития, что, по

* В. В. Самойленко. АСЕАН: политика и экономика. М., «Наука», 1982, 192 с.

расчетам правящих кругов этих стран, должно было снять остроту социальных проблем. Политическим фундаментом АСЕАН, как указывает автор, является классовая, идеологическая общность их правящих режимов, побуждающая пять стран налаживать всестороннее сотрудничество, искать пути преодоления имеющихся противоречий.

Значительное место в книге уделено вопросам политического сотрудничества асеановской «пятерки». Хотя АСЕАН создавалась как организация для экономического, культурного и социального сотрудничества, политические вопросы в ее деятельности с самого начала заняли видное место. Речь идет не только об урегулировании политических конфликтов, например между Индонезией и Малайзией, Малайзией и Филиппинами, но и о действиях в более широком плане — о создании благоприятной политической атмосферы, климата взаимного доверия, на базе которого осуществляются все остальные формы сотрудничества, в том числе в экономической сфере.

Значительное место, и вполне обоснованно, автор уделяет концепциям обеспечения безопасности, выдвигаемым в странах-членах ассоциации. В книге рассмотрена выдвинутая Индонезией концепция так называемой национальной и региональной сопротивляемости, направленная на укрепление способности правящих режимов в пяти странах «выжить в процессе социальных перемен», происходящих в Юго-Восточной Азии. Созвучна ей и подробно рассмотренная в книге идея нейтрализации Юго-Восточной Азии, инициатором которой выступила Малайзия. Авторы этих концепций вкладывали в них свое классовое понимание, стремились с их помощью создать барьер на пути распространения революционизирующего влияния победоносной борьбы патриотов Индокитая против американской агрессии. Вместе с тем, как справедливо отмечается в исследовании, идея нейтрализации должна была осуществляться на таких общепризнанных принципах мирного сосуществования, как взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправие и невмешательство во внутренние дела друг друга, решение всех разногласий и споров мирными средствами. Указанные принципы были также закреплены в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, что придает определенную стабильность отношениям между странами — членами АСЕАН.

В 1977 г. с развернутой программой сотрудничества во имя подлинной независимости, мира и нейтралитета в регионе выступила Социалистическая Республика Вьетнам. Во время визитов председателя Совета министров СРВ Фам Ван Донга в страны АСЕАН в 1978 г. с лидерами пяти стран обсуждался вопрос о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности. Глава вьетнамского правительства заявил о готовности сотрудничать со странами — членами АСЕАН в обеспечении мира и безопасности региона, подчеркнул, что у СРВ нет недружественных намерений в от-

ношении государств АСЕАН. В ходе переговоров было подтверждено, что между вьетнамской и асеановской идеями зоны мира в Юго-Восточной Азии нет принципиальных различий, так как они основаны на общепризнанных, универсальных принципах, закрепленных в Уставе ООН.

Вместе с тем после революционных событий 1979 г. в Кампучии, приведших к свержению антинародного режима Пол Пота, АСЕАН пошла по пути замораживания отношений с Вьетнамом, другими странами Индокитая. Так, страны ассоциации до сих пор отказываются признать Народную Республику Кампучию, фактически поддерживают банды Пол Пота, орудующие с территории Таиланда.

Естественно, подобная позиция стран — участников ассоциации не способствует ни созданию зоны мира в Юго-Восточной Азии, ни укреплению безопасности и стабильности в этом районе. Как правильно отмечает автор, только скорейшая нормализация отношений между всеми государствами региона, признание Народной Республики Кампучии и развитие добрососедских отношений с СРВ, ЛНДР, НРК может создать благоприятные условия для превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности. Автор подробно анализирует и другие факторы, затрудняющие осуществление идеи зоны мира. Речь, в частности, идет о сохраняющихся у части правящих кругов стран АСЕАН антивьетнамских настроениях, о попытках налаживания военного сотрудничества в рамках ассоциации, о наличии тенденций к укреплению военно-политических связей с Соединенными Штатами, о стремлении сохранить в регионе американские военные базы и пр.

В книге затрагивается также вопрос о сотрудничестве стран АСЕАН в сфере внутренней безопасности. Вопросы обеспечения безопасности обсуждаются в ходе различных встреч и совещаний руководителей государств АСЕАН. Все пять стран — членов ассоциации связаны между собой обязательствами в сфере безопасности. Но руководители стран асеановской «пятерки» тщательно избегают выпячивания этой стороны деятельности ассоциации, подчеркивают, что она осуществляется вне официальных рамок АСЕАН. Вопреки внешнему нажиму правящие круги пяти государств неизменно подчеркивают свое намерение воздержаться от превращения АСЕАН в военно-политический альянс. При этом они понимают, что трансформация этой организации в военный блок привела бы к изоляции АСЕАН от других развивающихся стран, усилила бы напряженность в отношениях между АСЕАН и социалистическими государствами Индокитая.

Большое внимание в книге уделяется проблемам торгово-экономического сотрудничества стран — членов АСЕАН. Отмечена сохраняющаяся хозяйственная зависимость государств «пятерки» от империалистических держав. Приводятся данные, свидетельствующие о том, что в области экономических связей страны АСЕАН, как правило, более тесно связаны с Японией, США

и западноевропейскими государствами, чем между собой.

В работе отмечается двойственный подход государств АСЕАН к проблемам торгово-экономического сотрудничества с другими странами. С одной стороны, первоочередное значение для них имеют собственные экономические интересы, с другой — они стремятся использовать те преимущества, которые им обещает субрегиональное сотрудничество в этой области. Усилению второй тенденции способствовали экономический кризис капитализма, рост инфляции и цен. Это в свою очередь стимулировало активизацию внутрирегионального сотрудничества стран АСЕАН, решение ими экономических задач на основе совместных, коллективных действий. В частности, в 1976 г. пятью странами были намечены меры по активизации торгово-экономических связей, налаживанию промышленной кооперации. Было предусмотрено строительство совместных промышленных объектов — по одному в каждой стране АСЕАН (по производству мочевины, кальцинированной соды и пр.). Проводя линию на строительство общеазиатских промышленных объектов, руководители стран ассоциации не только рассчитывают на прямые экономические выгоды, но и надеются, что создание совместных предприятий покажет большие потенциальные возможности экономического развития группировки, позволит оживить интерес иностранных инвесторов к вложению капитала в зоне АСЕАН. Определенные достижения имеются у стран АСЕАН и в области снижения таможенных барьеров. Вместе с тем, как резонно указывает автор, одна только либерализация торговли не обеспечивает автоматического увеличения товарообмена между странами АСЕАН. Требуется диверсификация экономики в целом, расширение ассортимента выпускаемой продукции, перестройка всей структуры торгово-экономических отношений пяти государств.

Большой интерес представляют разделы книги, посвященные вопросам координации внешней политики стран АСЕАН и их отношений с КНР, странами Индокитая, Японией, США, ЕЭС, поскольку, как справедливо отмечает автор, АСЕАН создавалась прежде всего под воздействием внешних, внерегиональных факторов.

Проблема отношений с КНР постоянно в силу понятных причин остается в поле зрения стран АСЕАН. Она регулярно обсуждается в ходе совещаний представителей пяти государств. В 70-х годах нормализация американо-китайских и японо-китайских отношений привела к существенным изменениям и в политике азиатской «пятерки» в отношении Китая, побудила страны — члены ассоциации также искать пути нормализации отношений с КНР. Автор детально анализирует этот процесс, в котором роль инициатора взяла на себя Малайзия.

Хотя все члены АСЕАН понимали необходимость установления дипломатических отношений с Пекином, у них были различные мнения о сроках реализации этой зада-

чи. В 1974 г. были установлены дипломатические отношения между Китаем и Малайзией, в 1975 г. примеру Малайзии последовали Филиппины и Таиланд. Индонезия пока воздерживается от нормализации дипломатических отношений с КНР. Сингапур дипломатических отношений с Китаем не имеет.

Запад, рассматривая АСЕАН как «препятствие на пути распространения коммунизма», проявляет серьезную заинтересованность в развитии в этих странах капитализма, добивается закрепления за ними положения сырьевого и промышленно-аграрного придатка империалистических монополий. Поэтому империалистические державы идут на оказание странам АСЕАН определенной помощи в укреплении их экономического потенциала и политической стабилизации.

Особую роль в этом деле играет Япония. Она занимает первое место в импорте и экспорте азиатской «пятерки», является одним из крупнейших инвесторов капитала в экономику стран АСЕАН. При этом в Токио исходят из повышающейся роли зоны АСЕАН для Японии, получающей из стран ассоциации практически все поставки олова, натурального каучука, а также некоторых других видов сырья. Через зону АСЕАН проходят важнейшие транспортные пути, по которым в Японию поступает нефть с Ближнего Востока.

Тесные экономические, политические и военные связи страны АСЕАН поддерживают и с США, которые являются одним из крупнейших вкладчиков капитала в этих странах. Причем Вашингтон проявляет все большую заинтересованность в сотрудничестве с государствами АСЕАН, прежде всего исходя из своих военно-стратегических концепций.

Автор, анализируя различные аспекты отношений между азиатской «пятеркой» и империалистическими государствами, приходит к выводу, что последние заметно усилили свое внимание к ассоциации, видят в ней базу для обеспечения своих позиций в Юго-Восточной Азии. Империалистические государства толкают ассоциацию к превращению в военный альянс. Предоставление экономических, торговых и финансовых льгот они нередко обуславливают политическими уступками со стороны АСЕАН.

Политика Советского Союза, других стран социалистического содружества в отношении стран АСЕАН коренным образом отличается от политики империалистических держав. Автор достаточно подробно показал борьбу Советского Союза, а также социалистических стран Индокитая за мир и безопасность в Юго-Восточной Азии. В этом плане большое значение имеют предложения министров иностранных дел СРВ, НРК и ЛНДР странам АСЕАН о заключении двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве или пактов о ненападении и предложение о проведении международной конференции по Юго-Восточной Азии для урегулирования региональных проблем, а также проблем, связанных с развитием отно-

шений стран ЮВА с другими государствами.

Автор проделал большую и полезную работу по всестороннему исследованию всех аспектов деятельности АСЕАН. Его книга с

интересом встречена как специалистами в области международных отношений, так и широкими кругами читателей.

А. Б. Хохлов

Опасная тенденция в политике Японии

Если совсем недавно, в конце 60-х — начале 70-х годов внимание мировой прессы привлекал японский феномен «экономического чуда», поражавшего воображение не только иностранцев, но и самих японцев, то сейчас «чудо» Страны восходящего солнца сменилось зловещим феноменом возрождающегося милитаризма. Поворот правящих кругов Японии в сторону форсированного вооружения, масштабы которого с каждым годом приобретают все более широкий размах, стал весьма актуальной проблемой, по своему значению перешагнувшей национальные границы Японии.

Процесс перевооружения Японии широко обсуждается мировой общественностью. С особой тревогой этот новый японский «феномен» воспринимается народами Юго-Восточной Азии, перенесшими неисчислимые бедствия от оккупации японской военной.

Это убедительно показано в выпущенной Воениздатом книге «Рост милитаризма в Японии»¹, автор которой М. И. Иванов известен советскому читателю записками очевидца «Япония в годы войны», вышедшими в свет в 1978 г.

Хотя рецензируемая книга носит публицистический характер и рассчитана на массового читателя, глубина поднятых в ней проблем с привлечением широкого круга документальных источников на русском, японском и английском языках, сделанные обобщения и выводы позволяют говорить о работе М. И. Иванова как о серьезном аналитическом труде, имеющем научно-исторический характер.

Автор поставил перед собой задачу проследить эволюцию возрождения милитаристских тенденций в послевоенной Японии, вскрыть их тесную взаимосвязь с агрессивной политикой японской военной накануне и в ходе второй мировой войны, показать, что процессы перевооружения не только опасны для дела мира в Дальневосточном регионе, но и мешают установлению прочных взаимовыгодных, добрососедских отношений Японии с Советским Союзом.

Структурно книга включает в себя пять глав, первая из которых посвящена краткому историческому обзору истоков становления, развития и укрепления милитаристского духа, который свойствен самурайст-

ву, уходящему своими корнями в феодальное прошлое Японии.

Готовясь к завоеванию «жизненного пространства», Япония, как отмечается в книге, накануне войны создала сильную военную экономику, осуществила тотальную мобилизацию ресурсов, развернула крупную армию, флот и авиацию (с. 18). Ее правящие круги разработали программы территориальных захватов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а войны против Китая и западных держав рассматривали в качестве прелюдии к основной вооруженной схватке с Советским Союзом.

Поражение империалистической Японии в войне привело к полному краху милитаризма, нанесло сокрушительный удар по реакционной политике и идеологии монополистического капитала. Японская военщина оказалась дискредитированной в глазах своего народа, который дорогой ценой расплатился за войну. Последствия войны вызвали революционный подъем в стране, всколыхнули широкую волну антимиитаристских настроений.

Вступившая в силу 3 мая 1947 г. послевоенная конституция Японии провозгласила отказ «на вечные времена» от войны и использования военной силы в качестве средства разрешения международных споров. Статья 9 конституции ликвидировала правовые основы для реставрации милитаризма, поставила вне закона все воинские формирования.

Книга вскрывает, что политика оккупационных властей США с первых шагов их деятельности в Японии в нарушение Потсдамских соглашений была направлена на то, чтобы воспрепятствовать подлинной демократизации страны, сохранить в неизблестности власть японского монополистического капитала, восстановить военно-экономический потенциал и японскую армию.

Во второй главе автор совершенно справедливо подчеркивает, что военно-политическое руководство США рассматривает Японию в качестве своего основного союзника на Дальнем Востоке. Важное значение для укрепления военного сотрудничества между странами имели подписанный в сентябре 1951 г. японо-американский договор о гарантии безопасности («договор безопасности») и пересмотренный в 1960 г. договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, которые закрепили пребывание на территории Японии американских войск

¹ М. И. Иванов. Рост милитаризма в Японии. М., Воениздат, 1982, 159 с.

и баз и заложили основы для милитаризации страны (с. 28—29).

Базы и вооруженные силы США, на содержание которых Япония расходует ежегодно около 1 млрд. долл. (с. 33), служили силами агрессии во время военных авантюр США в Корее и Вьетнаме. Ныне они, включая «силы быстрого развертывания», являются составной частью американской глобальной стратегии (с. 34).

Отмечается, что для претворения в жизнь соглашений в рамках «договора безопасности» создана широкая сеть совместных органов — консультативный комитет по вопросам обеспечения безопасности, а также подкомитет сотрудничества в области обороны (1975 г.), которые вырабатывают общую военную стратегию (с. 38).

Рассматривая довольно широкую проблему японской экспансии в Азии, автор заметное место уделяет военному сотрудничеству Японии с режимом Южной Кореи, которая составляет важное звено в общей системе безопасности Японии и США, поскольку на юге Корейского полуострова расположены значительные по численности американские вооруженные силы.

Амбиции японского монополистического капитала, претендующего на завоевание Японией не только экономического, но и военно-политического влияния в мире, проявляются в стремлении создать новый региональный орган «Тихоокеанское сообщество».

Характеристика направлений милитаризации Японии является содержанием третьей главы книги. Значительный акцент в ней сделан на проблеме пересмотра конституции, 9-я статья которой сдерживает милитаристские аппетиты японских «ястребов». Поэтому, пишет автор, реакционные круги, и в первую очередь правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП), давно вынашивают планы внести в ныне действующий основной закон страны поправки с целью исключения антивоенной статьи и таким образом «окончательно развязать себе руки в наращивании военной мощи» (с. 60).

В последние годы, говорится в книге, в связи с муссированием мифа о «советской военной угрозе» в Японии небывалые масштабы приобрела кампания пропаганды войны, подкрепляемая реваншистскими притязаниями на южную часть Курильских островов, что составляет суть идеологической обработки населения и личного состава «сил самообороны» в милитаристском духе (с. 68).

Заключительная глава книги посвящена исследованию состояния и перспектив развития вооруженных сил Японии, которые до сегодняшнего дня сохраняют за собой название «сил самообороны», хотя оно давно утратило свой первоначальный смысл, поскольку японская армия решает сейчас задачи, далеко выходящие за рамки национальной обороны.

В заключение автор делает совершенно правильный вывод о том, что рост милитаризма и дальнейшее втягивание Японии в глобальную агрессивную стратегию американского империализма усиливает напряженность в Дальневосточном регионе, нарушает сложившийся здесь баланс сил, служит существенным тормозом для нормального развития международных связей и вызывает мощный протест народных масс.

Труд М. И. Иванова не лишен отдельных недостатков и неточностей. Не может удовлетворить читателя некоторая структурная разобщенность материала, что мешает стройному, последовательно историческому восприятию собранных в книге многочисленных добротных фактов. Вряд ли можно согласиться с предложенным автором делением периода воссоздания японской армии на два этапа, второй из которых (1954—1957) он относит к началу планового строительства вооруженных сил (с. 22). Хорошо известно, что строительство «сил самообороны» на основе пятилетних программ вступило в силу в 1958 г., когда стал реализовываться 1-й «план обороны»².

Автор допускает неточность, относя 5-й «план обороны» к периоду с 1976 по 1981 г. (с. 131), в то время как в соответствии с принятой в 1976 г. перспективной программой развития «сил самообороны» их строительство с 1977 по 1979 г. осуществлялось на основе годовых планов. 5-й план, рассчитанный на 1980—1984 гг., вступил в силу лишь в 1980 г. Кроме того, следовало бы раскрыть суть некоторых концепций, как, например, «самостоятельной обороны», «базовых сил обороны», которые составляют основу военной политики правящих кругов Японии.

Однако отмеченные недостатки не умаляют актуальности и научной значимости труда М. И. Иванова, а также его практической ценности для исследования процессов милитаризации Японии и состояния ее вооруженных сил. Подготовленная на основе марксистско-ленинской методологии книга «Рост милитаризма в Японии» дает советскому читателю довольно полное представление об агрессивной направленности японо-американского военно-политического союза, конечной целью которого является превращение Японии в одну из крупных военных держав, что чревато угрозой миру и безопасности народов Азии.

В. Н. Бунин

² Японский милитаризм (Воен.-ист. исследование). М., 1972, с. 310.

О создании Ассоциации советских китаеведов

Создается Ассоциация советских китаеведов. Постановление об ее организации Президиум Академии наук СССР принял 21 октября 1982 г. Эта организация будет работать при Секции общественных наук АН СССР и под ее руководством. На Институт Дальнего Востока АН СССР возложена функция организационного обеспечения вновь создаваемой ассоциации. Еще больше возрастет его роль как центра, координирующего всю работу по китайской проблематике в нашей стране.

С созданием АСК реализуется давнее желание советских китаеведов иметь свою профессиональную научно-общественную организацию.

Советские китаеведы, будучи горячими патриотами своей страны, в то же время являются искренними сторонниками укрепления дружбы между СССР и КНР, между народами Советского Союза и Китая.

Создаваемая в целях содействия развитию советского китаеведения, пропаганды его достижений, популяризации знаний о Китае среди научных и общественных кругов СССР, ассоциация будет представлять советское китаеведение в Европейской ассоциации китаеведения и других китаеведческих научных обществах.

Основные задачи АСК заключаются в следующем:

— содействовать развитию на основе марксистско-ленинской методологии исследований внешней и внутренней политики, экономики, истории, общественной мысли, языка, литературы и культуры Китая, содействовать пропаганде достижений советского китаеведения, ленинской внешней политики СССР в отношении Китая, популяризации знаний о Китае;

— анализировать современное состояние китаеведения в СССР и за рубежом, всемерно содействовать творческой деятельности ученых в области китаеведения, организационно объединять и привлекать к научным исследованиям и пропаганде возможно более широкий круг людей, имеющих китаеведческую подготовку;

— участвовать в организации и работе комплексных межинститутских и международных исследовательских комитетов и рабочих групп;

— укреплять взаимопонимание и международное сотрудничество ученых — специалистов в области китаеведения;

Советские китаеведы выступают за развитие контактов и связей между СССР и КНР, в частности связей по научной линии, за контакты и дискуссии с нашими коллегами — учеными КНР.

В соответствии со своими задачами АСК будет проводить собрания, конференции, симпозиумы, семинары и школы для обсуждения научных и организационных вопросов.

Местонахождение правления АСК — Москва, Институт Дальнего Востока АН СССР.

АСК будет состоять из коллективных и индивидуальных членов. Коллективными членами ассоциации могут быть научные учреждения, учебные заведения, кафедры, секторы и лаборатории вузов и научно-исследовательских институтов, редакции и издательства, а также практические организации и предприятия.

Индивидуальными членами АСК могут быть все граждане СССР, которые ведут научно-исследовательскую, преподавательскую или пропагандистскую работу в области китаеведения.

Высшим органом ассоциации является общее собрание ее членов, то есть делегатов ее отделений и коллективных членов ассоциации. Такое собрание будет проводиться не реже одного раза в три года. Повседневную работу по руководству деятельностью ассоциации должно осуществлять ее правление, избираемое общим собранием, и президиум правления.

XIV конференция молодых ученых ИДВ АН СССР

31 марта 1983 г. в Институте Дальнего Востока состоялась XIV ежегодная конференция молодых научных сотрудников и аспирантов ИДВ АН СССР. В ее работе приняли участие также молодые ученые из других научных учреждений и практических организаций.

Традиционно с первым словом обратился к участникам конференции директор института член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. Он охарактеризовал современное положение в области исследования проблем зарубежного Дальнего Востока, наметил основные перспективы этих исследований. М. И. Сладковский, отметив определенный научный рост молодежи института, призвал продолжать совершенствовать профессиональный уровень участников конференции, наметил основные задачи, стоящие перед ними.

Выступление доктора экономических наук профессора Е. Ф. Ковалева было посвящено методологическим вопросам использования марксистско-ленинского учения в исследованиях проблем зарубежного Дальнего Востока. Показав на конкретных примерах, каким образом К. Маркс подходил к изучению Китая и других стран Азии, Е. Ф. Ковалев призвал более углубленно изучать наследие классиков марксизма-ленинизма и применять его к конкретной практике современных исследований.

Работа конференции в дальнейшем проводилась по трем секциям: социально-экономических проблем, истории и идеологии, внешней политики.

На секции социально-экономических проблем было заслушано семь докладов. Для заседания секции было показательно расширение и активизация научных дискуссий по актуальным текущим проблемам развития социально-экономического строя КНР, ориентация внимания участников на оценку интенсивности, характера и сущности узловых социально-экономических процессов и изменений в экономической политике КНР, усиление марксистско-ленинского теоретико-методологического подхода к сложной и многосторонней социально-экономической действительности современного Китая. На секции были рассмотрены (в докладах Т. Н. Черкашиной, В. В. Ажасовой, В. Е. Зотова, Т. В. Акимовой) и подробно обсуждены текущие проблемы и ближайшие перспективы социально-экономических сдвигов

в сельском хозяйстве Китая и их связь с семейными и коллективными формами организации деревни, проблемами расслоения крестьянства, динамикой межрегиональных различий и др. Доклады Е. Ф. Селивановой, Е. В. Бирюлина, Е. В. Гребенниковой позволили поставить и обсудить такие проблемы, как особенности и пределы процессов формирования городов, категория «город» в современном Китае; проблемы качественного содержания и сбалансированности внешнеэкономических связей Китая с его крупнейшими капиталистическими партнерами на примере Японии, проблемы формирования и эффективности использования, степени и уровня зрелости научного потенциала КНР.

На заседании секции внешней политики было заслушано семь докладов, которые вызвали заинтересованную дискуссию. Среди поднятых проблем наиболее интересны были проблемы оценки места и роли КНР в международных отношениях (в докладах С. Труша и В. Чубарова), реорганизации механизма внешнеторговых связей КНР (доклады К. Топоркова и Т. Турчак), различных многосторонних отношений в дальневосточном регионе. Участники дискуссии показали не только знание основных тенденций развития, но и точное понимание многих нюансов нынешних весьма сложных международных отношений на Дальнем Востоке и их влияния на мировую экономику.

На секции истории и идеологии было представлено девять докладов. Большое внимание привлек доклад А. Б. Краснова «К вопросу о традиционности политического мышления в современном Китае», в котором на большом фактическом материале был дан ретроспективный анализ роли традиций в китайском обществе. Интересные сообщения были сделаны Е. М. Халдиной, И. Л. Кармановской и А. Е. Кожевниковым. Наибольший интерес вызвало выступление С. Р. Белоусова на тему «Концепция правящей элиты в Китае новейшего времени», вызвавшее оживленную дискуссию, в которой приняло участие большинство присутствовавших.

Конференция явилась свидетельством несомненного повышения общего теоретического и профессионального уровня научной молодежи института. По докладам, представленным на конференцию, был проведен второй конкурс научных работ молодых ученых ИДВ АН СССР.

Памяти товарища КИ ЧЖИ

3 января 1983 г. в Пекине в возрасте 83 лет скончался революционер-интернационалист Ки Чжи (Цзи Чжи) — член КПК с 1925 г., член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) 5-го созыва, участник Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии. В 1919 г., будучи учащимся Американско-китайского колледжа Янчжоуского епископата в городе Чжэньцзяне, он активно включился в антиимпериалистическое и антифеодалное студенческое движение, ставшее составной частью известного в истории Китая «движения 4 мая». Здесь же он организовал издание журнала «Синь Чжэньцзян чжоубао» («Новый чжэньцзянский еженедельник»), в котором начал пропаганду марксизма и идей социализма.

В марте 1922 г., являясь студентом литературного факультета Шанхайского университета, Ки Чжи вступил в Социалистический союз молодежи Китая (ССМК). Вскоре он становится секретарем 4-й ячейки ССМК в Шанхае.

Работая под непосредственным руководством Чэнь Дусю, Дэн Чжунся, Цюй Цюбо и других, Ки Чжи приложил много усилий для объединения прогрессивного студенчества и создания Союза студентов Шанхая, председателем которого он был избран.

Осенью 1922 г. по указанию руководства КПК Ки Чжи перевелся на учебу в «Наньфан дасюэ» («Южный университет» в Шанхае). Продолжая работу среди студентов, он начал активную организационно-просветительскую работу среди рабочих вместе с такими впоследствии известными коммунистами, как Юнь Дайин, Жэнь Биши, Дэн Чжунся, Шэнь Цзэминь, Ян Сяньцзян, Сюй Вэй.

В сентябре 1924 г. товарищ Ки Чжи в составе группы китайских коммунистов был направлен в СССР на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Однако в июне 1925 г. Ки Чжи вернулся в Китай специально для того, чтобы принять активное участие в набиравшем силу революционном «движении 30 мая».

В октябре 1926 г. ЦК КПК в срочном порядке направил товарища Ки Чжи в Советский Союз для участия в подготовке революционных китайских кадров, ряды которых понесли серьезный урон в результате белого террора, развязанного империалистами в Китае во второй половине 1925 г. С 1926 по 1931 г. включительно Ки Чжи был преподавателем Приморской партийной школы Владивостока и Дальневосточного филиала КУТВ в Хабаровске, где обучались молодые китайские рабочие. Следует отметить, что большинство китайских товарищей, окончивших эти учебные заведения, по возвращении в Китай стали профессиональными революционерами.

В это же время товарищ Ки Чжи выполнял обязанности главного редактора еженедельника «Красный моряк» — органа клуба красных китайских моряков на Дальнем Востоке.

В период обострения положения на советско-маньчжурской границе товарищ Ки Чжи призван в ряды Красной Армии (Особая Дальневосточная армия) и принимал непосредственное участие в стычках с японскими милитаристами, был ранен. После излечения продолжал работать в государственных органах СССР, активно содействуя успешному развитию китайской революции.

Когда началась Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии, товарищ Ки Чжи с оружием в руках встал в ряды защитников первого в мире социалистического государства, был награжден боевым орденом и несколькими медалями.

С 1950 г., после демобилизации по состоянию здоровья из рядов Вооруженных Сил СССР, товарищ Ки Чжи в течение пяти лет работал преподавателем Московского института востоковедения. Одновременно занимался переводческой деятельностью.

В 1955 г. товарищ Ки Чжи вернулся в КНР, где занимал ряд ответственных постов в государственных учреждениях.

В «культурную революцию» товарищ Ки Чжи был ошельмован и подвергнут репрессиям. В 1968 г. «по личному указанию Кан Шэна» он был объявлен «советским шпионом» и арестован. Долгие семь с половиной лет провел Ки Чжи в одиночном заключении, подвергаясь изощренным издевательствам со стороны каншэновских приспешников. Однако это не сломило старого коммуниста-революционера. Он не признал выдвинутых против него лживых обвинений. Лишь в конце 1975 г. больного, с парализованными конечностями Ки Чжи выпустили на свободу.

В 1980 г. Ки Чжи был дополнительно избран в состав Всекитайского комитета НПКСК пятого созыва. Тяжело больной Ки Чжи до конца своей жизни оставался верным борцом-интернационалистом, неизменно выступал за дружбу китайского и советского народов, за восстановление тесного сотрудничества КНР и СССР. Как отмечала «Жэньминь жибао», товарищ Ки Чжи «был образцовым членом КПК, который сделал много полезного для улучшения взаимопонимания между народами Китая и Советского Союза...».

15 января 1983 г. в Пекине на кладбище Бабаошань состоялись похороны товарища Ки Чжи.

Памяти А. А. ТИШКОВА

На 62-м году жизни после тяжелой болезни скончался известный переводчик с китайского языка член Союза писателей СССР Александр Александрович Тишков, внесший немалый вклад в развитие культурных связей между СССР и КНР, в популяризацию китайской культуры.

А. А. Тишков родился 12 июня 1921 г. в Москве, в 1949 г. окончил Московский институт востоковедения. В 1949—1952 гг. он работал переводчиком в Китае, ездил по стране, многое видел, совершенствовал знание китайского языка и приобрел множество друзей.

С декабря 1952 по 1966 г. А. А. Тишков — консультант по Китаю Иностранной комиссии Союза писателей СССР, а в 1967—1969 гг. — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. Он был знатоком китайской литературы, театра и музыки, народного творчества китайцев — от пословиц и поговорок до вырезок из бумаги и новогодних лубков.

Печататься А. А. Тишков начал в 1947 г., будучи еще студентом. С 1951 г. выходят книги его переводов с китайского языка с написанными им предисловиями и комментариями, он выступает составителем сборников, в том числе сборника «Чудесный мастер», изданного в Чите тремя выпусками. Выполненный им перевод рассказа Лао Шэ «Серп луны» переиздавался семь раз. А. А. Тишков был хорошо знаком с Лао Шэ, знал его семью, бывал у него в доме, переписывался с ним. Он перевел на русский язык его пьесы «Лунсюйгоу» и «Фан Чжэньчжу», написал к ним предисловия, посвятил творчеству этого писателя ряд статей. В его переводе вышли у нас повесть Чжао Шули «Саньливань», китайские новеллы и повести III—XII вв., пользовавшиеся признанием читателей и неоднократно переиздававшиеся. Им была составлена и вышла двумя изданиями книга «Китайские народные поговорки, пословицы и выражения».

А. А. Тишков встречался со многими крупнейшими писателями КНР — с Лао Шэ, Мао Дунем, Ай Цином, Дин Лин, Го Можо, Чжоу Яном и др. Ему писали дружеские письма со словами благодарности Ба Цзинь, Цзинь И, Гэ Бичжоу, Гао Ман, Цао Цзинхуа, Цюй Бо, У Цян, Цзя Чжи.

Переводы А. А. Тишкова отличались исключительной добросовестностью, тщательностью отделки, глубоким знанием и пониманием реалий китайской жизни.

В памяти всех, кто знал А. А. Тишкова, он сохранится как пример взыскательного отношения к себе и доброжелательности к работе других, как строгий критик и высококвалифицированный китаевед, мастер перевода, внесший свой вклад в развитие культурных связей и сотрудничества между литературами СССР и Китая.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, 1983, № 2, 208 стр.

Технический редактор Серкина О.

Сдано в набор 11.04.83. Подписано в печать 31.05.83. Л-02496 Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,2 Уч. изд. л. 20,39 Усл. кр.-отт. 18,2
Изд. № 37672 Тираж 16 170 экз. Заказ 1065

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области